

Российская Академия Наук
Сибирское отделение
Институт истории СО РАН

М. В. Шиловский

Первая мировая война
1914–1918 годов
и Сибирь

Ответственный редактор
Доктор исторических наук В. П. Зиновьев

Новосибирск
2015

УДК 94(47) 083
ББК 63. 3(2) 532
Ш 59

Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев; Рос. Акад. Наук, Сиб. отд-ние, Институт истории. – Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
ISBN 978-5-9906983-3-8

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Рецензенты:

д.и.н. В. Г. Кокоулин, к.и.н. И. П. Каменецкий, к.и.н. А. К. Кириллов.

В монографии предпринята попытка в постановочной форме рассмотреть следующие проблемы темы «Сибирь и Первая мировая война»: вклад сибиряков в военные действия; экономика; военная повседневность (раненые, инвалиды, семьи призванных, военнопленные, беженцы, организация помощи им); связь фронта и тыла; общественно-политическая и культурная жизнь региона.

Исследование предназначено для специалистов-историков, студентов и преподавателей истории вузов и школ, всех интересующихся историей Сибири начала XX века.

*В оформлении обложки использованы
картина А. С. Степанова «На пашне» (1919 г.) и фотография
одной из рот 5-го Сибирского стрелкового полка (И. П. Циклинский, 1916 г.)*

Автор благодарен составителям многочисленных Интернет-проектов и дневников («блогов»), из которых почерпнуты репродукции агитационно-пропагандистских материалов и картин, фотографии людей и вещей той эпохи, ныне являющиеся общественным достоянием.

Особенно полезной для данной книги оказалась богатая коллекция Виртуального музея «1914» (<http://www.museum.nsk.ru/project/1914/main.html>), открывающего миру материалы тринадцати больших и малых музеев

Новосибирской области. Его создали сотрудники Новосибирского государственного краеведческого музея.

ISBN 978-5-9906983-3-8

© Шиловский М. В., 2015

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Военный потенциал Сибири в Первой мировой войне	
§ 1. Мобилизация	13
§ 2. Сибирские соединения на фронтах войны	27
§ 3. Подготовка пополнения для действующей армии в 1914–1917 гг. .	48
§ 4. Воин-сибиряк: социокультурные особенности	80
Глава 2. Экономика региона в 1914–1917 гг.: основные тенденции развития	
§ 1. Промышленность	95
§ 2. Сельское хозяйство	109
§ 3. Транспорт	126
§ 4. Торговля, кооперация	133
Глава 3. Военная повседневность сибирского тыла	
§ 1. Раненые, инвалиды, солдаты; попечение о раненых и увечных. . .	153
§ 2. Военнопленные, беженцы, выселенцы	168
§ 3. Специфика национальных отношений в Сибири в 1914–1917 гг. .	185
§ 4. Военная благотворительность, связь фронта и тыла	209
Глава 4. Общественно-политическая, конфессиональная и культурная жизнь региона в военных условиях	
§ 1. Военная тематика общественных настроений	219
§ 2. Политические и неполитические объединения региона во время войны	246
§ 3. Конфессии в годы Первой мировой войны	269
§ 4. Органы местного государственного управления и общественного самоуправления	283
§ 5. Специфика культурно-досуговой жизни Сибири в военное время .	305
Заключение	315

«Мировой пожар. Вторая Отечественная война» (плакат 1914 г.)

Введение

Изучение проблемы «Первая мировая война и Сибирь», в том числе в ее военной составляющей (мобилизация, участие сибирских соединений в боевых действиях, подготовка пополнения, социокультурный облик призванных и т. д.), а также с точки зрения военной повседневности сибирского тыла, имело специфику, прежде всего связанную с состоянием отечественной историографии этого глобального вооруженного конфликта. Поскольку война породила социальный катаклизм 1917–1920 гг., а отношение к ней пришедших к власти большевиков было изначально негативным (империалистическая и захватническая), ее история в межвоенный период (1920–1941 гг.) разрабатывалась фрагментарно. Не случайно в четвертом томе «Очерков исторической науки в СССР» (1966 г.) посвященный этому времени дореволюционный раздел завершается революцией 1905–1907 гг. и анализом внешней политики России второй половины XIX – начала XX в., а собственно война во всех ее проявлениях отсутствует.

Военные тогда изучали организацию вооруженных сил царской России и ход боевых действий с целью практического использования накопленного во второй половине 1914 – 1917 гг. опыта для использования в РККА, боевой подготовке военнослужащих, формирования мобилизационных ресурсов. Параллельно в эмиграции офицеры и генералы императорской армии создавали «свою» историю войны, в основном путем написания мемуаров. В контексте социальной истории Первую мировую войну начали изучать с целью выявления предпосылок для свержения самодержавия. Своеобразной «матрицей» для всех последующих сочинений вплоть до начала 1990-х гг. стала первая глава первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1935 г.), в которой эти предпосылки перечислялись: захватнический характер военного конфликта, неподготовленность армии и страны в целом, военные поражения, экономический кризис, резкое ухудшение положение основной части населения, активизация стачечной борьбы пролетариата, политический кризис и окончательное банкротство самодержавия.

Принципиально ситуация не изменилась в 1940–1980-е гг. Характеристика собственно «военной составляющей» войны получила окончательное воплощение в фундаментальном исследовании А. А. Строкова¹. В обобщенном виде она повторяется, наряду с анализом социально-экономического развития империи, а также описанием общеполитического кризиса, в отдельной главе 6-го тома «Истории СССР» (авторы: В. А. Емец, А. Л. Сидоров, С. В. Тютюкин)².

---

¹ Строков А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967.

² История СССР. Серия первая. М., 1968. Т. 6. С. 516–628.

Характерно, что в упомянутых исследованиях имеются специальные разделы, посвященные состоянию вооруженных сил Российской империи накануне войны, но отсутствуют сведения о подготовке пополнения и состоянии дел в тыловых гарнизонах в ходе нее.

«В России, – заметил в 1999 г. американский исследователь Д. Орловски, – Великая война погружена в молчание, кроме описания военных операций и других трудов по военной, дипломатической истории и т. п., она в значительной степени осталась белым пятном, достоянием томов, пылящихся в библиотеках и архивах. На протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую»¹. И это – несмотря на большое количество литературы, нашедшей свое отображение в библиографических сборниках². Соответственно, для большей части россиян война оставалась неизвестным сюжетом отечественной истории. В 1993 г. из 500 опрошенных читателей популярно-исторического журнала «Родина» лишь 6,6 % решились ответить, что Первая мировая для них является более или менее известной³.

Применительно к Сибири проблематика войны 1914–1918 гг. стала изучаться со второй половины 1950-х гг. в плане выявления предпосылок социального катаклизма 1917 г. Промежуточные итоги этого процесса подводятся в отдельной главе третьего тома «Истории Сибири» (1968 г.), состоявшей из двух разделов: «Влияние войны на экономику Сибири» (В. Г. Тюкавкин) и «Революционное движение в Сибири во время войны» (А. А. Мухин, В. П. Сафронов, А. А. Храмков), а также в соответствующих главах очерков истории рабочего класса и крестьянства региона дореволюционного периода (Д. М. Зольников и А. Я. Воронина)⁴. Они заложили основу для анализа экономических и социальных процессах в избранных хронологических рамках. Эти сюжеты получили дальнейшее развитие в работах Л. М. Горюшкина, В. П. Зиновьева, И. И. Кротта, Г. А. Ноздрина, В. А. Скубневского и др. Вместе с тем, военная проблематика свелась только к перечислению количества воинских призывов и указанию общего числа мобилизованных в армию (до 1 млн чел.).

Параллельно начинается исследование мобилизации, призывов в армию во время войны, расквартирования ополченческих формирований и запасных

---

¹ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 49.

² Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.: систематический указатель книжной и статейной литературы за 1914–1935 гг. М., 1936; Рутман Р. Е. Россия в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 – февраль 1917 г.). Л., 1975.

³ Родина. 1993. № 8–9. С. 6.

⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 363–408; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 248–277.

батальонов (полков)¹. Основное внимание обращалось на негативные явления тыловой армейской повседневности – плохие жилищно-бытовые условия содержания призванных, отвратительное питание, издевательства офицеров и унтер-офицеров, порождающие массовое дезертирство, масштабные выступления мобилизованных в июле 1914 г., тяжелые и массовые заболевания, негативное отношение к войне и самодержавию. Отмеченная тенденция начинает преодолеваться. С начала 1990-х гг. появляются работы, более объективно и полно освещающие отдельные сюжеты истории региона в рассматриваемый период². Увидели свет публикации, затрагивающие ратный подвиг сибиряков и сибирских формирований на фронте³. Разделы, посвященные войне 1914–1918 гг., стали обязательными для очерков истории и энциклопедических изданий отдельных городов и территорий региона. По

---

¹ Храмов А. А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск, 1958. С. 56–73; Ким В. В. Солдатские массы Енисейской губернии накануне и в Февральской буржуазно-демократической революции (1916 – март 1917 года) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1963. Вып. 1; Чижов И. Г. Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 5. С. 126–128; Казанцев М. И. Кузнецк дореволюционный // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 48–50; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук. 1979. № 11. Вып. 3. С. 97; Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1916 – февраль 1918. Новосибирск, 1978.

² Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914 г. (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 53–61; Фабрика Ю. А. Сибирский щит (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001; Он же. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 41–46; Рашупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика, деятельность. Иркутск, 2003; Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003; Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой Мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005; Еремин И. А., Кижяева Т. А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 225–237; Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013; Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013.

³ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994; Новиков П. А. Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне. 2-й, 3-й, 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008; Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 597–601; Гаврин Д. А. 2-я русская армия в боях у озера Нарочь в марте 1916 года // Вестник Омского ун-та. 2011. № 1. С. 76–90

проблематике Первой мировой войны защищены докторские диссертации Ю. П. Гореловым, И. А. Ереминым, П. А. Новиковым, кандидатские – С. Ю. Шишкиной, А. В. Полуаршиновым, О. В. Чудаковым, Т. А. Кижасовой.

Несмотря на серьезные подвижки, в историографии проблемы имеются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно изученные сюжеты. Что касается сибирских фронтовых объединений (дивизий и корпусов), в самом общем виде П. А. Новиковым описан боевой путь 2-го, 3-го и 7-го сибирских армейских корпусов, но ждет своих исследователей история 1-го, 4-го, 5-го и 6-го сибирских армейских корпусов, воевавших в составе всех фронтов, за исключением Кавказского. Дискуссионным остается вопрос о масштабах и характере выступлений мобилизованных сибиряков в июле 1914 г. Пожалуй, менее всего изучена система подготовки призванных в армию в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов. Известно лишь об их дислокации и о численности гарнизонов сибирских городов, об агитационно-пропагандистской деятельности радикалов среди военнослужащих; есть разрозненная информация о фактах дезертирства, неподчинения командирам, самовольных отлучках и т. д. Как и насколько эффективно осуществлялась подготовка новобранцев и ратников ополчения, мы не знаем, поскольку данный вопрос практически не изучался.

Применительно к гражданской сфере не установлены параметры вовлечения экономики Азиатской России в военное производство, влияние войны на потребительский рынок, воздействие «сухого закона» на ситуацию с потреблением спиртных напитков. Требуется серьезного изучения влияние анализируемого явления на повседневную жизнь аборигенов, пришлых этносов, диаспор, конфессиональную ситуацию; практически не изучен вопрос о реквизиции «инородцев» на тыловые работы. Необходимо обстоятельно проанализировать пропагандистское обеспечение военных действий, эволюцию настроений различных социальных групп местного населения (горожане, крестьяне, рабочие, интеллигенция, молодежь), политических и неполитических объединений. Практически не затронутым оказался сюжет о состоянии органов местного государственного и общественного (городского и сельского) управления.

Решение перечисленных проблем потребует усилий не одного поколения историков, издания большого количества монографий. Естественно, их нельзя исчерпывающим образом решить в предлагаемом исследовании. Учитывая научную значимость и состояние разработки темы «Сибирь и Первая мировая война», автор попытался в плане постановки в очерковой форме рассмотреть ее компоненты: вклад сибиряков в военные действия; экономика; военная повседневность (раненые, инвалиды, семьи призванных, военнопленные, беженцы, организация социальной помощи им), связь фронта и тыла; общественно-политическая и культурная жизнь.

Хронологические рамки включают период от начала мобилизации во второй половине июля 1914 г. до Февральской революции 1917 г., в необходимых случаях затрагивая и первую половину этого года. Объектом

настоящего исследования является Азиатская Россия, ее сельское и городское население. Предметом – события Первой мировой войны в регионе. Цель предпринятого анализа – реконструировать событийную сторону изучаемого военного конфликта на уровне крупного региона как тылового района, участие в нем различных социальных и этнических групп местного населения, властных структур, политических и общественных формирований. Территориальные рамки включают, кроме собственно сибирских территориально-административных образований (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области), Акмолинскую и Семипалатинскую области Степного генерал-губернаторства (Степного края), поскольку его столицей являлся г. Омск и они входили в Омский военный округ, и на этой территории находились отделы Сибирского казачьего войска. Кроме того, Степной край после сооружения Транссибирской и Алтайской железных дорог, развития судоходства по Иртышу был интегрирован в социально-экономическое пространство сибирского региона¹.

Корпус источников по проблеме участия Азиатской России в Первой мировой войне 1914–1918 гг., как опубликованных, так и архивных, можно разделить на две группы – исходящие от органов государственного, том числе военного, управления разных уровней, и образовавшиеся в процессе деятельности субъектов повседневной милитаризированной жизни региона в избранных хронологических рамках (органы общественного самоуправления, кооперативные организации, политические и неполитические – прежде всего экономические, благотворительные и т. д. – объединения, а также отдельные лица).

К первой группе относятся законы и нормативные акты верховной власти (указы, манифесты, высочайшие повеления), приказы, распоряжения, инструкции, предписания, объявления министерств и ведомств, а также местных органов государственного управления (генерал-губернаторов, губернаторов, командующих войсками военных округов, прокуратуры, судебных инстанций, жандармских и охранных управлений и подведомственных им структур), делопроизводственные и отчетные материалы (рапорты, отчеты, докладные записки, обзоры, следственные материалы, телеграммы и т. д.), в том числе отражающие процесс подготовки маршевого пополнения для действующей армии в запасных частях гарнизонов Омского и Иркутского военных округов. Регулярное оперативно-агентурное наблюдение правоохранительных органов за партийными структурами, политическими ссыльными, неформальными объединениями, отдельными лицами давало определенный «улов», отложившийся в виде агентурных донесений, перлюстрированных писем, изъятых при обысках и ликвидации прокламаций, отчетов, протоколов собраний, конференций и т. д.

---

¹ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009. С. 368–373.

Делопроизводственные документы властных структур страдают субъективизмом и отличаются стремлением составителей снять с себя ответственность за происходящее.

Значительная, подчас уникальная, информация о разных сторонах изучаемого явления содержится в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях) очевидцев и современников, как участников боевых действий, так и проживавших в Сибири во второй половине 1914–1917 гг. Среди них «бесценным и уникальным свидетельством драматических событий Первой мировой войны»¹ являются дневники иркутского ученого и общественного деятеля И. И. Серебренникова (1882–1953), хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области и изданные в 2008 г. Они написаны человеком, обладавшим большим информационным ресурсом, поскольку Иван Иннокентьевич не только наблюдал, но непосредственно участвовал в повседневной жизни Иркутска рассматриваемого времени, активно вращался в управленческих структурах, был знаком со многими чиновниками, общественными деятелями, руководителями муниципальных структур.

Среди источников богатством фактического материала выделяется периодическая печать, которая не только аккумулировала информацию о событиях военного времени в рамках определенной территории, но и отражала настроения населения, различные проявления его социального поведения. Среди местных повременных изданий активно использовался информационный ресурс самой массовой в Сибири томской газеты «Сибирская жизнь», в меньшей степени – газет, издававшихся в других городах региона (Омск, Барнаул, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск). Отчасти данный недостаток компенсируется активным привлечением различного рода хроник, одним из основных источников для составления которых и послужили местные периодические издания. Так, фундаментальная летопись Н. С. Романова², содержащая ценные сведения прежде всего о культурно-благотворительной и повседневной жизни города, помимо собственных наблюдений составителя имела источником местную газету «Сибирь» за 1914–1917 гг. Существенным подспорьем служат созданные в 1980–1990-е гг. хроники рабочего, крестьянского и общественного движения³,

---

¹ Андреев Г., Конкин П., Новиков П. Неутомимый труженик Сибирской общественности // Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 5.

² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 193–272.

³ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Июнь 1907 – февраль 1917 г. Томск, 1991. Т. 3; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2.

а также их современная версия по Томской губернии¹. Их дополняют хроники по отдельным городам и территориям региона².

Таким образом, мы имеем довольно значительный корпус источников, очень разнохарактерных по содержанию, разнотипных по форме, к тому же дисперсно рассеянных в громадной совокупности материалов. Они оставляют солидную источниковую базу, позволяющую анализировать ситуацию в различных сферах повседневной жизни Азиатской России во время Первой мировой войны.

---

¹ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / Сост. В. П. Зиновьев, О. А. Харусь. Томск, 2013. Т. 1.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000; Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.
 БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
 ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ: Слѣдуя историческимъ своимъ заветамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особымъ сілою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австрія-Венгрія предвзяла Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Принравъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ въ добросовѣстное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла къ вооруженному нападению, открывъ бомбардировку божанштанскаго Бѣлграда.

Внужденные, въ силу созданныхъ условій *протоколовъ* и *вѣдомостей*, мыры предосторожности, МЫ повелѣли принести армію и флотъ на военное воздѣйствіе, но, дождавъ кровно и достоинствъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзна Австріи Германіи, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля за вѣрною НАШЕМУ, что принятія МЫры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмены, и встрѣтить отказъ

въ этомъ требованія, внезапно объявила Россіи войну. Намъ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. МЫ, непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ искушенія да будутъ забыты интриги распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ и да отразитъ Россія, подвигшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту НАШЕГО дѣла и смиреннымъ упованіемъ МЫ моливаемъ привѣтливою Свѣтлою Русь и доблестное словеніе.

Дать въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ дѣто Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствования же НАШЕГО двадцатое.

На подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“

Слова Государя народнымъ представителямъ.

Въ 11 часъ съ минутой въ залѣ просѣдывалъ Государь Императоръ. Государь обратился къ представителямъ палаты со слѣдующими историческими словами:

Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни переживаемые всею Россіей. Германія, а затѣмъ и Австрія объявила войну Россіи.

Тотъ огромный подъемъ патристическихъ чувствъ любви къ Роднѣмъ и преданности престолу, который какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ нашей служить въ моихъ глазахъ, и думаю, — въ вашихъ, рудачествомъ въ томъ, что наша великая матушка Россія доведетъ непобѣжденную ей Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

И въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, я черпаю возможность поддерживать свои силы, и спокойно и boldly впадать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокрювншихъ и единовѣрныхъ братьевъ славянъ.

И въ нынѣшнюю минуту и съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ такъ же крѣпко и неразрывно со всею Россіей.

Увѣренъ, что вы все, каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ пережить непопсанное испытаніе и что всѣ, начиная съ Меня, исполнятъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ земли русскои!

Царское Слово Русскому Народу и Воинству.

ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша великая матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какава бы она ни была, до конца.

Я здѣсь горестно и завѣстно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей. И къ вамъ, собранымъ здѣсь представителямъ дорогихъ мнѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, въ вашемъ лицѣ, обращаюсь. Я ко всей единородной, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи моей и благословляю ее на труды ратныя.

Складъ изданія: 1) Москва, Трубная ул., д. Лебова, № 11. Книгоиздательство Книжная Виржа. 2) С.-Петербургъ, Суворовскій, 2. Редакція „Живое Слово.“

Типографія С. А. Алашчкова, Уланскій пер., д. 18.

«Высочайшій манифестъ» с объявленіемъ о войне

Глава 1. Военный потенциал Сибири в Первой мировой войне

§ 1. Мобилизация

С 14 июля 1914 г. в Омском и Иркутском военных округах вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Административным и правоохрнительным органам предписывалось «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в Российской империи началась массовая мобилизация запасных, с 22 июля призывная кампания распространилась на ратников государственного ополчения. В войну вступили по закону от 24 июня 1914 г. при следующих основах воинской повинности: призывной возраст 20 лет (на 1 января года призыва); общий срок службы в пехоте и артиллерии 18 лет (3 года и 3 месяца действительная срочная служба, 14 лет и 9 месяцев в запасе), в остальных родах войск (кавалерия, саперы) 17 лет (4 года срочной службы, 12 лет и 9 месяцев в запасе). Запас традиционно подразделялся на разряды: первый для пополнения полевых войск (до 30-ти летнего возраста), второй – резервных и тыловых формирований (до 39-ти лет). Ополчение делилось на два разряда, созывалось только в случае войны. Оно предназначалось для пополнения действующей армии, формирования отдельных команд и ополченческих частей¹. Предполагалось, что кадровой армии (1423 тыс. чел.) и запаса (3115 тыс.) будет достаточно для достижения победы.

Мобилизационные ресурсы Омского военного округа на 1 января 1914 г. составляли 166 207 рядовых и унтер-офицеров 1-го и 2-го разрядов, 29 285 ратников ополчения, проходивших действительную срочную службу, и 56 639 ратников, не служивших в армии². В Иркутском военном округе таковых всего насчитывалось 39,5 тыс. чел.³ Организацией призыва занимались губернские и областные по воинской повинности присутствия, опиравшиеся в

---

¹ Смирнов А. В., Мазаник Т. А. Правовое регулирование подготовки мобилизационных людских ресурсов в дореволюционной России // История государства и права. 2013. № 4. С. 7.

² Копылов В. А., Милюхин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 174.

³ Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. С. 122.

своей деятельности на аналогичные образования на уровне уездов. В Томске присутствие возглавлял губернатор В. Н. Дудинский, а членами были: вице-губернатор А. Г. Загряжский, управляющий казенной палатой И. Б. Маршанг, прокурор окружного суда С. Г. Дубяго, непременный член по крестьянским делам А. А. Барок, советник В. Э. Мейер и Томский уездный воинский начальник полковник И. М. Соколовский. В губернии начали работу 53 призывных участка (Барнаульский уезд – 21, Каинский – 8, Томский и Бийский – по 7, Мариинский и Змеиногорский – по 6, Кузнецкий – 5). Масштаб работы был огромен. Только в Барнаул во время мобилизации из уезда прибыло более 50 тыс. запасных нижних чинов¹.

В Томске призыв начался в субботу 19 июля в 6 часов утра. По разным причинам медосмотру подверглось примерно 70 % явившихся, из них годными к службе признали 75 %, остальные получили различные отсрочки. На фронт попал только каждый второй из намеченных к призыву. У основной массы забракованных диагностировали болезни глаз, ушей, переломы, зобы и грыжи².

Начало войны сопровождалось в Сибири массовыми проявлениями общественной активности. Во всех городах региона отслужили литургии и молебны о даровании благословения божия и успеха русскому оружию. Прошли массовые патриотические манифестации с национальными флагами, портретами императора, исполнением национального гимна. В донесении акмолинского губернатора министру внутренних дел от 15 октября 1914 г. подчеркивалось: «Нет того уголка Великой России, где бы призыв Царя не вызвал чрезвычайного подъема патриотического чувства и горячего решения все отдать на защиту Русского Государства»³.

В августе жительница Томска Мария Леонтьевна Бочкарева (урожденная Фролкова) направила императору Николаю II телеграмму с просьбой разрешить поступление на военную службу. Получив его, она зачисляется рядовым в 25-й Томский запасной батальон. С конца 1914 г. она находилась на передовой, получила четыре ранения, была награждена четырьмя Георгиевскими солдатскими крестами всех степеней, двумя серебряными и одной золотой медалями, произведена в старшие унтер-офицеры. В 1917 г. выступила инициатором создания из женщин-добровольцев ударных батальонов. В отличие от своей предшественницы, дворянки Н. А. Дуровой (1783–1866), Бочкарева была крестьянкой, работала прислугой, на укладке асфальта, т.е. представляла тип эмансипированной женщины-простолюдинки. Она стала инициатором массового участия женщин в боевых действиях.

---

¹ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 99.

² Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 146.

³ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 141. Ч. 1. Л. 1.

Имели место отдельные случаи добровольного вступления в армию, в том числе со стороны представителей аборигенных этносов региона. Так, среди 1 тыс. военно-служащих 4-х маршевых рот, отправленных из Томска в Псков 14 сентября 1915 г. находился один доброволец – Т. М. Зенков из Тарского уезда Тобольской губернии¹. В октябре 1916 г. на основании Именного Высочайшего Указа императора Николая II призывается добровольно в армию и направляется в запасной полк татарин Катук-Азанов Мухамет Емурлович, крестьянин села Епельдинского Ново-Ярковской волости Каинского уезда Томской губернии, магометанского вероисповедания, холостой, неграмотный, хлебопашец².

Массовая мобилизация, взрыв патриотических настроений породили, с одной стороны, добровольчество, а с другой – попытки уклонения от призыва. Первый тип поведения продемонстрировал известный

иркутский адвокат Г. Б. Патушинский, прапорщик ополчения, добившийся «высочайшего» разрешения на перевод в отправляющуюся на фронт сибирский стрелковый полк, «чтобы вырвать свободу еврейскому народу». Он награждается многими орденами вплоть до Св. Владимира 4-й степени³. Добровольцами ушли на фронт омские адвокаты, кадеты Д. С. Каргалов и В. О. Петропавловский⁴. С другой стороны, иркутский казак, золотопромышленник И. И. Гаськов добился увольнения с военной службы, хотя Иркутский казачий дивизион на фронт не отправили⁵.

В то же время мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, где проживало более 40 % населения региона. В сельской местности они происходили с 19 июля до

М.Л. Бочкарёва в 1918 г.

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 251 об. – 252.

² Там же. Д. 39. Л. 1099–1100.

³ Звягин С. П. Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Красноярск, 2001. С. 13.

⁴ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁵ Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 261–262.

конца месяца. Так, 21 июля в волостном селе Шаховском Барнаульского уезда мобилизованные разгромили волостное правление, дома сельского старосты и волостного писаря, а в с. Павловском «тысячи запасных, следующих в Барнаул» подвергли погрому волостное правление и контору лесничего. В донесении тобольского губернатора А. А. Станкевича в МВД от 21 августа 1914 г. утверждалось, что «мобилизация протекала успешно, при соблюдении в общем полного порядка». Но, «к сожалению, в некоторых местах Тюкалинского уезда и, отчасти Ишимского, порядок этот был нарушен следовавшими на сборные пункты запасными нижними чинами, допустившими насильственные действия по отношению к лицам сельской администрации и чиновникам, сопровождавшимся похищением вина»¹. Более откровенен томский губернатор В. Н. Дудинский, который в аналогичном донесении от 2 сентября, признавал: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми ими на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии... В Барнаульском уезде были произведены разгромы канцелярий лесничества Алтайского Округа и массовые порубки леса»².

Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири³ я насчитал в четырех губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего – в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. В Иркутской губернии волнения имели место в 7 селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селах Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. В Тобольской губернии – в 6 селах и 2 деревнях Ишимского и Тюкалинского уездов. Подавляющая их часть приходится на Томскую губернию. Здесь бунтовали в 101 селе и 11 деревнях 49 волостей Томского, Мариинского, Каинского, Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов. Внутри губернии лидировал Барнаульский уезд (20 волостей, 48 сел и 2 деревни).

По характеру можно выделить следующие типы акций: В 9 случаях имели место разгромы волостных правлений и избивание должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных и сельских старост, писарей, десятских и сотских); в 12 случаях осуществлялись массовые порубки леса, разгромы и поджоги контор лесничеств и лесных кордонов, квартир лесных объездчиков. Но больше всего – 136 из 157 фактов (86,6 %) разгромов торговых и винных лавок. Так, в станции Зерендинской Кокчетавского уезда

---

¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопр. 1914. Д. 108. Ч. 76. Л. 7–7 об.

² Там же. Д. 108. Ч. 77. Л. 11.

³ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 107–112.

Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, требовавшая отпуска водки «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная, из села Викторовки, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: «Разбивай лавку». Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так подействовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта, выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей»¹.

Разгромы и грабежи винных лавок имели массовый характер. Так, в Омске «24 июля в 9 часов утра, несколько человек запасных нижних чинов вошли в ренсковой погреб Харлампия Дунья-Оглы по Думской улице на окраине города, оторвали решетку у полок, на которых находились различные вина, похитили вина на сумму до 75 руб. Те же лица забрались в ренсковой погреб Анны Дегтяревой на той же Думской улице, взяли разных вин и гастрономических товаров на сумму около 100 р. И скрылись. Около 11 часов того же 24 июля толпа опьяневших запасных нижних чинов вошла в винно-бакалейный магазин Попова на углу Думской и Семинарской улиц и потребовала вина. После отказа, 15 человек запасных бросилась в соседнюю с лавкой комнату, где хранилось унесенное из магазина вино и захватили вин на 50 руб. Два нижних чина забрались в кассу и, взяв из нее около 40 рублей, вышли из магазина, сели на близь стоявшего извозчика и скрылись. Однако полиции удалось разыскать грабителей и задержать; при них оказалось 14 бутылок коньяка, 42 коробки папирос и 25 руб. денег мелким серебром. Задержанные оказались: первый – крестьянином Тобольской губ. Зиновием Искрой, а второй – крестьянином Томской губернии Семеном Манским»².

Помимо сельской глубинки, волнения призванных произошли в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Так, 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов №№ 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, понапились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19 Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам»³. 24 июля в Ишиме «группа запасных, подстрекаемая

¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 7–7 об.

³ Там же. Д. 138. Ч. 20. Л. 2.

Винная лавка в эпоху казённой монополии

двумя своими товарищами, учинила беспорядок с сопротивлением офицеру. Вызванная последним полурота стала заряжать ружья, при зарядке несколькими случайными выстрелами убит прохожий старик, ранен запасный. Порядок восстановлен, зачинщики арестованы, вызван военный следователь»¹. Подводя итоги призыва и отправления мобилизованных, иркутский губернатор телеграфировал в Департамент полиции 28 июля: «Проезжающие [по] линии железной дороги запасные... производили [на] некоторых станциях и прилегающих [к] станциям поселках Иркутской губернии беспорядки и бесчинства, расхищали закрытые винные лавки»².

Кроме того, в Ишиме в тот же день утром на сборном пункте при управлении уездного воинского начальника запасные общей численностью до 30 человек пытались силою войти в управление, «требуя кормовые деньги либо еще не полученные, либо не полагающиеся им по правилам; при этом двое главарей, из них один запасный, гвардеец-фейерверкер Ефим Усольцев и

¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроезв., 1914. Д. 138. Ч. 76. Л. 2.

² Там же. Д. 138. Ч. 23. Л. 1.

другой по приметам Алексей Каверзнев с другими неустановленными личностями схватили за руки помощника начальника сего управления штабс-капитана Клитина, не впускавшего их во двор. В виду этого по команде командира охранной роты капитана Пучковского был произведен один ружейный залп, коим убит крестьянин Больше-Сорокинской волости, ранен запасный Александр Мельников. После залпа совместными действиями чинов общей и жандармской полиции порядок был тотчас восстановлен»¹.

В Мариинск с 18 июля начали прибывать мобилизованные, некоторые из которых были пьяны, а примерно половина объявили себя больными. Для их обследования 21 июля начались заседания уездного воинского присутствия. Тогда же находившиеся в городе четвертый день призывники начали выражать недовольство проведением мобилизации в разгар полевых работ и требовать выплаты пособий семьям. Они жаловались на то, что третий день не получают горячей пищи. 23 июля патрулем на базаре был задержан и отправлен в полицейское управление мобилизованный с украденным им чайником. Немедленно собралась толпа в 3 тыс. человек, потребовавшая освободить арестованного. По приказанию уездного исправника Б. Х. Оржеховского полицейские и солдаты местной воинской команды начали стрелять в воздух, рассеяв собравшихся. Часть из них (около 50 чел.) ворвались в здание городского полицейского управления, избili находившихся там, разгромили помещение, разорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившиеся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития, толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды. 24 июля положение стабилизировалось, а вскоре мобилизованных в эшелонах отправили на фронт².

Наиболее драматический характер приобрели события в Новониколаевске и Барнауле. В первом 21 июля четырехтысячная толпа мобилизованных двинулась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Был поднят красный флаг. В ответ на выстрелы полицейских, собравшиеся разграбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с правоохранителями, в помощь которым прибыли солдаты местного гарнизона. В ходе столкновения двое призванных были убиты, еще двое ранены, ранения получили два десятка солдат и полицейских, офицер и пристав. 23 июля при отправке эшелона с мобилизованными произошло еще одно серьезное вооруженное столкновение, в ходе которого погибло 16 и ранено 25 чел. 24 июля на железнодорожной станции произошел еще один кровавый инцидент. Запасным из проходящего эшелона, во избежание

---

¹ Там же. Д. 138. Ч. 76. Л. 6–6 об.

² Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 283–285.

столкновений, запретили выходить из вагонов. Последние отказались выполнять приказ, и в результате начавшейся перестрелки с вызванной воинской командой погибло 9 чел, 22 получили ранения (4 из них умерли)¹. Произошедшее позволило очевидцу этих событий большевику Г. Е. Дронину заявить в своих воспоминаниях: «Гражданская война, я бы сказал, началась в Новониколаевске чуть ли не с первых дней мобилизации в 1914 г.»².

В Барнауле к 22 июля собралось до 20 тыс. мобилизованных. Часть из них ночевала на улице, плохо было организовано питание. Их требования выдачи «кормовых» и пособий семьям, улучшения условий содержания, вежливого обращения игнорировались. Обозленные призывники избили стражей порядка, начали громить казенный винный склад, где вспыхнул пожар. Пожарникам не давали его тушить. Как пишет А. С. Муравлев: «В разгоряченной толпе слышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались все новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие в разбитых ими же оружейных магазинах, они стали громить дома, лавки, склады»³, здание местного отделения «Русского для внешней торговли банка». К вечеру 22 июля город находился в руках мобилизованных. Полицейские в форме боялись появляться на улицах. Чиновники разбежались из присутственных мест. Уездный воинский начальник скрылся.

Прибывшая на пароходе из Новониколаевска воинская командами выстрелами рассеяла грабителей, хотя стрельба продолжалась всю ночь. Утром 23 июля полиция подобрала на улицах города около 40 трупов, немало грабителей погибло в огне. Из числа запасных 112 чел. были убиты или сгорели, несколько сот получили ранения. Сгорело 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, складов, пакгаузов, магазинов. Материальный ущерб, по оценке властей, составил более 4,5 млн руб. За участие в грабежах и сопротивление правоохранителям арестовали 155 чел. Следствие по барнаульским беспорядкам продолжалось до середины 1915 г. Судебный процесс, по которому проходило 200 чел., начался 27 октября 1915 г. 15 чел. приговорили к тюремному заключению на срок от четырех до восьми лет; 82 привлеченных по этому делу получили сроки от одного месяца до четырех лет в арестантских ротах; 32 чел. – тюремной отсидки на срок от одного месяца до трех лет. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 чел. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 чел.⁴

---

¹ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 212–213.

² ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 5.

³ Муравлев А. С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул, 2011. С. 93.

⁴ Там же. С. 97.

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. чел. к 21 июля собралось более 6 тыс. запасных, которые стали требовать от воинского начальника пособия, но, получив отказ, начали избивать полицейских и чиновников. «Городовым и урядникам, – доносил местный исправник, – показываться в форме на улице стало невозможно, их тотчас же избивали...»¹. Переполнившие город мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска². Определенную роль в пресечении беспорядков сыграл проживавший в Кузнецке отставной генерал-лейтенант, герой Русско-японской войны 1904–1905 гг. П. Н. Путилов, который «одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять»³.

Что касается причин произошедшего, то непосредственно, «по горячим следам» акмолинский губернатор отнес к ним «разбросанность населенных пунктов по громадной территории, не обслуживаемых низшим полицейским персоналом – конной или пешей стражей, малочисленность крестьянских дежурств», опоздание с вывозом водки «из винных лавок, расположенных на больших грунтовых путях следования призываемых запасных и ополченцев». Наконец, частным причинами («Село Викторовка и станица Зерендинская – зажиточные, издавна славившиеся пьянством, старые поселения на бойкой дороге») ⁴. Примерно такие же причины называет и тобольский губернатор в телеграмме от 26 июля 1914 г.⁵

В советский период солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания»⁶. «В настоящее время подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И. А. Еремин и Т. А. Кижаяева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня превалируют два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением

---

¹ Цит. по: Казанцев М. И. Кузнецк дореволюционный // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Новокузнецк, 1971. С. 49.

² История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I, II. С. 211.

³ Кауфман А. О. Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 74.

⁴ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 1–1 об., 4.

⁵ Там же. Д. 138. Ч. 76. Л. 3–4.

⁶ Храмов А. А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск, 1958. С. 56–73. Им же написаны соответствующие разделы в третьем томе «Истории Сибири» (1968) и учебном пособии Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986. С. 207; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 11. Вып. 3. С. 97.

населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов»¹.

Первый по времени исследователь рассматриваемого явления А. А. Храмов, реагируя на попытку квалифицировать его как пьяный бунт, обращает внимание на массовый характер произошедшего не только в масштабах Томской губернии, но и всей страны; выступления имели место в традиционно наиболее беспокойных селах и волостях Барнаульского уезда и сводились не только к разгрому (разграблению) винных лавок, но и протесту против притеснений властей и «в определенной степени недовольство войной». «Были ли эти волнения пьяным бунтом? – вопрошает историк. – Конечно, да. Но, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. За бунтом, разгромами, эксцессами и убийствами нельзя упустить социальное и политическое составляющее этого движения»².

В явном виде во всех известных фактах выступлений мобилизованных антиправительственная составляющая не просматривается. Но их массовость и радикализм порождали у определенной части социума надежды на приближающийся катаклизм. «Деревня заметно опустела: – вспоминал в июле 1914 г. пятнадцатилетний подросток из кулундинского села Сидорова Барнаульского уезда Ф. Д. Останин, – массы «запасных» отправлялись на подводах в Камень... Начались погромы в Барнауле: скопившиеся там мобилизованные крестьяне громили магазины, винополку, склады. Были слухи о беспорядках в Камне, Новониколаевске. Даже в деревне чувствовалось какое-то напряжение. Снова зачастил к нам Ф. И. Кузьменко [мастер-маслодел. – *М. Ш.*]. О чем-то возбужденно говорил с отцом и радостно восклицал: «Ну, теперь царский трон полетит к чертям, какие-нибудь три-четыре месяца – готово! Слышал, говорят, в Барнауле...», – рассказывалось о том, как мобилизованные заняли тюрьму, освободили

---

¹ Еремин И. А., Кижасева Т. А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII – XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 231.

² Храмов А. А. Так были ли волнения запасных в Томской губернии в июле 1914 г. пьяным бунтом // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 163–165.

политических, и хотя это потом не подтвердилось, но слухи ходили упорные»¹.

Анализируя поведение участников массовых беспорядков начального этапа войны, Д. Санборн отмечает: «Бунт представляет собой не единичное действие, а набор их. Когда баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящих за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г., были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт. Военные власти предпочитали объяснять бунты только желанием бунтовщиков только напиться, но с течением войны это объяснение становилось все менее подходящим»². В рамках этой версии С. Ю. Шишкина рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные

¹ Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013. Приложение. С. 212.

² Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 209.

человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких»¹.

На мой взгляд, волнения мобилизованных стали возможными, благодаря комплексу причин, и прежде всего – просчетам и непрофессионализму властных структур. Характерен в этом плане пример Бийска и Бийского уезда, где властям удалось справиться со стихией, поэтому, в отличие от других уездов Томской губернии, здесь не было массовых беспорядков. Не случайно местный уездный исправник Поляков был награжден томским губернатором денежной премией в размере 100 руб.² В Омске, согласно донесению акмолинского губернатора, «из казенных винных лавок ни одной бутылки не было продано, и никто из запасных не пытался туда проникнуть. В частных магазинах и ренсковых погребах спиртные напитки были опечатаны и сданы на хранение владельцам под их ответственность. Дни пребывания в Омске запасных, а их собралось вместе с ополченцами до 45 тысяч, протекали спокойно, при полном порядке. Горожане радовались, видя своих доблестных воинов и спешили оказать прибывшим и их семьям помощь, открывая чайные, столовые и проявляя таким образом должное внимание защитникам Родины»³. Не было волнений в городах Восточной Сибири. Применительно к Иркутску, И. И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных»⁴.

Призыв сопровождался повальным пьянством и вытекающих из этого разгромов винных лавок, магазинов, винных складов. Но данное явление связано вообще с негативным отношением населения к воинской повинности. «Слово "забрили" самое ненавистное слово, – вспоминает Г. М. Карнаухов. – Оно выражает горе и несчастье, как для самого призванного в солдаты, так для его семьи... Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. "Забритых" призывников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья»⁵.

Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев населения заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до

---

¹ Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 55–56.

² Муравлев А. С. Указ. соч. С. 97.

³ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 6 об.

⁴ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 21.

⁵ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 16.

времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые с слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже и политурой, платили большие деньги, пили и хмелели»¹.

Массовый же призыв сразу изменил повседневную жизнь десятков тысяч сельских обывателей и горожан, к тому же он происходил в самый разгар сенокосной страды. Г. М. Жихарева, оказавшаяся летом 1914 г. в изыскательской партии на Чуйском тракте, вспоминала: «Помню совершенно перевернутые деревни – иначе не могу назвать, – исступленные вопли и причитания баб, растерянные, часто пьяные, бессмысленные или злобные лица мужчин, дикое оранье песен, полное неведение о происходящем»².

Помимо психоментальных факторов сыграли роль детонатора явные просчеты и недостатки в организации мобилизации, о которых выше уже сообщали акмолинский и тобольский губернаторы. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны. При этом, как в случае с Барнаулом, не получая длительное время горячей пищи и пребывая на улице. Губернские власти, как правило, вину за произошедшее возлагали на нижестоящие административные структуры. Тот же акмолинский губернатор в донесении в МВД от 4 октября 1914 г. поставил в упрек кокчетавскому уездному начальнику, «а равно находившимся в Кокчетаве крестьянским деятелям, что они не сумели собравшихся в городе запасных, среди которых были охмелевшие, успокоить твердым словом увещевания, а также не приняли меры к отобраанию у них запасов водки»³.

Более организовано мобилизация прошла в казачьих войсках Азиатской России. Командир 1-й отдельной Забайкальской казачьей бригады телеграмму о мобилизации получил в 4 часа 40 минут 18 июля 1914 г. В 6 часов утра в ее штабе началась мобилизационная работа. В 6 часов 30 минут командиры частей доложили о получении распоряжений о мобилизации. В 18.00 штаб бригады был укомплектован по штатам военного времени и к 21.00 был готов к отправке на театр военных действий. В полках бригады синхронно осуществлялся комплекс мероприятий: сотни получали боеприпасы; перековывали лошадей; проводились смотры обмундирования, людского и конского снаряжения и имущества; составлялись списки личного состава; оттачивались шашки; высылались артельщики за фуражом, овсом, продуктами; получали из неприкосновенных запасов котелки, палатки, парусиновые ведра, часы, бинокли, компасы и шанцевый инструмент; укладывались седельные вьюки; казаки проходили медицинский осмотр, больные передавались в местный лазарет, слабосильные, подсудимые и подследственные отправлялись в распоряжение полковых квартирмейстеров.

---

¹ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 7.

² Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979. С. 77–78.

³ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 5.

Призывник Первой мировой. Подпись на обороте: «На добрую память, дорогой и горячо любимой Марусе. 25 октября 1915 г.».

Из коллекции Куйбышевского краеведческого музея, г. Куйбышев (бывший Казанск) Новосибирской обл.

Командиры сотен получали денежные авансы: на фуражное довольствие, приварочные, провиантские; офицеры обеспечивались денежным довольствием. Упаковывалось имущество сотен в ящики, от командира обоза принимали обоз 1-го разряда с полной укладкой (походные кухни и продовольственные повозки). Командиры сотен получали карты, книги учета, бланки и другие документы отчетности военного времени.

На доукомплектование полков прибывали казаки с льготы, а также получали лошадей из приписанных станиц. Люди, как правило, приходили плохо обмундированные и не имели всех положенных по мобилизации вещей, а «лошади поступали в очень плохих телах и многие были малопригодны под верх». Закончив доукомплектование и формирование, полки приступили к занятиям по боевой подготовке, прежде всего стрельбе, слаживанию сотен, разведке. Расписание занятий устанавливалось с 7.00 до 11.00, а после обеда – с 16.00 до 18.00. Проводилась пристрелка винтовок под патрон с остроконечной пулей. В мобилизованных частях Забайкальского казачьего войска находилось: 256 генералов и офицеров, 11667 казаков и 12465 лошадей. 1 сентября отдается распоряжение о выступлении бригады на фронт. 6 сентября ее штаб и 1-й Читинский полк приступили к погрузке в эшелоны на станции Чита-1 и 8 сентября убыли на театр военных действий. 14 сентября последний 1-й Верхнеудинский полк со станции Дивизионная 4 эшелонами отправился на запад России¹.

В целом же в ходе массовой мобилизации в июле–августе 1914 г. в армию призвали не менее 250 тыс. сибиряков. Но это было только началом мобилизационной кампании, продолжавшейся до середины 1917 г. Патриотический подъем первых месяцев войны сменился на суровую тыловую повседневность.

§2. Сибирские соединения на фронтах войны

Проблема участия сибиряков в боевых действиях во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. является предметом специального и обстоятельного исследования не одного поколения историков. Поэтому, предваряя анализ различных аспектов военной повседневности региона в избранных хронологических рамках, ниже постараюсь дать краткий очерк вклада сибиряков в военные усилия государства².

---

¹ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. С. 398–400.

² Раздел написан на основе данных: Строков А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967; Новиков П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008; Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. С. 597–599.

По состоянию на 1 мая 1914 г. в зауральских военных округах насчитывалось: в Омском – 17 батальонов и 6 казачьих сотен; в Иркутском – 68 батальонов и 20 сотен; в Приморском – 118 батальонов, Приморский драгунский полк (6 эскадронов) и 13 сотен¹. Кроме того, в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) дислоцировались подразделения Заамурского корпуса (округа) пограничной стражи, формально не входящие в состав русской императорской армии. Согласно Расписанию сухопутных войск 1910 г. в соединении насчитывалось 8 пехотных и 3 конных полка². Как видим, основная часть российских войск в регионе концентрировалась на Дальнем Востоке. В соответствии с упомянутым выше мобилизационным расписанием в случае осложнения отношений с Японией или Китаем в Маньчжурии разворачивались четыре армии: 1-я, 2-я, 3-я Забайкальские и Приморская. До завершения мобилизации в них прикрывать район сосредоточения и КВЖД должен был Заамурский округ пограничной стражи, преобразованный и развернутый в армейский корпус.

Поскольку на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири мобилизационных ресурсов (резервистов) не хватало, предусматривалось их пополнение за счет Омского и Казанского военных округов. Так, при развертывании войск Иркутского военного округа до штатов военного времени требовалось порядка 150 тыс. чел., реально на его территории могли призвать 39,5 тыс. чел. Недостающее количество планировалось получить из Омского (70 тыс.) и Казанского (40,7 тыс. чел.) военных округов³.

В ходе массовой мобилизации в июле-августе 1914 г. в трех упомянутых выше военных округах развернули 44 сибирских стрелковых полка (с 1-го по 44-й), сведенных в 11 Сибирских стрелковых дивизий. Кроме того во время войны сформировали еще 11 (12–22-я) сибирских стрелковых дивизий четырехполкового состава и Сводную Сибирскую стрелковую дивизию. Из подразделений Заамурского корпуса пограничной стражи образовали приблизительно 18 пограничных Заамурских пехотных и 5 пограничных Заамурских конных полков.

Летом-осенью 1914 г. на базе кадровых частей и мобилизованных резервистов Омского, Иркутского и Приамурского военных округов развертываются семь Сибирских армейских корпусов и отдельно от них 11-я Сибирская стрелковая дивизии. Русский армейский корпус состоял из двух стрелковых дивизий, в каждую из которых входило две стрелковых бригады по два полка в каждой. Полк подразделялся на четыре батальона, а те, в свою очередь, включали четыре роты. Численность корпуса определялась в 48 тыс. чел.,

---

¹ Рашупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. С. 114.

² Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 64.

³ Рашупкин Ю. М. Указ. соч. С. 122.

дивизии – 21 тыс., батальона – 1 тыс. чел. Следовательно, в 11-ти стрелковых дивизиях насчитывалось 357 тыс. отправленных на фронт сибиряков. Кроме того, Сибирское казачье войско выставило 9 конных полков (свыше 16 тыс. чел.), Забайкальское казачье войско – 8 конных полков (около 12 тыс. чел.).

1-й Сибирский армейский корпус в составе 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизий формировался в Приморском военном округе. Часть его личного состава, также как и 2-го Сибирского армейского корпуса, составили мобилизованные резервисты из 10 уездов Вятской и Пермской губерний, включенные в состав подразделений корпусов в ходе перевозки их на запад. Участвовал в боевых действиях с августа 1914 г. на Северо-Западном, а с августа 1915 г. – Западном фронтах под командованием генерала М. М. Плешкова. Соединение отражало наступления противника на Варшаву и активно сражалось в Лодзинской операции (11 ноября – 19 декабря 1914 г.), в ходе которой были сорваны планы окружения двух русских армий Северо-Западного фронта. В составе 1-й армии сибиряки в феврале-марте 1915 г. участвовали в разгроме немецкой группы войск генерала М. Гальвица и освобождении г. Прасныша, а затем в отражении наступления противника летом-осенью 1915 г. на Наревском направлении. В 1916 г. корпус вел позиционную войну в составе 1-й и Особой армий Западного фронта, а в 1917 г. – 3-й армии.

2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии) был переброшен из Забайкалья (Иркутский военный округ) в Варшаву во второй половине сентября 1914 г. Под командованием генерал-лейтенанта А. В. Сычевского (с декабря 1914 г. – генерал от инфантерии) соединение приняло на себя основную тяжесть боев на варшавском направлении, потеряв к 5 октября 1914 г. 260 офицеров и 13,5 тыс. солдат. За бой под местечком Гройцык командир 16-го Сибирского стрелкового полка полковник С. М. Рожанский посмертно награждается орденом Св. Георгия 3-й степени. В конце 1914 г. 2-й Сибирский армейский корпус принял участие в тяжелейших боях в районе Лодзи, а в начале 1915 г. вместе с 1-м Сибирским армейским корпусом под упомянутым выше городом Праснышем. В августе того же года соединение перебросили из-под Барановичей на рижское направление, оно заняло оборону по реке Западная Двина. В конце 1916 – начале 1917 г. сибиряки приняли участие в наступлении 12-й армии Северного фронта на Митаву. В ходе операции 17-й Сибирский стрелковый полк корпуса отказался идти в атаку и выдвинул политические требования – формирование ответственного перед парламентом кабинета министров. К восставшим присоединился 55-й Сибирский полк 6-го Сибирского армейского корпуса. Личный состав резервной 3-й Сибирской дивизии частично разбежался, побросав оружие и боеприпасы. 92 зачинщика выступления из числа рядовых и унтер-офицеров на основании решения военно-полевого суда были расстреляны в присутствии представителей рот и команд, большое

*Евгений Александрович Радкевич,
командир 3-го Сибирского армейского
корпуса*

фронтах в составе 10-й армии (до февраля 1916 г.), а затем 4-й и 2-й армий. Им последовательно командовали генералы от инфантерии В. П. Корнеев, Е. А. Радкевич, генерал-лейтенанты В. О. Трофимов, А. Е. Редько и избранный солдатским комитетом в апреле 1917 г. генерал-лейтенант В. Ф. Джунковский. Соединение приняло участие в боях на белостокском направлении в районе крепости Осовец, на подступах к г. Августов. В составе 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Е. Флуга корпус отличился в Первой августовской операции (12–30 сентября 1914 г.), совершив обходной маневр, взяв г. Августов и выйдя немцам в тыл. В. Е. Флуг писал по этому поводу: «Эта согласованная боевая работа и доблесть сибирских и финляндских стрелков увенчались наконец желанным успехом: понеся большие потери, противник, всюду сбитый, 19 сентября стал поспешно отступать, теряя пленных, пулеметы и орудия. Таким образом фронт противника в районе к

количество приговорили к каторжным работам¹. В марте 1917 г. боевые действия носили спорадический характер, военнослужащих больше интересовали внутрироссийские проблемы. Как отмечал в своей записке генерал М. В. Алексеев: «В 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка»².

3-й Сибирский армейский корпус (7-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии) из Иркутского военного округа воевал на Северо-Западном, а с августа 1915 г. – на Западном

¹ Хромов П. Антивоенные выступления в войсках 12-й армии Северного фронта в конце 1916 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 121.

² Новиков П. А. Указ. соч. С. 67.

югу от Сувалок оказался прорванным»¹. В конце 1914 – первой половине 1915 г. его части оборонялись в районе Мариамполя – Кальварии, крепости Ковно (Каунас), где только 9 июля 1915 г. потеряли 461 солдата убитыми, 245 ранеными и 603 пропавшими без вести, к осени численность полков уменьшилась в 2–4 раза.

Зима 1915–1916 гг. прошла спокойно, а в марте 1916 г. корпус принял участие в наступательной операции в районе озера Нарочь. Вместе с 1-м Сибирским армейским корпусом и другими объединениями 2-й армии Западного фронта корпус пытался прорвать фронт противника и развернуть наступление севернее и южнее озера Нарочь на Свенцяны, Вилькомир. Сковав на Восточном фронте значительную часть группировки немецких войск, вынудив германское командование перейти под Верденом к обороне и перебросить свыше четырех дивизий с Западного фронта на Восточный, 2-я армия потеряла 1018 офицеров и 77 427 солдат (30,3 % личного состава)². Летом, в развитие Брусиловского прорыва, 3-й корпус пытался наступать южнее Барановичей, держал оборону на плацдармах по реке Неман. В январе 1917 г. в его состав вошла вновь сформированная 17-я Сибирская стрелковая дивизия 4-й очереди. Корпус был окончательно расформирован весной 1918 г. в Смоленске.

4-й Сибирский армейский корпус (9-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии) формировался в Приамурском военном округе. Он воевал на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.) и Румынском (с декабря 1916 г.) фронтах в составе 12-й, 2-й, 3-й, 8-й, 6-й армий. Личный состав соединения участвовал в Праснышской наступательной операции и разгроме армейской группы генерала М. Гальвица в начале 1915 г. В последующем части корпуса обороняли отведенные ему позиции вплоть до его расформирования в начале 1918 г.

5-й Сибирский армейский корпус (3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии, расквартированные в Приамурском военном округе). Принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.), Северном (с марта 1916 г.) и Юго-Западном (с июня 1916 г.) фронтах в составе 1-й, 2-й, 4-й, 12-й, 6-й, 8-й, 11-й армий. Наиболее значимыми в его военной истории стали боевые действия под Варшавой, Лодзью. 6-я Сибирская стрелковая дивизия корпуса в конце ноября 1914 г. участвовала в окружении группы генерала Шеффера, но не была поддержана и подверглась разгрому тремя германскими дивизиями. Летом 1916 г. эта дивизия отличилась в сражении на реке Стырь, разгромив части германского корпуса. В июле 1917 г. 5-й Сибирский корпус принял участие в наступлении на львовском направлении, которое было остановлено прибывшими из Франции

---

¹ Олейников А. В. Генерал Первой мировой В. Е. Флуг // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 26.

² Гаврин Д. А. 2-я русская армия в боях у озера Нарочь в марте 1916 года // Вестник Омского университета, 2011, № 1. С. 85–89.

немецкими войсками, а потом войска Юго-Западного фронта оттеснили на линию Броды, Збараж, Гржималов, Боян. Также, как и другие армейские формирования, соединение в 1917 г. подверглось «демократизации» и как докладывал в начале 1918 г. его выборный командир капитан А. И. Тодорский 13 декабря 1917 г. по инициативе сибиряков 6-й Сибирской артиллерийской бригады начала функционировать организация союза сибиряков корпуса», которая предполагала бороться «за широкое самоуправление и самобытность Сибири»¹.

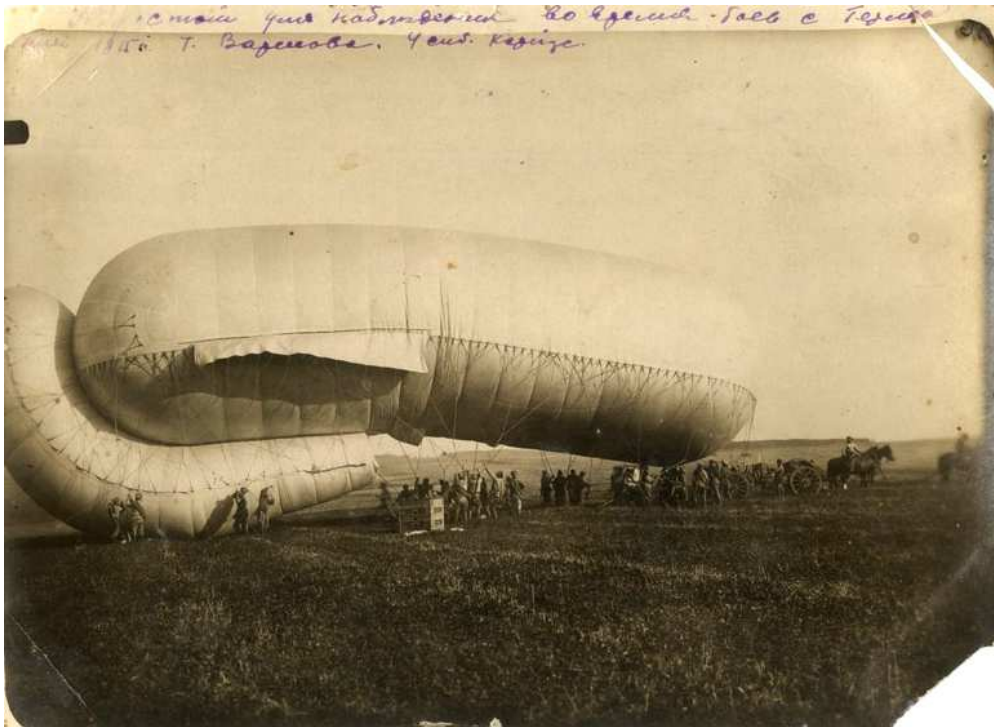
6-й Сибирский армейский корпус образован в сентябре 1914 г. на базе второочередных 13-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий, кадры для которых были выделены из 8-й и 11-й Сибирских стрелковых дивизий. Соединение участвовало в боевых действиях в составе 1-й, 2-й, 4-й, 12-й армий на Северо-Западном, Западном (с августа 1915 г.) и Северном (с октября 1915 г.) фронтах. 14-я с. д. первая на Восточном фронте подверглась газовой атаке и потеряла большую часть личного состава. Корпус прославился атакой без единого выстрела германских позиций в декабре 1916 г. Тогда особо отличились 11-й Сибирский стрелковый полк полковника В. Н. Пименова и 56-й Сибирский стрелковый полк полковника П. П. Шрамкова.

7-й Сибирский армейский корпус образован в июле 1915 г. на фронте на базе второочередных 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. Они были развернуты соответственно в Иркутске и Красноярске во второй половине июля 1914 г. 12-я с. д. в конце 1914 – начале 1915 г. воевала в Карпатах, а в июне 1915 г. была переброшена на Северо-Западный фронт в 5-ю армию. 13-я с. д. в составе 6-го Сибирского армейского корпуса осенью 1914 г. обороняла Варшаву, а затем вела бои в районе городов Цеханов, Плонск. В апреле 1915 г. ее передали в состав Юго-Западного фронта, где она участвовала в боях на реке Сан. В конце мая соединение возвратили на Северо-Западный фронт. 3 июля 1915 г. приказом по 5-й армии 12-я и 13-я с. д., 4-я и 15-я кавалерийские дивизии объединяются в особый отряд, а затем 7-й Сибирский армейский корпус во главе с начальником 12-й с. д. генерал-лейтенантом Н. И. Сулимовым. Дивизии участвовали в кровопролитных арьергардных боях лета 1915 года, вошедших в историю как «Великое Отступление» русской армии, обороняли Митавскую укрепленную позицию, подступы к Двинску и Риге. Корпус участвовал в наступательных операциях на рижском направлении в марте и июле 1916 г. В августе того же года соединение по железной дороге перебросил на юг в резерв Юго-Западного фронта в район г. Ровно и включили в состав 7-й армии. В сентябре-октябре сибиряки вели тяжелейшие бои, приняли участие в последнем крупном наступлении русской армии в июне 1917 г. Известно, что «из частей 7-го Сибирского корпуса исполнили приказ о занятии передовых позиций только разрозненные части, всего два с половиной полка»². Корпус был расформирован в марте 1918 г.

¹ Исторический архив, 2004, № 3. С. 89.

² Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983. С. 27.

Бойцы 4-го Сибирского корпуса поднимают аэростат для наблюдения за противником. 1915 г. (Из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

Помимо 10 стрелковых дивизий пяти армейских корпусов во время всеобщей мобилизации в последней декаде июля 1914 г. в Омском военном округе формируется 11-я Сибирская стрелковая дивизия, в состав которой вошел 41-й Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в Новониколаевске. Она участвовала в сентябре 1914 г. в деблокаде крепости Осовец. «Звездным» часом для соединения стали бои в районе польского города Прасныш, предотвратившие окружение русских войск в Польше. 30 июня 1915 г. в тяжелейшем бою дивизия отбила натиск шести дивизий двух германских корпусов. Героическое сопротивление ее воинов спутало немецкие планы и они смогли лишь вынудить русские войска к медленному отходу. В этом бою 11-я с. д. потеряла 70 % личного состава (105 офицеров и 10 951 солдата и унтер-офицера)¹. За проявленное мужество разведчик 41-го с. п. младший унтер-офицер П. Т. Дрон награждается Георгиевским крестом 3-й степени, а стрелок Н. П. Каменев – 4-й степени². В составе дивизии воевал старший унтер-офицер М. Е. Ванин (1890–1968), переселенец из Тамбовской губернии, житель д. Высокая Грива Кайлинской волости Томского

¹ Корольков Г. Праснышское сражение. Июль 1915 г. М. – Л., 1928. С. 43, 44, 53.

² Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 42.

*Павел Осипович Показанов
(1893–1919), полный
георгиевский кавалер
Первой мировой
(из коллекции Куйбышевского
краеведческого музея)*

уезда. Он служил в разведке и за проявленное в боях личное мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Затем служил в РККА и посвятил 20 лет педагогической деятельности¹. Среди ее офицеров следует назвать награжденного орденом Св. Георгия 4-й степени капитана (в последствии подполковника) А. Н. Пепеляева, в будущем генерал-лейтенанта, командующего белой 1-й Сибирской армией.

Сибирское казачье войско (СКВ) отправило на фронт свыше 16 тыс. чел. Его 1-й и 2-й полки были сведены в Отдельную Сибирскую казачью бригаду, воевавшую на Кавказском фронте. Здесь отличился 1-й полк, который в бою под городом Ардаганом 21 декабря 1914 г. разгромил турецкий пехотный полк и захватил его знамя. Высочайшим приказом от 6 декабря 1916 г. император Николай II принял шефство над частью и включил в её списки своего сына и наследника престола цесаревича Алексея. С этого момента полк стал именоваться 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева, ныне его Императорского Величества, полк, а его личный состав получил право носить на погонах императорский вензель. 3-й полк всю войну оставался в Омском военном округе со штабом в г. Зайсане. 4-й и 5-й казачьи полки в августе, 7-й и 8-й в декабре 1914 г. были отправлены на фронт и приданы четырем армейским корпусам Северо-Западного фронта. Только в ноябре 1915 г. их свели в Сибирскую казачью дивизию. В феврале 1915 г. в Августовских лесах 4-й Сибирский казачий полк был разбит, в бою погиб его командир войсковой старшина Г. А. Власов, в плен попало 9 офицеров и командир 1-й бригады Сибирской казачьей дивизии генерал-майор А. Я. Усачев. В свою очередь, в феврале 1915 г. под г. Праснышем две сотни 8-го полка разгромили два германских эскадрона конного-гренадерского полка. Весной 1917 г. дивизию отвели в тыл и рассредоточили для несения охранной службы в Минском и Московском военных округах.

6-й и 9-й полки, сведенные в Отдельную Сибирскую казачью бригаду, выступили на Северо-Западный фронт в июле 1915 г. В 1916 г. 9-й полк сняли с фронта и через Семипалатинск направили в Семиречье для подавления восстания казахов. Затем его перевели в Ташкент, откуда в январе 1917 г.

¹ Тогучинская газета. 2013. 14 авг.

отправили в Персию в состав Русского экспедиционного корпуса. 6-й полк в сентябре 1917 г. вернули в Сибирь (4 сотни в Семипалатинске, по одной в Новониколаевске и Омске). Кроме того, летом 1915 г. в СКВ сформировали и срочно отправили на фронт три отдельных сотни (3 офицера и 157 казаков в каждой). Они несли службу при штабах армейских корпусов, периодически участвуя в боевых действиях. Так, за героизм, проявленный при прикрытии отхода наших войск в течение 18 июня 1917 г. 3-я Отдельная Сибирская казачья сотня получила для награждения отличившихся 25 Георгиевских крестов и 20 Георгиевских медалей. В 1915 г. в Брянске сформировали Сибирский казачий конно-артиллерийский дивизион, в конце этого же года в составе Сибирской казачьей дивизии создается Отряд особого назначения во главе с подьесаулом Б. В. Анненковым¹.

1-я Забайкальская казачья бригада Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) прибыла на Юго-Западный фронт и приняла активное участие в Варшавско-Ивангородской операции 28 сентября – 8 ноября 1914 г. В боях забайкальские казаки проявили свои лучшие качества. Так, при отходе с левого берега реки Пилица в спешке отступления бросили раненых пехотинцев. Спасти их вызвались добровольцы из 2-й сотни 1-го Читинского полка, которые под сильным ружейно-пулеметным огнем несколько раз прорывались к раненым и вывезли 30 солдат. За этот подвиг, ставший известным всей армии, казаков наградили Георгиевскими крестами. Всего же за осенне-зимние бои 1914 г. только в 1-м Верхнеудинском полку вручили 78 Георгиевских крестов и 28 медалей. В начале 1915 г., как вспоминает тогда сотник 1-го Нерчинского казачьего полка и будущий атаман Г. М. Семенов, на границе с Восточной Пруссией, его подчиненные «вели разведку и состязались с германскими кавалеристами в небольших кавалерийских стычках и ловкости разведчиков. Немцы придерживались системы разведки не менее полуэскадром, а мы предпочитали пользоваться мелкими разъездами, имевшими иногда в своем составе не более 5–6 коней. Наш казак оказался лучшим индивидуальным бойцом, чем немецкий регулярный кавалерист. За полтора месяца практики моей в действии разъездом, при регулярной смене казаков, я захватил в плен свыше 50 германских всадников и не потерял ни одного со своей стороны»².

Вплоть до апреля 1915 г. 1-я Забайкальская казачья бригада занимала оборону по р. Пилица, а затем прикрывала отход пехоты Северо-Западного фронта из Польши. После прибытия на фронт 2-го Верхнеудинского казачьего полка бригаду развертывают в 1-ю Забайкальскую казачью дивизию. 15 января 1916 г. в Бобруйске состоялся смотр нового соединения императором Николаем II. По итогам боевых действий в 1915 году только в 1-м Верхнеудинском полку в хорунжие произвели вахмистра Подойницына и старшего урядника Кузнецова. Награждены орденами: Св. Анны 4-й степени

---

¹ Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. С. 29–31.

² Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли, выводы). М., 1999. С. 40.

Прожекторная станция во время работы 4-й Сибирский корпус. Румыния, г. Галац, 1916 г. (Из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

прапорщик Барахтин, хорунжий, князь Аргутинский-Долгоруков, войсковой старшина Измайлов; Св. Анны 2-й степени с мечами – сотники Лавров и Сенченков; Св. Станислава 2-й степени – ветеринарный врач Мальковский; Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом – хорунжий Горбач; английским «Отличной службы» – есаул Мацевский. Мечи и бант к ордену Св. Станислава получили подъесаул Резухин и сотник Иванов, войсковому старшине Зимину вручено Георгиевское оружие ¹.

В этом году дивизия приняло участие в Брусиловском прорыве. Только за один день боев 1-й Верхнеудинский полк захватил 2 орудия, несколько пулеметов и до 1100 пленных австрийцев. Линия фронта стабилизировалась на реках Стоход и Стырь. За отличие в боях, помимо орденов Св. Станислава 4-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени, сотник 1-го Нерчинского казачье полка, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг удостоился двойного производства в чинах: 3 сентября 1916 г. его производят в подъесаулы, а на следующий день – в есаулы ². В конце 1916 г. части дивизии направляются в тыл для охраны железных дорог и задержания дезертиров. По признанию Г. М. Семенова: «Мы ловили на станции Узловая до тысячи человек в сутки. Солдатский поток с фронта был настолько значителен, что это явление нельзя было рассматривать иначе, как грозным признаком грядущего развала

¹ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. С. 494.

² Жуков А. В. Барон Унгерн. Даурский крестоносец или буддист с мечом. М., 1913. С. 111.

армии»¹. 23 мая 1917 г. полкам 1-й Забайкальской казачьей дивизии предписывается сдать свои знамена в штаб армии с последующей отправкой в Петроград для снятия царских регалий. Однако, на общем собрании казаков и офицеров 1-го Читинского полка принимается решение оставить у себя свое Георгиевское знамя.

На Кавказском фронте в районе Карса воевала 2-я Забайкальская казачья бригада, а на Эриванском направлении 4-я. Забайкальские казаки в 1915 г. приняли участие в боях за Тадван, на битлисском направлении, в турецком Курдистане и в Персии. В 1916 г. они участвовали в боях на мосульском направлении. Весной 1917 г. забайкальцы стали создавать полковые комитеты, проявлять враждебное отношение и недоверие к офицерам².

В свете изложенной информации требует пояснений понятие «сибирское соединение» применительно к перечисленным корпусам и дивизиям. Сам факт их формирования за Уралом в Омском, Иркутском и Приамурском военных округах дает основание предположить, что основную часть мобилизованных в них резервистов составили местные жители, хотя среди них находилось большое количество переселенцев, сравнительно недавно мигрировавших в Сибирь. Были и оставшиеся на жительство отслужившие срочную службу. Яркий пример – будущий герой гражданской войны в Енисейской губернии П. Е. Щетинкин, уроженец Рязанской губернии, который, уволившись в запас в декабре 1909 г., остался на жительство в деревне Красновка под Ачинском. В начале 1912 г. он стал сверхсрочником в 29-м Сибирском стрелковом полку в Ачинске, откуда летом 1914 г. отбыл на фронт.

Но большую часть командного (офицерского) состава в этих воинских формированиях составили уроженцы и выходцы из Европейской России. Доля их в составе частей была незначительной. Так, в 11-й Сибирской стрелковой дивизии на 14397 солдат приходилось 230 офицеров (1,04 %) ³. Однако часть личного состава 1-го и 2-го Сибирских армейских корпусов, как указывалось выше, составили мобилизованные резервисты из 10 уездов Вятской и Пермской губерний (всего в них насчитывалось 23 уезда). И самое главное. В отличие от германской корпусной системы комплектования и пополнения воинских частей за счет призванных с определенной территории или города, этот принцип в русской армии в годы Первой мировой войны обеспечивался частично. Во-первых, в запасные батальоны и полки сибирских военных округов направлялись призванные не только из Сибири, но из Вятской, Пермской и Уфимской губерний, и не только русские. Так, в 1915 г. из 258 чел., прибывших по призыву в 38-й Сибирский запасной стрелковый полк

---

¹ Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли, выводы). М., 1999. С. 54.

² Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: Исторический очерк-хроника. Волгоград, 1994. С. 395–523.

³ Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 78.

(в Томске) из Бирского уезда Уфимской губернии, русские составляли 36 чел., остальные являлись башкирами и татарами¹. Во-вторых, маршевые роты из сибирских запасных частей отправлялись как правило не адресно в сибирские фронтовые формирования, а в запасные полки армий и фронтов. Например, в конце декабря 1917 г. в г. Ржев в 52-й пехотный запасной полк прибыли пять маршевых рот (по 250 чел.) из Томска для пополнения Западного фронта². 77-я маршевая рота из 38-го Сибирского запасного полка из Томска прибыла на станцию Вязьма 17 ноября 1916 г. в 23-й запасной пехотный полк Западного фронта. В кратком отчете о ее осмотре указывалось, что среди военнослужащих были уроженцы Томской, Петроградской, Волынской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Пермской, Уфимской и Харьковской губерний³. И только 72-я маршевая рота из того же томского запасного полка 8 декабря 1916 г. прибыла на укомплектование 244-го Красноставского пехотного полка 61-й пехотной дивизии⁴. Таким образом, в сибирских формированиях начального периода войны сибиряки, по всей видимости, преобладали. Их доля уменьшалась в ходе военных действий, хотя и была достаточно внушительной.

В связи с этим встает вопрос о степени привязки отдельных полков русской императорской армии к городу, в котором они формировались и данное обстоятельство увековечивалось в их названии. Так, в числе кадровых армейских частей еще до войны были 9-й гренадерский Сибирский генерал-фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полк, 38-й Тобольский, 39-й Томский, 40-й Колыванский, 41-й Селенгинский, 42-й Якутский, 43-й Охотский, 44-й Камчатский пехотные полки. Например, Томский егерский полк был сформирован в Томске 29 ноября 1796 г. В 1808 г. в составе 24-й пехотной дивизии его вывели к западным границам России и больше в Сибирь он не возвращался. В 1864 г. он становится 39-м пехотным Томским. Накануне Первой мировой войны часть дислоцировалась в городе Козлове (Мичуринске) Тамбовской губернии, а с началом боевых действий вошла в состав 10-й пехотной дивизии вместе с другими «сибирскими» формированиями: 37-м Екатеринбургским, 38-м Тобольским и 40-м Колыванским пехотными полками⁵. Судя по отсутствию информации о призыве в него томичей и жителей Томской губернии, можно предположить, что полк не был «сибирским», и в период развертывания в июле 1914 г. в него пришли резервисты в основном из Тамбовской губернии. В качестве противоположного примера можно назвать третьеочередной 533-й

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14 об.

² ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 31–31 об.

³ Там же. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 86.

⁵ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 260; Голиков В. И., Чернов К. А. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX веках. Томск, 2012. С. 327.

Новониколаевский пехотный полк 134-й пехотной дивизии, который был сформирован уже во время войны из новониколаевцев и доблестно сражался на фронте. Причем городские власти и обыватели поддерживали связи со своими родными и земляками, собирали для них теплую одежду, продукты и подарки, на фронт приезжали делегации горожан¹. В Томске же в 1910 г. на базе местного пехотного батальона разворачивается 42-й Сибирский стрелковый полк 11-й Сибирской стрелковой дивизии, командиром (командующим) которого назначили полковника Н. М. Пепеляева (отца В. Н. и А. Н. Пепеляевых)².

Определенное представление об офицерском составе сибирских воинских формирований периода Первой мировой войны, их мужестве и героизме дают собранные Д. Г. Симоновым сведения на 534 кавалера военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, участвовавших в боевых действиях в составе сибирских частей³. Как известно, орден этот давался только за военные подвиги. Всего с момента учреждения в 1769 г. и до конца 1917 г. орденом Св. Георгия 4-й степени награждено свыше 6 тыс. чел. Все 534 офицера удостоились этой степени, а трое – генерал-майор А. С. Карницкий, командир 2-го пограничного Заамурского полка, а затем 1-й Заамурской конной бригады; генерал-лейтенант В. И. Соколов, командир 4-го Сибирского армейского корпуса и полковник В. Н. Токарев, командир 9-го гренадерского Сибирского полка – стали еще и кавалерами этого ордена 3-й степени.

За какие заслуги награждали этой высокоценимой в армии наградой, можно судить из представления на награждение орденом Св. Георгия 4-й степени будущего генерал-лейтенанта сибирской белой армии А. Н. Пепеляева: «Будучи в чине штабс-капитана, в бою 18 сентября 1915 года, командуя отрядом из четырех команд конных разведчиков 11-й Сибирской стрелковой дивизии, одной пешей командой разведчиков 44-го Сибирского стрелкового полка и полуротой того же полка, лично управляя боем под сильным пулеметным и ружейным огнем, удержал свою позицию. Отбив атаки германцев силою около двух батальонов пехоты с 6 пулеметами, когда же позиция правого боевого участка у д. Боровая была захвачена противником, и был неизбежен наш отход по всему фронту, штабс-капитан Пепеляев, получив разрешение отойти из д. Клетце, по собственной инициативе решил держаться на своей позиции, отбил все атаки немцев и, выждав благоприятную минуту, перешел сам в наступление, отбросив противника и своим наступлением угрожая левому флангу немцев, занявших д. Боровую, заставил их бросить занятую ими позицию и отступить за р. Неман»⁴.

---

¹ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители.... С. 42.

² Чернов К. А. Томский гарнизонный батальон – 42-й Сибирский стрелковый полк // Тр. Томск. обл. краеведческ. музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 93

³ Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 647–655.

⁴ Цит. по: Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 18–19.

Орден Св. Георгия (слева) и Георгиевский крест (справа)

По годам войны награждения распределяются следующим образом: 1914 – 5 (0,93 %), 1915 – 185 (34,6 %), 1916 – 125 (23,4 %), 1917 – 217 (40,6 %), 1918 – 2. По родам войск: пехота – 322 (60,3 %), казаки – 35 (6,5 %), артиллерия – 64 (12,0 %), саперы (инженеры) – 12 (2,3 %), военнослужащие Заамурских пехотных и конных полков – 61 (11,4 %). Среди награжденных присутствует один врач – Е. А. Матушкин, лекарь, и. д. врача 21-го Сибирского стрелкового полка. Список свидетельствует о появлении нового рода войск – военной авиации, поскольку в каждом армейском корпусе по штатному расписанию полагалось авиазвено, выросшее до авиаотряда. Из 15 награжденных летчиков 8 можно считать кадровыми авиаторами. Например, прапорщика Б. И. Мерцалова, летчика 3-го и 5-го Сибирских корпусных авиаотрядов. Еще 7 офицеров пришли в авиацию в ходе боевых действий из артиллерии, пехоты, кавалерии, саперных частей. В качестве примера можно назвать поручика 31-го Сибирского стрелкового полка Ф. Ф. Василевского, фактически служившего военным летчиком 8-го авиационного отряда истребителей или штабс-капитана 77-й артиллерийской бригады Н. В. Евсюкова, служившего летчиком-наблюдателем 1-го Сибирского корпусного авиационного отряда.

Среди награжденных – представители 54 стрелковых полков, 13 артиллерийских бригад и дивизионов, 10 казачьих полков СКВ и ЗКВ, всего – 77 частей. Больше двух награжденных служило в 57 полках, бригадах и дивизионах. Максимальные показатели: 14 орденосцев – в 7-м, по 12 – в 4-м, 6-м, 9-м, 14-м, 21-м Сибирских стрелковых полках, 11 – в 8-м, 37-м Сибирских стрелковых, по 10 – в 47-м пехотном и 7-й Сибирской артиллерийской бригаде. По 9 награжденных воевало в двух полках, по 8 – в

двух, 7 – в одном, по 6 – в шести полках и двух артиллерийских бригадах, по 5 – в пяти полках.

По воинским званиям изучаемая совокупность распределилась следующим образом: прапорщики (корнеты, хорунжие) – 60 (11,23 %), подпоручики – 78 (14,6 %), поручики (сотники) – 87 (16,2 %), штабс-капитаны (подъесаулы) – 61 (11,4 %), капитаны (ротмистры, есаулы) – 92 (17,2 %), подполковники (войсковые старшины) – 64 (12 %), полковники – 54 (10 %), генерал-майоры – 23 (4,3 %), генерал-лейтенанты – 6 (1,1 %), генерал от инфантерии (Е. А. Радкевич, командир 3-го Сибирского армейского корпуса) – 1. Среди полковников 44 служили командирами полков, т. е. являлись ключевыми фигурами в непосредственной организации и ведении боевых действий. За что их награждали, можно судить по описанию подвига командира 39-го пехотного Томского полка М. Г. Пацевича, который «в бою 15 авг[уста] 1914 г. у поселка Лацов, командуя левым боевым участком в составе трех батальонов его же полка, воодушевляя подчиненных личным мужеством, энергичной атакой опрокинул превосходные силы неприятеля на узкую переправу у дер. Пукаржева, что привело к разбитию австрийской дивизии и пленению значительной части ее. При этом полком было взято знамя, одна батарея и несколько сот пленных». Сам М. Г. Пацевич был убит в бою 13 февраля 1916 г.¹

Мужество и героизм проявили рядовые воины-сибиряки. Не случайно в изданном в Австро-Венгрии в начале 1917 г. справочнике «Русская армия» 2-я, 3-я, 7-я, 8-я, 9-я, 12-я Сибирские стрелковые дивизии именовались «ударной силой», а 10-я Сибирская стрелковая дивизия характеризовалась следующим образом: «Пользуется очень высокой репутацией, особенно при наступлении»². Отличившиеся в боях награждались Георгиевскими крестами и медалями. В качестве примера можно привести представителя известной купеческой династии Белоголовых чаеоторговца Силу Васильевича, который в качестве добровольца-санитара участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и был награжден медалью. С началом Первой мировой опять же с одним из сформированных в Иркутске стрелковых полков ушел на фронт. В Иркутске он появился в конце ноября 1914 г. Как сообщает И. И. Серебренников: «Приехал доброволец С. В. Белоголовый, получивший уже три степени Святого Георгия и представленный к 4-й. Он служил в конно-разведочной команде и участвовал в делах на восточно-прусском фронте. Здесь доброволец будет держать экзамен на офицера и затем снова вернется в армию»³.

Информация с театра боевых действий постепенно формирует в общественном сознании представление о героическом и жертвенном подвиге

¹ Голиков В. И., Чернов К. А. Указ. соч. С. 423.

² Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 155.

³ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В двух томах. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 71; Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 68.

*Бойцы 5-го Сибирского стрелкового полка
(из коллекции Новосибирского краеведческого музея)*

сибирских стрелковых полков, находившихся в самом пекле сражений. В качестве примера опять сошлемся на дневник иркутского общественного деятеля И. И. Серебренникова. 3 декабря 1914 г. он записывает: «О сибирских полках все чаще и чаще начинают писать и говорить. В деле под Варшавою они покрыли себя неувядаемою славою».

«От Варшавы немца гнали пред собой,
Что ни лес, что ни деревня – славный бой.
Будут немцы долго помнить про стрелков,
Про сибирских наших чудо-молодцов».

12 февраля 1915 г.: «Думаю, то при отступлении из Восточной Пруссии пострадали сильно, сильно опять-таки наши сибирские стрелки, принявшие на себя тяжесть войны с германцами». 25 июня того же года: «Вести с фронта пока идут успокоительные. Наши серые герои творят подлинные чудеса»¹.

Во многом соответствующий имидж формировался целенаправленно официальными телеграммами. Одну из них воспроизводит И. И. Серебренников: «Сегодня [12 декабря 1914 г.] агентские телеграммы сообщили о сибирских стрелках следующее: "11 декабря. Выясняются лихие действия наших сибирских стрелков в течение трех ночей подряд с 6 по 8 декабря, нанесших жестокие поражения немецким войскам, пытавшимся переправляться через Бзуру на участке ее между впадением реки Равки и Сохачевым. В первую ночь были почти совершенно уничтожены 7 батальонов, принадлежавших большею частью к полевой Вюртембергской дивизии, незадолго перед тем перевезенной на наш фронт из Франции и укомплектованной до полного состава».

В ночь на 7 декабря подобная участь постигла две роты, переправившиеся в течение 6 декабря по пешеходному мостику близ устья реки Писи.

На следующий день на том же участке Бзуры немцы при поддержке сильнейшего артиллерийского огня опять успели накопить на правом берегу около двух батальонов. Однако в ночь на 8 декабря и эти батальоны были уничтожены, несмотря на то, что своевременно заметили наше наступление еще за версту до своих окопов, осветили всю впереди лежащую местность прожекторами и ракетами и осыпали наши штурмовые колонны градом ружейных и шрапнельных пуль.

Ввиду ожесточенности боев и работы наших войск почти исключительно штыками потери немцев убитыми были огромны. В одну только последнюю ночь ими оставлено на месте боя свыше 1200 трупов.

Взятые в плен германские офицеры высказывали мнение, что они прямо не представляли себе, чтобы можно было атаковать с такой стремительностью, каковая была проявлена нашими стрелками"»².

Война 1914–1918 гг. подтвердила сформировавшееся в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. устойчивое мнение о высоких боевых качествах воинов-

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 69, 90, 130.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 71–72.

сибиряков. «Я помню, – свидетельствовал А. В. Туркул, – как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норовит бабахать почаще, себя подбадривая, а куда бабахает – и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко... Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф.

А своими победами перед другими солдатами сибирские бородачи были горды, что называется, до черта. Едва зайдет при них солдатский разговор, что такому-то полку дали георгиевские петлицы или что там снова прославилась гвардия, как сибиряк уже щурится презрительно и говорит с равнодушием: "Да брось ты про георгиевские петлицы... Гвардея тоже... Что гвардея, когда мы, сибирячки, с ашалонов Аршаву атаковали!"¹.

Бывшие алтайские крестьяне, ставшие матросами Е. Субботин и И. Черепанов, воевали в составе экипажа крейсера «Аскольд», входившего в состав Сибирской военной флотилии на Дальнем Востоке. С начала военных действий боевой корабль вошел в состав союзной эскадры (Англия, Япония, Россия) с целью поиска и уничтожения немецких рейдеров в Индийском океане. В этот период крейсер захватил немецкий пароход и уничтожил два небольших парусных судна. Осенью 1914 г. его направили в Средиземное море, где в составе англо-французской эскадры «Аскольд» участвовал в боевых действиях против Австро-Венгрии и Турции, в частности в Дарданелльской десантной операции².

Воевали не только взрослые мужики. В октябре 1915 г. в домоф Новониколаевск приехали в краткосрочный отпуск пятнадцатилетние фронтовики Пантелеймон Каменев и Андрей Семенов, которые до войны были разносчиками телеграмм. Тайком от родителей на проходящем через город воинском эшелоне они уехали на фронт, где воевали в разведывательном подразделении. За боевые подвиги были представлены к награждению георгиевскими крестами³. Хотя «инородцы» в действующую армию в основной массе не призывались, некоторые из них пошли на фронт добровольцами. В частности, в мае 1915 г. из Якутска в действующую армию отправилось четыре якута-добровольца. В том же году ушел на фронт А. И. Говоров, сын известного якутского общественного деятеля И. С. Говорова. Он служил разведчиком, окончил школу прапорщиков, удостоился двух георгиевских крестов 2-й и 3-й степени⁴.

С другой стороны, многие из призванных из сибирской глубинки не понимали причин конфликта и не воспринимали официальной версии его.

---

¹ Туркул А. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918–1920 гг. // Я ставлю крест... М., 1995. С. 7.

² Муравьев А. С. Неизвестный Алтай. Далекое – близкое. Барнаул, 2011. С. 101.

³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 98–99.

⁴ Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М., 2002. Кн. 1. С. 214.

Офицер запаса, впоследствии выдающийся философ русского зарубежья, Ф. А. Степун так отзывался о своих подчиненных по батарее 12-й Сибирской артиллерийской бригады, сформированной осенью 1914 г. в Иркутске: «Однажды, будучи дежурным по бригаде, я разговорился у коновязи с группой "стариков" – за уборкой лошадей солдаты-крестьяне невольно становились откровеннее. Вопросы сыпались один за другим: "И с чего это немец нам войну объявил, ваше благородие?", "А далеко ли до немца ехать?", "Крещенный ли немец народ или как турки, нехристи?", "Может быть, они с того на рожон лезут, что жить им тесно, с хорошей жизни на штык не полезешь, так нельзя ли от них откупиться?"... В первом откровенном разговоре со своими батареями, я, к своему величайшему удивлению, заметил, что большинству из них война, правильная война, представлялась чем-то вроде крестового похода. Очевидно, такое представление поддерживалось в них, с одной стороны, церковною молитвою о благоверном императоре и «христоролюбивом воинстве», а с другой – солдатскими песнями, связанными с воспоминаниями о турецких походах. Мое сообщение, что немцы христиане, а больше трети из них католики, то есть христиане, каждое воскресенье обязательно ходящие в церковь, крестящиеся в ней и становящиеся на колени, совершенно сбило моих собеседников с толку, так как явно не вязалось с их представлением о враге – турке и японце...

Нельзя сказать, чтобы сибирские крестьяне не были бы патриотами. Свою Россию они любили, и главное, крепко верили в ее мощь, но их своеобразный крестьянский патриотизм носил скорее хозяйственный, чем государственный характер. Сколько раз слышал я в Карпатах общесолдатское мнение: "Да зачем нам, ваше благородие, эту Галицию завоевывать, когда пахать неудобно". Несмотря на такую гражданскую неподготовленность к войне, бригада воевала на славу»¹.

В силу целого комплекса причин (хронический дефицит боеприпасов, низкая обеспеченность по сравнению с противником вооружением, некомпетентность высшего командного состава) боевые действия сопровождались колоссальными потерями личного состава действующей армии. В частности, за год боевых действий (ноябрь 1914 – октябрь 1915 г.) 15-й Сибирский стрелковый полк потерял убитыми и умершими от ран 883 чел., ранеными и больными 3968, пропавшими без вести и попавшими в плен 4651 чел., всего 9517 чел. при штатной численности полка порядка 4 тыс. чел. Безвозвратные потери 29-го Сибирского стрелкового полка с 14 сентября 1914 г. по 20 июля 1917 г. составили 1208 убитых и умерших от ран, 4953 пропавших без вести. В 1917 г. несколько изменяются причины потерь. Согласно журналу военных действий 2-го Сибирского армейского корпуса с 24 января по 21 октября три дивизии соединения понесли следующие

---

¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 269–271.

Братская могила погибших в ходе газовой атаки немцев. 5-й Сибирский корпус. (Из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

потери: расстреляно за отказ идти в атаку – 24 чел., 25 убито, 99 ранено и контужено, четверо перебежали к немцам¹.

В кампаниях 1914–1915 гг. была уничтожена большая часть кадровых офицеров. К осени 1917 г. в полках только 4 % офицеров имели подготовку в объеме нормального военного училища, а остальные прошли ускоренный курс обучения или были произведены из солдат и унтер-офицеров. Примерно 80 % офицерского корпуса являлись выходцами из крестьян². Всего за годы войны офицерами стали 220 тыс. чел., и, как верно подметил С. В. Волков, к 1917 г. офицерский корпус «практически соответствовал числу лиц, имевших какое-либо образование: все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами, то есть офицерские погоны носила почти вся молодая российская интеллигенция»³. Не случайно военный журналист Вс. Н. Иванов заметил: «А между тем уже и царская армия последнего периода была армией прапорщиков»⁴. В литературе утвердилось негативное отношение к ним, поскольку за три–четыре месяца обучения нельзя подготовить полноценного командира. Будущий атаман, а во время войны есаул, Г. М. Семенов квалифицировал их как «суррогат офицеров, который ни по своей подготовке, ни по воспитанию не подходил к предназначенной ему роли. Офицеры военного времени, т. е. офицеры поневоле, естественно, не могли иметь должного авторитета в глазах солдат, не имея сколь-нибудь удовлетворительных военных знаний. Многие из них вышли из среды революционно-настроенной русской общественности и свою роль понимали своеобразно, внедряя в головы подчиненной им массы освободительные идеи революционной догматики»⁵.

В ходе войны представители различных групп офицерства, прежде всего кадровые и военного времени, постепенно осознавали необходимость радикального изменения ситуации в стране для достижения победы. Их кредо выразил сибиряк, подполковник А. Н. Пепеляев, заявивший: «...Моим знаменем на Германской войне было – победа и величие России. Для этого я не щадил своей жизни, но действительность оказалась иной; боевые полки бестолково гибли, таяли новые пополнения, армия не получала патронов и снарядов... Встал вопрос: кто виноват? Ответ один: бездарное правительство, не способное организовать оборону страны. Поэтому я, как большинство офицеров, спокойно встретил Февральскую революцию и отречение Николая Романова от престола»⁶.

---

¹ Новиков П. А. Указ. соч. С. 212–213, 222–223, 248.

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 26–27.

³ Волков С. В. На углях великого пожара. М., 1990. С. 53.

⁴ Иванов Вс. И. Душа армии // Иванов Вс. И. Огни в тумане: Рерих – художник – мыслитель. М., 1991. С. 154.

⁵ Атаман Семенов. Указ. соч. С. 53.

⁶ Цит. по: Петрушин А. Омск, Аян, Лубянка... Три жизни генерала Пепеляева // Родина, 1996, № 9. С. 59.

Таким образом, в 1917 г. подавляющая часть офицеров благожелательно встретила свержение самодержавия. Вообще события 1917 года можно назвать революцией прапорщиков. Так, из 54 офицеров – активных участников установления в Сибири советской власти в 1917 – начале 1918 г. (персоналии которых приводятся в монографии А. Н. Баталова) 37 (68,5 %) являлись прапорщиками¹. Руководящий орган новой власти – Президиум Центросибири – состоял из 5 чел., в том числе двух солдат и двух прапорщиков (Р. П. Эйдеман и К. С. Кошкин).

§3. Подготовка пополнения для действующей армии в 1914–1917 гг.

Во второй половине 1914 г. призвали всех годных по состоянию здоровья и не имеющих льгот запасных нижних чинов, новобранцев (700 тыс. 20-летних мужчин), большую часть ратников ополчения 1-го разряда. Общее количество мобилизованных за пять месяцев (август–декабрь) составило 5115 чел.² В 1915 г. состоялось 6 наборов новобранцев и ратников 1-го и 2-го разрядов, в 1916 г. еще 6, до марта 1917 г. – 2. До войны в русской армии насчитывалось 1423 тыс. чел., в ходе нее призвали 13 700 тыс. Под ружье поставили в общей сложности 15 378 тыс. чел. В армию ушла половина трудоспособных мужчин (474 на 1000 чел.); из каждой сотни крестьянских хозяйств убыло 60 мужиков самого трудоспособного «тяглого» возраста, поэтому более половины дворохозяйств остались без кормильцев³. Масштабность этого процесса на низовом уровне можно уяснить на примере деревни Шабановой Касьминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии, где форму надели 183 крестьянина из 347 трудоспособных⁴. В селе Ирбизино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда той же губернии мобилизации затронули более половины, 55,6 % дворов (157 хозяйств). Причем в 98 хозяйствах призвали по 2 чел., а в 8 – даже по 3. Всего в армию ушло 212 чел.⁵

Наблюдавший отправление призванных в запасные батальоны в июле 1915 г. иркутянин И. И. Серебренников пишет: «...На многих станциях Сибирской железной дороги мне пришлось наблюдать проводы новобранцев, совсем еще зеленой молодежи. Рекруты держались бодро, но матери их и сестры проливали на проводинах потоки слез. Местами стоял сплошной вой и крик, среди которого можно было разобрать причитания той или иной плачущей. Море слез и горя... Чувствовалось, что война эта – какая-то особенно

---

¹ Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 – февраль 1918 г. Новосибирск, 1978.

² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1986. С. 15.

³ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 91.

⁴ Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки по истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 149.

⁵ Храмов А. А. Село Ирбизино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда в 1917 году // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 148.

жестокая, что она едва ли пощадит кого, прикоснувшегося к ней... Сами же рекруты держались крепко. Иногда попадались нам навстречу целые поезда с ними. Это везли их, видимо, на выучку в Иркутск или другие крупные города Восточной Сибири. Новобранцы приветствовали нас криками «ура!»¹.

Поскольку подавляющая часть призванных во время войны никогда в армии не служила, встала проблема подготовки пополнения для действующей армии. Этим должны были заниматься запасные пехотные батальоны (полки). Так, на основании приказа командующего Омским военным округом от 28 августа 1914 г. в Новониколаевске началось формирование 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады в составе 17, 18, 21, 22, 23 и 24-го Сибирских стрелковых запасных батальонов².

В советской историографии основное внимание обращалось на негативные явления тыловой армейской повседневности – плохие жилищно-бытовые условия содержания призванных, отвратительную организацию питания, издевательство офицеров и унтер-офицеров, тяжелые заболевания, порождающие массовое дезертирство, негативное отношение к войне и самодержавию. Все это должно было демонстрировать наличие в армии предпосылок к мощному социальному катаклизму 1917 года. В качестве примера сошлемся на монографию А. Н. Баталова, не потерявшую своей научной ценности до настоящего времени. Итак, «...солдаты находились на положении "бессловесной серой скотинки". В армии процветало рукоприкладство. За малейшее неповиновение солдату грозила смертная казнь или в лучшем случае каторга»; «Солдаты в сибирских гарнизонах были еще хуже одеты, чем солдаты на фронте и в других районах страны», «Питание солдат сибирских гарнизонах было крайне неудовлетворительным. Полуголодные солдаты доходили до того, что вынуждены были заниматься попрошайничеством»³.

Попытаемся разобраться в этой проблеме на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона, который осенью 1915 г. преобразуется в 38-й Сибирский стрелковый запасной полк (с. з. п.) и переводится из Новониколаевска в Томск. В двух сибирских военных округах во время войны находились следующие запасные формирования: Омск – 19, 20, 26, 27, 28, 36, 37-й Сибирские стрелковые запасные полки, численность гарнизона с другими частями колебалась от 60 до 90 тыс. чел.; Томск – 18, 25, 32, 38, 39-й запасные полки (до конца 1915 г. батальоны), 50–70 тыс. чел.; Иркутск – 9, 10, 11, 12-й запасные полки, 35–50 тыс. чел.; Новониколаевск – 19, 21, 22, 23-й запасные полки, 35–45 тыс. чел., Красноярск – 14, 15, 30-й запасные полки, 25–35 тыс. чел.; Ачинск – 13, 31-й запасные полки, 20–25 тыс. чел.; Канск – 16, 29-й запасные

---

¹ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 132.

² Еремин А. Т. Указ. соч. С. 112.

³ Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1915 – февраль 1918 г. Новосибирск, 1978. С. 38, 40, 41.

Ополченский билет

(Из фондов Красноярского художественно-краеведческого музея)

полки, 15–20 тыс. чел.; Барнаул – 24-й запасной полк; Тюмень – 35-й запасной полк, Курган – 34-й запасной полк, Петропавловск – 33-й запасной полк. Численность гарнизонов в этих городах колебалась от 10 до 12 тыс. военнослужащих¹.

Стрелковый запасной полк состоял из 10–12 рот численностью каждая от 250 до 1 тыс. чел. при общем количестве военнослужащих до 10 тыс. чел. Его

¹ Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири... С. 27–30.

командный состав (38-й с. з. п.) состоял из командира, в данном случае подполковника Доброхотова, 31 прапорщика, командовавших взводами и ротами, 2 зауряд-прапорщиков, одного старшего врача, одного младшего врача, двух зауряд военных чиновников¹.

Прежде всего возникли серьезные проблемы с размещением призванных. Существующий казарменный фонд не обеспечивал даже меньшей их части. В России вплоть до 1917 г. сохранялась постоянная повинность, за которую отвечали органы городского общественного самоуправления. Под размещение военнослужащих передавались прежде всего общественные здания (учебные заведения, общежития и т. д.). В Новониколаевске к началу октября 1914 г. под воинские части, лазареты и размещение военнопленных было занято 13 школьных зданий². Так подразделения 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона в этом городе размещались поротно в доме № 40 по улице Асинкритовской, в Александровском городском училище. После переезда в Томск полк обосновался в бараках в дачном поселке Степановка, две его роты квартировали в помещении богадельни, одна – в общежитии духовной семинарии. Применительно к Иркутску И. И. Серебренников постоянно фиксирует его перенасыщение военными («Куда ни взглянешь, видишь солдат, офицеров, в особенности прапорщиков запаса») ³. «Войска продолжают прибывать в Иркутск, – замечает он 30 сентября 1915 г. – Под расквартирование их занято сейчас все, что только можно было занять, имея в виду казарменный способ размещения солдат. Заняты также помещения различных собраний, клубов, иллюзионов, ресторанов и пр. Заняты также помещения многих учебных заведений. Пустует от солдат один городской театр, но и он – на очереди» ⁴.

Ситуация усугублялась низким уровнем бытовой культуры военнослужащих, слабой требовательностью командного состава. Данное обстоятельство неоднократно отмечалось в приказах по части. 21 сентября 1915 г.: «под нарами пыль, постельных принадлежностей нет; кухня содержится не особенно опрятно; двор загрязнен; выгребы отхожих мест и помойные ямы переполнены и почва вокруг них загрязнена»; 8 октября 1915 г.: «в 8-й роте полы в казарме не посыпаны опилками, нары грязные, печи не топились» ⁵. Старший врач Новониколаевского лазарета уведомлял 1 августа 1915 г. командование частей: «Части войск гарнизона высылают в лазареты больных не только не мытыми, но даже в грязном белье и с паразитами». Далее он предписывал присылать больных вымытыми и в чистом белье, поскольку «в лазарете нет ванн» ⁶. В начале августа того же года в частях

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 193–193 об.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 90.

³ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары.... С. 83, 97, 142.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 291; Д. 2. Л. 28.

⁶ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Новониколаевского гарнизона фиксируются случаи заболевания брюшным тифом и расстройством желудка, поэтому дежурным офицерам предписывалась не допускать в расположении частей торговли мороженым, фруктами, арбузами, огурцами и другой зеленью, а также квасом¹. Но ситуация не улучшалась, и приказом по 38-му запасному батальону от 3 сентября 1915 г. предписывалось: «Для борьбы с холерой запрещается торговля зеленью, хождение на железнодорожную станцию в поселки Порт-Артур и Нахаловку и покупка молока»².

Прибывшие для прохождения службы в запасные полки получали комплект обмундирования и пару сапог. Окончательная экипировка военнослужащих осуществлялась при отправлении маршевой роты на фронт. На 250 чел. полагалось: нательных рубах 500, исподних брюк (кальсон) 500, утиральников 250, носовых платков 500, холщевых портянок 750, сапог 250 пар, шинелей 250, погон 500, шаровар 250, фуражек защитных 250, набрюшников 250, поясных ремней 250, фляг-бутылок с чехлами 250, котелков 250, вещевых мешков 250, сухарных мешков порционных 750, нагрудников-патронташей 250, поясных патронных сумок 500, запасных патронных сумок 250, шинельных ремней 250, плащ-палаток 250. Кроме того на роту полагалось: лопат с чехлами 175, топоров с чехлами 38, киркомотыг с чехлами 37³.

За время пребывания в «учебке» обмундирование изнашивалось, поэтому при приемке маршевых рот на фронте в кратких отчетах постоянно фиксировалось: «Обмундированное ношенное, но годное к употреблению; от продолжительной езды по железной дороге сильно загрязнено... Ватные вещи значительно поношенные, частью рваные»⁴. Поистине ахиллесовой пятой для призванных была обувь. Командир 38-го запасного батальона отдельным пунктом в приказе от 28 августа 1915 г. «в виду ограниченного отпуска сапог из интендантства», предписывал командирам рот и учебной команды «при выдаче новых казенных сапог нижним чинам разъяснять, чтобы выдаваемые им сапоги носили бережно, так как при отправлении их с маршевыми ротами вторично им сапоги выдаваться не будут»⁵. Увещевания не помогали, и 14 октября того же года, «ввиду недостатка ружей и сапог, предписываю ротным командирам организовывать занятия таким образом, чтобы каждое отделение по очереди могло производить все назначенные по расписанию занятия»⁶. Уже в действующей армии при приемке 77-й очередной роты пополнения 19 ноября 1916 г. обтекаемо констатировалось: «Обувь к походу

---

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. Л. 195.

³ Там же. Л. 10 об.

⁴ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

⁶ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

не готова»¹. Конкретнее по этому поводу высказались офицеры, осматривавшие 72-ю маршевую роту 38-го Сибирского стрелкового запасного полка 8 декабря 1916 г.: «Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог, негодных к носке, 146 пар», и это на 250 военнослужащих².

Подготовка пополнения осуществлялась в ротах и учебной команде, по окончании которой личный состав распределялся в маршевые роты по 250 чел. для отправки на фронт. Срок подготовки колебался от 4 до 20 недель в зависимости от целого ряда факторов. Ее можно выявить из «Сведений об очередных ротах пополнения 38-го полка по состоянию на 10 февраля 1917 г.» Итак налицо имелось: 4 роты (88, 89, 90, 91-я) с менее чем четырехнедельным сроком обучения, состоявшие из нижних чинов запаса, ратников ополчения разных мобилизаций, белобилетников и молодых солдат досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.; одна рота (87-я) шестинедельного обучения из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г., белобилетников и молодых солдат досрочных призывов 1916–1918 гг.; одна рота (86-я) десятинедельного обучения из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г.; 3 роты (83, 84, 85-я) двенадцатинедельного обучения из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. белобилетников мобилизации 1 октября 1916 г.; одна рота (82-я) пятнадцатинедельного обучения из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г.; 2 роты (79, 80-я) шестнадцатинедельного обучения из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г.; одна рота (78-я) девятнадцатилетнего обучения из ратников ополчения 2-го разряда разных мобилизаций и молодых солдат досрочных призывов 1916, 1917, 1918 гг.³ Как видим, срок подготовки был ниже у служивших уже в армии и более молодых солдат (18–20 лет). Можно предположить, что распределение по ротам с разными сроками военной подготовки зависело еще от образования, национальной принадлежности, знания русского языка, места проживания (деревня, город). Конечно, 4 или даже 19 недель (почти 5 месяцев) несопоставимы с тремя годами действительной срочной службы в мирное время, поэтому следует посмотреть на тех, кого готовили для фронта, как их готовили и кто готовил.

Прибывшие в запасной полк, после получения обмундирования и разбивки по ротам и взводам, принимали присягу. Из приказа командира (командующего по терминологии того времени) 38-го запасного батальона подполковника Доброхотова от 19 октября 1915 г. узнаем, что «завтра, в 11 часов утра, на площади у Ярлыкской церкви [Преображенская церковь в г. Томске – *М. Ш.*] я приведу к присяге не принимавших еще присяги молодых солдат всех призывов и ратников ополчения 1-го и 2-го разряда... 22, 23 и 24-й очередных рот пополнения, а также не принимавших еще присяги

---

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

² Там же. Л. 86.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 58–58 об.

*Новониколаевский гарнизон на учениях
(из фондов Новосибирского краеведческого музея)*

молодых солдат всех призывов и ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов только православного исповедания». 25 октября сообщалось: «Завтра, 26 октября, в 9 часов утра, во дворе мечети на углу Татарской улицы и Татарского переулка За истоком, я приведу к присяге нижних чинов (молодых солдат всех призывов и ратников ополчения 2-го разряда) всех рот только магометанского вероисповедания». Наконец, 26 октября извещалось, что «завтра 27-го октября, в 9 часов утра в Духовной семинарии в помещении 7-й роты я приведу к присяге молодых солдат и ратников ополчения 2-го разряда всех рот – только язычников и старообрядцев»¹.

Подготовка пополнения осуществлялась в рамках жесткого и напряженного распорядка. Подъем в 5.00. С 5.30 – утренний осмотр, уборка, чай. С 7 до 10.30 – утренние занятия. С 10.30 до 12.00 – купание. В 12.00 – обед, до 15.30 – отдых и чай. С 15.30 до 19.00 – вечерние занятия. В 19.45 – ужин и чай. В 20.45 – поверка, в 21.00 – отбой. Занятия заканчивались поверкой выправки и отдания чести продолжительностью по 20–25 минут. Для уяснения солдатами значения присяги зачитывался полностью ее текст с объяснениями. На занятиях по самоокапыванию окопы рыли только для стрельбы лежа. При прохождении наград за боевые подвиги изучались те, за которые жалуется Георгиевский крест².

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 73, 111, 115.

² Там же. Д. 1. Л. 7–8.

Расписанием занятий предусматривалось изучение подготовительных упражнений к стрельбе и уколы чучела, боевая подготовка взвода, организация сторожевого охранения, караульной службы, гарнизонная служба, обязанности часового и подчаска, дозоров и секретов, чинопочитание и правила воинской вежливости, самоокапывание, составление донесений и т. д. Проводились практические стрельбы (только в мае–июле 1915 г. в 38-м с. з. б. израсходовали на эти цели 60 125 трехлинейных винтовочных патронов¹), отработывались на практике ружейные приемы, штыковые упражнения на чучеле, самоокапывание, несение дозорной и разведывательной службы и т. д. Отдельно изучалось назначение солдата, знамя, присяга, сдача в плен (наказания и последствия), награды за боевые подвиги, примеры доблестного исполнения долга в прежние и настоящую войны². Задачи подготовки пополнения командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов в приказе по войскам округа от 28 августа 1915 г. определял следующим образом: «Вновь напоминаю, что для действующей армии необходимы одиночные бойцы, умеющие хорошо стрелять, колоть штыками, применяться к местности, преодолевать препятствия, вести разведку и нести сторожевую службу»³.

Не забывали и о пище духовной. В приказе по Новониколаевскому гарнизону от 27 августа 1915 г. подчеркивалось: «Для всенародного поста 26/27 августа [в] воинских частях надлежит совершение богослужения, желающих допустить [к] исповеди и причащению, песен не петь, пища постная, занятия производить»⁴. Начальник Томского гарнизона 20 октября того же года приказывал: «21-го сего октября в день восшествия на Всероссийский престол Государя Императора Николая II Александровича в Троицком кафедральном соборе будут отслужены отдельно божественная литургия и молебен. На богослужении присутствовать всем свободным от службы гг. офицерам и классным чиновникам гарнизона. Форма одежды – военного времени при орденах»⁵.

*«Зимний холод, летний зной
Все снесет наш часовой»*

¹ Там же. Л. 67

² Там же. Л. 7–8.

³ Там же. Л. 202.

⁴ Там же. Л. 164.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 78.

«За отличную стрельбу»

Приказом командира 38-го с. з. б. от 23 августа 1915 г. в состав учебной команды зачислялось 108 рядовых из разных рот успешно сдавших аж 8 экзаменов (испытаний): чтение, арифметика, письмо, подготовительные к стрельбе упражнения, владение штыком, строевая подготовка, гимнастика, сведения, обязательные для рядового по топографии. Экзамены носили формальный характер, поскольку прошедшие через них получили одни тройки³.

Прошедшие в «учебке» курс обучения сдавали в течение трех дней экзамены на знание пройденного по следующим предметам. 1-й день: 1. Устав полевой службы и наставление для действий пехоты в бою. 2. Наставление для обучения в стрельбе из винтовки, карабинов, револьверов. 3. Денежное и вещевое довольствие. 4. Устав дисциплинарный. 2-й день: 1. Устав внутренней службы. 2. Устав гарнизонной службы. 3. Сведения из топографии. 4. Наставление по самоокапыванию. 5. Сбережение здоровья. 3-й день: 1. Строевой пехотный устав и практическая поверка [в поле] тактической и полевой подготовки⁴. Окончивших обучение отправляли по ротам. Успешно прошедшие курс приказом командира полка производились (переименовывались) в ефрейторы или унтер-офицеры. «П. Мулик и Д. Пешковский за хорошее поведение и твердое знание службы переименовываются в младшие унтер-офицеры» (из приказа по 38-му с. з. п.

¹ Там же. Л. 78 об.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 37.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 59.

от 16 октября 1915 г.)¹. Аналогичный приказ от 1 августа 1915 г.: «Ефрейторы 1-й роты Е. Колбин, М. Китов, И. Хорошилов и Ф. Савин за хорошее поведение и твердое знание службы переименовываются в младшие унтер-офицеры на основании рапорта командира роты»². Еще один от 8 сентября 1915 г.: «Рядовой Федор Горбунов и ратник ополчения Максим Морозов 12-й роты, за хорошее поведение и твердое знание службы, переименовываются в ефрейторы, означенную перемену внести в послужные списки этих нижних чинов и выдавать жалование по званию»³. Основанием для производства (переименования) являлось наличие у нижнего чина хотя бы элементарного образования. Как вспоминал новониколаевец С. В. Чернышев: «Среди солдат нашей роты я считался наиболее грамотным, поэтому в декабре 1914 года меня произвели в ефрейторы. С тех пор я уже не стоял на посту, а выполнял обязанности разводящего»⁴.

Поскольку, как показано выше, даже элементарно грамотных среди призывников из сибирской деревни, да и городов, было очень мало, в войсках постоянно испытывался дефицит ефрейторов и унтер-офицеров. По штатам 1910 года в пехотной (стрелковой) роте на 180 рядовых полагалось: 1 фельдфебель, 4 взводных унтер-офицера, 16 младших унтер-офицеров, 20 ефрейторов. Всего 41 чел.⁵ Реально же, в четырех маршевых ротах, отправленных из Томска на фронт 11 декабря 1916 г. на 903 рядовых приходилось 27 унтер-офицеров, 51 ефрейтор и 32 окончивших учебную команду⁶, т. е. на роту приходилось 6–7 унтер-офицеров и 13 ефрейторов, всего около 20 младших командиров. В маршевой роте, отправленной оттуда же 8 декабря на 212 рядовых имелось в наличии 7 унтер-офицеров и 3 ефрейтора⁷. Поэтому в конце сентября 1915 г. перед отправлением в Псков четырех очередных рот пополнения в 38-м Сибирском запасном стрелковом батальоне сразу 60 рядовых переименовали в ефрейторы⁸.

Данное обстоятельство заставляло командование выдвигать на должности даже взводных командиров более-менее расторопных рядовых. В связи с этим в архиве сохранилась информация о показательной в этом плане истории, имевшей место в августе 1915 г. в Новониколаевске в тогда еще 38-м запасном батальоне. Представляет она заключение военно-прокурорского надзора Омского военно-окружного суда от 5 сентября 1915 г. по делу о стрелке части Прокопии Матвееве, который обвинялся: «1. В том, что он 1 августа 1915 года в день отправления его с маршевой ротой он, самовольно

---

¹ Там же.

² Там же. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Л. 221.

⁴ Чернышев С. В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 41.

⁵ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 239.

⁶ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 86.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 319–319 об.

отлучившись около 6 часов утра в гор. Ново-Николаевск из места своей службы, из 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона, расположенного в это время лагерем около означенного города, пробыл в отлучке до 2-х часов дня того же 1-го августа, когда добровольно явился в лагерь; 2. В том, что тогда же и там же, во время нахождения описанной в п. 1 самовольной отлучке, привел себя в нетрезвое состояние до потери приличного для воинскому званию вида... 3. В том, что тогда же и там же, будучи задержанным по дороге к лагерю капитаном Ксиопеком и направляясь, согласно приказанию названного капитана Ксиопека, в сопровождении прапорщика Даниловского, в свою часть, он, обвиняемый, умышленно позволил себе по отношению к нему сказать, обращаясь к названному обер-офицеру, что он не имеет права забирать его, обвиняемого, так как он такой же взводный как и он, обвиняемый, а на приказание прапорщика Даниловского молчать и следовать за ним, возразил «Вы только здесь такие прыткие, а вот посмотрим, что на войне»¹.

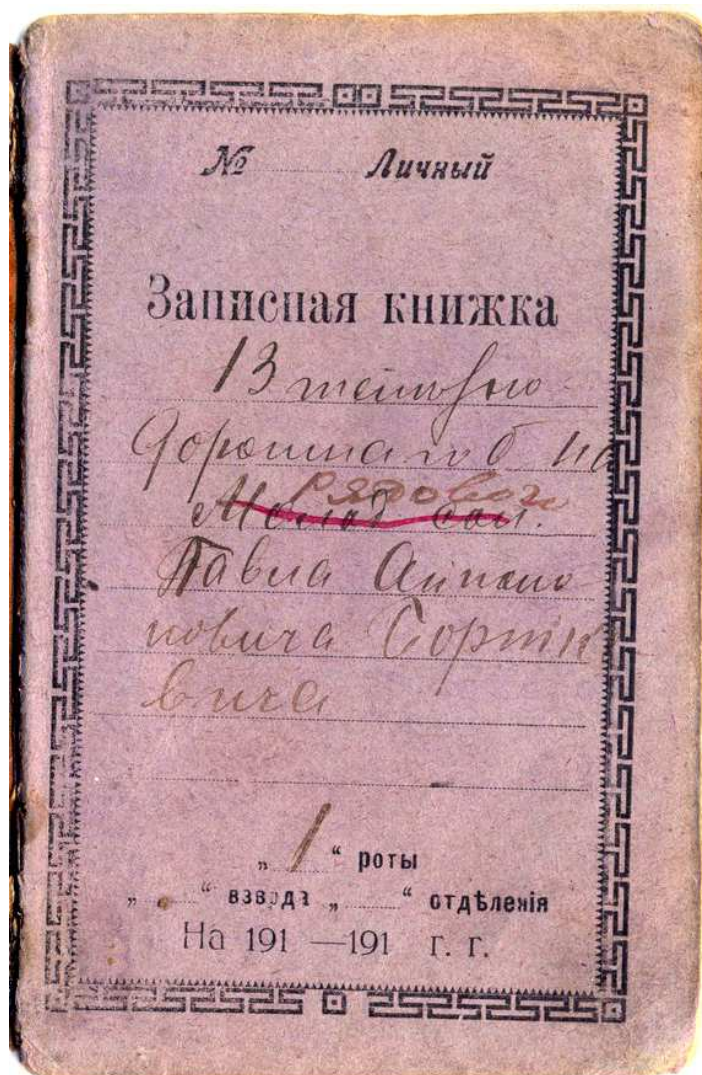
Подготовка новобранцев в запасных частях сибирских военных округов в рассматриваемое время осуществлялась унтер-офицерами и фельдфебелями постоянного состава под руководством офицеров. Уже говорилось, что к осени 1917 г. львиную долю офицерского корпуса составляли выходцы из крестьян. Подтверждают этот вывод и данные по Сибири. Так, сословный состав юнкеров Иркутского военного училища на 1 января 1915 г. выглядел следующим образом: из 316 обучавшихся, детей дворян насчитывалось 31 (9 %), чиновников и офицеров – 59 (18,8 %), почетных граждан – 14 (4,5 %), духовенства – 48 (15,1 %), купцов – 5, мещан – 75 (23,7 %), крестьян – 84 чел. (26,5 %). На 1 декабря 1916 г. эти показатели на общее количество юнкеров в 279 чел. составили: дворяне – 17 (6,4 %), детей офицеров и чиновников – 31 (11,1 %), почетных граждан – 22 (8 %), духовенства – 39 (14 %), купцов – 3, мещан – 48 (17,2 %), крестьян – 112 (40 %), прочих – 7 чел. На середину января 1917 г. в 1-й Омской школе прапорщиков из 196 обучавшихся выходцы из крестьян составили 104 (53 %), мещан – 68 (34,7 %)².

Подготовка офицеров военного времени после ускоренного выпуска из военных училищ 1 октября 1914 г. 2,5 тыс. подпоручиков осуществлялась в них и специально открытых школах прапорщиков с 4-х месячным сроком обучения. Принимались подлежащие мобилизации молодые люди с образованием выше начального. К концу 1915 г. открыли 32 таких учебных заведения, в том числе 1 и 2-ю школу прапорщиков в Омске и три в Иркутске (одно на базе военного училища). 6 марта 1915 г. вводятся в действия правила призыва студентов гражданских вузов для обучения в военно-учебных заведениях. В первую очередь вакансии в них закрывались за счет призыва первокурсников 20-летнего возраста, затем второкурсников и третьекурсников. Студенты старших курсов, медики, ветеринары, женатые не призывались. Со

---

¹ Там же. Л. 238.

² Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 395.

*Солдатская записная книжка
(из коллекции Историко-художественного музея г. Бердска)*

временем в школы начали принимать детей служивших в действующей армии и участников войны «без различия национальностей или вероисповедания вне конкурса и не считаясь с существующими иными ограничениями». В сентябре 1915 г. разрешили принимать в военно-учебные заведения выпускников частных средних заведений, учительских институтов, семинарий и школ, а также городских училищ. Основной контингент их составляли фронтовики (рядовые и унтер-офицеры), хотя бы с элементарным образованием, положительно зарекомендовавшие себя в действующей армии и отличившиеся в боях.

Что из себя представляло такое учебное заведение, можно судить по 1-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты (данные на 10 июля 1917 г.). По списку в ней состояло: 1 начальник (полковник), 2 командира роты (капитаны), 8 курсовых офицеров (4 штабс-капитана и 4 поручика), 18 помощников курсовых офицеров (прапорщики), один заведующий хозяйством (прапорщик), один адъютант школы (прапорщик), один врач (не имел чина), по одному – казначей и делопроизводитель, 374 юнкера (1 зауряд-прапорщик, 8 подпрапорщиков, 7 фельдфебелей, 24 старших унтер-офицера, 333 младших унтер-офицеров, 1 рядовой), 88 солдат команды обслуживания, в том числе 10 писарей и 51 нестроевой, 3 фельдшера¹.

Как установил В. Л. Кожевин, «школьное начальство пыталось привить своим воспитанникам комплекс традиционных моральных и политических норм офицеров, включая представление об офицерской чести и долге офицера перед отечеством и подчиненными. Кроме того, учитывая особенности контингента школ, приходилось просто обучать юнкеров правильно говорить, здороваться, соблюдать элементарные нормы гигиены. Для некоторых из них все эти вещи действительно представляли серьезную проблему»². Например, в духе знаменитого «Юности честное зерцала» в 1917 г. в Омске составили «Инструкцию распорядка жизни юнкера в школах подготовки прапорщиков пехоты», в которой имелся раздел «Соблюдение чистоты и опрятности», в котором перечислялись процедуры, естественные для всякого культурного человека: «а) менять белье еженедельно, не менее одного раза; б) ноги содержать в чистоте и по возможности чаще обмывать холодной водой, особенно в жаркую погоду, ногти своевременно стричь; в) на руках ногти должны быть острижены и чисты; г) иметь годные для употребления носовые платки; д) плевать на пол где бы то ни было воспрещается, утром и вечером чистить зубы или полоскать рот водой»³.

Еще одним каналом приобщения к офицерской корпорации являлось производство в прапорщики отличившихся в боях рядовых и унтер-офицеров, а также предоставление добровольцам права сдачи экзамена на звание прапорщика запаса. Поэтому в дневнике И. И. Серебренникова 12 января 1915 г. помечено: «В городе начинают встречаться отпускные из армии: больные и раненые. Много добровольцев из армии прислано для подготовки к экзаменам на прапорщика запаса»⁴. Как вспоминал Ушаков, накануне 1917 г. в 25-м

---

¹ Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. С. 163–164.

² Кожевин В. Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. Омск, 1998. С. 73–74.

³ Там же. С. 74.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 83.

Сибирском запасном стрелковом полку в Томске «офицерами в то время были большинство из бывших солдат»¹.

Наглядно ситуацию с разными типами офицеров военного времени на сибирском материале можно проиллюстрировать на примере упоминавшегося уже П. Е. Щетинкина и Р. П. Эйдемана. Первый – выходец из крестьян-переселенцев, плотник, умевший читать и писать, отслуживший срочную службу и уволенный в запас в 1909 г. старшим унтер-офицером. В 1912 г. он становится сверхсрочником, а во время войны продвигается до командира роты и штабс-капитана. В январе 1917 г. его назначают начальником учебной команды в 59-м Сибирском запасном стрелковом полку в Ачинске. Второй – сын учителя из Латвии, будучи студентом в Петербурге, в апреле 1916 г. был мобилизован и после окончания ускоренного курса пехотного училища выпущен прапорщиком с направлением в г. Канск, где в 16-м Сибирском запасном стрелковом полку встретил в 1917 году командиром батальона. В конце 1916 г. находился в двухмесячной командировке в Иркутске для изучения действия газов. Кстати, в г. Шадринске в 139-м запасном полку, после окончания Тифлисской школы прапорщиков, в 1917 г. служил бывший студент Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии и Московского коммерческого института и будущий член политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов².

Еще один пример приводит И. И. Серебренников, встретившийся летом 1915 г. в поезде по пути в Москву с прапорщиком К-вым, уроженцем подгородного села Усть-Куды: «Он пошел на войну младшим унтер-офицером, с двумя георгиевскими крестами, полученными за японскую войну. А вот теперь, произведенный без экзамена в прапорщики, награжденный еще двумя георгиевскими крестами, а также орденами Св. Станислава и Анны, побывавший уже за Карпатами, в третий раз направляется в действующую армию. «Вот это наш сибиряк!» – думал я, глядя на него; такие-то сибиряки и создали славу нашим полкам.

- Убьют меня, – говорил он мне. – Я готов к этому. Но одно обидно, я уже не буду знать, что даст для России эта война»³.

Офицеры военного времени доминировали не только во фронтовых частях, но и в запасных батальонах (полках) в тылу. Я уже выше сообщал, что в 38-м Сибирском запасном стрелковом батальоне на 1 сентября 1915 г. имелось 38 офицеров и военных чиновников, в том числе 31 прапорщик, т. е. примерно по 2–3 чел. на роту. Регулярно в приказах по части фиксировалось: 3 октября 1915 г. «Прибывшего на службу прапорщика 2-й Иркутской школы прапорщиков Масдовского зачислить в состав батальона. Назначить его офицером 10-й роты»; 5 октября того же года. «Прибывшего на службу

---

¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 76. Л. 2.

² Борисов С. Андрей Александрович Жданов и Шадринск // Тобольск и вся Сибирь. Шадринск № 17. Тобольск, 2012. С. 330.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 133.

прапорщика Иркутской 2-й школы прапорщиков Плотникова зачислить в батальон и назначить младшим офицером в 4-ю роту»¹. Основным источником пополнения офицерских кадров для упомянутой части стали военно-учебные заведения Иркутска. В свою очередь 9 декабря 1915 г. И. И. Серебренников записал в дневнике: «На днях здесь был произведен выпуск учеников из школы (вернее курсов) для прапорщиков запаса. Выпущено свыше 200 офицеров. Все – самая зеленая молодежь»².

Как они служили, можно узнать из тех же приказов. Так, 3 октября 1915 г. комбат, подполковник Доброхотов, «посетив около 9 часов утра 9-ю роту», «не нашел на занятиях ни командира прапорщика Микулина, ни младшего офицера прапорщика Лебедева, которые пришли уже в 10 часу. Занятия в 9-й роте велись вяло..., выправка не только ратников 2-го разряда, но и молодых солдат находящихся второй месяц в строю – слабая... Принимая во внимание, что прапорщик Микулин уже неоднократно замечался в опаздывании и последний раз даже был арестован домашним арестом на одни сутки, за последнее опоздание, а также беспорядки в роте, арестовываю его на одни сутки на гауптвахте и предупреждаю, что если его деятельность и в будущем будет также плодотворна как теперь, принужден буду принять против него меры, указываемые законом. Прапорщику Лебедеву объявляю в первый раз выговор»³.

Недовольство в адрес офицеров военного времени выразил и сам командующий ОмВО, генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов, в воспитательных целях разразившийся приказом по войскам объединения от 15 августа 1915 г.: «13-го августа вечером я встретил в городе [Омске] двух обер-офицеров, которые не отдали мне установленной чести, в виду вечернего времени этот случай не особенно удивил бы меня, если бы далее я не встретил целую группу офицеров, которые по явной невнимательности, тоже не отдали мне надлежащей чести». Ну, а дальше нижестоящим командирам предписывалось усилить воспитательную работу с младшими офицерами, обратить самое строгое внимание на их дисциплину и т. д. и т. п.⁴

Но были и положительные моменты. «Высочайшим приказом от 26 августа сего года, – говорилось в приказе по 38-му батальону от 18 сентября 1915 г., – за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны с 1 января сего года прапорщику вверенного мне батальона Грищенкову пожалован орден Св. Станислава 3-й степени. Приказываю означенную награду занести в послужной список прапорщика Грищенкова»⁵. Кстати, как было установлено в предшествующем параграфе из 534 награжденных за время войны орденом Св. Георгия 4-й степени офицеров из

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 17 об., 23.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 70–71.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 127 об.

⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 274.

*Пулемет «Максим» на ручной треноге. 5-й сиб. стр. полк
(из коллекции Новосибирского краеведческого музея)*

сибирских формирований прапорщиков насчитывалось 60 чел. К тому же нужно иметь в виду, что после 9 месяцев службы в запасных частях, прапорщика с очередной маршевой ротой отправляли на фронт. Поэтому их пребывание в тылу можно рассматривать как своеобразную форму повышения квалификации.

Минимальные сроки подготовки людей, которые в принципе не собирались и не должны были служить в армии, пестрота социального состава, сложный процесс адаптации к военной повседневности формировали нелицеприятный имидж офицеров военного времени¹. На бытовом уровне популярностью пользовался куплет:

«Раньше я был кучер, звать меня Володя,
А теперь я прапор, Ваше благородие».

Выше я уже привел факты негативного отношения к прапорщикам, в том числе инцидент между рядовым П. Матвеевым и офицером Даниловским. Тот же И. И. Серебренников, восторженно отзывавшийся о прапорщике-сибиряке К-в, в марте 1916 г. на основе письма брата, служившего в Забайкалье (Даурия) в ополченческой дружине, воспроизводит печальную историю: «Прапорщик стал избивать солдат. Один из последних, озлобленный, пытался ударить рукоприкладчика. За эту попытку солдат был предан суду и через 11 часов после приговора был расстрелян. Эта история произвела крайне гнетущее впечатление на брата.

Безусые юнцы, прапорщики, бьют по лицу солдат, часто пожилых, волосы которых уже посеребрены сединою. Прапорщицкая среда ведет вообще себя так, что возбуждает большое недовольство общества. Боже мой, как плохо все складывается!»². Показательная в этом плане история произошла в феврале 1916 г. в 23-м Сибирском стрелковом запасном полку в Новониколаевске. Призванный из Барнаульского уезда рядовой Казанцев во время дежурства поставил винтовку, закурил папиросу и отказался назвать свою фамилию командиру роты. Вместо дисциплинарного наказания прапорщик Степанов приказал под угрозой расправы избить нарушителя воинской дисциплины. У Казанцева было сломано 9 ребер и их осколками порвана печень. Вскоре он умер, а прапорщика перевели в другую роту на должность младшего офицера. Произошедшее, согласно информации жандармов, вызвало «большое недовольство» солдат³.

С другой стороны, на этих офицеров военного времени из числа студентов, инженеров, отличившихся в боях нижних чинов, легла тяжелая задача подготовки солдат из неграмотных и малограмотных сибирских крестьян, руководство ими на фронте. При этом они в первую очередь подвергались опасности быть убитым или раненым, как это произошло с бывшим землестроителем, прапорщиком запаса из Томска С. К. Майковским. Призванный в августе 1914 г. в 31-й Сибирский стрелковый полк, в начале 1915 г. он был тяжело ранен, перенес несколько операций, признан инвалидом,

---

¹ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 103.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 208.

³ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX– начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 222–223.

но вернулся на фронт нестроевым офицером и назначен интендантом полка¹. Как справлялись офицеры военного времени с подготовкой пополнения? мы еще постараемся разобраться ниже. Что касается ругани и мордобоя, то арестованный уже после свержения самодержавия за эти пороки поручик признавался: «Я никогда не готовился и не думал о военной карьере, я студент, надевший военный мундир семнадцать месяцев тому назад. Я так воспитан, что никогда, даже будучи только что выпущенным офицером, не допускал мысли о рукоприкладстве. Я смотрел на это, как на нечто дикое, недостойное человека. И вот, как это произошло, я даже не могу объяснить. Я, надевши золотые погоны, впитал в себя традиции «умения обращаться с людьми». Даже в самое последнее время перед арестом у меня было разъедающее сознание чувство, что я делаю не так, как думал, что я иду против себя самого, против своей совести. Но я уже не мог себя побороть»².

Что касается дисциплины в запасных частях в Сибири в рассматриваемое время, то она была в пределах армейской повседневности. Имели место самовольные отлучки и факты дезертирства. В приказе по 38-му Сибирскому запасному стрелковому батальону от 25 августа 1915 г. можно прочесть: «Самовольно отлучившегося 21-го сего августа молодого солдата 5-й роты досрочного призыва 1916 г. Андрея Дрягина и зачисленного в учебную команду, до сих пор невозвратившегося и неразысканного, исключить из списков батальона и полагать в бегах»³. Если в августе-декабре 1915 г. из 31-го Сибирского запасного стрелкового полка (Томск) самовольно отлучилось 97 чел. и 51 из них вернулись обратно, то в июле-декабре 1916 г. количество «самовольщиков» достигло 324 чел, из них добровольно вернулось 77 чел.⁴ Имелись претензии к нижним чинам постоянного состава, которые «позволяют себе надевать во время занятий и даже при хождении в город вольную одежду, а также нашивают на погоны тесьму из серебренного галуна». «Не все кадровые, даже унтер-офицеры, умеют отдавать честь, некоторые не имеют надлежащей выправки. Между тем кадровые как учителя должны служить примером молодым солдатам и ратникам»⁵.

Интенсивность подготовки пополнения составила в целом по России в 1914–1915 гг. 300 тыс. чел., ежемесячно поглощаемых фронтом. Тогда же только из Омского военного округа ежемесячно вывозили по 25 тыс. чел. (по 100 маршевых рот). В 1916 г. этот показатель составил 15 тыс. чел

---

¹ Данилов С. Потерянный сад // Сиб. старина (Томск), 1993, № 5. С. 36.

² Цит. по: Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв.. С. 105.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

⁴ Майдурова Н. А. Социал-демократические организации Западной Сибири в борьбе за крестьянство и солдатские массы в годы нового революционного подъема и империалистической войны (1910 – февраль 1917 гг.). Автореф. дис. канд. истр. наук. Томск, 1983. С. 16.

⁵ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

(62 маршевые роты)¹. Как правило, отправляли в действующую армию «солянку» из новобранцев, запасных и ратников ополчения. Так, в мае–июне 1915 г. из 43-го Сибирского запасного стрелкового батальона в Брест-Литовск выбыло две маршевые роты по 250 чел. В 3-й роте числились 1 младший унтер-офицер и 249 ратников ополчения призывов 1900–1915 гг., в том числе 1900 г. (34–35 лет) – 30 чел., 1901 (33–34 года) – 41, 1902 (32–33 года) – 25, 1903 – 70, 1904 – 20, 1915 г. – 20 чел. В общей сложности 186 (74,4 %) были в возрасте старше 30 лет. Основная масса была призвана в Бийском (114 чел.) и Павлодарском (116 чел.) уездах. Личный состав 5-й маршевой роты составляли призывники Змеиногорского (161 чел.), Павлодарского (58), Омского (39) и Барнаульского (1 чел.) уездов².

23 октября 1915 г. из 38-го запасного полка на Северо-Западный фронт в г. Минск убыли 22, 23 и 24-я очередные роты пополнения. 22-я рота состояла из 2 старших унтер-офицеров, 3 младших, 16 ефрейторов и 229 новобранцев призывов 1900–1903 гг. – 4 чел., 1913 – 4, 1915 – 3, 1917 г. – 239 чел. По месту призыва: Новониколаевск и окрестности – 80 чел. (30,2 %), Бийский уезд – 48, Барнаульский – 44, Тюкалинский – 38, Томский – 21, Каинский – 5 чел. и т. д. Начальное военное обучение в объеме более 9 недель прошли 14 чел., 8 недель – 167, 9 недель – 119 чел.³ В составе маршевой роты, отправленный на фронт 1 февраля 1916 г. находились призывники: 1910 г. (25 лет) – 6 чел., 1911 (24) – 7, 1912 (23) – 27 (10,8 %), 1913 (22) – 44 (17,6 %), 1914 (21) – 41 (16,4 %), 1915 (20) – 53 (21,2 %), 1916 (19) – 22 (8,8 %), 1917 г. (18 лет) – 13 чел. (5,5 %)⁴. 77-я маршевая рота из того же полка, прибывшая на фронт 17 ноября 1916 г., состояла из ратников ополчения 1 и 2-го разрядов, молодых солдат досрочного призыва 1918 г. и запасных-эвакуированных (призванных после лечения в госпиталях и переосвидетельствования). Они были уроженцами Томской, Петроградской, Волынской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Пермской, Уфимской и Харьковской губерний⁵. 72-маршевая рота 38-го запасного полка, прибывшая в действующую армию 8 декабря 1916 г., имела в своем составе нижних чинов действительной службы 166 чел, ратников 1-го разряда 23, ратников 2-го разряда 28 и запасных – 3 чел. сроков призыва 1916, 1917, 1918 гг., а ратники – 1903–1905 гг., все уроженцы Томской губернии⁶. 73, 74, 75, 76-я роты пополнения отправились из Томска 11 декабря 1916 г. В их списках значилось 4 прапорщика, 27 унтер-офицеров, 51 ефрейтор, 903 рядовых. Нижние чины состояли из ратников ополчения 2-го

---

¹ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал, 2010, № 6. С. 41; Смирнов А. В., Мазаник Т. А. Правовое регулирование подготовки мобилизации в дореволюционной России // История государства и права, 2013, № 4. С. 7.

² ГАНУ. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–5, 15–18.

³ Там же. Д. 2. Л. 109–110.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 183–186.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 78.

⁶ Там же. Л. 86.

Гимнастика на лошадях (из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

разряда и новобранцев призывов 1916–1918 гг. уроженцев Томской и Вятской губерний ¹.

Наконец, в январе-феврале 1917 г. из 38-го Сибирского стрелкового запасного полка предполагалось отправить на фронт 4 роты (82, 89, 90, 91-я) «менее четырехнедельного обучения. Состоят из нижних чинов запаса, ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов разных мобилизаций, белобилетников разных мобилизаций и молодых солдат досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.». «Одна рота (87-я) шестинедельного обучения состоит из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г., белобилетников мобилизации 1 октября 1916 г. и молодых солдат досрочных призывов 1916, 1917, 1918 гг. Одна рота (86-я) десятинедельного обучения, состоит из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г. Три роты (83, 84, 85-я) двенадцати недельного обучения состоит из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. и белобилетников мобилизации 1 октября 1916 г. Одна рота (82-я) тринадцати недельного обучения состоит из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. и белобилетников мобилизации 1 октября 1916 г. Одна рота (81-я) пятнадцати недельного обучения состоит из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. Две роты (79, 80-я) шестнадцати недельного обучения состоят из ратников ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. Одна рота (78-я) девятнадцати недельного обучения

---

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

состоит из ратников ополчения 2-го разряда разных мобилизаций и молодых солдат досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.»¹.

Приведенные факты показывают, что с лета 1915 г. на фронт в составе маршевых рот стали отправлять ратников ополчения. Одновременно «подчищали» получивших отсрочки и льготы. Если до и в начале 1915 г. ратников в основном отправляли отдельно, то потом их начали смешивать с молодыми солдатами, к тому же досрочных призывов 1916–1918 гг. Как установил И. А. Еремин, «Ополченцы оставались ратниками только на момент их явки на призывной пункт. Направленные в запасные армейские батальоны, они переставали быть ополченцами, становясь армейскими нижними чинами (рядовыми). Им брили по-солдатски головы и бороды; их солдатские фуражки и папахи украшала общеармейская кокарда, а не ратнический крест – эмблема, унаследованная от народного ополчения 1812 г. Накануне войны 2/3 ополченских частей предназначались для службы внутри страны. Война потребовала иного соотношения тыловых и фронтовых подразделений ополчения. В результате лишь 113 из 738, или менее 1/6 всех дружин, было выделено для нужд тыла, а 625 было передано фронту»². Но и такие «коктейли» из новобранцев и ополченцев не спасали положение. Поэтому в 1916 г. начали призывать льготников старших возрастов и белобилетников, т. е. освобожденных ранее от службы по семейным или медицинским обстоятельствам. Так, из прибывших в середине октября 1916 г. в 38-й запасного полка 302 ратников ополчения 1-го разряда 67 чел. (22,1 %) имели возраст 42 года (призыв 1894 г.), 97 (32,1 %) – 41 год (1895 г.), 100 чел. (33,1 %) – 40 лет (призыв 1896 г.)³. Даже со стороны ополченцы воспринимались как старики. Применительно к Иркутску И. И. Серебренников в ноябре 1916 г. свидетельствовал: «Тяжело проходить через Тихвинскую площадь. Здесь мужики, уже старые, бородатые, в своем неуклюжем деревенском одеянии, учатся ходить, маршировать.

- Раз-два, левой! Правой! – слышится команда взводного. И бородачи грустно вздымают то левую, то правую ногу, загребая снег. Безумная расточительность людьми!»⁴.

Подготовленное в запасных частях пополнение в составе маршевых рот отправлялось в действующую армию. Перед этим военнотружущие проходили через процедуру формального медицинского освидетельствования, результаты которого фиксировались в удостоверениях, одно из которых воспроизводим ниже: «Дано сие в том, что солдаты 81-й очередной роты пополнения 38-го Сибирского стрелкового запасного полка перед отправлением на фронт, 12-го сего апреля [1917 г. – М. III.] осмотрены

---

¹ Там же. Л. 58–58 об.

² Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 113.

³ Там же. Д. 21. Л. 45–64.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 281.

комиссией в составе: старшего врача полка Прейсмана, командира 3-й кадровой роты подпоручика Эгауста и подпоручика Разкакотова, причем солдат осмотрено 255 человек, из коих признанными негодными к походу не оказалось»¹. Большинство просмотренных мной подобных удостоверений фиксируют годность личного состава маршевых рот, за исключением 2–3 случаев, когда 1–2 чел. признавались не годными к отправлению в действующую армию.

Что происходило дальше, можно судить по рапорту начальника эшелона № 40199 подпоручика 38-го Сибирского стрелкового запасного полка Меркулова командиру полка от 15 января 1917 г.: «Доношу, что эшелон № 40199 отправился со ст. Томск II 10 декабря в 11 часов 45 минут ночи. На ст. Томск II была посадка 125-й маршевой роты 25-го Сибирского стрелкового запасного полка. Рота явилась в полном порядке на посадку и была принята мной в количестве 250 человек. Со ст. Томск II эшелон прибыл на ст. Томск I в 12 часов 30 минут ночи, где была произведена посадка 73, 74, 75 и 76-й очередных рот 38-го Сибирского стрелкового запасного полка. Роты были приняты мною полностью в количестве 1000 чел., и посадка произведена в образцовом порядке. В 1 час 38 минут ночи с 10 на 11 декабря эшелон отбыл к месту назначения и прибыл в гор. Ржев в 3 часа ночи с 28 на 29 декабря и по прибытию в г. Ржев эшелон получил назначение в 52-й запасной полк 27-й бригады. Во время следования поезда отстали от эшелона 8 нижних чинов 73-й маршевой роты, 5 чел. 74-й роты, 1 чел. 75-й роты и 1 чел. 76-й роты. Из отставших нижних чинов один стрелок прибыл в полк в день смотра и в списки акта не занесен, а два нижних чина явились к этапному коменданту гор. Ржев и им были направлены прямо на фронт. О других отставших сведений нет. Больных в пути сдано 25 чел., в том числе в Вятке – 16 чел. (с повышенной температурой)². «Каждый день из Иркутска отправляются в поход все новые и новые маршевые роты, – записывает в дневник 3 мая 1915 г. И. И. Серебренников. – Идут бодро, с песнями. Не знаю, что у солдат на душе, но внешняя выправка их превосходна»³.

О качестве подготовки пополнения можно судить по разным параметрам и источникам. Например, инспектировавший Томский гарнизон генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов в приказе по округу отметил: «17 августа [1915 г.] осмотрел запасные батальоны, расположенные в Томске. Во всех батальонах люди выглядели молодцами, особенно прошедшие 3-х и 4-х недельное обучение. Молодые солдаты, прибывшие всего 2–3 дня тому назад, уже имеют воинскую выправку, хорошо отвечают на приветствие. Вид людей здоровый, веселый. Ответы дают спокойно, разумно. Видна работа начальствующих лиц и сердечное отношение к нижним чинам. Обучение в общем поставлено вполне правильно и идет успешно. Маршевые роты

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 169

² Там же. Л. 31–31 об.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 119.

хорошо одеты и снаряжены; лучше в 25-м батальоне (подполковник Еремеев), слабее других в 18-м запасном батальоне (полковник Калина)... В общем батальоны представились хорошо, видна усиленная офицерская работа и забота начальствующего состава»¹.

Более жестко оценивали прибывшее пополнение фронтовики. По прибытии маршевых рот в прифронтовую полосу в запасной полк или непосредственно в боевую часть их командованием назначалась специальная комиссия из числа офицеров для осмотра прибывшего пополнения, по результатам которого составлялся отчет. В качестве примера воспроизвожу «Краткий отчет об осмотре 73, 74, 75 и 76-й маршевых рот 38-го Сибирского стрелкового запасного полка и 121-й маршевой роты 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, поступивших на укомплектование 52-го пехотного запасного полка». Об этих подразделениях уже сообщалось выше. Вот как оценили их состояние в действующей армии.

	маршевые роты				
	73	74	75	76	121
Боевая подготовка	хор.	хор.	хор.	хор.	удовл.
Штыковой бой	хор.	удовл.	удовл.	удовл.	хор.
Рассыпание в цепь	оч.хор.	хор.	удовл.	хор.	хор.
Окопное дело	показано	обучена	показ.	показ.	удовл.
Сторожевая служба на практике	хор.	не вполне усвоена	удовл.	знают	знают
Дозорная служба на практике	знают	знают	удовл.	слабо	хор.
Приемы ведения разведки	усвоены	усв.	усв.	слабо	хор.
Выправка	хор.	хор.	хор.	хор.	удовл.
Дисциплина строя	хор.	хор.	удовл.	хор.	удовл.
Шаг	хор.	хор.	хор.	хор.	хор.
Бег	в т я н у т ы й				
Сомкнутый строй в составе взвода	хор.	хор.	хор.	хор.	хор.
Сведения из уставов	хор.	хор.	удовл.	удовл.	удовл.

«1. Личный состав: офицеров – 4 (прапорщики) унтер-офицеров – 27, ефрейторов – 51, окончивших учебную команду – 32, рядовых – 903. Нижние чины ратники 2-го разряда призыва 1903–1905 гг. и новобранцы призыва 1916–1918 гг. Уроженцы Томской и Вятской губерний разных уездов

2. Сроки обучения: 73-я рота с 11 октября и остальные с 8 сентября сего года.

3. Боевая подготовка: а) обязанности рядового в рассыпном строю усвоены хорошо; б) стрелковая подготовка: начальное обучение – произведена стрельба

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 158–159.

*Обучение
штыковому
бою*

б уменьшенными зарядами, 3 подготовительных и один боевым патроном; в) обучение штыковому бою: 73-я рота удар сильный, сноровистый, остальные удовлетворительно; г) рассыпание в цепь, переползание и перебежки: 73-я рота очень хорошо, 74-я и 76-я – хорошо и 75-я – удовлетворительно; д) окопное дело: 73-я, 75-я и 76-я роты показано, 74-я рота одиночному самоокапыванию обучены, разбивки окопа не знают; е) сторожевая служба (на практике): 73-я рота знают хорошо, 74-я рота не вполне удовлетворительно, 75-я рота удовлетворительно и 76-я рота знают; ж) дозорная служба (на практике): 73 и 74-я роты знают, 75-я рота удовлетворительно и 76-я рота слабо; з) приемы ведения разведки (на практике): 76-я рота слабо, остальными усвоено.

4. Строевая подготовка:

а) выправка – хорошо;

б) дисциплина строя: 75-я рота удовлетворительно, остальные хорошо;

в) шаг – хорошо, бег – втянуты;

г) сомкнутый строй в составе взвода – хорошо.

5. Сведения: из уставов внутренней службы, гарнизонной службы, дисциплинарного и общие сведения, обязательные для рядового: 73 и 74-я роты – хорошо, 75 и 76-я роты – удовлетворительно.

6. Внутренний порядок: число отставших – 2 ефрейтора и 17 рядовых, из которых 11 оставлены в пути по болезни.

С ротами прибыли прапорщики Сафонов, Грудачев, Расторгуев и Донской.

Начальник эшелона подпоручик Меркулов, его помощник прапорщик Даниленко и 23 сопровождающих нижних чина.

7. Обмундирование полностью ношенное, но годное к употреблению; от продолжительной езды по железной дороге слишком загрязнено.

8. Снаряжение полностью ношенное, но годное.

9. Теплые и годовые вещи полностью. Ватные вещи значительно поношенные, частью рваные. В 76-й рот нет рукавиц.

10. Шанцевый инструмент полностью по числу людей.

11. Перевязочные пакеты выданы полностью.

12. Жалоб не заявлено.

13. Общее заключение: в общем прибывшие нижние чины по своей боевой и строевой подготовке отнесены 75-й роты к 6-й и остальные роты к 7-й неделе обучения согласно программы, установленной приказом армиям Западного фронта 1916 года. Снабжение рот всем положенным: 76-я рота – удовлетворительно и остальные роты вполне удовлетворительно. Подписали: председатель, командующий 52-м пехотным запасным полком полковник Кудруг, начальник хозяйственной части, капитан Пиотровский, командир 4-го батальона, капитан Лопатин»¹.

Сокращенный вариант подобного отчета об осмотре 72-й маршевой роты 38-го запасного полка, прибывшей на укомплектование 244-го Красноставского пехотного полка от 8 декабря 1916 г., фиксирует, что в ней «нижних чинов действительной службы 166 чел., ратников 1 разряда 23, ратников 2 разряда 28 и запасных 3. Сроков службы 1916, 1917 и 1918 гг. и ратники 1903, 1904 и 1905 гг. Уроженцы Томской губ. Срок обучения 9 недель. Стрельб произведено: одиночный подготовительный 3 упражнения и одиночный боевой 2 упражнения. Боевая подготовка: обязанности стрелка в рассыпном строю знают удовлетворительно, наводка со станка и установка прицела правильная. Штыковому бою обучены удовлетворительно, рассыпание в цепь, перебежки и применение к местности удовлетворительны. Сторожевая и дозорная служба удовлетворительны. С действием лопаты в бою ознакомлены. Строевая подготовка: стойка, ружейные приемы и повороты усвоены удовлетворительно. Шаг вялый, колка чучела удовлетворительная. Обмундирование: шинели суконные хорошего качества. Шаровары исправны. Снаряжение хорошего качества. Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог негодных к носке 146 пар. Жалоб заявлено не было. Общее заключение: строевая и боевая подготовка роты комиссией найдена удовлетворительной»².

Как видим, пополнение, подготовленное в сибирских запасных частях за 6–9 недель обучения, относилось, по неприятиям оценкам фронтовиков, к категории «твердых троечников», но их последующая военная судьба во многом зависела от тех первоначальных азов солдатского ремесла, которые они получили в Сибири.

Отдельные факты, которыми я располагаю, опровергают сложившейся в советской историографии стереотип о негативном отношении к войне призванных в армию сибиряков и массовых их протестных акциях во время пребывания в запасных полках и по пути на фронт. Подобные случаи вплоть до весны 1917 г. носили единичный характер и вообще являются типичными для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности, включая советскую и современную российскую. Да, имели место факты дезертирства, и жандармы, например, сообщали, что 7 ноября 1915 г., «при

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 37, 44, 48.

² Там же. Л. 86.

Землянка нижних чинов, состоящих при штабе 4-го Сиб. корпуса (из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)

проследовании воинского поезда с маршевыми ротами 25-го Сибирского запасного батальона через разъезд Сураново Томской ветки, прапорщиками Михайловским и Филипповским, находившимися в составе эшелона, было произведено несколько выстрелов по самовольно отлучившимся и убежавшим от эшелона нижним чинам, коими убит один и ранены: один в колено, другой в кисть руки и стоявшая у своего дома местная крестьянка – в ногу с раздроблением кости. Пострадавшим своевременно оказана медицинская помощь. Эшелон проследовал спокойно»¹.

При следовании на фронт солдаты часто отставали от своих эшелонов. Об этом свидетельствует воспроизведенный выше рапорт начальника эшелона № 40199 подпоручика Меркулова (декабрь 1916 г.). Во время следования 77-й очередной роты пополнения из 38-го з. п. (ноябрь 1916 г.) самовольно отлучилось 7 чел.² Согласно рапорту сопровождающего офицера от 13 января 1917 г. во время перевозки из личного состава 72-й маршевой роты того же полка один солдат отстал в Новониколаевске, двое на станции Татарской, причем «все трое вернулись в полк»³. Как видим, массовых побегов не было, и большей частью личный состав маршевых рот благополучно добирался до места назначения. В качестве примера можно сослаться на приказ командующего ОмВО от 6 августа 1915 г., в котором сообщается о том, что

¹ ГАРФ. ДПОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 77. Ч. 4. Л. 2.

² ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

³ Там же. Л. 97.

отправленная в середине июля из 28-го Сибирского стрелкового запасного батальона маршевая рота в количестве 411 чел. по дороге не потеряла ни одного нижнего чина, за исключением трех заболевших¹. «Прапорщик Константинов, – информируется в приказе по 38-му запасному батальону, – отправившийся в действующую армию 25 сентября [1915 г. – М. III.] с 16-й и 17-й очередными ротами пополнения, составленными из 1-й и 11-й рот, рапортом 9-го сего октября донес мне, что обе роты прибыли к месту назначения полностью, за исключением одного заболевшего в пути, отставших совершенно не было. Это указывает на порядок и отличное воспитание сознательного исполнения долга, существующие в этих ротях»².

Ситуацию с отставшими от воинских эшелонов в какой-то степени проясняют материалы дознания, произведенного прапорщиком Смирновым по приказу коменданта г. Вязьма 5 января 1917 г. в отношении «доставленного без документов, который назвал себя рядовым 11-й роты 38-го Сибирского запасного полка Федором Тимофеевым Бокутиным срочной службы досрочного призыва 1918 года, происходящего из крестьян Каинского уезда Булатовской волости, деревни Оселок-Васильевский, православного, грамотного», который на станции Вязьма «самовольно от своего эшелона и от своей роты отлучился в гор. Вязьму к своей сестре на Духовщинской улице, где пробыл два дня. 5 января я выехал от своей сестры и направился на станцию, [где] меня задержали военно-полицейские патрули»³.

По всей видимости, подобного рода случаи имели распространение, особенно среди солдат из числа переселенцев, когда они проезжали мимо своей «малой родины», и появлялся соблазн побывать у родственников и односельчан. Более того, им в этом способствовали сопровождающие офицеры. Так, командир 52-го запасного пехотного полка сообщал в Томск о том, что «командиры 73, 74, 75 и 76-й очередных рот пополнения прапорщики Сафонов, Грудачев, Расторгуев и Донской во время пути следования эшелона проводили нижних чинов через оцепление и отпускали их домой, отчего было в пути 22 самовольно отлучившихся нижних чина, из которых нагнали эшелон 14 человек»⁴.

Показательную историю, в этой связи, приводит в своих воспоминаниях новониколаевец С. В. Чернышев, дружину государственного ополчения которого из Читы весной 1915 г. отправили на запад. «С дороги я дал телеграмму о дне нашего прибытия в Ново-Николаевск. Почти вся наша дружина состояла из жителей Томской губернии, к которой относился и Ново-Николаевск. И у всех появилось неодолимое желание во что бы то ни стало заехать домой, несмотря на последствия такого рискованного дела. Уже перед Мариинском начался массовый побег солдат по домам. Они на ходу выскакивали

---

¹ Там же. Д. 1. Л. 61.

² ГАНУ. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

³ Там же. Д. 5. Л. 69.

⁴ Там же. Д. 35. Л. 44.

*«Как ты, милая моя,
поживаешь без
меня»*

*(Открытка
Первой мировой
войны)*

из вагонов и скрывались в кустах. Остановить их никто не пытался, и только офицеры пугали страшной карой, но это никого не останавливало. Чем ближе подходил поезд к Ново-Николаевску, тем больше пустели вагоны». Здесь разбежались последние, и в Омск эшелон ушел пустой, где его загнали в тупик. Сам герой повествования «два дня гостил дома, находясь под воздействием крепкой браги, а на третий день попрощался с семьей и уехал... К этому времени на вокзале для всех беглецов был подготовлен новый поезд, на котором мы добрались до Омска, а там пересели в "свой" поезд. И двинулись дальше». По прибытии к месту назначения, в г. Николаев, «командир дружины полковник Заинговский построил свою дружину и крепко стал распекать беглецов. В заключение обложил нас матом и дал приказ всех поставить под ружье с полной выкладкой на двенадцать часов. С перерывами через каждые два часа. Но когда мы отстояли четыре часа, командир выстроил дружину еще раз и, еще раз отругав нас, дальнейшую

стоянку под ружьем отменил. Вот так легко мы отделались за самовольный побег по домам»¹.

Массовое дезертирство, а не самовольные отлучки, началось после Февральской революции в 1917 г. Всего с начала войны и до этого события дезертировало 195 130 нижних чинов, после февраля и до 15 мая 1917 г. – 85 921 чел.² Как конкретное подтверждение отмеченного процесса можно сослаться на телеграмму в штаб 38-го запасного полка от сопровождающего маршевую роту офицера от 3 мая 1917 г. из Барабинска следующего содержания: «Бежало 32»³.

Помимо запасных полков (батальонов) в сибирских гарнизонах на постоянной основе располагались пешие дружины государственного ополчения по 8 рот в каждой, которые имели свою структуру управления. Так, в Омском военном округе дислоцировался 5-й корпус государственного ополчения (штаб в г. Омске), в состав которого входили два управления дивизий – 52-й (Новониколаевск) и 53-й (Омск). В Иркутском военном округе находились управления 45-й (Иркутск) и 113-й бригад (Чита). Всего в них числилось 27 пеших дружин государственного ополчения, из них 15 – в Омском и 12 – в Иркутском военных округах. Их дислокация выглядела следующим образом. Омск – 4 пеших дружины государственного ополчения (703, 705, 706, 709-я); Новониколаевск – 2 (615 и 707-я); Тюмень – 2 (700 и 710-я); Чита – 2 (609 и 714-я); по одной – Красноярск (717-я без двух рот), Ачинск (532-я и две роты 717-й), Канск (716-я без четырех рот), Барнаул (712-я), Курган (704-я), Семипалатинск (702-я), Ишим (711-я), Бийск (713-я), Тобольск (701-я), Верхнеудинск (715-я), Нерчинск (719-я), Березовский (562-я), ст. Даурия (720-я), пос. Песчанска (574-я), пос. Антипиха (550-я), ст. Маньчжурия (2 роты 720-й дружины)

Дружины несли главным образом караульную службу, охраняя железную дорогу, прежде всего мосты и тоннели, военные склады, лагеря военнопленных и т. д. В частности четыре роты 550-й пешей дружины охраняли железнодорожный парк близ Верхнеудинска, а такое же количество ополченцев обеспечивала охрану железной дороги от Иркутска до Боготола⁴. Дружина, в которой служил упомянутый выше С. В. Чернышев (по всей видимости 609-я) разместили сначала на ст. Иннокентьевская под Иркутском, а затем в ноябре 1914 г. отправили в Читку, где его рота охраняла железнодорожный мост, а затем тюрьму и гауптвахту в Нерчинске⁵. Всего за время Первой мировой войны в вооруженные силы Российской империи привлекли: ратников ополчения 1-го разряда, переведенных из запаса –

---

¹ Чернышев С. В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 43–47.

² Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 26.

³ ГАНУ. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 185.

⁴ Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1916 – февраль 1918 г. Новосибирск, 1978. С. 32.

⁵ Чернышев С. В. Указ. соч. С. 40–41.

400 тыс. чел.; ратников ополчения 1-го разряда, не проходивших действительной военной службы – 2705 тыс.; ратников ополчения 2 разряда – 3075 тыс. чел.¹, всего 6180 тыс. чел. (40 %) из 15 378 тыс., находившихся в армии. В 1916 г. из ополченческих дружин сформировали пехотные полки третьей очереди (397–552-й), в том числе 533-й Новониколаевский и 467-й Кинбурнский, в котором продолжил службу окончивший учебную команду и произведенный в унтер-офицеры С. В. Чернышев². Как считает М. В. Оськин, «к 1917 г. большая часть русской армии, а именно – пехота, насчитывавшая более 90 % в общей цифре личного состава войск, состояла из вчерашних ополченцев»³. Уже в октябре 1914 г. из состава Омского ВО в действующую армию отправили 18 ополченческих дружин из 28⁴.

На формирование дружин «под наблюдением губернаторов» отводилось 28 дней. Их командный состав пополнялся из числа отставных офицеров в возрасте от 43 до 55 лет. Согласно информации С. В. Чернышева, «Долгое время дружина не получала никакого обмундирования, и только в начале ноября [1914 г. – М. Ш.] нам выдали очень ветхие шинели и френчи из черного сукна с шестнадцатью медными пуговицами и с разрезными хлястиками. Вместо шапок выдали старые фуражки с изношенными башлыками. Обуви же не выдали совсем, и мне пришлось отдать пятьдесят пять копеек своих денег за починку сапог, а еще я купил, тоже за свои деньги, папаху и теплые перчатки. Ружья нам выдали старинного образца, берданы, давно вышедшие из употребления». Но на этом злключения ополченцев не закончились. Наступила зима с жестокими морозами, и, охраняя железнодорожный мост, они продолжали носить сапоги и фуражки с башлыками. «На посту нам давали старые валенки и шубу с оторванными напрочь рукавами, которую мы надевали под шинель в собранном виде, то есть сначала натягивали шубу, а потом рукава»⁵.

*Американские военные ботинки,
привезенные с войны одним из
сибирских бойцов
(из коллекции Искитимского
историко-художественного музея)*

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 93.

² Чернышев С. В. Указ. соч. С. 47.

³ Оськин М. В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории, 2013, № 6. С. 151.

⁴ Еремин И. А. Указ. соч. С. 113.

⁵ Чернышев С. В. Указ. соч. С. 40, 41.

По мере затягивания войны в тыловых гарнизонах увеличивается прослойка нестроевых военнослужащих, признанных ограниченно годными и используемых в запасных частях на хозяйственных работах. В частности, в 38-м Сибирском запасном стрелковом батальоне на 29 сентября 1915 г. в нестроевой команде числилось 119 солдат¹. По давней российской традиции этих военнослужащих пытались активно использовать в различного рода экономических проектах в качестве дармовой рабочей силы. Так, администрация торгового дома «Михаил Плотников и Сыновья» 20 января 1917 г. обратилась к начальнику 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады в Томске с просьбой откомандировать в распоряжение организации «по одному нижнему чину от каждого полка из числа нестроевых», поскольку «торговый дом в декабре 1916 г. взял подряд на снабжение крупой и молотой солью полков бригады, расквартированных в Томске. Но нужны рабочие руки для ломки соли, насыпки мешков, доставки соли на мельницу и т. д.»².

В 1916 г. нестроевых из местных гарнизонов отправили в помощь крестьянам на уборку урожая. В самом начале 1917 г. начальник штаба Омского военного округа генерал-лейтенант А. А. Таубе направил начальнику томской 5-й запасной бригады предписание следующего содержания: «В помощь населению при предстоящих в 1917 году полевых работах предположено назначить по примеру прошлого года нижних чинов из дружин и запасных полков. Для этого потребуется из полков взять всех нижних чинов, не пригодных для отправления с маршевыми ротами. Прошу срочно сообщить сколько таких нижних чинов можно включить». Комбриг, в свою очередь, 25 января 1917 г. требует срочно информации на сей счет от командиров подведомственных ему запасных полков и предписывает «срочно сообщить мне сколько от вверенного Вам полка может быть назначено на работы нижних чинов..., имея в виду, что [каждому – *М. Ш.*] полку понадобится человек 200–250 рабочих для огородного дела». Командиры полков сообщают, что от 18-го Сибирского стрелкового запасного полка может быть направлено на уборочную 1000 чел., от 25-го полка 250–300, от 32-го полка до 600 чел., от 38-го полка 200 чел.³

После Февральской революции количество привлекаемых резко увеличивается одновременно с увеличением диапазона использования солдатиков. Так, из «Сведений о числе солдат, находящихся в различных командировках 18-го Сибирского стрелкового запасного полка» от 21 мая 1917 г. узнаем, что на полевых работах находится 2119 чел., на Анжерских копях (добывают уголь для Томска) – 22, в городской милиции – 55, в отделении конского запаса – 28, в Совете солдатских депутатов – 18, всего 2507 чел.⁴

---

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 369.

² Там же. Д. 40. Л. 44.

³ Там же. Л. 48, 49, 51, 55, 56, 57.

⁴ Там же. Л. 107.

Во время войны за Уралом складывается мощная военная инфраструктура, основу которой составили гарнизоны крупных городов Омска, Томска, Новониколаевска, Красноярска, Иркутска, Читы. Например, в Иркутске, помимо штаба военного округа, размещались 9, 10, 11 и 12-й Сибирские стрелковые запасные батальоны (с 1916 г. – полки), отдельные роты 715-й Забайкальской, 716-й Иркутской и 718-й Астраханской пеших дружин государственного ополчения, Иркутский казачий дивизион, Сибирский запасной артиллерийский дивизион, военное училище и две школы прапорщиков, местная, конвойная и автомобильная команды, военно-фельдшерская школа, два отделения конского запаса, медицинские и судебные учреждения гарнизонного и окружного подчинения, артиллерийский, вещевые и сенные склады, обозная мастерская, управления 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады, 45-й бригады государственного ополчения, уездного воинского начальника и заведующего военными учебными заведениями. Всего в городе и его окрестностях в рассматриваемое время размещалось от 35 до 50 тыс. военнослужащих¹.

В Новониколаевске на 1 января 1915 г. в состав гарнизона входили: управления (штабы) 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады, 52-й бригады государственного ополчения и уездного воинского начальника (хотя город имел безуездный статус), 17, 21, 22 и 23-й Сибирские стрелковые запасные батальоны, 707-я пешая Томская дружина государственного ополчения, отделение конского запаса, 146-й и 148-й сводные эвакуационные госпитали, пункт ремонта артиллерийских лошадей. Военнослужащие несли охрану следующих военных объектов: железнодорожного моста через р. Обь, маслохранилища, военного остановочно-питательного пункта, железнодорожной станции. Городская дума в постановлении от 27 июля 1915 г. констатировала: «Город Новониколаевск переобременен войсками и военнопленными, как ни один другой город [Омского военного] округа. Ничего подобного не знает ни Томск, ни даже Омск»².

Таким образом, Омский и Иркутский военные округа в годы войны стали подлинной кузницей подготовки маршевого пополнения для действующей армии. Во время инспекционной поездки летом 1915 г. по запасным частям Томска, Барнаула, Новониколаевска, Кургана, Семипалатинска командующий Омским ВО генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов дал высокую оценку готовящимся к отправлению на фронт маршевым ротам. «От лица службы благодарю всех начальников, потрудившихся для подготовки людей и выражаю уверенность, что виденные мною молодцы, как в пути на театр военных действий, так и в бою с врагами покажут себя настоящими сибиряками», – так завершилась одна из его приказов по итогам поездки³.

---

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 533 (примечание).

² Фабрика Ю. А. Гарнизон г. Новониколаевска // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 188.

³ Фабрика Ю. А. Сибирский щит. Новосибирск, 2001. С. 80.

§4. Воин–сибиряк: социокультурные особенности

Применительно к изучаемому региону к 1917 г. в армии оказалось не менее 1 млн сибиряков (на 10,1 млн жителей). Призвали 53,6 % трудоспособных мужчин на Алтае, 38,8 в Енисейской, 51,8 в Тобольской, 51,5 в Томской, 49,5 в Иркутской губерниях, 60,6 в Акмолинской и 54,8 % в Забайкальской областях¹. С осени 1914 г. мобилизационные кампании приобретают более организованный характер. Вносятся существенные изменения в Устав о воинской повинности, прежде всего в плане уменьшения оснований для получения отсрочек. Прежде всего, отменялась жеребьевка, и на освидетельствование в призывной комиссии привлекались все лица, внесенные в призывные списки. Переселенцам отсрочки могли предоставляться только в случае, «если за их семьями были до объявления мобилизации зачислены земельные душевые доли, и они до того же срока получили установленные документы для переселения». Для них же отменялось разрешение о замене «лица, состоящего уже на действительной службе, одним из членов его семейства». Отсрочка предоставлялась для сдачи выпускных экзаменов в учебных заведениях. Распоряжением правительства от 17 января 1916 г. «наименьшая мера роста для приема на военную службу» определялась в 2 аршина и 1,5 вершка (148,6 сантиметра). О том, как выглядело соотношение между призванными и льготниками можно судить на примере самой многолюдной в регионе Томской губернии (до 40 % от численности населения Сибири). Всего в призывные списки 1914 г. здесь внесли 38 077 чел., призвали в войска 21 852 чел., имели льготы по семейному положению 15 554 чел.²

О том, кого вносили в призывные списки можно судить на примере Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии. В состав волости входили села Тулинское (волостной центр), Завьяловское, деревни Атаманова, Бороздина, Бурнистова, Гуселетова, Стольниково и переселенческий поселок Куличье. В 1911 г. в селе Тулинском, находящемся в 35 верстах от Новониколаевска, насчитывалось 285 дворов, в которых проживало 725 душ мужского пола и 759 женского, всего 1484 чел. В селении действовала церковь, сельское начальное училище, 4 торговых лавки, маслодельный завод, казенная винная лавка. Всего в населенных пунктах волости насчитывалось 1279 дворов, в которых проживало 3273 души мужского и 2340 женского пола, всего 6613 чел.³ Ныне эти поселения вошли в состав г. Новосибирска или находятся на территории пригородного Новосибирского сельского района. В Государственном архиве Новосибирской области в фонде Тулинского

---

¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал, 1993, № 6. С. 67–68.

² Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 107.

³ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 254–255.

*Телефонисты 5-го Сибирского стрелкового полка
(из коллекции Новосибирского краеведческого музея)*

волостного правления сохранились призывные списки волости за конец 1913 – 1915 гг. Списки явно неполные, с многочисленными изъятиями (вырванными листами), но они дают некоторое представление о контингенте призывников. Мной взяты данные по 75 жителям волости, проходившим освидетельствование (призывную комиссию) 2–3 ноября 1913 г., 54 охваченным той же процедурой 16 сентября 1914 г. и 110 обязанным явиться 16 января 1915 г.

Итак, в списки на обследование 2–3 ноября 1913 было включено 75 чел.¹ Призывные списки заполнялись по следующей схеме: «Жиряков М. И. (полностью имя отчество), 1893 года рождения, отец 56 лет, мать 61 год, братья: 22 года (призван в 1912 г.), 10 лет. Православный, русский, женат (указываются дети), малограмотный, хлебопашец. Вес 3 пуда 29 фунтов, рост 2 аршина 5,4 вершка. Годен к строевой службе»². По месту жительства респонденты распределились следующим образом: Тулинское – 18, Завьяловское – 9, Атаманова – 10, Бороздина – 13, Бурнистово – 6, Гуселетова – 8, Стольниково – 10, Куличье – 1. По возрасту: 1893 года рождения (20 лет) – 1, 1892 (21 год) – 57 (75 %), 1893 (22 года) – 15 чел.

Все 75 являлись православными, 67 чел. русскими, 7 малороссами (малорусскими), один чувашом. 35 из них были холостыми, 40 женатыми,

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 212. Л. 49 об.–118 об. (отсутствуют лл. с 76 по 103).

² Там же. Л. 49 об.–50.

у 18 имелись или сын, или дочь. По роду деятельности 73 назвались хлебопашцами, один письмоводителем, один плотовщиком. По образованию: только один считался грамотным (окончил курс начального училища), 30 малограмотными (умели читать и писать), 42 неграмотными, у двоих сведения об образовании отсутствуют.

Физические данные: информация о весе имеется на 39 чел. Он колеблется в пределах от 50,8 до 77,8 кг, в том числе: до 60 кг – 22, 61–65 – 13, 66–70 – 1, свыше 70 кг – 3 чел. Рост 42-х призывников находился в диапазоне от 157 до 180 см, из них: до 160 см – 2 чел., 161–165 см – 18, 166–170 – 18, свыше 171 см – 8 чел. 38 чел. (90 %) имели рост до 171 см, т. е. малорослые преобладали.

Интерес представляют данные, свидетельствующие о начале демографического перехода в сибирской крестьянской семье начала XX в. В изучаемой совокупности нет ни одного сироты. У 51 призывника (68 %) имелись живые отец и мать, причем у 13 мать была старше отца (у семерых разница в один год). Самая высокая разница у М. Н. Гусельникова (отец – 52 года, мать – 60). У шестерых респондентов на момент призыва были отец и мачеха, т. е. родитель после рождения сына вступил в новый брак. У 8-х была только мать-вдова, у 6-ти – отец-вдовец, у двоих – отчим и мать, у одного – мачеха, еще у одного – мать-девица (родившая вне брака). 23 (30,5 %) военнообязанных имели по одному брату, 19 – двух, 11 – четырех, 7 – трех, 3 – пятерых (включая сводных), 10 чел. являлись единственными сыновьями в семье. На другом полюсе у Т. Н. Мартынова насчитывалось 6 братьев 39, 32, 28, 26, 18, 15 лет, а у И. А. Кунгурцева – 7 – 33, 25, 18, 15, 12, 5, 1 года. У 5 призывников старшие братья уже служили в армии.

По результатам освидетельствования 2–3 ноября 1913 г. определены годными к строевой службе 21 чел. (28 %), зачислены в ратники ополчения 1-го разряда 15 чел. (20 %), в ратники ополчения 2-го разряда 7 (9,3 %), зачислены в запас на дополнительную жеребьевку 10 (13,3 %), получили льготу 1-го разряда четверо, 2-го разряда – 8 чел., освобождены от службы навсегда (комиссованы) – 5, один получил отсрочку на год, одного отправили на дополнительное обследование в течение двух недель, двое на призыв не явились, у одного результат призыва не зафиксирован.

Таким образом, годными к военной службе признали, включая ратников ополчения, 43 чел. (57,3 %), еще 10 (13,3 %) отправлены на жеребьевку для зачисления части из них в ратники ополчения. Всего 53 чел. (70,6 %) в принципе являлись годными к отбыванию воинской повинности. Неизвестно по каким основаниям 12 (16 %) обследованных стали льготниками 1-го и 2-го разряда. Известно, что в эти категории зачисляли единственных сыновей в семье. Таковых среди респондентов насчитывалось 10, забраковали еще 5 чел., двое получили отсрочку (один – на год, другой – на две недели), результаты по трем не зафиксированы. В итоге, из 73 призывников считались годными к действительной срочной службе 53 чел. (86,2 %), не годными – 7, получили льготу (отсрочку) 10 (13,3 %). Но из признанных

годными должны были отправиться служить в 1914 г. 21 чел., т. е. 28 % от всей совокупности. В конце документа имелась приписка: «Настоящий экземпляр приписного списка на основании 134 ст[атьи] Устава о воинской повинности за время с 1 по 15 марта сего года [1914. – *М. Ш.*] был прочитан на сельских сходах, причем никаких неправильностей в составлении списка ни кем не заявлено»¹. Но эта ситуация была характерна для мирного времени.

Теперь посмотрим на результаты первого военного призыва по Тулинской волости по данным освидетельствования 16 сентября 1914 г.² Всего в список включено 54 чел., в том числе из Тулинского – 24 чел., Атамановой – 10, Бороздиной – 9, Бурнистовой – 6, Стольниковой – 3, Завьяловского – 2 чел. По возрасту: 1893 года рождения (20–21 год в зависимости от месяца рождения) – 52 (91,2 %), 1896 г. 1, 1895 г. – 1 чел. По национальной принадлежности: русских – 45, малороссов (малорусских) – 7, белорусов – 2; православных – 53, один католик (белорус Э. Д. Гаевский). 28 призывников на момент прохождения призывной комиссии были холостыми, 26 – женатыми, семеро завели по одному ребенку (сын или дочь), а в семье И. П. Лесина сын и дочь. По образованию: неграмотных – 30 чел. (55,5 %), малограмотных – 17 (31,5 %), и только троих можно отнести к категории грамотных: Я. С. Ягодкин окончил Барнаульское отделение Томского епархиального училища, В. П. Головкин – Барнаульское уездное училище, и С. С. Клюшников – полный курс народного училища. 52 военнообязанных являлись хлебопашцами, один – слесарем, один – кузнецом. Кроме того, среди хлебопашцев один владел навыками сапожного, а один – кузнечного ремесла.

Определенные подвижки по сравнению с подборкой призывников 1913 г. усматриваются в семейном положении респондентов. Большая их часть – 29 чел. (53,6 %) имели отца и мать, причем у 6 мать была старше отца, максимально на 5 лет, у четверых – на один год. У 4-х был только отец-вдовец, у одного – мать, у одного – отец и мачеха, трое являлись сиротами, один внебрачным. 15 (27,7 %) военнообязанных имели по одному брату, 18 (33,3 %) – по два, 10 (18,3 %) – по три, 4 – по четыре, в семье С. С. Клюшникова насчитывалось помимо него 6 братьев (26, 16, 12, 8, 7, 4 года). У 7 призывников старшие братья (7 чел.) уже служили в армии, а у пяти их мобилизовали в июле-августе 1914 г.

Что касается физических параметров изучаемой совокупности, то весовые характеристики имеются на 38 чел. Разброс от 52,4 до 74 кг, в том числе до 60 кг – 18 чел., 61–65 – 4, 66–70 – 11, свыше 70 кг – 4 чел. По росту у тех же 38 разброс от 154 до 185 см: до 160 см – 9 чел., 161–165 – 6, 166–170 – 14, свыше 171 см – 9 чел.

По результатам освидетельствования 16 сентября 1914 г. годными к строевой службе из 54 чел. признано 33 чел. (60 %), зачислены в ратники ополчения 2-го разряда – 11 (20,5 %), освобождены от службы навсегда – 2, получили отсрочку

---

¹ Там же. Л. 118 об.

² Там же. Л. 1–49.

*Прислуга гаубицы
4-го Сибирского
стрелкового
корпуса*

*(из коллекции
Новосибирского
краеведческого
музея)*

на год – 3, получили льготы 1-го разряда – 5 чел. Вместе с ратниками число годных к воинской службе составило 44 чел. (80,5 %). Исчезла категория отправленных на жеребьевку. Отсрочка на год предоставлялась по следующим причинам: В. П. Головкин – катар дыхательных путей, А. Р. Проценко – слабосильный, Н. А. Гомзяков – болен на правый глаз.

Последний из имеющихся в деле списков имеет подзаголовок «За призыв 1915 г.» и полное название «Дополнительный список Б лицам, вынужденным жребий в участке при предшествовавших призывах и получившим отсрочку до предстоящего призыва». Всего в него внесены данные на 110 чел.,¹ которые подвергались освидетельствованию в три приема: 14–16 января 1915 г. – 32 чел., 16 мая 1915 г. – 16 чел., 16 июля 1915 г. – 62 чел. Как можно понять освидетельствование, вернее переосвидетельствование, проходили льготники, получившие отсрочку еще по законам мирного времени в 1913–1914 гг. Данные неполные, поскольку в списке нет представителей самого крупного населенного пункта – села Тулинского. Среди остальных 19 чел. являлись жителями с. Завьяловского, 31 – д. Атамановой, 22 – д. Гуселетовой, 15 – д. Бурнистовой, 15 – д. Стольниковой, 8 – д. Бороздиной. Среди призывников преобладали 19–летние (1895 г. рождения), их было 66 чел. (60 % от изучаемой совокупности). Данное обстоятельство свидетельствовало о переходе властей к проведению досрочных призывов, за счет привлечения на службу новобранцев, которые должны были влиться в армейские ряды в 1916 г. Еще 41 чел. (37,2 %) родились в 1894 г., т. е. им исполнилось 20 лет. Среди призываемых имелся один 1893 года рождения (21 год) и двое 1892 года рождения (22 года).

По национальной принадлежности абсолютно преобладали русские – 102 чел. Имелось еще 8 малороссов. За исключением одного баптиста все являлись православными, из них 86 (78,3 %) холостых и 34 (21,8 %) женатых, но только у 9 из них были дети (сын или дочь). Все 110 чел. относились к хлебопашцам, и среди них не было ни одного ремесленника или знающего какое-либо ремесло.

¹ Там же. Л. 119–179 об.

Ситуация объясняется местом жительства респондентов в сравнительно немногочисленных деревнях. На 69 чел. есть сведения о грамотности: среди них нет ни одного грамотного, 11 чел. отнесли к категории малограмотных, 58 – неграмотных. Проявляется следующая закономерность – чем ниже возраст призываемых, тем больше среди них холостых и грамотных.

Более сложная картина в данном случае, в отличие от двух предшествующих, наблюдается в системе родственных отношений военнообязанных. Традиционно доминирует группа, имеющая отца и мать – 80 чел. (72,7 %), у родителей в 14 случаях мать старше отца, обычно – на один год. Кроме того, у 12 чел. (10,9 %) зафиксирована мать-вдова, у 6 – отец-вдовец, т. е. 18 (16,8 %) будущих воинов росли в неполных семьях. 4 чел. родились вне брака, у одного родителями были отец и мачеха, у одного – мачеха-вдова. 7 призывников отнесены к категории одиночек, хотя у одного была сестра, у двоих – по брату и собственно одиночек, по всей видимости, сирот насчитывалось четверо.

У 11 респондентов не было братьев, у 31 (28 %) имелся один брат, у 30 – двое, у 16 – трое, у 12 – четверо, у 2 – пятеро братьев. Рекордсменами в этом плане стали: А. А. Кунгурцев из д. Бороздиной с семью братьями 36, 29, 23, 18, 15, 8 и 4 лет, а также И. И. Миртьянов из д. Атамановой, у родителей которого 61 (отец) и 64 лет (мать), помимо него, имелось еще 6 сыновей 43, 38 (призван по мобилизации 1914 г.), 32, 29 (призван по мобилизации 1915 г.), 24 (принят на службу в 1913 г.) и 16 лет. В общей сложности на военной службе с довоенного периода состояло 11 братьев призываемых, призвали по мобилизации 1914 г. – 30 чел, призвали по мобилизации 1915 г. – еще 19 чел. По количеству ушедших на фронт лидировала семья Миртьяновых; может быть, по этой причине И. И. Миртьянову при освидетельствовании 16 июля 1915 г. дали отсрочку на один год.

Из 14 семей к лету 1915 г. в армию призвали по два сына: Головки – на службе с 1912 г., и призван в 1915 г., Золоторевы – на службе с 1913 г., и призван в 1915 г., Чернавины – призваны по мобилизациям 1914 и 1915 гг., Ивунины – таким же образом, Романовы – таким же образом, Зыряновы – оба

Постройка церкви из хвойных веток на позициях 33-го Сиб полка (из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)

по мобилизации 1914 г., Яблонские – на службе с 1913 г., и призван по мобилизации 1915 г., Естафьевы – по мобилизациям 1914 и 1915 гг., Башарины – призван в 1911 г., и мобилизован в 1915 г., Касаровы – оба по мобилизации 1914 г., Ипатовы – оба по мобилизации 1914 г., Ковалевские – призваны по мобилизациям 1914 и 1915 гг.

Физические параметры респондентов выглядели следующим образом (отсутствуют данные на 47 чел., как правило, на комиссованных и получивших отсрочку): вес от 42 (двое) до 74 кг, рост от 153 до 178,4 см. По весу они распределились: до 55 кг – 11 чел., 55,1 – 60 кг – 29 (46 %), от 60,1 до 65 кг – 13 (20,6 %), от 65,1 до 70 кг – 8, свыше 70 кг – 2 чел. Таким образом основная масса призывников – 54 чел. (66,6 %) имела вес в пределах 55–65 кг. По росту: от 150,1 до 155 см – 3, от 155,1 до 160 см – 8, от 160,1 до 165 см – 23 (36,5 %), от 165,1 см до 170 см – 23 (36,5 %), свыше 170 см – 6 чел. Рост от 160 до 170 см имели 46 чел. (73 %). В итоге среди призывников анализируемой группы преобладали низкорослые и легковесные.

По результатам освидетельствований 1915 г. годными к строевой службе признали 53 чел. (48,2 %). Льготников 1-го разряда автоматически зачисляли ратниками ополчения 2-го разряда, таковых оказалось 35 чел. (32 %). Предоставили отсрочку на год 8 чел. (7,2 %) (одному по недоразвитости, одному по малому росту, одному по слабосилию), освободили от службы навсегда 7 чел. (6,6 %), не явилось трое, один умер, и еще одного отправили на дополнительное обследование сроком на три дня. Но нужно иметь в виду, что последний по времени призыв проходил 16 июля 1915 г. Буквально через месяц, в августе вносятся изменения в «Устав о воинской повинности». Поскольку раньше ополчение 2-го разряда вообще не предназначалось для участия в боевых действиях, эту норму отменяли, и «ратники ополчения 2-го разряда назначались как в состав ополченческих частей, так и для усиления и пополнения постоянных войск». Поэтому 5 сентября 1915 г. начался первый призыв ратников 2-го разряда, около 900 тыс. чел.¹ В армии должны были оказаться и 35 ратников изучаемых призывов 1915 г. С учетом данного обстоятельства количество призванных нужно исчислять в 87 чел. (81,2 %).

Анализ трех призывных кампаний (ноябрь 1913, сентябрь 1914, январь–июль 1915 гг.) на примере Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии позволяет установить следующую тенденцию. Призыв 1913 г. дал на 75 чел., привлеченных к освидетельствованию, 21 (28 %) годного к строевой службе, 15 ратников ополчения 1-го разряда (20 %), которых начали призывать с началом войны, и 10 чел. (13,3 %) отправленных на жеребьевку, всего 53 чел. (61,3 %), которые могли в принципе оказаться в действующей армии. Из 54 чел., освидетельствованных 16 сентября 1914 г., 33 (60 %) признали годными к строевой службе и 11 (20,5 %) определили в ратники ополчения 2-го разряда, всего годных для пополнения действующей армии

---

¹ Оськин М. В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории, 2013, № 6. С. 149.

55 чел. (80,5 %). Наконец, по ходу освидетельствования в январе–июле 1915 г. лиц, имевших льготы и отсрочки, из 110 чел. признали годными к строевой службе 53 чел. (48,2 %), а с учетом ратников ополчения 2-го разряда – 87 чел. (81,2 %). Как видим, от призыва к призыву возрастала доля годных к строевой службе и тех, кого можно было отправить на фронт. Что касается некоторых общих параметров, присущих призванным из Тулинской волости, то среди них преобладали неграмотные и малограмотные русские крестьяне, в подавляющем большинстве православные, наполовину женатые и наполовину холостые.

Организацией призывов, как уже информировалось в параграфе первом (мобилизация) занимались организованные к 1 сентября 1914 г. в составе канцелярий губернских управлений отделения по делам воинской повинности¹. На нижестоящем уровне этим занимались уездные по воинской повинности присутствия, во главе с исправниками или крестьянскими начальниками. Так, Бийское присутствие возглавлял уездный исправник И. В. Поляков, Барнаульское – крестьянский начальник 1-го участка Барнаульского уезда И. Г. Немцов². Помимо чиновников в эти органы включались представители от городских самоуправлений. Например, И. И. Серебренников отметил в дневнике 4 декабря 1915 г.: «Сегодня был командирован городским головой на заседания уездного по воинской повинности присутствия. Пришлось заседать здесь с 10 часов утра до 8 вечера. Было подвергнуто медицинскому освидетельствованию 250 ратников ополчения. Около половины осмотренных присутствие признало годными к военной службе, остальные либо были забракованы, либо получили отсрочки, либо отправлены в госпиталь на испытание. Не обошлось, конечно, и без симуляций. На вопрос: "чем недовольны?" многие отвечали по стереотипу: "кружение в голове" или "стеснение в груди" и т. д.». На следующий день комиссия освидетельствовала 300 ратников ополчения³. Как видим, заседания комиссии носили чисто формальный характер.

Зачисленным еще в мирное время в ратники ополчения выдавали стандартизированное бессрочное Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности. На титульной странице его фиксировалось, например: «Томской губернии Мариинского уезда, крестьянин Алчедатской волости Терентий Иванович Иванов, 11 декабря 1902 г. являлся к исполнению воинской повинности за призыв 1902 г. и по вынужденному им двадцать пятому (25) жеребью подлежал зачислению в ратники ополчения». На обратной стороне документа имелись штампы: «1. Подвергался 29.12.1916 г. поверочному освидетельствованию в Мариинском уездном по воинской

---

¹ Палин А. В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. С. 61.

² Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 99.

³ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 81–82.

повинности Присутствии и признан здоровым. 2. Прибыл и зачислен в списки 1 р[оты] 38-го Сиб. стр. зап. п[ол]ка 7 января 1917 г.»¹.

На каждого призванного заводился послужной список, аналог военного билета. Выглядел он следующим образом: Послужной список 18-го Сибирского стрелкового запасного полка [Томск – М. Ш.] Азанова Мухамета Емурловича [призван из Каинского уезда – М. Ш.]. 13 марта 1917 г. прибыл и зачислен в списки полка, 10-й роты молодым солдатом. Приведен к присяге на верность службы Государству Российскому 24 марта 1917 г. Переведен в 9-ю роту 28 июня 1917 г. Исключен из списков полка и отправлен в действующую армию 5 августа 1917 г. Прибыл и зачислен в списки 18-го Сибирского стрелкового полка 21 августа 1917 г.»². Таким образом, рядовой М. Е. Азанов находился в запасном полку 5 месяцев и одну неделю.

Катастрофическое уменьшение численности личного состава действующей армии из-за громадных потерь потребовала принятия экстренных мер для его восполнения. Помимо очередных призывов новобранцев и ратников ополчения, указом от 16 марта 1915 г. император Николай II предписал: «...Повелеваем лиц, подлежащих исполнению воинской повинности в 1916 году, призвать... в 1915 году». Таким приемом призывной возраст был снижен на год. В последующем подобная практика становится нормой. В 1916 году в армии оказались новобранцы 1917–1918 годов призыва, а в 1917-м – 1919 года. Ужесточались требования к призванным. Им уже не разрешалось после медицинского освидетельствования отъезжать в отпуска на три дня «для улаживания домашних дел».

Осенью 1915 г. начинается призыв ратников ополчения 2-го разряда, который до этого никогда не производился. Призванные должны были быть зачислены как в состав ополченских дружин, а также предназначались «для усиления и пополнения постоянных войск». В июле 1916 г. двумя указами предписывалось мобилизовать ратников ополчения 2-горазряда сроков призыва 1901–1916 гг. и 1-го разряда сроков призыва 1893–1916 гг. Подчищались ресурсы за счет льготников и старших возрастов. «Все разговоры вертятся вокруг призывов, – фиксировал в дневнике 1 декабря 1915 г. иркутянин И. И. Серебренников. – Призывают теперь, в сущности говоря, всех. Останутся люди пожилые, дети и женщины. Молох войны требует все новых и новых жертв»³. Последний указ о мобилизации подписывается 21 января 1917 г., объявлявший досрочный призыв в армию лиц 1898 года рождения, то есть призывников 1919 года.

В какой-то степени дефицит военнослужащих пытались компенсировать за счет переосвидетельствования раненых и возвращения излеченных в строевые части. Так, комиссия при Барнаульском лазарете в ноябре 1917 г. признала годными и отправила в 38-й Сибирский запасной стрелковый полк 82 военнослужащих, в том

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 1065.

² Там же. Л. 1100.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 168.

*Фельдшеры 5-го Сибирского стрелкового полка
(из коллекции Новосибирского краеведческого музея)*

числе из 12-ти Сибирских стрелковых полков и 12-й Сибирской артиллерийской бригады¹. Призыв ратников ополчения в возрасте свыше 35 лет имел свои негативные последствия. Так, 30 апреля 1917 г., по прибытии на фронт, производится освидетельствование состояния здоровья 389 военнослужащих маршевых рот из 38-го запасного полка. В соответствующем документе врач записал: «Считаю необходимым указать на высокий возрастной состав прибывших. Многим из них от 37 до 40 лет – средний возраст по моему предположению 35–36 лет. Естественно, что при таком высоком возрасте солдаты принесли с собой и те болезни и слабости организма, которые свойственны этому возрасту в среде нашего рабочего и крестьянского люда. При освидетельствовании обнаружены следующие болезни: а) у 14 солдат воспаления, конъюнктивит век; б) у 13 – воспаление среднего уха с гноетечением; в) у 17 – сердечные болезни; д) у 6 – триппер, острый, хронический; е) у 16 – катар желудка, большей частью хронический; ж) у 17 – ревматизм, тоже большей частью хронический; к) у 6 – бронхит; х) у 5 – эмфизема легких; и) у 4) грыжа пупочная и по белой линии; ж) у 2 –

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 755.

варикозное расширение вен». Кроме того, 6 солдат заявили жалобу на сильную близорукость, 2 – на нервные припадки. Было обнаружено 12 случаев воспаления десен средней степени. «Часть больных подлежат лазаретному лечению. Значительная часть их должна быть признана пригодной к несению воинской службы только на нестроевых должностях. На основании вышеизложенного прибывшее пополнение по состоянию здоровья ни в коем случае не может быть призвано удовлетворительным»¹.

Помимо русских, украинцев, белорусов, поляков, в запасном полку находились представители других национальностей. Так, из 268 прибывших из Бирского уезда Уфимской губернии 12 сентября 1914 г., зачисленных в 1-ю роту части, русские составили 36 чел., остальные были башкирами и татарами; из 250 чел. личного состава 5-й роты русских насчитывалось 104, «инородцев» – 145 чел. Из 198 ратников ополчения 2-го разряда, прибывших в полк из Бирского уезда в октябре 1915 г., русских оказалось четверо, остальные – башкиры и татары². В июле 1915 г. в полку числилось 12 немецко-колонистов³. Тогда же в числе 98 призывников из Тарского уезда Тобольской губернии находились один лютеранин и один католик (Л. И. Козловский)⁴. Среди новобранцев досрочного призыва 1917 г. из Тюкалинского уезда той же губернии в августе 1915 г. было два лютеранина Готлиб Готлибович Гец и Иоаганн Готлибович Гофман⁵. Зато среди 729 новобранцев досрочного призыва 1916 г., прибывших в запасной батальон из Барнаульского уезда Томской губернии 8 августа того же года, за исключением одного католика, все остальные были православными, т. е. русскими, белорусами и украинцами⁶. В октябре 1916 г. в числе 302 ратников ополчения 1-го разряда из Мариинского уезда той же губернии имелось 10 католиков и два мусульманина⁷.

Призывали в армию и сибирских татар. Так, в призывных списках д. Юрты-Акбалыкские Мало-Корюковской волости Томского уезда (ныне д. Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области) значатся: за 1914 год – Мавлютов Шайхулла Гайфуллович, татарин, 20 лет (по наружному виду), отец 49 лет, братья 15, 12, 10, 8, 5, 2 лет, магометанин, холост, неграмотен, хлебопашец, годен, призван в строй 8 октября 1914 г.; Яруллин Хафизула, 1893 года рождения, отец 57, мать 50 лет, братья 16 и 7 лет, магометанин, татарин, холост, неграмотный, портной. Предоставлена отсрочка на один год. 1915 год – Ахметдинов Н., 1894 года рождения, отец – 68, мать – 60 лет, братья – 36, 31, 13 лет, магометанин, татарин, неграмотный,

---

¹ Там же. Л. 117 об.

² ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14 об.; Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 40–47.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 131.

⁶ Там же. Л. 33–37.

⁷ Там же. Д. 21. Л. 45–64.

женат, хлебопашец. Принят в строй 15 февраля 1915 г.; Митигулин Г., 1894 года рождения, отец – 58, мать – 52 года, братья 34, 24 (призван по мобилизации в 1914 г.) лет, магометанин, татарин, женат, есть дочь, неграмотный, хлебопашец. Признан не годным к военной службе, освобожден навсегда. 1916 год – Юнусов М. Г., 20 лет, отец – 46, мать – 35 лет, магометанин, татарин, женат, грамотный по русски, хлебопашец. Имеет право на льготу, зачислен в ратники ополчения 2-го разряда; Ибрагимов К., 1895 года рождения, отец – 53, мачеха 24 года, братья 32, 17, 12, 7 лет, магометанин, татарин, холост, хлебопашец. Годен. Принят в строй. Мустафинов Г., 1895 года рождения, отец – 48, мачеха – 24 года, брат 25 лет (призван по мобилизации 1914 г.), магометанин, татарин, холост, грамотен по русски, хлебопашец. Годен. Принят в строй в 1915 г.¹

Отдельную, не национальную, а конфессиональную группу, составляли старообрядцы и сектанты. Так, среди 98 молодых солдат 6-й роты 38-го запасного батальона призыва лета 1915 г. старообрядцев насчитывалось 5 чел. Из 100 новобранцев досрочного призыва 1917 г., прибывших в часть 27 августа того же года от Новониколаевского уездного воинского начальника их насчитывалось 3 чел. На 185 призывников досрочного призыва 1918 г., зачисленных в 1-ю роту уже 38-го запасного полка в июле 1916 г. и прибывших из Змеиногорского уезда Томской губернии старообрядцев насчитывалось 11 чел. (5,9 %). Наконец, среди 302 ратников ополчения из Мариинского уезда той же губернии (октябрь 1916 г.) их было 4 чел., плюс один сектант².

Информацию, полученную в результате обработки данных по призывникам из Тулинской волости, ниже я постараюсь дополнить сведениями о прибывших для прохождения службы в 38-й Сибирский стрелковый запасной батальон (полк) в 1915 – начале 1917 гг. из числа призванных в армию сибиряков. Всего в августе – начале сентября (до 8-го числа) 1915 г. в батальон прибыло новобранцев досрочного призыва 1917 г. 2825 чел. и досрочного призыва 1916 г. 729 чел. Итого: 3554 чел. В том числе: из Барнаульского уезда – 1123 чел., Бийского – 1248, Каинского – 783, Томского и Новониколаевского по 100 чел.³ В сентябре 1915 г. в часть поступило ратников ополчения 2-го разряда 1912–1916 гг. призыва из Кузнецкого уезда 1784 чел.⁴ Всего за август–сентябрь 1915 г. в полк прибыло 5238 новобранцев и ратников из уездов Томской губернии. Кроме того в указанное время регулярно прибывали мелкие партии призванных численность от 6–7 до 25–28 чел.

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 168. Л. 74–75, 82 об.–83, 88 об.–89.

² ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–47; Д. 1. Л. 165–165 об.; Д. 21. Л. 14–28, 45–64.

³ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 72 об., 108, 115, 144, 165–165 об., 172, 32–37, 213 об.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 291, 303–305, 310 об., 320–323, 324, 333.

Открытка Первой мировой

В социокультурном отношении некоторое представление дает предлагаемая таблица.

Таблица.

Основные характеристики новобранцев отдельных уездов Томской губ.

	Тарского уезда	Барнаульского уезда	Новониколаевского уезда	Змеиногорского уезда	Мариинского уезда
Дата призыва	Июль 1915 г.	Август 1915 г.	Август 1915 г.	Май 1916 г.	Октябрь 1916 г.
Количество, чел.	98	729	100	185	302
Характер призыва			Досрочный 1916 г.	Досрочный 1917 г.	Досрочный 1918 г.
Грамотных (%)	46,7	15,9	13	14	8,2
Неграмотных (%)	52	66,3	51	39,4	74,5
Малограмотных (%)	1,3	17,8	36	40	17,5
Возраст (лет)	20	19	18–19	18–19	Свыше 30
Ремёсла (%)	24,5	10,9	14	10,8	99
Женатые	–	–	–	86 (46,7 %)	285 (95,4 %)
Холостые	–	–	–	99 (53,3 %)	17 (5,6 %)

Данные таблицы, результаты осуществленного мной анализа списков прибывших в 38-й Сибирский стрелковый запасной полк в 1914–1917 гг., показывают, что среди них абсолютно преобладали малограмотные и неграмотные русские, православные крестьяне в возрасте 19–30 лет, занимавшиеся в основном сельским хозяйством. Процент неграмотных в Сибири соответствовал данным по России и составлял 61 % от совокупности призванных¹. Можно предположить, что часть хлебопашцев, по терминологии того времени, подрабатывала чернорабочими, плотниками, сапожниками, столярами и т. д. Но вот такие профессии, как приказчик, торговец, псаломщик, каменщик, кровельщик, маляр, стекольщик, кочегар, каменотес, письмоводитель, коммерсант, штукатур, слесарь, хлебопек, требуют высокого уровня профессиональной подготовки и необходимости постоянно трудиться по избранной специальности. Но таковых мало, 1–2 чел. на совокупность (партию) призванных.

Специфическую и немногочисленную (несколько сот человек) категорию призванных составили политические ссыльные. Всего их к февралю 1917 г. в регионе отбывало ссылку от 6 до 8 тыс. чел.² Многие из них, прежде всего эсеры, меньшевики, часть большевиков во время войны заняли оборонческие позиции, но в армию их, даже добровольцами, не брали. В обстановке острого дефицита людских резервов для фронта, особенно грамотных, самодержавие совершило фатальную ошибку, приняв 7 февраля 1916 г. решение призвать в армию всех состоящих под судом и следствием, а также отбывающих наказание. В запасные полки сибирских городов хлынул поток политических ссыльных, которые отнюдь не стремились укрепить обороноспособность империи. Только в Нарымском крае к ноябрю 1916 г. мобилизовали 230 ссыльных, из которых более 200 оказались в Томском гарнизоне³. Как вспоминал видный деятель РКП(б) И. Н. Смирнов, всех политических зачислили в 18-й Сибирский стрелковый запасной полк. В его 14-й роте служили ссыльные из Нарыма: старший унтер-офицер Бланкштейн, ефрейтор Вл. Косарев, рядовые – Иван Смирнов, Николай Яковлев, Вл. Цауне и Сергей Кудрявцев. Часть ссыльных отправили в Новониколаевск⁴. По сути, был брошен зажженный факел в виде сотен профессиональных революционеров, томящихся без дела, в озлобленную и недовольную солдатскую среду. Чем они занимались в запасных полках, мы еще посмотрим в специальном разделе.

---

¹ Ионов В. В. Подготовка русской армии накануне первой мировой войны // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 170.

² Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920-х гг. Новосибирск, 2003. С. 29.

³ Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967. С. 155.

⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 564. Л. 9, 17–18.

ВСЕ ДЛѢ ВОЙНЫ!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА 5½%

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ.

ХРОМО-ЛИТ. СОКОЛОВА П.Г. КАНОНЕРСКИЙ ПЕР. ДЛ. 142.

Глава 2. **Экономика региона в 1914–1917 гг.:** **основные тенденции развития**

§ 1. Промышленность

Индустриальное развитие Сибири в начале XX века вступило в стадию промышленного переворота на транспорте, в обрабатывающих отраслях и углубления технического переворота в горнодобывающей промышленности. Однако к 1914 г. доля промышленной продукции в общей стоимости местного валового продукта составила 22 %, существенно уступая сельскому хозяйству. Ведущее место в экономике региона (61 %) занимали отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья (маслодельная, мукомольная, винокуренная, кожевенная), а также горнодобывающая и горнозаводская промышленность. В годы войны увеличивается производство продукции, необходимой для армии. В то же время уменьшаются объемы переработки сельскохозяйственного сырья.

Рост производства наблюдался в отраслях, работающих на удовлетворение нужд фронта («на оборону») Поэтому число металлообрабатывающих предприятий в Сибири за 1914–1916 гг. возросло с 23 до 39, производство цемента за 1914–1915 гг. – на 76 %, обработка кож за 1914–1917 гг. – на 150 %. Значительно увеличился выпуск тканей, валенок и кожаной обуви, мыла, обмундирования и нижнего белья для армии, стекла, химических продуктов и т. д.¹

Неустойчивым было положение в горнодобывающей и горнозаводской промышленности. Например, в 1915 г. добыча золота по сравнению с 1913 г. возросла на 29 %, но к 1917 г. произошло падение по сравнению с уровнем 1913 г. на 16,5 %. С другой стороны, интенсивно развивается цветная металлургия. В 1914 г. в Рудном Алтае образуется Риддеровское акционерное горно-промышленное общество с капиталом в 20 млн руб. К началу 1917 г. на Риддеровском руднике добыли 1284,5 тыс. пудов серебряноцинковой руды, из которой получили при обогащении 339,2 тыс. пудов цинкового концентрата и более 115 тыс. пудов свинцового, отправленных на плавильный завод

---

¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 364.

общества в Экибастуз¹. В 1915–1916 гг. строилась железная дорога для перевозки концентрата из Риддера в Усть-Каменогорск. Далее его отправляли по Иртышу до пристани Ермак, а потом по железной дороге доставляли для переплавки в Экибастуз. Здесь действовала международная Русско-Азиатская корпорация с участием британского финансового олигарха Л. Уркварта. Ею основываются два акционерных объединения: Риддеровское горнопромышленное общество и Киргизское горнопромышленное общество. В Минусинском уезде Енисейской губернии функционировали два медеплавильных завода.

Существенное сокращение ввоза чугуна и стали, а также металлопроката с Урала привели к возобновлению производства на Гурьевском, Абаканском, Николаевском и Петровском

металлургических заводах. Купленный в мае 1913 г. акционерным обществом «Копикуз» у Кабинета ЕИВ за 130 тыс. руб. Гурьевский завод развивался быстрыми темпами. В 1915 г. на нем трудилось 184 рабочих, в 1916 г. – 686².

С началом войны существенно вырос спрос на сибирский уголь, и не только для нужд железных дорог, но, и в связи с топливным кризисом в Европейской России, для предприятий Урала. С 1913 до 1917 гг. угледобыча в регионе увеличилась в два раза (с 1305,5 до 2616,7 тыс. т), в том числе в Кузнецком бассейне с 773,8 до 1257,4 тыс. т. Судженские копи Л. А. Михельсона повысили добычу за два года с 371 до 558 тыс. т, а прибыли их владельца только за год (1914–1915 гг.) увеличились более чем в три раза: с 419,9 до 1395,6 тыс. руб.³ Копикузом строится железнодорожная ветка от Транссиба (ст. Юрга) до Кемеровского и Кольчугинского рудников, в сентябре 1915 г. по ней открылось движение. Освоение перспективных угледобывающих районов

¹ Разумов О. Н. Акционерные компании в горной промышленности Алтая в конце XIX – начале XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 2001. Вып. 3. С. 154–155.

² Гурьевск: страницы истории. Кемерово, 2008. С. 58.

³ Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996 гг. Кемерово, 1997. С. 42.

сдерживалось прекращением поставок импортных горнодобывающих механизмов, в основном из Германии. В связи с приходом на шахты неквалифицированных рабочих из числа крестьян и военнопленных резко падает производительность труда. На том же Кольчугинском руднике за 1915–1916 гг. число кадровых шахтеров сократилось с 1500 до 800 чел. Правление «Копикуза» добилося от властей направления на копи военнопленных, преимущественно из венгров (мадьяр), к 1917 г. их здесь было более 1200 чел.¹

Существенно в рассматриваемое время возросло значение Черемховского угольного бассейна, поскольку на громадном пространстве 2,5 тыс. километров (от Анжерских до Черновских копей) у него не было конкурентов. Хотя Черембасс давал около 1,5 % общероссийской добычи угля, но в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке на его долю приходилось от 30 до 50 % добываемого угля.

Ведущее положение в Сибири к началу войны занимала промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье. Мобилизация мужчин, прекращение кредитования, резкое сокращение коммерческих перевозок на железных дорогах привели к падению производства. С другой стороны, существенно возрос спрос на кожевенные изделия, консервы, масло, муку. Только в Тобольской губернии к 1917 г. количество кожевенных заводов увеличилось с 323 до 358, они давали 28,5 % производства отрасли в масштабах Сибири. Но дальнейшее наращивание производства тормозилось дефицитом сырья. Мясоконсервный завод Сорокина в Кургане при численности рабочих 1700 чел. производил в 1915 г. до 90 тыс. коробок консервов ежедневно. Возобновилось в губернии текстильное производство (суконная фабрика Богаткиной в Тюкалинском уезде). Сокращалось производство масла, поскольку из-за резкого падения цен на него маслоделы территории понесли убытков на 8 млн руб. Происходило сокращение объемов промысловой деятельности (деревообработка, ковроткачество, добыча пушнины и рыбы).

Обобщая данные по Тобольской губернии за годы войны, С. Ю. Шишкина резюмирует: «Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в годы войны не произошло серьезных качественных изменений, перелома в развитии промышленности края... Действительно крупных производств, с числом рабочих от 500 и выше, в Сибири насчитывалось около 40, в Тобольской губернии – лишь одно (в г. Кургане). Несмотря на всплеск интереса к металлообработке во второй половине 1915 г., промышленность по-прежнему ориентировалась преимущественно на переработку сельскохозяйственного сырья. Безусловно, разрушающее влияние войны в гораздо меньшей степени сказалось на промышленном развитии такого тылового района, как Тобольская губерния, но вместе с тем нет оснований для вывода о значительном развитии промышленности края в изучаемый период времени. Сохранилась тенденция приоритетного развития лишь тех отраслей,

---

¹ Лакисов А. И. Ленинск-Кузнецкий. Кемерово, 1984. С. 33.

которые не создавали конкуренции для фабрик и заводов Европейской России, и в тоже время сохраняли развитие губернии как сырьевого сельскохозяйственного придатка – маслоделие, кожевенная, овчинно-шубная. Но и на них повлияли общие экономические условия того времени – недостаток сырья, топлива, дороговизна, расстройство транспорта и призывы в армию квалифицированной рабочей силы»¹.

По данным А. В. Неклюдовой, в городах Восточной Сибири (15 без Якутской области) в 1912 г. насчитывалось 117 фабрик и заводов, на которых трудилось 1558 рабочих. Во время Первой мировой войны их число возросло до 850 и 9356 работающих. Казалось бы, налицо бурное экономическое развитие городов региона. Но, например, в Иркутске в 1917 г.

имелось 133 предприятия по обработке металла. Из них только пять металлообрабатывающих заводов, остальные – небольшие мастерские: 52 слесарных, 42 кузнечно-экипажных, 34 ювелирно-часовых. И, главное, отсутствовали перспективы для дальнейшего динамичного развития отрасли, поскольку единственный в городе металлический завод производил ежемесячно 4000 пудов (64 т) металла. Причем в 1916 г. из полученных заказов в объеме 76 437 пудов было произведено около 32 000 (42 %) ².

Мукомольные предприятия Новониколаевска перерабатывали основную часть зерна Томской губернии. Первый год войны был для местных мукомолов относительно благополучным. Чистый сбор хлебов в Томской губернии в 1914 г. составил 263,5 млн пудов, что превысило урожай 1913 г. на 81,2 млн пудов. Данное обстоятельство позволило сосредоточить в городе до

¹ Шишкина С. Ю. Промышленное развитие Тобольской губернии годы Первой мировой войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1999. Тюмень, 2000. С. 68–69.

² Неклюдова А. В. Развитие торгово-промышленной сферы городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 2007. С. 168, 118.

13 млн пуд. зерна и выработать до 9 млн пудов муки. В засушливом 1915 г. удалось закупить 8,8 млн пудов. С учетом вклада близлежащих селений (Бугры, Берское, Дубровино) мельницы Новониколаевского района перемололи более 12 млн пудов зерна. Тогда же местные мукомолы продали 7,6 млн пудов муки.

Немалые прибыли мукомолам приносили военные заказы, Так, АО «Алтайская фабрично-промышленная компания» в 1915 г. поставило для военных нужд пшеничной муки на 608,2 тыс. руб., или 22,2 % от стоимости произведенной им годовой продукции. Кроме того, фирма выполнила заказ по заготовке 518 тыс. пудов овса на 523 тыс. руб. Владелец мельницы и крупорушки С. Н. Белогорлов поставил Омскому интендантству 456 тыс. пудов продуктов, в том числе 216 тыс. пудов крупчатки.

Мукомолы считали жизненно важным урегулирование цен на мешки, топливо, освобождение мельниц от реквизиции мешков, квалифицированных рабочих и служащих – от призыва в армию. Тем не менее, положение с сырьем, топливом, рабочей силой оставалось тяжелым. С осени 1916 г. нехватка зерна увеличилась в связи с неурожаем в Томской губернии. Из-за неумелого обращения новых рабочих с техникой произошли несчастные случаи и аварии на ряде городских мельниц. После разрешения использовать труд военнопленных на частных предприятиях только на мельнице «Новониколаевского крупчатно-мукомольного товарищества» стало трудиться 200 военнопленных¹. Однако предпринятые меры не привели к кардинальным позитивным изменениям. Поэтому в телеграмме от 16 ноября 1916 г. министру торговли и промышленности Новониколаевский биржевой комитет информировал, что шесть мельниц города уже второй месяц стоят, а на остальных зерна хватит на срок от двух недель до двух месяцев².

В рассматриваемое время большинство местных крупных и средних промышленных предприятий переходят на выпуск военной продукции. Согласно данным Особого совещания по обороне, в начале 1916 г. в Российской империи насчитывалось 3846 предприятий, выполнявших военные заказы, с 1797 тыс. рабочих, в Сибири соответственно: 288 предприятий (около 8 %) с 46,4 тыс. рабочих (2,6 %). К 1917 г. их число по России увеличилось до 5200, а по региону – до 933 (17 %)³.

Наиболее масштабным «оборонным» проектом рассматриваемого времени стало строительство Копикузом Кемеровского коксохимического завода с целью получения не только дефицитного кокса, но и более 100 разнообразных продуктов (бензол, толуол, серноокислый аммоний, аспирин, вазелин и т. д.), в

---

¹ Бочанова Г. А., Кириллов А. К., Ноздрин Г. А., Ус Л. Б., Шилковский М. В. На рубеже веков // История промышленности Новосибирска. Т. 1. Начало (1893–1917). Новосибирск, 2004. С. 31, 33, 34, 35.

² Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 193.

³ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 437.

том числе – необходимых для производства взрывчатых веществ. Согласно условиям договора между Главным артиллерийским управлением и правлением АО, предприятие должны были ввести в эксплуатацию к октябрю 1916 г. и поставить в течение следующих трех лет 75 тыс. пудов бензола и семи лет – 25 тыс. пудов толуола. В 1916 г. на строительство завода затратили 4,4 млн руб. Одновременно строились батарея из 50 коксовых печей, рекуперационный и бензоловый цеха, электростанция, мастерские, котельная, подъездная железнодорожная ветка¹. Строительство осуществлялось в тяжелейших условиях войны. Часть заказов разместили за границей, но их доставка в Россию становилась проблематичной. В конце 1916 г. «Копикуз» получил от парижского завода «П. Гоффар» коксовыталькиватели, смолоотделители и центрифуги, но двигатели к ним оказались потоплены во время транспортировки в Северном море германской подводной лодкой. В 1915–1917 гг. в строительство коксохимзавода вложили почти 8 млн руб., и к 1 марта 1917 г. было завершено приблизительно 86 % строительно-монтажных работ². Однако предприятие ввели в эксплуатацию только в 1924 г.

Определенную роль в наращивании военного производства сыграли возникшие в 1915 г. военно-промышленные комитеты (ВПК), их было создано в Азиатской России 34. Деятельность формирований координировали Омский, Томский областные ВПК и Иркутское заводское совещание. Последнее было создано в августе 1915 г. как региональная структура (Сибирь, Дальний Восток) Особого совещания по обороне. В компетенцию органа входило определение производственных возможностей предприятий подведомственной территории для распределения между ними военных заказов; выяснение потребностей и содействие предприятиям оборудованием, сырьем, топливом, транспортом, рабочей силой; ознакомление с их финансовым положением и, самое главное, контроль за своевременным и качественным выполнением заказов³. Председателем совещания в октябре 1915 г. назначается генерал-майор, начальник артиллерии Иркутского военного округа А. К. Можай-Можаровский, в состав 15 членов вошли офицеры штаба округа, инженеры, представители ВПК, Союза городов и Всероссийского земского союза.

Колоритную зарисовку организации работы органа дает его член И. И. Серебренников: «Сегодня [4 августа 1916 г.] был снова на заводском совещании. Заседание продолжалось с 7 с половиной часов до 11 часов

---

¹ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 54.

² Баев О. В. Иностраннный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX в.). Кемерово, 2004. С. 133.

³ Башкиров В. Г. Заводское совещание сибирского района. Организация и состав (1915–1918 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX века – 1918 г.). Томск, 1976. С. 182–183.

вечера. Председательствовал генерал-лейтенант Можай-Можаровский. Это дряхлый старичок, довольно добродушный. Некоторые из членов совещания уже присвоили ему кличку Менелай. Делопроизводители докладывают дела, затем говорят без всякого плана и порядка почти все одни и те же говоруны. Заместитель председателя полковник Бургард предлагает, наконец, принять такое-то постановление. Обычно с этим соглашаются остальные члены совещания. Прения перемежаются посторонними разговорами, анекдотами, рассказами, смехом. Генерал ничего не говорит, попыхивает папироскою... Так работает на оборону единственное на всю Сибирь заводское совещание. Ощутительных результатов от его деятельности, по-видимому, никаких не имеется. Единственное, что могут дать ценного для будущего историка архивы этого совещания, это различного рода доклады о результатах обследования некоторых крупных промышленных предприятий в Сибири»¹.

Судя по документам Совещания на середину 1916 г. сумма заказов на оборону в Иркутском генерал-губернаторстве составила 5,4 млн руб., всего в Сибири – 20,8 млн руб. Осенью 1915 г. Иркутское окружное интендантское управление (ОИУ) «приступило к первым крупным заготовкам для фронта. Заказ на поставки получили овчинно-шубный и пимокатный завод Л. А. Солобоева в Чите, овчинно-шубные мастерские М. П. Залесовой, И. Ф. Капустина, К. И. Федина и других. Всего Иркутское ОИУ привлекло к работе на армию 11 частных и казенных предприятий и учреждений Иркутска и губернии, передав им заказы на сумму 602 099 руб.»²

Военно-промышленные комитеты занимались производством шанцевого инструмента, одежды, обуви, варежек, веревок, валенок, сбруи, попона, гильз для снарядов, корпусов гранат, бомбометов и т. д. Но их роль в поставках оборонной продукции была незначительной, что объяснялось слабым развитием металлообработки, незначительностью станочного парка. Стоимость заказов, полученных ВПК Сибири от Главного интендантского управления, Главного артиллерийского и Военно-технического управлений составила 29,2 млн руб., из которых на долю Тобольской губернии пришлось 12,1 млн руб., Томской – 3,5; Семипалатинской и Акмолинской областей – 8,2 млн руб.»³

В предшествующей главе я уже касался проблемы дефицита обуви, особенно сапог и низкого качества ее для солдат. С началом войны все сапожники привлекаются Главным интендантским управлением к принудительному изготовлению сапог пехотного образца в количестве не менее двух пар в неделю. В Омском военном округе осуществили реквизицию

---

¹ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 252.

² Неклюдова А. В. Развитие торгово-промышленной сферы городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 2007. С. 110.

³ Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Сибирская историческая энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 599.

сапог и сапожного материала. В городах создавались общественные приемные комиссии для определения соответствия произведенной продукции требованиям, «изложенным в правилах описания шитья солдатских сапог». Только в Томской губернии за первые 10 месяцев войны произвели около 200 тыс. пар сапог. Всего до 1 июля 1916 г. в Сибири заготовили для нужд армии 600 тыс. пар сапог на сумму 4895 тыс. руб.¹ Казалось бы, много, но этого количества не хватило бы обуть даже один раз примерно 1 млн призванных за время войны в армию сибиряков.

Противогаз Зелинского

На конец 1916 г. на оборону работало в Сибири 347 предприятий с общим числом рабочих и служащих 44 407 чел.² Среди наиболее значимых научных достижений следует назвать созданную профессорами Томского университета конструкцию противогазовой маски с кислородным питанием, а также выработку промышленного метода получения безводного цианистого водорода (жидкость «Х», как он назывался в переписке), хлористого мышьяка, желтой кровяной соли и металлического натрия. Руководитель исследований профессор А. П. Пospelов, за «труды, понесенные при условиях военного времени» был награжден в 1916 г. орденом Св. Владимира 4-й степени. Кроме того ученые университета и технологического института работали на создании технологий получения дефицитных лекарственных средств, в частности ксероформа, аспирина, салола, салициловой кислоты³.

Отдельные военно-промышленные комитеты пытались активно помогать фронту. Так, новониколаевский ВПК содействовал строительству кожевенного завода (до 50 тыс. выделанных кож в год), на котором было занято 50 рабочих. На 1 сентября 1916 г. комитет поставил различной обозной утвари и продовольствия на 879 тыс. руб. В городе ежегодно перерабатывалось на веревки до 110 тыс. пудов пакли и пеньки⁴. На 10 февраля 1916 г. Новониколаевский, Красноярский, Курганский, Петропавловский, Омский и Томский комитеты разместили оборонные заказы

¹ Еремин И. А. Указ. соч. С. 53.

² Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Указ. соч. С. 599.

³ Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2011. Т. 2. С. 250–253.

⁴ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А. Так начинался Новониколаевск. Новосибирск, 1983. С. 135; Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал, 2010, № 6. С. 43.

на общую сумму 4669,9 тыс. руб. В результате исполнения контракта только новониколаевская фирма братьев В. С. и И. Ф. Корольковых, А. И. Мошкова с 1 ноября 1915 г. по 1 февраля 1916 г. поставила 23,2 тыс. пудов мяса и 2,3 тыс. пудов сала¹.

Томский ВПК, образованный в июле 1915 г., имел в своем составе секции: механическую, химическую, обмундировочную и продовольственную. Механическая секция во главе с профессором Технологического института Т. И. Тихоновым с ноября 1915 по сентябрь 1916 гг. приняла заказов на 500 тыс. руб., выполнив их на 80 %. Наиболее крупными из них стали: производство гранат, токарных станков и конных экипажей-двуколок. Обмундировочная секция получила заказы от Центрального ВПК на изготовление теплых штанов и патронных сумок². Красноярский ВПК получил заказ на

изготовление 20 тыс. снарядов на сумму 44 тыс. руб. В Чите военные заказы выполняли 10 кожевенных предприятий. Так, кожевенно-овчинный, шубный, войлокато-пимокатный завод Я. Е. Оукулова имел заказ на 300 тыс. руб.³ Барнаульский ВПК уже с осени 1915 г. мог поставить в армию до 1,5 тыс. полушубков в неделю и 1080 пар сапог в месяц. Количество изготавливаемых для этой цели валенок определялось в 4–5 тыс. пар в неделю⁴.

В целом вклад сибирских ВПК в военные поставки был незначительным из-за неразвитости экономики региона, отсутствия крупных промышленных предприятий, немногочисленностью занятых в промышленном производстве рабочих. К тому же эффективность деятельности названных организаций ослаблялась из-за нехватки сырья, бюрократической косности управленческих структур и дублирования властных полномочий. Наглядным примером может

¹ Бочанова Г. А. Новониколаевский военно-промышленный комитет: создание и деятельность (1915–1916 гг.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 152.

² Гахов В. Д. Военно-промышленный комитет // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 55–56.

³ Неклюдова А. В. Указ. соч. С. 119, 111.

⁴ Еремин И. А. Указ. соч. С. 67.

служить история заказа на изготовление 100 тыс. гранат, полученного Иркутским комитетом Союза городов, которую можно проследить по дневниковым записям инициатора его получения И. И. Серебренникова. И так, 27 августа 1915 г. он зафиксировал получение заказа на гранаты, «образец каковой был привезен мною из Москвы. Один из местных жестянщиков берется выполнить большую часть этого заказа по 1 руб. 15 коп. за гранату. Пора Иркутску приобщиться к делу снабжения армии». 10 октября с владельцем жестяной мастерской Хейфецом заключается договор на изготовление гранат. «Дай Бог успеха нашему делу! От гранат, если позволят обстоятельства, перейдем к другим заказам». 13 ноября 1915 г.: «Производство гранат понемногу налаживается. Ждем только присылки из Главного комитета ударников и струнной стали». 21 февраля 1916 г. фиксируется: «Изготовление гранат задерживается вследствие неполучения некоторых материалов».

29 мая 1916 г. автор впадает в отчаяние: «Постороннее лицо с трудом может себе представить, как меня тяготит выполнение принятых на себя комитетом Союза городов заказов на 100 000 ручных гранат и 15 000 снарядов к бомбомету. Комитет взял на себя наитруднейшие из заказов. Взял в порыве энтузиазма помочь армии, не рассчитавши своих сил и средств. Только что в октябре месяце прошлого года мы сдали подрядчику Хейфецу свой заказ на 100 000 ручных гранат, как назавтра после этого он получил такой же заказ и от военно-промышленного комитета. Следовательно, его мастерская оказалась вдвое более задолженною, чем мы предполагали. Это обстоятельство спутало все наши расчеты. Потом началась история с материалами: есть один материал, нет другого. Пришлось обратиться в Китай и Японию и там уже достать недостающие количества жести, латуни и проч. Затем непрерывно следовали циркуляры, вносившие изменения в саму конструкцию гранаты. Жду не дождусь начала сборки гранат, которая должна вот-вот начаться на днях».

4 июня: «Началась сборка в наших мастерских: до сего числа собрано 10 000 штук. На днях предъявляем гранаты артиллерийскому приемщику». 13 июня: «Началась усиленная сборка гранат. Местный Сигор [комитет Союза городов – *М. Ш.*] и местная ассоциация прилагают все старания, чтобы достигнуть максимальной продуктивности работ. Не хватает опытных рабочих. Привлекли к работам и мастерские губернской тюрьмы, возбудили ходатайство о допущении «желтого» [китайцы – *М. Ш.*] труда. Браковщики артиллерийского приемщика работают пока медленно и сильно отстают от сборщиков гранат». Казалось бы все наладилось, и Серебренников 12 июля 1916 г. удовлетворенно фиксирует: «В актив военно-технического Иркутского комитета Союза городов на сегодняшнее число занести следующее: 21 000 ручных гранат... На сборке гранат занято сейчас 300 человек; к этому делу привлечены и мастерские тюрем – местной и Александровской [Александровский каторжный центр под Иркутском – *М. Ш.*]».

Идиллия быстро заканчивается, и 19 июля – уже возмущенно: «Удивительно ведет себя местный артиллерийский приемщик, прапорщик Собещанский (богатый человек, черемховский копе-владелец, инженер). С трудом можно добиться у него квитанции на приемку снарядов. Об отправке принятого он и не думает. На складе у нас и у военно-промышленного комитета лежит до 50 000 ручных гранат, и как долго они еще будут лежать, неизвестно. Прапорщик себе и в ус не дует. О Господи!».

В свою очередь, прапорщик 21 июля «заявил, что заветки к крышкам ручной гранаты должны быть сделаны из стали и вылужены, крючок и заклепка к крышке должны быть припаяны. Мы делали заклепки из железа, потому что это было разрешено

Земгором, очевидно с согласия же Главного артиллерийского управления. Не лудили их, потому что на присланных из петроградского арсенала заветки не луженые. Придется согласиться с лужением и припайкою. Но это вносит ужасную пертурбацию в дело. На всех принятых гранатах придется произвести пересмотр крышек. При неопределенных условиях, когда образцы не отвечают условиям, когда так часто возникают все новые и новые требования, работать невозможно. Приходит в голову мысли о ликвидации отдела».

7 августа 1916 г.: «Дело с гранатами запутывается до невозможности. Подрядчик выглядит совершенно измученным. Он заявляет: «Что хотите, то и делайте со мною. Хотите – в тюрьму садите, хотите – берите в свои руки производство, я не сплю, не ем!» И лишь 5 сентября делается заключительная запись: «Иркутским комитетом Союза городов отправлен на снаряжательные заводы первый вагон ручных гранат местного изготовления. Наконец-то!». Прошел ровно год, и заказ был выполнен, но чего это стоило? ¹

Во второй половине 1914 г. в результате мобилизации возник дефицит рабочей силы, хотя количество наемных рабочих увеличилось с 537,7 тыс. чел.

¹ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 138, 152, 164, 195, 218–219, 225, 227, 245–246, 248, 249, 253, 261.

в 1908 до 668 тыс. чел. к февралю 1917 г. Одновременно «усилилась их концентрация, но более слабым стал кадровый состав из-за мобилизаций, притока новых рабочих из деревни, из иностранцев (особенно китайцев в Восточной Сибири), из беженцев и военнопленных. В период войны снизились реальные заработки рабочих, стал продолжительнее рабочий день, усилилась эксплуатация, с 1916 г. стал ощущаться дефицит продовольствия»¹.

Недостаток рабочих рук восполнялся за счет включения в производство военнопленных, беженцев, реквизированных «иногородцев». Число военнопленных в регионе достигло пика в 353 тыс. чел. летом 1915 г. Они могли работать в соответствии со своими профессиями и иногда даже выбирать место работы. Офицеры имели возможность подыскивать хорошо оплачиваемые должности (учителя, инженеры, музыканты, врачи и т. д.). Так, в Омске в рассматриваемое время насчитывалось 16 тыс. пленных, городская управа «старалась использовать дешевую рабочую силу в первую очередь на строительстве новых зданий... Чернорабочий зарабатывал 10–18 рублей в месяц, а квалифицированный – 30–50 рублей. Благодаря профессиональным отделочникам из пленных в Омске появились здания с красивыми фасадами и интерьерами. Музыканты создали оркестр, с успехом демонстрировавший свое искусство не только соотечественникам, но также выступавший часто в Омском коммерческом собрании... Много было мастеровых – профессионалов сапожного, слесарного, столярного, часового, гончарного, печного, портняжного дела. Своими ремеслами они значительно расширили услуги для омичей, приблизили их к сервису Западной Европы»². В Усть-Каменогорске «австрийцы» работают «в качестве портных, музыкантов в оркестре, каменщиков, плотников, ювелиров. Некоторые же заняты исключительно ажурными работами: делают рамки и другие вещи, разносят их по квартирам»³. В Петропавловске благодаря военнопленным был ликвидирован дефицит обуви на местном рынке. К началу 1917 г. в сапожной мастерской, открытой здесь военно-промышленным комитетом, работало 60 пленных-сапожников, выпускавших ежемесячно 2 тыс. пар сапог⁴. На горных предприятиях Сибири трудилось 4,5 тыс. военнопленных, т. е. 5,8 % от общего числа горнорабочих, а в углепромышленности – даже 18,3 %. На золотые рудники принимались только пленные с горными специальностями⁵.

Уже традиционно использовался труд каторжан, поскольку даже в последней по времени редакции «Устава о ссыльных» 1909 г. предписывалось

---

¹ Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 194, 193.

² Селюк В. И. Пленные Первой мировой // Омский краевед, 2012, № 5. С. 15–16.

³ Сиб. жизнь, 1915, 18 марта.

⁴ Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в Степном крае (1914–1917 гг.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2003. С. 126.

⁵ Зиновьев В. П. Указ. соч. С. 34.

ссылнокаторжан отправлять «в рудники, на заводы и в другие работы в Сибири». Всего за Уралом на начало марта 1915 г. находилось 10 537 заключенных этой категории. Из них были заняты работами: на строительстве Амурской железной дороги 3370 чел., усилении провозной способности Кругобайкальской железной дороги – 1300 чел., на Бархатовских каменноугольных копях в Иркутской губернии – 335 чел., на золотых промыслах в Нерчинском горном округе Кабинета ЕИВ – 1932 чел., направлены на строительство Усинского тракта – 1000 чел.¹

Большие сдвиги произошли и в составе рабочих. Во время войны железнодорожники 68 специальностей освобождались от призыва в армию, хотя могли откомандироваться на прифронтовые железные дороги. Увеличивается доля женского и детского труда. Об изменении национального состава к 1917 г. наглядно свидетельствуют данные Особого совещания по обороне по Сибирскому району: из 104 408 учтенных рабочих на май 1917 г. было: русских – 50 020 чел. (47,9 %), иностранцев – 37 710 (36,1 %), представителей коренных народов региона и Средней Азии – 9790 чел. (9,4 %)².

Параметры стачечного движения выглядят следующим образом: вторая половина 1914 г. – 20 выступлений; 1915 г. – 44, 1916 г. – 82; январь–февраль 1917 г. – 17³. Во время войны из-за обострившегося дефицита рабочей силы трудовые конфликты стремились разрешать более цивилизованно при деятельном участии полицейских чиновников. В качестве примера сошлемся на два случая, произошедших в конце 1914 г. 24 октября 1502 шахтера Судженских угольных копей Л. А. Михельсона не вышли на работу. Разбиравшийся в конфликте томский уездный исправник установил, что

Русская граната образца 1914 г. с гравировкой Земгора на крышке

¹ Шиловский М. В. Экономическая эффективность принудительного труда в Сибири в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник 2011. Иркутск, 2011. С. 146–147.

² Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 33.

³ Блинов Н. В., Зольников Д. М., Плотников А. Е. и др. Стаечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978. С. 283–315.

«обстоятельства, вызвавшие в данном случае забастовку рабочих, представляются в следующем виде: управляющий копиями Михельсона швейцарский подданный (француз) Филипп Генрихович Лонг, с разрешения горного окружного инженера, четырьмя своими объявлениями от 23 октября, ввел новую расценку платы, взимаемой со служащих и рабочих за квартиры, за доставку угля, дров, воды и за очистку навоза от коров и лошадей, что в среднем составляло на семейного, имеющего корову и лошадь, новых удержаний приблизительно на сумму двадцать рублей в год».

Недовольные «новым на них налогом» «отказались производить работы». Всего таковых было 2256 чел. «Управляющий копиями, видя остановку работ, 26 октября вывесил объявление, в котором говорилось, что за самоуправный невыход на работу рабочие на основании ст. 100 Извл. из Пост. Законов, определяющих права, обязанности и ответственность рабочих, не вышедших на работы в течение двух смен подряд, будут подлежать немедленному увольнению, но это объявление должного воздействия не оказало». Тогда 26 октября Лонг пошел на уступку, отменив все свои распоряжения от 23 октября, за исключением пункта о повышении квартирной платы. «Рабочие, ознакомившись с этим объявлением, считали себе не вполне удовлетворенными, ввиду лишь временной отмены нововведений и отсутствия в нем указаний по поводу квартир», и забастовка продолжилась.

Прибывший на копи 27 октября уездный исправник присутствовал в кабинете управляющего при подписании последним дополнительного объявления «об отмене предположенных удержаний за квартиры и за очистку навоза, а также в том, что все останется по старому». Встретившись с забастовщиками, исправник предложил им избрать двух своих представителей от каждой шахты «для изложения ему своих нужд и назначил последним явиться к 1 часу дня в контору, при этом указал на незаконность их выступления вообще, а тем более в настоящее тяжелое, переживаемое родиной время». Прибывшие в оговоренное время представители потребовали отмены объявления управляющего от 23 октября и сформулировали еще несколько требований экономического характера. «Выслушав рабочих, исправник передал требования управляющему копиями, который заявил, что порядок, который он вводит на копиях, давно существует на Донецких рудниках, где он служил долгое время и отменить предъявленные требования отказался, кроме первого, которое уже было отменено».

В тот же день шахтеры вышли на работу. Дополнительно и. д. томского губернатора 30 октября 1914 г. наложил взыскания (арест при полиции на три месяца каждого) на двух рабочих «за принудительное снятие ими с работ товарищей, не примкнувших к забастовке». Управляющий Лонг, спровоцировавший конфликт, по требованию губернских властей Михельсоном был отозван, а о действиях окружного инженера, разрешившего

бывшему управляющему объявить 23 октября о введении дополнительных платежей, «сообщено его начальству»¹.

12 ноября 1914 г. в ночную смену рабочие Иннокентьевского прииска Ленского золотопромышленного товарищества (г. Бодайбо Иркутской губернии) «в числе 33 человек не стали на работу, предъявив требования экономического и технического характера. 13 ноября утром 70 рабочих также не пошли на работу, предъявив такие же требования». Исправник с окружным инженером объехали казармы рабочих, разбирали их претензии и «предложили приисковому управлению немедленно удовлетворить некоторые справедливые законные претензии рабочих. После этого рабочие в 10 часов утра приступили к работам. Предупредительные меры приняты. Настроение рабочих спокойное»².

Что касается уровня жизни, то по справедливому, на мой взгляд, заключению В. П. Зиновьева, «положение сибирских рабочих и служащих мало чем отличалось от такового в Европейской России. Но здесь имелись свои особенности, связанные с тем, что Сибирь переживала процесс хозяйственного освоения, была слабо заселена, менее развита в социальном и техническом смысле, имела слабую инфраструктуру и более суровый климат. Рабочие здесь эксплуатировались еще более дикими методами, имели неустроенный быт, более тяжелые условия труда, были обделены образовательными и медицинскими услугами»³. Основной причиной стачек являлось отставание заработной платы рабочих от рыночных цен. В Иркутской губернии в конце 1916 г. ежедневная зарплата шахтеров колебалась в пределах 2 руб. 80 коп. – 3 руб. 50 коп. В составленной же горным инженером справке отмечалось, что «ввиду вздорожания жизненных продуктов и предметов первой необходимости месячный бюджет семейного рабочего при современных ценах приближается к 100 руб., следовательно, рабочий в день должен зарабатывать не менее 4 руб. на поденщину, чтобы не выйти из своего бюджета»⁴.

§ 2. Сельское хозяйство

Первая мировая война стала серьезным испытанием для аграрной сферы региона. Массовый призыв трудоспособных мужчин (примерно каждого второго) резко обострил проблему трудовых ресурсов, которую не удалось решить за счет привлечения к сельскохозяйственному производству военнопленных и беженцев. Существенно сократились масштабы

---

¹ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1914. Д. 77. Ч. 2. Л. 17–21.

² Там же. Д. 23. Ч. 2. Л. 19.

³ Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 152.

⁴ Касаров Г. Г. Стачечная борьба рабочих Иркутской губернии в годы первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Исторический ежегодник Омского гос. ун-та. Омск, 1997. С. 81.

переселенческого движения (в 1915 г. – 28 165 чел., в 1916 г. – 7478 чел.). Из-за реквизиции лошадей понизилась обеспеченность деревни тягловой силой. До сих пор этот сюжет не изучен на региональном уровне. Осуществлялась реквизиция на основе специально составленных списков в ходе военно-конской переписи 1912 года и каждый крестьянин знал сколько коней он должен сдать и по какой цене. Изъятие лошадей началось параллельно мобилизации осенью 1914 г. Так, в предписании пристава 10-го стана Барнаульского уезда Томской губернии (с. Берское) от 8 ноября 1914 г. волостным старостам сообщалось: «Барнаульский уездный исправник предписанием от 6 сего ноября за № 365 дал мне знать, что с 10 сего ноября предстоит поставка лошадей от населения уезда для нужд армии, ввиду чего предлагаю Вам совместно с чинами сельской полиции оказывать полное содействие заведующему военно-конским участком в районе волостей своевременному и безостановочному сбору подлежащих поставке лошадей в волостные пункты и доставления таковых затем в г. Барнаул в назначенное воинским присутствием время»¹.

Лучше всех провели реквизицию в Забайкальской области, в которой 21 800 домохозяев сдали приемным комиссиям по набору лошадей и транспортного инвентаря 20 353 лошади. «Однако из жалоб полковых командиров следовало, – замечает Ю. П. Горелов, – что план постоянно срывался, так как крестьяне за взятки подсовывали в полки разбитые повозки, ветхую упряжь, недоброкачественных лошадей. Против таких хозяев комиссиям приходилось возбуждать уголовные дела. Особенно много таких нарушителей было в Красноярском уезде, где на первую декаду августа [1914 г.] недокомплект лошадей для 8-й Сибирской дивизии составил 639 голов. Выход находили не только с помощью правоохранительных органов, но и за счет дополнительных мобилизаций в других уездах»².

О масштабах акции можно судить по косвенным данным. Так, поголовье лошадей в Томской губернии в 1915 г. по сравнению с 1914 г. сократилось с 2714,2 тыс. до 2525,1 тыс., т. е. на 189,1 тыс. голов. В результате реквизиции обеспеченность сибирской деревни тягловой силой понизилась: в 1912 г. на одну рабочую лошадь в крестьянских хозяйствах приходилось 1,9 дес. посева, а в 1917 г. – 2,3 дес.³ Как сообщала одна из местных газет в январе 1915 г., «Некоторые села совсем обезлошадели: всех сильных лошадей забрали на войну»⁴. На уровне отдельно взятой семьи новониколаевец С. В. Чернышев вспоминал по этому поводу: «С первых дней войны дед Денис сдал в казну трех молодых лошадок, получив за них небольшую сумму. Остался у него один рыжий мерин, которого забраковали из-за малого роста... И скоро проели

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 210. Л. 102.

² Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 154.

³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 251.

⁴ Там же.

*Реквизиция
лошадей*

все, что получили от казны за лошадок, а затем проели упряжь, телеги, хомуты, сани и другое имущество. Дед Денис напрягал все силы, чтобы не заморить семью голодом»¹.

По сравнению в предвоенным четырехлетием посевные площади в рассматриваемое время в четырех сибирских губерниях и Забайкальской области увеличились с 6441,6 тыс. дес. в 1913 г. до 7131,4 тыс. в 1917 г. при среднегодовом показателе в 6748,8 тыс. дес.², но среднегодовые темпы прироста резко снизились: с 8,6 % в 1910–1913 гг. до 0,8 % в 1914–1917 гг. Сократились и посева на душу населения. После урожайного 1914 года в 1915 г. сельское хозяйство Сибири пережило засуху и неурожай. В 1916 г. поздние заморозки и засуха повторились в Западной Сибири. В основном сохранилась структура посевных площадей. Кризисные явления в полеводстве проявились в том, что при стабильном уровне цен в 1914–1915 гг., например, в Томской губернии на 25 % выросла оплата труда сельскохозяйственных рабочих. Данное обстоятельство свидетельствовало о нарушении трудового баланса в сельском хозяйстве и уменьшало доходы крестьян от полеводства³.

Валовый сбор продуктов полеводства в 1917 г. в Сибири был на 47 % выше, чем в 1913 г., продовольственных сортов пшеницы – на 51,5 %. Правда год тогда был урожайным, но и в остальное военное время, исключая 1915 г., валовый сбор зерна не понижался ниже уровня 1913 г. Поэтому, как установил Н. А. Свешников, на четвертом году войны Сибирь имела избытки

¹ Чернышев С. В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 39.

² Крестьянство Сибири... С. 252.

³ Рынков В. М. Первый год Первой мировой войны – сельское хозяйство Томской губернии во второй половине 1914 – первой половине 1915 г. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Международ. научно-практ. конф. Омск, 2006. Ч. 1. С. 255.

хлеба в размере 84,9 млн пудов¹. По данным Центрального статистического комитета МВД на 1 сентября 1916 г. общее количество торговых запасов хлеба (исключая приобретенный для армии) достигло по империи 165 523 882 пуда, в том числе в Сибири и Средней Азии 26 381 242 пуда. По территориям: Енисейская губерния – зерно – 208 897 п., мука – 180 681, всего зерна и муки – 389 578 п., в том числе в элеваторах – 108 806 п., на железнодорожных станциях – 5444 п.; Забайкальская область – зерна – 34 522, муки – 37 654 п., всего 67 176 п., в элеваторах – нет, на ж. д. – 3000 п.; Иркутская губерния – зерна – 65 736, муки – 25 025, всего – 106 843 п.; Тобольская губерния – зерна – 1 776 013, муки – 453 033, всего – 2 251 646 п., в том числе на ж. д. – 146 000 п.; Томская губерния – зерна 7 991 188, муки – 1 266 068, всего – 9 257 256 п., в том числе на ж. д. – 15 047 п., в том числе муки – 8047 п.² Существенно уменьшилась товарность выращенного зерна: с 50 % в 1914 г. до 15 % в 1917 г.³ Крестьянство предпочитало использовать его в качестве фуража для скота.

Поголовье продуктивного скота в рассматриваемое время в Азиатской России увеличилось, в частности, крупного рогатого с 6624,3 тыс. голов в 1913 г. до 7810,1 тыс. в 1916 г., а свиней с 1065,5 до 1841,4 тыс. голов⁴. Однако, в 1915 г. уменьшилось поголовье овец, а в 1917 г. существенно сократилось поголовье всех видов скота, особенно крупного рогатого (на 365,9 тыс. голов). Из-за недостатка рабочих рук стали меньше заготавливать кормов, ухудшилось ветеринарное обеспечение и как следствие рост эпизоотий. Существенно сократилось производство масла. Осенью 1915 г. последовал запрет на вывоз, оптовую торговлю и сдачу масла на хранение в частные руки.

О процедуре заготовки масла для нужд армии можно судить по телеграмме томского губернатора барнаульскому уездному исправнику от 4 ноября 1915 г.: «Правительством сделано распоряжение взять из закупленного до запрещения оптовой купли продажи у частных торговцев все соленое сливочное и топленое коровье масло, купленное не дороже 20 руб. за пуд по действительно уплаченной ими цене, все остальное масло разрешено отправке большие города России. Предлагаю: 1. Немедленно силами местной полиции опечатать все хранилища масла. Объявите владельцам о приемке для армии соленого и топленого масла по действительной цене со включением накладных расходов, но не дороже 20 руб. за пуд, остальное будет освобождено. 2. Объявите владельцам масла недействительность всяких сделок на масло с момента запрещения перевозки масла железными дорогами. 3. Составить комиссию под председательством Вашим из лиц: местного

¹ Свешников Н. А. Экономика Сибири в период империализма. М., 1975. С. 61.

² ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 36. Л. 14–14 об., 28 об.

³ Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 40.

⁴ Крестьянство Сибири.... С. 254.

представителя заготовки масла, представителей местных маслоторговцев по их избранию, представителя города или поселка и двух сведущих лиц по Вашему усмотрению. 4. Этой комиссии составить опись масла с выяснением в бочках или ящиках в пудах и определением по торговым каналам и документам действительной стоимости пуда масла; далее составить ведомости масла годного для приемки для армии и отдельные ведомости масла непригодного. 4. Прием годного для армии масла будет производиться уполномоченным в Омске Кочергиным. 6. Порядок исполнения и наблюдения за исполнением сего распоряжения возлагается на уполномоченного по заготовке масла. 7. Масло, принадлежащие датским подданным, свободно от принудительного приобретения. 8. Розничная частными лицами продажа масла для удовлетворения местного населения не воспрещается»¹.

Исключительное право на заготовку масла предоставляется Главному управлению землеустройства и земледелия. В Западной Сибири для армии было заготовлено в 1-й операционный год (с начала войны по 15 июня 1915 г.) 1226,5 тыс. пудов по 12,22 руб. за один пуд; во 2-й год (с 16 июня 1915 г. по 30 июня 1916 г.) – 1904,9 тыс. пудов по 20 руб.; в 3-й год (с 1 июля 1916 г. по 31 июня 1917 г.) – 3162,5 тыс. пудов по 18,5–20 руб. за пуд (до 31 августа 1916 г.), 27–28 руб. с 1 сентября 1916 г. по 31 января 1917 г. и по 49,5–50,5 руб. с 1 февраля 1917 г. по 31 августа того же года. В июле–августе 1917 г. армия и города получили из Сибири еще 913 тыс. пудов сливочного масла². Поэтому 2 декабря 1916 г. из отдела заготовок министерства земледелия (Заготсель) в адрес Российской экспортной палаты отправляется телеграмма следующего содержания: «Запасов масла в Сибири не имеется; вырабатываемого там масла недостаточно для удовлетворения неотложных нужд фронтов и крупных городских центров»³. Тем самым был поставлен окончательно крест на экспорте сибирского масла.

Сократилось производство сельскохозяйственных орудий, выросли на них цены. «В сельскохозяйственных машинах большая нужда, но их негде купить», – сообщал корреспондент «Сибирской жизни» из Степного края⁴. Как отмечает И. И. Кротт: «В 1914–1917 гг. темпы роста оснащенности сельского хозяйства Западной Сибири были не столь велики, как в предвоенные годы, но говорить о стагнации в этом направлении неправомерно. По насыщенности земледелия машинами и орудиями регион не уступал европейской части империи. На 100 дес. посева в Томской губернии, в частности, приходилось 14,35 плуга, 2,0 жнейки, 4,16 веялки. В Европейской России это соотношение выглядело как 10,2 – 1,07 – 2,58 соответственно. В этой же

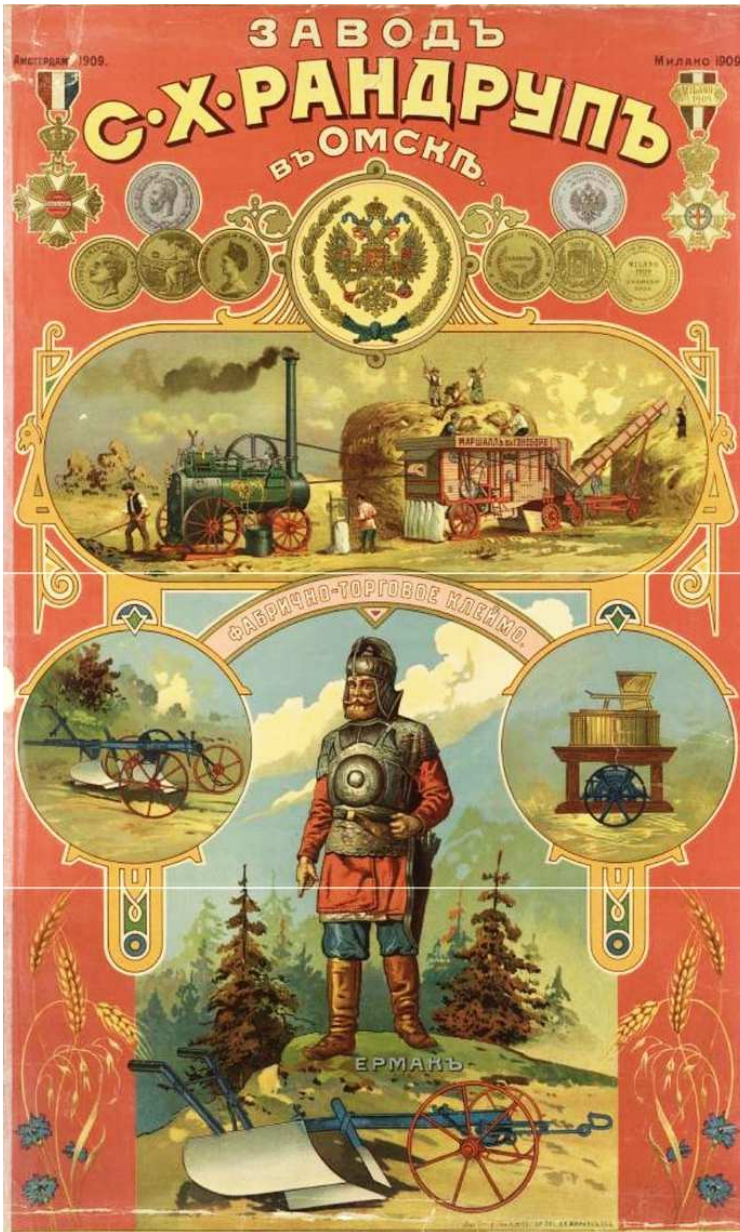
---

¹ ГАРФ. Ф. 934. Оп. 1. Д. 445. Л. 188.

² Пронин В. И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Материалы к спецкурсу. Новосибирск, 1999. С. 80.

³ ГАРФ. Ф. 934. Оп. 1. Д. 445. Л. 14.

⁴ Сиб. жизнь, 1916, 17 июля.

*Реклама
завода
сельско-
хозяйственной
техники*

губернии к 1917 г. по сравнению с 1910 г. число сеялок увеличилось в 10 раз, косилок – в 6 раз, молотилок – в 4 раза»¹.

¹ Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920-е годы). Омск, 2010. С. 115.

На примере села Белоглазово Змеиногорского уезда Томской губернии Д. И. Кравченко показывает уровень технического прогресса в земледельческой полосе региона к 1917 г.: «Соха, которая была самым распространенным видом инвентаря на протяжении многих лет, уже не используется, она встречается лишь в нескольких хозяйствах, и то, уже в негодном состоянии. На смену ей пришел однолемешный плуг, который используется в большинстве хозяйств. Широкое распространение получили железные бороны, так как крестьяне уделяли огромное внимание обработке почвы после посева «для борьбы с вредными действиями засух и сорных трав». Очень много было в хозяйствах телег на железном и деревянном ходу, но часть их была негодной для применения. Достаточное распространение получили косилки, конные грабли и жатвенные машины, их использовали около трети хозяйств. Конных молотилок зафиксировано всего лишь 19, в основном сохранялся старый способ молотьбы – железными цепями. Единицами встречаются сеялки рядовые, жнейки-самосброски, жнейки-сноповязалки и то, в самых зажиточных хозяйствах. Весьма развита была аренда сельхозинвентаря, причем крестьяне брали в пользование достаточно нераспространенные орудия: дисковые бороны, конные молотилки, сеялки, жнейки-сноповязалки и другие»¹. А вот как оценивал хозяйственное состояние сибирской деревни немецкий военнопленный, оказавшийся в деревне Голоустное на берегу Байкала: «Плуги времен Наполеоновских войн... но это ничего... Косы вполне подходящие, насколько можно судить... конечно, не клингенберговские, но все-таки... Телеги допотопные, на деревянных осях, бог ты мой!... Сколькo такая повозка берет, моя Анна поднимает на одних вилах... Клячи, настоящие казачьи одры... Коровы, крупные овцы... в жизни не чистили»².

Закупки хлеба, масла, мяса, фуража осуществлялись уполномоченными ГУЗиЗа (с 1915 г. – Министерство земледелия), прежде всего через кооперативные объединения. Уполномоченным для заготовки продуктов в Сибири назначается С. М. Кочергин, в помощь которому прикомандировывается 14 чиновников, а всего в его штате к началу 1915 г. работало (в Омске и на местах) около 50 чел.³ Уполномоченными в губерниях и областях стали губернаторы, уездах и городах – исправники и полицмейстеры. При них создавались приемные комиссии в составе местных чиновников и представителей общественности, прежде всего, кооперативных организаций.

---

¹ Кравченко Д. И. Демографическое и хозяйственное описание села Белоглазово Змеиногорского уезда по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 82.

² Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. (пер. с нем.). М., 2004. С. 183.

³ Рынков В. М. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного и кооперативного съезда (2–12 января 1916 г.) // Исторический ежегодник. 2007. Новосибирск, 2007. С. 90.

Мясо заготавливала Монгольская экспедиция во главе с видным ученым-географом, путешественником, полковником П. К. Козловым на территории Степного края, юге Восточной Сибири, в Монголии и Маньчжурии. В 1916 г. ею было закуплено 93 тыс. головы скота, 27,5 тыс. тонн масла, 2313 тонн сала, 175 584 штуки кожи, 125 944 овчины¹. Всего за первый год войны только сибирская кредитная кооперация заготовила 7 млн пудов муки, 850 тыс. пудов зерна, 500 тыс. пудов сена. Всего регион за указанное время поставил более 46 млн пудов зерна на 20 млн руб. (8 %) из 250 млн руб., отпущенных правительством на эти цели².

Чиновники пытались монополизировать заготовки. В августе 1914 г. С. М. Кочергин заключил договор с правлением Сибирского союза маслодельных артелей о том, что объединение будет скупать сливочное масло как контрагент казны не только у своих артельщиков, но и вообще у частных производителей. Под предлогом борьбы с недобросовестной конкуренцией частников и их попытками извлечения сверхприбылей 21 октября 1914 г. принимается решение о проведении реквизиции продуктов у частников, сопровождаемое запретом их погрузки в вагоны для вывоза за пределы Сибири. Поскольку объем продовольственных заготовок оставался недостаточным, с 17 февраля 1915 г. разрешается по всей стране реквизиция продуктов «в случае их нехватке на рынке». Применительно к региону командующий Омским военным округом 27 февраля того же года разрешил губернаторам изымать продовольствие по ценам на 20 % ниже, чем объявленная закупочная цена на товар.

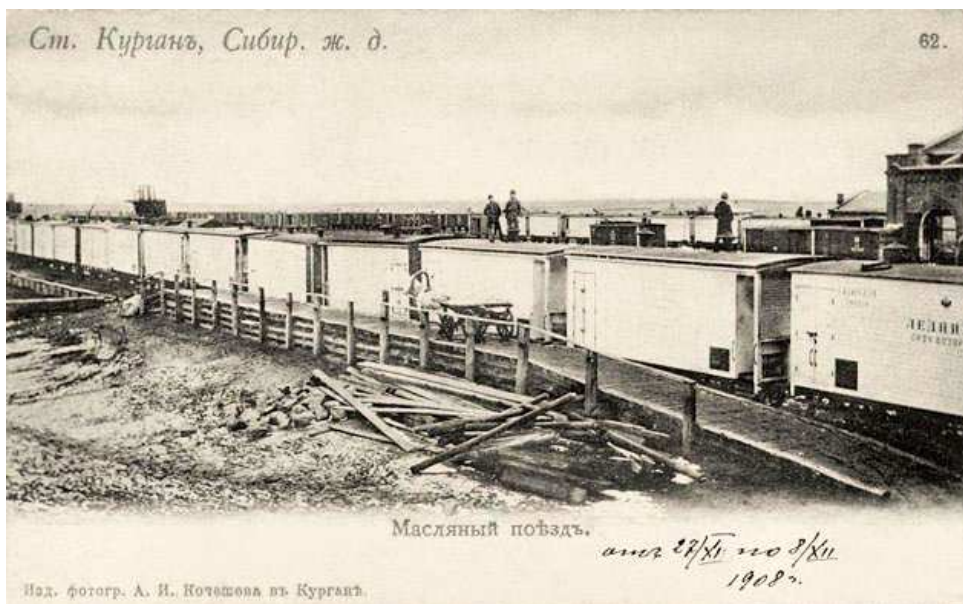
О том, как действовал этот механизм, можно судить на примере Новониколаевска. Здесь для организации реквизиции масла по твердым ценам уполномоченным назначается городской полицмейстер, коллежский советник Г. Г. Бухартовский, а при нем создается общественная приемная комиссия. Цену на сливочное масло устанавливало Особое совещание под председательством командующего ОмВО. Так в июне 1915 г. она составляла 11 руб. 80 коп. за пуд, с сентября для алтайского района устанавливалась в 17 руб. 50 коп., для новониколаевского – 17 руб. С 12 декабря 1916 г. воспрещался свободный вывоз мяса из Сибири. Под председательством того же полицейского чиновника создается еще одна комиссия, а в местных газетах за подписью полицмейстера появляется объявление следующего содержания: «Предлагается всем имеющим запасы мяса немедленно предоставить о том в Комиссию... письменные сведения с указанием количества, сорта и места нахождения мяса. Все сделки на мясо с 17 января считаются недействительными»³.

В конечном счете, как установил В. М. Рынков, за три года войны из Сибири вывезли 1230 тыс. пудов масла, из них нелегально – порядка 10 %.

¹ Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3, стб. 542.

² Еремин И. А. Указ. соч. С. 36–37.

³ ГАНО. Ф. Д-127. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 193; Д. 5. Л. 8.

Вагоны-ледники для перевозки масла на Транссибе

«Все же следует отметить, – пишет он, – что маслоделие значительно пострадало от вмешательства государства, чем другие отрасли сибирского сельского хозяйства. Перспективы его дальнейшего развития были крайне неутешительны. За годы Первой мировой войны цены на масло регулировались таким образом, что сделали производство этого продукта нерентабельным, разорительным для крестьянского хозяйства»¹.

Поставки продовольствия проходили в обстановке ухудшения положения в аграрном секторе региона, в том числе массовом закрытии маслодельных заводов. Тем не менее, только алтайскими кооператорами в 1916 г. было заготовлено 120 тыс. пудов мяса, 170 тыс. пудов пшеницы и 1 млн пудов сена. Однако большая часть мяса пропала. Зимой 1916–1917 гг. на станциях между Барнаулом, Бийском и Семипалатинском скопилось 4 млн пудов заготовленного мяса. Вагонов не хватало, не было соли и посуды для засолки продукта. «Мясо сложено при станциях под открытым небом. Его клюют голуби,... собаки там выводят щенят». Эту жуткую картину видят «проезжающие по Алтайской железной дороге», она их нервирует, они становятся «невольными наблюдателями гибели продукта народного труда». Весной заготовленное мясо сгнило².

¹ Рынков В. М. Государство, кооперация и частные предприниматели: маслозаготовки в Сибири в 1914–1916 гг. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 127.

² Еремин И. А. Указ. соч. С. 47, 50; Сиб. жизнь, 1917, 13 янв.

В целом, Сибирь внесла весомый вклад в общий продовольственный фонд государства. Максимальный показатель в перевозках хлеба по железной дороге регион имел в 1915 г. – 81,3 млн пудов (раньше перевозки никогда не выходили за 60-миллионный рубеж). В дальнейшем железнодорожные перевозки хлеба резко пошли вниз, составив в 1916 г. 53,6 млн пудов, а в 1917 г. – 35,5 млн¹.

Заготовки зерна и мяса сдерживались незначительным количеством складских помещений. Например, на январь 1916 г. хлебозаготовочные операции осуществляли 204 кооперативных товариществ на сумму 2,54 млн руб., но только у 82 из них имелись склады «амбарного типа» и только на станциях Лебяжье и Курган кредитные товарищества построили элеваторы с механическим оборудованием вместимостью 200 и 300 тыс. пудов соответственно»². Поэтому отдел зернохранилищ Государственного банка наметил строительство элеваторов вместимостью 200–300 тыс. пудов на станциях Мишкино, Иссиль-Куль, Петухово, Макушино, Каргат, Коченево, Чик, Матково, Ояш, Болотное, Мариинск, Тяжин, Канск и еще одного на 1 млн пудов в Новониколаевске, «имеющем первенствующее значение в хлеботорговом деле края»³. Впрочем, к реализации проекта так и не приступили.

Сокращаются объемы промысловой деятельности крестьян, прежде всего добыча пушнины из-за острой нехватки пороха, свинца и дроби. Свертывается столярное, бондарное, кузнечное производство, уменьшаются объемы извоза. С другой стороны, увеличивается количество пчелосемей и отмечается рост пчеловодства, которым могли заниматься старики, женщины, инвалиды. Увеличивается заготовка дикоросов (грибы, ягоды, кедровый орех). В связи с сокращением объемов розничной торговли из-за прекращения завоза ширпотреба происходит натурализация повседневной жизни сельских жителей, особенно в отдаленных от железной дороги районах.

В. М. Карнаухов применительно к северу Иркутской губернии (с. Братское) вспоминает: «Не было чая. Население приготавливало чай само. Для этого использовались дары природы. Широко применялась для заварки чага – грибковый нарост на березе, который заваривался в кипятке. Навар из чаги и по цвету, и по запаху напоминал чай. Напаривались вместо чая также высушенные цветы лесных растений «Ваньки-чая» и саранок. Использовались шиповник и листья брусники. Не было в те годы и мыла. Вместо мыла население использовало широко древесную губку, дававшую некоторое количество мыльной пены и обладавшей способностью отстирывать белье. Не было красителей. Население опять находило выход, используя дары природы. Для крашения использовались сушеные листья многих ягодников –

---

¹ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967. С. 148.

² ГАРФ. Ф. 934. Оп. 1. Д. 179. Л. 36 об., 11 об.

³ Там же. Л. 12 об, 41 об.

брусники, клубники, смородины. Особенно широкое применение, как краситель, находила лиственничная кора. Напаренная при высокой температуре, она хорошо красила полотна самотканного холста... Вместо спичек – чикалки-огнивы. Это были стальные пластинки с отполированными бортами. Ударяя чикалкой-огнивом по кремню – крепкому камню, который специально собирали по берегам рек, высекали искру, искра поджигала трут – волокнистую сетчатку, полученную в результате специальной обработки березовых, сухих губок»¹.

Проанализировавший промысловые занятия сельского населения Алтая по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. В. Н. Разгон приходит к следующим выводам: «...Практически все промыслы полностью еще не оторвались от земледелия, а у представителей некоторых видов промысловых занятий, в особенности имевших сезонный характер, вовлеченность в земледельческие занятия имела весьма существенный характер. Вместе с тем, почти треть хозяйств, занимавшихся промыслами, вообще не имела посевов, а еще одна треть принадлежала к низшей посевной группе, у которой промыслы были более значимым хозяйством, чем земледелие. Но поскольку в части таких хозяйств земля обрабатывалась трудом тех членов семьи, которые не были заняты в промыслах, учтенные в ходе переписи сведения о занятости лиц, занимавшихся промыслами, в земледельческих работах показывают еще большую степень оторванности промыслов от земледелия. 2/3 от общего их числа не принимали участия в пахотных работах в собственном хозяйстве (по разным видам промыслов от 33,4 до 100 %), 55 % – в сенокосе, 57 % – в уборке урожая. Все это свидетельствует о достаточно далеко зашедшем процессе отделения промыслов от земледелия, происходившем в экономике и социокультурном пространстве алтайской деревни процесса общественного разделения труда, отражением которого был довольно высокий уровень профессионализации промысловых занятий»².

Вместе с тем промыслы играли важную роль в северных районах Западной Сибири и в Горном Алтае, где они являлись основным занятием населения. В Нарымском крае промысловые хозяйства составляли 95,2 % от всех хозяйств. Преобладало рыболовство, дававшее ежегодно продукции на 358,9 тыс. руб., в то время как общие доходы от земледелия и скотоводства не превышали 15,2 тыс. руб. В Горном Алтае доходы от промыслов и скотоводства были одинаковыми³.

Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве региона решался прежде всего за счет увеличения доли женского труда. К 1917 г. женщины составляли

---

¹ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 84–85.

² Разгон В. Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 64.

³ Иванцова И. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993. С. 62–63.

почти две трети всех работников в деревне¹. Усиливается роль межсемейной взаимопомощи, когда крестьяне пользовались трудом поденщиков или родственников и уплачивали им за работу из «пайковых» денег. В начальный период часто проводились «помочи»². Дефицит работников пытались решить путем привлечения на сельскохозяйственные работы, особенно уборочную страду, нестроевых нижних чинов из запасных формирований (об этом шла речь в предшествующей главе), военнопленных, беженцев, горожан. В феврале 1915 г. Совет министров утвердил «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», которые допускали их посылку партиями от 100 чел. и более на срок не менее трех месяцев. Предполагалось направлять прежде всего из числа славян (чехи, словаки, поляки). По данным Л. М. Горюшкина, весной 1915 г. в Тобольской губернии на сельскохозяйственных работах использовалось более 30 тыс. пленных³. В Томской губернии летом этого же года на уборке урожая находилось до 25 тыс. пленных⁴.

В деревню пытались направить беженцев из прифронтовых районов, которых к февралю 1917 г. в регионе насчитывалось 86 664 чел.⁵ Большую их часть составляли женщины с детьми, старики и нетрудоспособные. «Вопрос о беженцах остается по-прежнему неурегулированным, – констатировал И. И. Серебренников в дневниковой записи от 25 апреля 1916 г. – Сегодня они заявляют, что согласны отправиться в сельские местности, а завтра берут назад свои заявления»⁶. Иркутские власти даже пытались принудительно выселить беженцев из города⁷, но из этого вряд ли что-то получилось. В целом же помощь беженцев носила добровольно-принудительный и сезонный характер. Так, в Тобольской губернии в апреле 1916 г. на сельскохозяйственные работы задействовали 1298 представителей этой группы, в июне – 3142 чел., июле – 6127. В начале 1917 г. здесь работала 21 дружина беженцев, но они составляли незначительный источник

---

¹ Шишкина С. Ю. Трудовые ресурсы как фактор стабильности экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2002. Вып. 5. С. 109.

² Горюшкин Л. М. Наемный труд и источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 205.

³ Горюшкин Л. М. К вопросу о влиянии первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 203.

⁴ Кротт И. И. Указ. соч. С. 105.

⁵ Шиловский М. В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 35.

⁶ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневники 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 217.

⁷ Там же. С. 219.

пополнения трудовых ресурсов сибирской деревни в рассматриваемое время ¹.

Свой вклад в дело помощи деревне пытались внести учащиеся городских учебных заведений Министерства народного просвещения (МНП) и Синода путем организации трудовых дружин. Весной 1915 г. томский губернатор утвердил «основные правила» их организации из учащихся-добровольцев не моложе 15 лет, численностью 15–20 чел. под руководством учителя. Дружинники обязывались работать бесплатно, преимущественно в семьях призванных в армию. Всего в 1916 г. в Западно-Сибирском учебном округе организовали 27 дружин общей численностью 650 учащихся. Ученицы женских гимназий работали в яслях и детских садах, создаваемых в страдную пору в сельской местности ².

Костяк первой такой дружины, созданной в Новониколаевске составили 85 учеников высшего начального училища, учительской семинарии и 2-го двухклассного приходского училища. Она выехала из города 23 апреля 1916 г. на станцию Чик. 27 апреля туда же отправилась вторая партия из 86 учащихся тех же учебных заведений. На месте дружинники объединились под руководством заведующего 2-го приходского училища Е. Плотникова, законоучителя И. Златомрежева, учителей Кривошекова и Котова. В ближайших к Чикю селениях дружина разделилась на небольшие артели

¹ Шишкина С. Ю. Трудовые ресурсы как фактор стабильности экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны. С. 111.

² Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск, 1966. С. 183.

по 4 чел., приняв участие в посевной. Остальные ученики расходились по 1–2 человека в крестьянские хозяйства, оказывая помощь во всех необходимых работах. Расходы по организации дружин, проведению кратких курсов, перевозке и питанию на первых порах взяло на себя Обское общество сельского хозяйства (ООСХ). Такая же дружина создается из учащихся Новониколаевского реального училища, которая под руководством учителя естествознания А. Г. Лукина обосновалась в селе Прокудском. 20 июня организуется артель из 36 учащихся начальных училищ города, которая отправилась на сенокос в деревню Дергоусово Карпысакской волости Томского уезда. Деревня встретила работников приветливо и относилась к ним доброжелательно. Дружина работала до 15 августа, успев убрать сено с 158 десятин, и рожь с 68 десятин¹. Подобного рода дружины работали в некоторых сельских населенных пунктах Тобольской губернии². В Павлодарском уезде Семипалатинской области летом 1915 г. работала дружина из 30 учащихся семипалатинских учебных заведений (гимназии, учительской семинарии, торговой школы, высшего начального училища). Они возили скошенные хлеба, участвовали в молотье³.

В рассматриваемое время усиливается социальная дифференциация сибирской деревни. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. (681,3 тыс. хозяйств) зажиточная часть селян составляла 10,1 % и по сути представляла товарно-ориентированные фермерские хозяйства. Другая социальная группа пролетариев достигала 13 % и включала беспосевные дворохозяйства. Между ними располагались переходные слои⁴. Современные исследователи подтвердили обоснованность выводов Л. М. Горюшкина⁵ о том, что во время войны усиливается дифференциация крестьянства. Однако качественных сдвигов в этой сфере не произошло. Дворы, относимые к бедняцким состояли из 4,4 чел., к середняцким – из 6,3, к кулацким – из 8,6 чел. О прямой «взаимосвязи имущественной состоятельности хозяйства с размером и составом семьи отчетливо свидетельствуют материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии... В соответствии с ними дворы без рабочего скота насчитывали 3,4 чел., включая 1,4 чел. трудоспособных, без коров – 3,6 и 1,7 чел., без посева – 3,9 и 1,8 чел.

---

¹ Сулимов В. С. Организация трудовых дружин школ Ново-Николаевска в период Первой мировой войны // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XXI века. Томск, 2012. Вып. 4. С. 163–167.

² Шишкина С. Ю. Трудовые ресурсы как фактор стабильности экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны.. С. 110.

³ Сиб. жизнь, 1916, 25 сент.

⁴ Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Указ. соч. С. 82–84.

⁵ Горюшкин Л. М. К вопросу о влиянии первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 208; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 177.

трудоспособных. В то же время хозяйства, имеющие более десяти голов рабочих лошадей, более десяти коров и засевающие от 25 до 50 дес., состояли соответственно из 10,4, 9,2 и 12,9 чел., в том числе из 4,6, 4,1 и 5,4 трудоспособных. Таким образом, рост размеров семьи по-прежнему приводил к увеличению ее состоятельности, а по мере этого – к переходу в более высокую социальную группу»¹.

Существенное воздействие на развитие аграрной сферы региона, в том числе и во время войны, оказали переселения и землеустройство. По своей масштабности, степени воздействия и последствиям массовую крестьянскую миграцию в Сибирь конца XIX – начала XX в. и производимое одновременно с этим землеустройство можно квалифицировать как переселенческую революцию. Ее основными качественными составляющими стали: кардинальное изменение правительственной политики – от запрещения и ограничения к поощрению и организации; унификация землепользования всех категорий сельского населения (старожилов, переселенцев и аборигенов); быстрое развитие рыночных отношений, существенное увеличение товарности сельского хозяйства, оформление аграрной специализации региона; рост численности населения, его социальная дифференциация, нарастание напряженности и противостояния между старожилами, аборигенами и новоселами; эскалация противодействия властям всего сельского социума территории; инновации в культурной сфере, хозяйственной деятельности и образе жизни селян. Ни до, ни после Россия не знала таких масштабов организованной миграции².

Порожденное массовым переселением землеустройство с ограничением наделов старожилов, переселенцев и аборигенов 15 десятинами земли на душу (реально в среднем по региону пришлось 13,2 десятины) способствовало эскалации противостояния между старожилами и «инородцами» с одной стороны и переселенцами – с другой. Даже там, где переселенцы обустроивались самостоятельно отдельными селениями, возникали проблемы. Обобщив материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. по трем переселенческим селениям на Алтае, А. А. Храмов констатировал, что новоселы «свидетельствуют своим примером если не об успехах дореволюционной переселенческой политики, то хотя бы о несомненной пользе переселений в Сибирь для многих крестьян. Они имели здесь больше земли, чем в Европейской России. Преодолевая огромные трудности, они успели много сделать в освоении своей местности. Однако сибирская деревня была далека от «процветания», о котором сейчас можно прочесть. В ней имелось немало «горючего» материала, социальной напряженности и

---

¹ Рынков В. М., Ильных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 208.

² Шиловский М. В. Переселенческая революция начала XX в. (на примере Сибири) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 164–167.

недовольства значительной части населения своим положением. Во всех изученных нами селах ядром населения являлась бедняцкая группа хозяйств»¹.

Попытку привлечь ресурсы Кабинета его императорского величества для помощи алтайским крестьянам предприняла местная администрация. По инициативе и под руководством начальника Алтайского округа КИВ В. П. Михайлова осенью 1915 г. создается Алтайский комитет агрономической помощи. Обращение его председателя с просьбой оказать объединению финансовую поддержку в Министерство императорского двора и уделов привело к выделению на нужды Комитета 5 тыс. руб. «Помощь не только не соответствовала потребностям, но и запоздала, – констатировала Т. Н. Соболева. – Поэтому Комитету пришлось отказаться от централизованной закупки семенного зерна и сосредоточиться на организации поддержки семей военнослужащих в проведении сельскохозяйственных работ»².

Безусловно, переселения повлияли на процесс социальной дифференциации сибирской деревни в начале XX в. Однако принадлежность к различным социальным категориям (бедняки, пролетарии, середняки, зажиточные) определялась и демографическим фактором. Чем многочисленнее была семья, тем зажиточнее хозяйство. Они лучше были обеспечены орудиями и механизмами, применяли новые технологии, активно участвовали в кооперации. Источником благосостояния продолжал оставаться семейный труд. В целом все сибирское крестьянство последовательно и решительно боролось против изъятия «излишков» в ходе землеустройства. Правительственные аграрные преобразования не были поддержаны снизу. В ходе «игры в хутора» и «похода на общину» крестьяне активно использовали общину и, в известной степени, реанимировали этот институт традиционного общества.

В целом, на всю совокупность сельских поселений юга Сибири можно распространить вывод А. А. Храмова, сделанный на основе обобщения данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. по с. Ирбизино Чернокуринской волости Барнаульского уезда Томской губернии (основано в 1888 г.): «В чем-то отличаясь, жизнь его в целом была одинаковой со многими сотнями селений Алтайского округа. Никакого фермерского процветания, о котором нередко сейчас пишут некоторые радикальные реформаторы, сожалея по поводу "какую Россию мы потеряли", не обнаруживается, – по крайней мере, для

---

¹ Храмов А. А. Села Ирбино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 80.

² Соболева Т. Н. Отношение Кабинета Е. И. В. и алтайской администрации к бедственному экономическому положению местного населения в условиях военного времени (по материалам официальной переписки 1915–1916 гг.) // Пятые научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2009. С. 80, 81.

*Крестьяне
Енисейской губ.
Канун Первой
мировой*

основной части крестьянских хозяйств села. Мелкое хозяйство, не оснащенное техникой, брошенное в «свободное плавание» на риск и страх самого крестьянина, строящееся на мелких клочках земли и при низкой агрокультуре было обречено на производство полунатурального потребительского уровня, чаще всего лишь обеспечивало, и то не всегда, выживание населения. Для многих же, едва ли не половины хозяйств, это была нужда – постоянная и беспросветная. Зажиточную жизнь имела лишь незначительная часть населения. Предпринимательские хозяйства имелись, но их было немного»¹.

---

¹ Храмков А. А. Село Ирбизино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда в 1917 году // Алтайский сборник, Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 160.

§ 3. Транспорт

Широкомасштабное вовлечение Сибири в войну 1914–1918 гг. во многом стало возможным благодаря строительству и усилению провозной способности Транссибирской железнодорожной магистрали. С июля 1914 г. изменяется характер перевозок. На запад пошли воинские эшелоны, активно вывозили в том же направлении хлеб, мясо, масло, уголь. В обратном направлении перевозили раненых, военнопленных, беженцев. Одновременно существенно сократился ввоз товаров потребительского и производственного назначения. Так, в 1916 г. товаров, традиционно ввозимых в Азиатскую Россию, прибыло на станции сибирских железных дорог в два раза меньше, чем в 1913 г. Особенно сильно сократился ввоз черных металлов и металлических изделий, сельскохозяйственных орудий и машин, нефти и нефтепродуктов, мануфактуры, обуви и одежды¹.

Для оперативного руководства Сибирскую железную дорогу в 1915 г. разделили на Омскую и Томскую. Тогда же пропускная способность магистрали доводиться до 20 пар поездов в сутки, общее число паровозов превысило 1 тыс., вагонов более 20 тыс. Но сибирские железные дороги (Омская, Томская, Забайкальская) были перегружены, ощущался недостаток вагонов. Резко сократилось производство паровозов и подвижного состава. К 1916 г. железнодорожные перевозки выросли на треть, но достигнуто это было за счет интенсивной эксплуатации железнодорожного полотна и технических средств.

Характерной чертой развития железнодорожной сети региона в рассматриваемое время стало строительство ответвлений от Транссиба на частные средства. На средства акционерного Общества Алтайской железной дороги 1 июня 1913 г. началось строительство магистрали от Новониколаевска до Барнаула, Семипалатинска с веткой Алтайская – Бийск общей протяженностью 764 версты. На строительстве было занято до 19 тыс. чел. Начавшаяся война существенно осложнила условия ведения строительных работ. Как выяснила Т. И. Андреева, «Экономия средств отражалась на технических параметрах дороги: уменьшалось количество станционных площадок, путевых зданий, ухудшалось водоснабжение станций, снижалось качество балластировки пути. Путевое оснащение 8 участка [Рубцовка – Семипалатинск. – М. III.] не соответствовало государственным стандартам. Шпалы укладывались после первичной обработки без креозотной пропитки, что значительно сокращало срок их службы. Подкладки использовались только при состыковке, стрелки переводов устанавливались ручные, рельсы привозили легковесные и укороченные, бывшие в употреблении на

---

¹ Пронин В. И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Новосибирск, 1999. С. 81.

Транссибе»¹. Регулярное движение по всей линии Алтайской железной дороги было открыто в октябре 1915 г.

Строительство линии ст. Юрга – Кольчугино началось летом 1914 г. Война создала серьезные проблемы с рабочей силой. Основным контингентом строителей стали военнопленные, в июле 1915 г. их здесь трудилось 500 чел., а в сентябре 1916 г. – около 2,5 тыс. чел. Несмотря на кадровые трудности график работ на линии в основном выполнялся. 2 сентября 1915 г. открывается временное товарное движение на линии Юрга-Кольчугино (184,6 версты), а через три дня на ветке Топки-Кемерово (35,6 верст). Дорогу запустили в эксплуатацию со многими недоделками. Подвижной состав Кольчугинской железной дороги состоял из 23 паровозов и

497 вагонов (преимущественно углевозов), имелось всего 17 пассажирских вагонов, в том числе один арестантский, один служебный, четыре почтово-багажных. 23 апреля 1916 г. Общество Кольчугинской железной дороги получило разрешение на строительство линий: ст. Кольчугино – Кузнецк (170 верст), Кузнецк – Тельбес (96 в.), Кузнецк – ст. Баюново Алтайской железной дороги (267 в.). Строительные работы начались весной 1917 г., но шли они медленно, поскольку удалось нанять лишь 2130 чел.²

К 1917 г. в стадии строительства находились железные дороги Ачинск – Минусинск и Татарская – Славгород. Согласно уставу АО Ачинск–Минусинской железной дороги, утвержденному 24 августа 1912 г., правление обязывалось за три года проложить рельсовый путь от ст. Ачинск до ст. Енисей (Абакан) протяженностью 434 версты, а затем в течение 4 лет довести ветку

¹ Андреева Т. И. Первый опыт железнодорожного строительства в Верхнем Прииртышье в контексте транспортного освоения Азиатской России // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск, 2011. С. 179.

² Коновалов П. С. Проектирование, строительство и эксплуатация Кольчугинской железной дороги (1906–1926 гг.) // Из истории Сибири. 30-летию лаборатории // Томск, 1998. С. 119–120.

до Минусинска. Концессию на финансирование строительства получил Русско-Азиатский банк, который в 1913 г. образовал синдикат для реализации акционерного капитала на сумму 3,75 млн руб. Строительные работы велись главным образом подрядным способом и начались в 1914 г. Количество задействованных рабочих к июлю 1914 г. составило 19 тыс. чел., но сразу же после мобилизации сократилось до 7 тыс., а в сентябре 1916 г. составило 4816 чел. В какой-то степени дефицит рабочей силы пытались уменьшить привлечением на строительство военнопленных из числа австро-венгров с июня 1915 г. в количестве от 25 до 600 чел. (в разные месяцы). Слабый эффект дало привлечение к работам женщин и подростков, потому темпы строительства существенно замедлились, и к середине 1916 г. регулярное движение осуществлялось между Ачинском и ст. Ададым (49 верст). Строительство приносило одни убытки, поэтому в сентябре 1917 г. Общество объявило о прекращении строительных работ, которые возобновились только весной 1920 г.¹

Кулундинская железная дорога (Татарская-Славгород) строилась во время войны, поэтому станционные сооружения возводились без планов, мосты – ниже проектного уровня деревянные. В 1916 г. было задействовано 2020 рабочих, в числе которых находилось 722 «реквизированных инородца», 1207 китайцев и корейцев, на долю русских приходилось менее сотни человек, в основном женщины. В августе 1915 г. правительственная комиссия приняла первую очередь магистрали Татарская-Купино. Рабочее движение здесь неоднократно прерывалось из-за недоделок и сильных снежных заносов зимой 1916 г. Участок Купино–Славгород сдали в эксплуатацию 12 августа 1916 г. Регулярное движение по всей линии Татарская-Славгород началось с 10 января 1917 г.²

В целом, касаясь транспортной инфраструктуры региона в 1914–1917 гг. следует отметить, что в результате роста объемов перевозок и прекращения поступления новых паровозов и вагонов в 1917 г. число «больных», требующих ремонта паровозов на Омской и Алтайской железных дорогах составило 20 % от наличного парка, на Томской – 27 %. В большей степени отрицательные последствия войны сказались на водном транспорте. Число судов в Обь–Иртышском, Енисейском, Ленском бассейнах за 1914–1917 гг. сократилось на 8,4 %, а перевозка грузов – на 32–49 %³. Продолжился процесс монополизации в отрасли. «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» («Товарпар») владел в 1914 г. 49 буксирными и

---

¹ Коновалов П. С. Строительство и эксплуатация Ачинск–Минусинской железной дороги (1914–1925 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 52–58.

² Баталова Т. И. Строительство частных железных дорог Сибири // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 165.

³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 366.

Пароход «Тюмень» (фото С.М. Прокудина-Горского)

грузопассажирскими судами в бассейне. Его доходы от перевозок выросли с 366 тыс. руб. в 1913 г. до 2,5 млн руб. в 1916–1917 гг.¹

С началом Первой мировой войны вновь актуализировался вопрос о введении порто-франко в устьях Оби и Енисея, активно обсуждавшийся и отвергнутый правительством в 1909 г.² Через Мурманск и Архангельск пошли поставки союзников, а в Сибири возобновилось обсуждение вопроса о прямом выходе местных товаров на европейские рынки через Карский участок Северного морского пути. «Теперь снова вся Сибирь должна выступить с заявлением о необходимости порто-франко, – декларировала газета "Сибирская жизнь". – В частности городу Томску в лице его различных культурных и экономических организаций необходимо присоединить свой голос к общему мнению страны, и это тем более необходимо сделать, что в случае объявления порто-франко открываются для Томска завидные перспективы установления рейсов Томск–Лондон»³.

Однако организовать постоянное торговое судоходство по Карскому морю в дореволюционный период не удалось. Препятствовали реализации этого проекта не только правительственная политика, слабое обустройство трассы, зачаточное состояние ледокольного флота, но, прежде всего отсутствие в Сибири экспортных товаров. По свидетельству организатора и руководителя Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности торговли

¹ История промышленности Новосибирска. Т. 1. С. 360.

² См.: Шиловский М. В. Проблема введения порто-франко в азиатском секторе российской Арктики в последней четверти XIX – начале XX в. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 458–467.

³ Сиб. жизнь (Томск), 1915, 10 янв.

норвежского предпринимателя Й. Лида в 1914 г. из устья Енисея на двух судах возглавляемой им кампании вывезли за рубеж 35 т графита с Курейки, «большое количество гусиного пера», около 30 т сибирского масла, мед, пенку, лен, кожи, свиную щетину и конский волос¹.

Лишь 14 июля 1915 г. беспошлинный ввоз санкционировали на период войны в устье Енисея. Окончательно порто-франко в устьях впадающих в Северный Ледовитый океан рек утверждается законом от 22 февраля 1917 г. Пропагандируя предпринятую акцию, журнал «Вестник финансов, торговли и промышленности», делал оптимистический вывод: «Морское судоходство в Обь и Енисей, если оно будет, на что можно надеяться, развиваться далее, быстро изменит общее экономическое положение Тобольской и Енисейской губерний. Оно повлечет за собой интенсивное развитие речного судоходства, привлечет в низовья мощных артерий Сибири, которые ранее кончались как бы в тупик, большое количество рабочих рук, товаров и денег. Понятно, что при таких условиях рыбопромышленность встанет на совсем иные основания и в техническом отношении, и по отношению к объему предприятий. Рыба сможет тогда получить настоящую ценность и вследствие улучшения посола, и вследствие развития консервного дела... Как и в других областях добычи, разработки и сбыта сырья, в области рыболовства морской торговый путь оплодотворит и разовьет край, которые еще почти не затронут промышленностью»².

В 1911 г. по предписанию правительства, обеспокоенного усилением экспансии японцев и американцев на Северо-Востоке, компания Доброфлот совершила первый морской рейс по маршруту Владивосток-Колыма (Нижнеколымск). Всего в 1911–1917 гг. на Колыму морем осуществили 7 рейсов, доставив туда более 2 тыс. т груза (мука, чай, сахар, бакалейные изделия, строительные материалы), но рентабельность колымских рейсов была низкой, поскольку обратно транспорты шли пустыми³.

После сооружения Транссиба, который построили «по линии исторически сложившегося генерального направления сибирского грузопотока»⁴, существенно изменилась роль Московско-Сибирского тракта. Как установил О. Н. Катионов, «Дорога, имевшая транзитное значение, превращается в путь, обслуживающий местные потребности. Начинает формироваться система подъездных путей к железной дороге, и извозный промысел теперь развивается не на старом тракте, а на подъездных путях. Происходит переориентация хозяйства притрактовых волостей на производство сельскохозяйственной продукции,

---

¹ Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М., 2009. С. 149.

² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917, 16 (29) июля.

³ Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск, 2001. С. 131.

⁴ Сигалов М. Р., Ламин В. А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 26.

имевшей спрос в Европейской России и Европе: хлеб, масло. Но повинности по содержанию тракта не исчезли. Власть, как и прежде, привлекала окрестное население к содержанию путей сообщения теми же методами, используя чаще всего натуральную дорожную повинность»¹.

Всего в рассматриваемый период в Азиатской России функционировало 4 главных тракта: Московско-Сибирский (3 тыс. км), Якутский (Иркутск – Верхоленск – Жигалово – 400 км), Томско-Семипалатинский (700 км), Омск – ст. Алтайская (через Семипалатинск – 1500 км). Кроме них, насчитывалось около 80 внутренних трактов общей протяженностью до 6 тыс. км в пределах одной губернии или области. Сюда же входили переселенческие грунтовые дороги, проложенные при содействии и за счет Переселенческого управления. Только в Томской губернии в 1906–1917 гг. им было построено 2738 верст новых дорог, 1200 погонных саженей мостов с дамбами и земляными насыпями, организовано 14 паромных переправ. Переселенческие дороги обошлись казне в 2,4 млн руб., еще 725 тыс. истратили на текущий и капитальный ремонт. В 1915 г. было налажено автобусное сообщение по маршруту Славгород–Павлодар (155 верст)². Накануне войны началось строительство колесного Усинского тракта в Урянхайский край (Туву) от села Григорьевка через Саянский хребет до Белоцарска (Кызыла). Недостаток рабочей силы пытались компенсировать использованием труда каторжан (не менее 1 тыс. чел.). Грунтовую магистраль удалось довести до с. Верхне-Усинского, где уже была накатанная дорога до Белоцарска³.

¹ Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008. С. 289.

² История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. С. 49, 48.

³ История Тувы: В 3 т. Новосибирск, 2007. Т. 2. С. 24–25.

Увеличение масштабов перевозок, дефицит вагонов и паровозов, сокращение количества квалифицированных рабочих являлись главными причинами разрухи на железных дорогах региона. Нарушались графики движения поездов, на станциях скапливалось большое количество неотправленных грузов. Ритмичной работе транспорта мешал угольный «голод», что в свою очередь объяснялось недостатком вагонов для его перевозки. Томская газета «Утро Сибири» в конце ноября 1914 г. информировала: «Подвоз каменного угля по линии Сибирской железной дороги за последнее время весьма задерживается. Начальник Сибирской железной дороги на просьбу Омского биржевого комитета об урегулировании доставки угля сообщил, что задержка в доставке происходит из-за недостатка вагонов»¹.

Топливный кризис становится постоянным фактором сибирской военной повседневности. В своем дневнике на примере Иркутска И. И. Серебренников фиксирует эскалацию этого процесса: 11 декабря 1916 г.: «Скоро мы, кажется, погрузимся в темноту, ибо остаемся без угля. Со дня на день ждешь: вот-вот остановится Томская железная дорога, т[ак] к[ак] запасов угля она имеет всего только на два дня»; 15 декабря: «Город остается все еще без угля. Стали уже некоторые предприятия, работающие на оборону государства: металлический завод, мукомольная мельница»; 18 декабря: «Начальник Томской железной дороги сообщает: дорога не имеет угля. Положение крайне критическое. Разве это тоже не катастрофа – дорога питает снарядами армию? Ужас от сознания бессилия». В городе по этой причине отключается уличное электрическое освещение и водопровод. И, наконец, 15 января 1917 г. победная реплика: «Уголь начал понемногу подходить. Но сказать, чтобы угольный кризис в городе разрешился, все еще нельзя»².

Недостаток рабочих рук на транспорте, как и в других отраслях экономики Сибири, пытались решить за счет использования труда военнопленных. 825 из них участвовали в строительстве переселенческих дорог в Томской губернии, 400 в Тобольске, Тюмени и Томске вошли в состав плавсостава местных пароходных компаний. В 1916 г. в службе пути Томской и Омской железных дорог трудилось 2,5 «реквизированных» инородцев. Наконец, в 1916 г. на предприятиях региона было занято 2,3 тыс. китайцев и корейцев, в том числе 1307 чел. на строительстве Кулундинской железной дороги, 119 – Кольчугинской³.

Существенно ухудшилось положение занятых в транспортной сфере в связи с падением уровня реальной заработной платы и ростом цен на продукты и потребительские товары. Поэтому специфическими были

---

¹ Утро Сибири (Томск), 1914, 27 ноября.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 287, 288, 289, 299.

³ Большаков В. Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 161, 163, 170.

требования, исключительно экономические, протестантов этого времени. Так, в феврале 1915 г. рабочие находящихся около Иркутска каменноугольных копей Ивано-Матвеевского товарищества, начав забастовку, потребовали: «...Цены на все товары и припасы были бы не выше установленных таксой», отпускать припасы сколько нужно («сахар давали 1 фунт вместо 2–3 фунтов, спичек 2 коробки вместо пачки»), «мясо, отпускаемое из кладовой, должно быть доброкачественное и освидетельствованное ветеринарным фельдшером»¹. К 1916 г. на Томской железной дороге реальная заработная плата рабочих и служащих снизилась на треть, а в Томске – почти на 40 %². Ухудшаются жилищные условия, неудовлетворительным было медицинское обслуживание, поскольку большую часть врачей и фельдшеров призвали в армию. Снижается образовательный уровень рабочих с 76–100 % умеющих читать и писать по отдельным специальностям до войны до 50 % среди поденных и временных железнодорожников военного времени³.

§ 4. Торговля, кооперация

Еще одной составляющей войны явился рост цен на основные потребительские товары и возникновение дефицита на них, прежде всего в связи с существенным сокращением ввоза в регион из Европейской России сахара, тканей, нефтепродуктов (керосин), одежды, обуви и т. д. А поскольку сибирские города в изучаемый период являлись в большей степени центрами распределения, а не производства товаров, то в них с различными по продолжительности интервалами проявлялась закономерность, подмеченная А. В. Неклюдовой в отношении Ачинска: «Первые годы войны (1914 и 1915 гг.) были благоприятны для торговли Ачинска, так как у торговцев был еще значительный запас товаров, а сельское население еще обладало покупательской способностью. Торговцы учли будущий недостаток товаров и имеющуюся покупательскую способность населения, распродавали свой товар по баснословно высоким ценам; наживая прибыль от 100 до 500 % и более... С 1916 г. в Ачинске ощущался острый недостаток товаров, и по этой причине появился новый вид торговли спекулятивного характера. В числе спекулянтов оказалась интеллигенция и военные. Целые поезда отправлялись в Маньчжурию и везли оттуда мануфактуру, обувь, галантерейные и канцелярские товары, табак, папиросы и так далее». Число торговых предприятий

---

¹ ГАРФ. ДПОО. 1915. Д. 108. Ч. 23. Л. 3.

² История промышленности Новосибирска. Т. 1. С. 122.

³ Большаков В. Н., Плотников А. Е. О грамотности, общем и профессиональном образовании рабочих в дореволюционной Сибири // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1967. С. 19–20.

Марки-деньги, впервые выпущенные в 1915 г. в связи с нехваткой разменной монеты

в городе сократилось с 626 в 1915 г. до 197 в 1917 г., хотя объемы прибыли увеличились в указанные годы с 412,9 тыс. руб. до 546,6 тыс.¹

В свою очередь по данным Иркутской таможни за 1916 год «масса любителей легкой наживы, совершенно не занимавшихся раньше торговлей и не знакомая с таможенными формальностями, бросилась в Маньчжурию, оттуда везла всевозможные товары, ухитряясь обычно отправлять таковые багажом, чтобы прикрываясь званием пассажира, требовать себе всякие льготы по внеочередному досмотру и затрудняя таможню разнообразием ассортимента получаемых товаров, заключенных в каком-либо одном месте, от пуговиц и гребенок до вязанных изделий, мануфактуры и прочее»². Из Маньчжурии усиливается контрабанда спирта. Здесь четверть его стоила до 2 руб. 50 коп., в Забайкалье уже 15 руб. Проводники пассажирских поездов на ведре провозимого спирта зарабатывали 50 руб. чистой прибыли³.

В Иркутске уже 8 августа 1914 г. И. И. Серебренников фиксирует быстрое повышение цен на все припасы⁴. К 1917 г. цены на продовольствие выросли в среднем на 84,6 %, на муку – 134 %, масло – 345, мыло – на 400 %. «По несколько недель в 1916 г. Иркутск оставался без сахара. Были дни, когда

¹ Неклюдова А. В. Указ. соч. С. 85.

² Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалье. Иркутск, 1999. С. 46.

³ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 26.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 24.

с трудом можно было доставать молоко», – вспоминал В. Г. Архангельский¹. В связи с обострением продовольственного кризиса в городской управе создается продовольственное отделение. 12 сентября 1916 г. городская дума принимает решение ввести карточную систему распределения продуктов². «Дороговизна дает о себе знать, – рассуждает И. И. Серебренников в конце июня 1916 г., – но все же я должен сказать: в Сибири еще жить можно. Мясо и хлеб у нас не переводятся. И если Сибирь сравнительно благоденствует, то нужно будет объяснить иногда, как ни парадоксально это покажется, общему российскою разрухою, расстройством транспорта. В самом деле, если бы было достаточно вагонов, а главное, если бы, наконец, Сибирь была оборудована хорошими бойнями, то разве мясо у нас сейчас стоило бы 22 коп. фунт (лучший сорт)? Нет, в лучшем случае, оно и здесь бы поднялось до цены 50–60 коп. за фунт»³.

В Омске: «Недостаток продуктов принимает угрожающие размеры. Растет дороговизна»⁴. В Томске с августа 1914 г. начали расти цены на промышленные товары «Признаки надвигающегося глубокого торгово-промышленного кризиса стали заметны уже к 1915 г., когда в магазинах и лавках скупили все, что раньше не находило спроса, причем скупили на наличные. Летом 1915 г. начались и первые перебои с продажей муки. В 1916 г. в продовольственных лавках периодически стал исчезать сахар»⁵. За июль 1914 – февраль 1917 гг. цены на основные продукты питания и ширпотреб выросли в городе в следующих размерах (в процентах): мука ржаная – 320, молоко – 300, масло топленое – 286, мясо (говядина) – 233, свинина – 497, дрова березовые – 405, шерстяная ткань – 775, полотно льняное – 210, ситец – 280, ботинки дамские – 300, штиблеты мужские – 280, сапоги – 274, галоши резиновые – 280, валенки – 277, тарелки и стаканы – 150, посуда чугунная – 236⁶. Во второй половине 1916 г. для томичей вводятся карточки на сахар, в середине января 1917 г. – на муку.

В Новониколаевске цены на промышленные товары уже в августе 1914 г. повысились на 10–20 %, в 1915 г. топливо подорожало на 100 %. По данным городской думы с июля 1914 г. по июль 1916 г. цены на пшеничную муку выросли на 158 %, говядину – на 87, баранину – 96, картофель – на 153, сливочное масло – на 45, яйца – на 158, соль – на 108 %. Существенно

---

¹ Сибирь (Иркутск), 1917, 18 февр.; Архангельский В. Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага), 1927. Вып. 1. С. 42.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 262.

³ Там же. С. 236.

⁴ Омский вестник, 1917, 6 янв.

⁵ Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 г. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 58.

⁶ Дмитриенко Н. М. Дороговизна в Томске в 1914–1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 91.

вздорожали керосин, мыло, дрова, лекарства. Повысились такса извозчиков. В городе практически невозможно было свободно купить спички¹.

Подобного рода примеры по различным городам Сибири можно продолжать и дальше, они в изобилии собраны в цитированной выше монографии В. Г. Кокоулина. Правительство, местные органы государственного управления (губернаторы) и городского самоуправления пытались регулировать потребительский рынок. «Возникли городские продовольственные организации, – отмечает И. И. Кротт, – которые своими заготовками способствовали увеличению спроса на хлеб, масло, сахар, соль и другие продукты. При этом местные власти в лице губернских и областных администраций активно вмешивались в деятельность частных торговых организаций, вводя таксацию продажных цен, норму прибыли и прочие ограничения. Все это вело к сокращению спроса на сельскохозяйственную продукцию, рождало множество злоупотреблений, становилось почвой для усиления конфликтности и усиливало дезорганизацию регионального рынка»². Одни административные меры не могли решить проблему дороговизны, а непродуманное их применение давало противоположный эффект. Например, введение в Томске в 1915 г. таксы на муку стало причиной того, что местные мукомолы повезли ее в Новониколаевск, поэтому таксу пришлось отменить.

Ситуацию на фронте борьбы с дороговизной образно охарактеризовал в стихотворной форме анонимный автор омской газеты «Степной край»:

«Мчатся цены, выются цены,
Цены бешено растут.
А какие-то джентльмены
Где-то таксу издают...
Такса светит невидимкой
Одинока и грустна...

Вся покрыта мутной дымкой,
Льет печальный свет она...
Словно еду в чистом поле
И попал к торговцам в плен,
Страшно, страшно поневоле
Средь таких ужасных цен»³.

Среди правительственных акций на сей счет следует указать прежде всего на закон от 30 июня 1916 г. «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят», который вводил мясопустные дни – во вторник, среду, четверг и пятницу не разрешалась продажа мяса и мясных продуктов. «Очевидцы писали, – констатирует Н. М. Дмитриенко, – что в Томске сразу же поднялись цены на рыбу и овощи, одновременно развернулась нелегальная торговля мясом вразнос на рабочих окраинах, что в отсутствие врачебно-

¹ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). С. 21, 28, 29.

² Кротт И. И. Указ. соч. С. 120.

³ Степной край (Омск), 1916, 17 янв.

санитарного контроля могло привести к отравлению и заболеваниям потребителей непроверенного продукта»¹.

Ситуацию с продовольствием, на мой взгляд, лапидарно и образно отразил стихотворный фельетон «Дневные картинки», появившейся в одной из томских газет буквально накануне свержения самодержавия 22 февраля 1917 г.:

«Хмуро пасмурное небо,
Холод гонит всех под кров,
Обыватель ищет хлеба,
Обыватель ищет дров.
Всюду черные картинки
И отсутствует просвет,
Опустели керосинки,
Керосину в Томске нет.

Обыватель ищет соли,
Обыватель ищет круп.
И в своей несчастной доле
Раз в неделю варит суп.
Позабыв про сахарешко,
Не зовет к себе гостей,
Пьют уж с патокой чайшко,
Знать теперь не до сластей»².

Деятельное участие в преодолении дороговизны пытались принять органы городского общественного самоуправления. В Томске осенью 1914 г. создается городская продовольственная комиссия с целью «способствовать нормальному положению рынка, путем конкуренции не допускать искусственного взвинчивания цен, понижением стоимости продуктов до минимума побуждать к тому же и частных торговцев». Но эти задачи не были выполнены и в городе в июне 1916 г. вводится нормированное снабжение горожан сахаром, а с января 1917 г. – мукой³.

Важным направлением деятельности муниципалитетов в рассматриваемое время стало вмешательство в экономические процессы, прежде всего путем таксировки, т. е. установления предельных цен с предупреждением, что «всякое поднятие этих цен выше указанной нормы будет признано искусственным и недобросовестным». Повсеместное ценовое регулирование осуществлялось на основе положений правительственного циркуляра от 31 июля 1914 г., который предписывал губернаторам «озаботиться изданием постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости». Уже 4 августа вышло соответствующее предписание томского губернатора, а 7 августа Барнаульская городская дума установила предельные цены на печеный хлеб и мясо⁴.

Позже на уровне губерний и областей создается специальная должность для ценового регулирования – уполномоченный Особого совещания по продовольственному делу. Ими, как правило, были местные губернаторы. Они-то с подачи губернских совещаний по продовольственному делу и устанавливали предельную цену на важнейшие продовольственные товары для

¹ Дмитриенко Н. М. Указ. соч. С. 92.

² Кокоулин В. Г. Указ. соч. С. 53.

³ Дмитриенко Н. М. Указ. соч. С. 94, 95.

⁴ Барнаульская городская дума. 1877–1996. Сборник документов. Барнаул, 1999. С. 84.

Яблоко и сторублевка (Борис Кустодиев, 1916)

всего территориально-административного образования и предупреждали о неизбежных карательных санкциях в отношении нарушителей. «Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, – говорилось в соответствующем распоряжении томского губернатора В. Н. Дудинского от 16 июня 1916 г., – будут подвергаться в административном порядке заключению в тюрьму или крепость на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей»¹. Якутский губернатор Р. Э. Витте 15 июня 1915 г. обнародовал постановление о предельных ценах на товары первой необходимости. В тот же день крупные фирмы – Громовых, «Коковина и Басова», Силина и Кушнарера в знак протеста прекратили продажу ряда товаров, в частности сахара. Их оштрафовали на смехотворную цифру по 300 руб. каждую².

Помимо таксировки и непосредственной закупки продовольствия и товаров первой необходимости, органы городского общественного самоуправления предлагали и другие способы, направленные против роста цен. В июле 1915 г. в Новониколаевске состоялся съезд по борьбе с дороговизной, созданный городской думой, предложивший установить контроль за производством и распределением предметов первой необходимости, учитывать все запасы продовольствия, принять «обязательное постановление» о борьбе со спекуляцией и закон «об ограничении прибылей»

¹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

² Федоров В. И. Первая мировая война в судьбах «инородцев» // Якутский архив, 2004, № 2. С. 63.

до 20 % и судебное наказание за их сокрытие. Предлагалось организовать городскую комиссию по борьбе с дороговизной, но большинство из перечисленных мер не было реализовано¹.

Таксировка же оказалась эффективным оружием только против чистой спекуляции, в условиях же нехватки продуктов она вела к дефициту. Данное обстоятельство вынудило городские власти, их продовольственные комиссии, заняться собственными покупками. «Оптовая закупка продуктов первой необходимости муниципалитетами за свой счет с последующей продажей по сниженным (против рынка) ценам... получила повсеместное распространение. Торгово-посредническая деятельность стала одной из самых насущных направлений работы местных властей. Использовалась любая возможность найти средства на расширение продовольственной операции... Одним словом, думы выступали своеобразными потребительскими кооперативами, которые ограничивали рост цен за счет отказа от чрезмерной прибыли. Но и потребительский кооператив способен сдерживать цены без ограничения потребления лишь до тех пор, пока товар на рынке действительно есть. К лету 1916 г. последнее условие в России выполняться перестало. Неизбежным стало появление карточек (нормированной торговли по твердым ценам)»².

Официальное запрещение торговли крепкими спиртными напитками последовало 19 июля 1914 г. на период мобилизационной кампании. Указом от 22 августа того же года запрещение продажи алкоголя продлевалось до окончания войны. Запрет не распространялся на продажу церковного вина, вино-водочной продукции в клубах и ресторанах. Поскольку многие городские думы и сельские общества направляли ходатайства о полном прекращении продажи алкоголя, положениями Совета министров от 27 сентября и 13 октября 1914 г. муниципалитетам, органам общественного сельского управления и земствам разрешили прекращать полностью торговлю вином и пивом, а также ограничивать выдачу спирта в технических и лечебных целях³. В связи с этим в Томской губернии управление акцизными сборами закрыло 200 винных лавок. В первую очередь закрывались торговые точки в отдаленных районах губернии, а также недавно открытые и обслуживаемые новичками, а старые служащие, в связи с увольнением получали от казны вознаграждение за 9 месяцев. Кое-где подобные решения принимали крестьяне, например, в с. Таштыпском Минусинского уезда Енисейской губернии. К 1 октября 1914 г. в Иркутске закрыли 64 казенных винных лавки, к новому году предполагалось ликвидировать еще 108. 19 декабря этого года местная городская дума решила ходатайствовать о

---

¹ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 96–97.

² История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 260–261.

³ Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории, 2010, № 10. С. 80–93.

«Пора опомниться и перестать пить. Жизнь трезвого и пьяницы»
(плакат начала века)

прекращении не только на время войны, но и навсегда торговли в городе крепкими напитками, виноградным вином и пивом¹.

Но данная акция не привела к истреблению пьянства. Как менялось отношение горожан к «сухому закону» можно проследить по дневнику И. И. Серебренникова на примере Иркутска. 6 августа 1914 г.: «В городе все еще не разрешена продажа спиртных напитков, нет поэтому пьяных на улицах, нет, конечно, и озорства... Запрещение продажи водки – вот в корне решающее вопрос об алкоголизации средство». 19 декабря: «Заседание Думы [городской. – М. III.] сегодня затянулось до часу ночи. Рад, что Дума постановила возбудить ходатайство о воспреещении в г. Иркутске торговли крепким напитками, виноградными винами и пивом навсегда... Что-то из этого выйдет?» 30 декабря 1914 г.: «Сегодня Городская дума вновь подтвердила свое постановление от 19 декабря с. г. о воспреещении в г. Иркутске торговли виноградными винами. Губернатором уже отдан приказ об опечатании складов виноградных вин». 23 марта 1915 г.: «Второй день Пасхи... За два дня праздника я не видел на улицах Иркутска ни одного пьяного». 10 апреля 1916 г.: «Праздник Св. Пасхи. На улице как-то сумрачно, холодно. Падает снежок.

¹ Кокоулин В. Г. Указ. соч. С. 24, 25.

Гудят колокола. Чаше, чем в прошлом году, встречаешь подвыпивших. Видно, самогонка и маньчжурский пшеничный спирт не без успеха распространяются по городу»¹.

С 1915 г. фиксируется всплеск массового самогонварения в сельской местности и в городах. «С начала войны казенная водка перестала существовать, – вспоминал Г. М. Карнаухов. – До 17 года варили пиво. Хмельное. От него пьянели. Пришедшие с фронта солдаты привезли искусство варить самогон. Хлеба было много. Техника (чугунка, горшок, ствол от берданки, корытце со льдом или водой из колодца для охлаждения) постепенно совершенствовалась»². В частности, в Тобольской губернии были отмечены случаи использования аппаратов для приготовления самогона не только отдельными частными лицами, но и приобретение их в «складчину целыми селениями»³.

Введение с началом мобилизации «сухого закона» преподносилось властями как панацея. «Водка – вот зло, которое всегда порождало в деревнях и городах ряд преступных выступлений, – декларировал акмолинский губернатор в октябре 1914 г. – Лишь только злой напиток был окончательно изъят из обихода деревенской жизни все просветлело, все успокоилось, все зажило счастливой, радостной, деловой жизнью»⁴. Енисейский губернатор И. В. Хозиков по этому поводу в сентябре 1914 г. в донесении в МВД разразился панегириком: «Временное прекращение продажи крепких напитков отразилось на населении самым благоприятным образом, особенно в сельском быту, где возникавшие прежде на почве пьянства семейные неурядицы и хулиганство молодежи ныне не имеют место». Как водится, в подобного рода акциях, властям казалось возможным в кратчайшие сроки административными мерами ликвидировать вековое зло. И тот же енисейский губернатор 9 октября оптимистически вещал: «Хотя за последнее время и появилось в продаже взамен водки так называемая "самогонка" значительной крепости домашнего приготовления и другие опьяняющие напитки, но для уничтожения этого зла в самом корне мною преподаны полицейским и врачебным чинам губернии соответствующие указания. Мера эта, в связи с наложением мною на виновных в выделке и продаже опьяняющих напитков и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения – суровых административных взысканий, на основании изданных обязательных постановлений, полагаю, со временем окончательно уничтожит последние пережитки народного пьянства»⁵.

---

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 34, 74, 77, 104, 212.

² ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144. Л. 38.

³ Шишкина С. Ю. Патриотизм и толерантность в общественных настроениях в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Сибирский исторический журнал (Тюмень), 2006, № 7. С. 58.

⁴ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 138. Ч. 1. Л. 6 об.– 7.

⁵ Там же. Д. 108. Ч. 20. Л. 9–9 об., 10 об.

Но прекращение продажи крепкосодержащих спиртных напитков спровоцировало массовый всплеск самогонварения и самогонка из экзотического продукта превратилась в неотъемлемый элемент повседневности. О том, как это выглядело на практике, можно судить по материалам новониколаевской газеты «Алтайское дело» за первые два месяца 1917 г.: 8–9 февраля в ходе облавы на самогонщиков в д. Крутельки Томского уезда у крестьянина Трусова обнаружен «завод», изъято 15 ведер самогонки и около 50 ведер закваски; у крестьянина Тихонова – «завод», 20 ведер самогонки, 50 ведер закваски; Красовского – «завод», 15 ведер самогонки, 20 ведер пива; Габаденко – «завод», 20 ведер самогонки, 60 ведер закваски; Пулятов – «завод», 20 ведер самогонки; Шитько – «завод», 20 ведер самогонки. 3 февраля в д. Березовка Барышевской волости обнаружено 9 самогонных «заводов» и уничтожено 45 бочек и кадок самогона и бражки, «составлено много протоколов, от которых не избежала ни одна семья». В феврале в пос. Кубанском Каинского уезда привлечено к ответственности 20 чел., отобрано 7 винокуренных заводов. Тогда же в Новониколаевске «обнаружен хорошо оборудованный самогонный завод с приспособлением для очистки самогона. Конфискованная изюмная бражка содержит 21 градус спирта, так что самогон должен получиться содержанием 45 градусов, что является своего рода рекордом. По делу привлечена девица Н. Я. Полищук 21 год»¹.

Начиная с 1915 г. в губернаторских донесениях тема самогонварения приобретает постоянный и все более озабоченный характер. Томский и. д. губернатора 21 апреля сообщает в МВД: «После состоявшегося запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков, в губернии стало замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких размерах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа суррогатов водочных изделий»². Действия акцизных чиновников и полицейских по пресечению нелегального производства спиртных напитков начинают встречать противодействие со стороны крестьян и аборигенов.

Так, 4 марта 1915 г. в аиле Тайлоп Кондомской волости Кузнецкого уезда Томской губернии после обнаружения здесь тайного винокурения «иногородцами сего аила в количестве 20 человек было совершено вооруженное нападение» на акцизного надсмотрщика и было ранено три человека из числа лиц его сопровождающих. Примерно в то же время в трех верстах от аила «при взятии «каштাকা» (винокуренный завод) местные иногородцы оказали вооруженное сопротивление: стреляли из ружей крупной дробью в акцизного надсмотрщика, бывших с ним понятых в числе пяти человек и полицейского сотского, причем последнего они избили прикладами и стволами ружей»³. Крестьяне села Усть-Колбинского Мариинского уезда Томской губернии

¹ Алтайское дело (Новониколаевск), 1917, 15, 16, 25 февр., 2 марта.

² ГАРФ, ДПОО. 4-е делопроизвод. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 5.

³ Там же. Д. 77. Ч. 3. Л. 1–1 об.

после обнаружения у них винокуренных «заводов» сначала разбежались, а затем из селения выбежала толпа в 50 чел. и начала стрелять из ружей в сторону акцизных чиновников¹. Наконец, в декабре того же года «в деревне Мало-Боборыкиной той же волости Томского уезда толпой крестьян в числе около 150 человек было совершено нападение на местных полицейского урядника и стражников, прибывших в эту деревню для обнаружения тайного винокуренного завода, причем у стражников насильниками было отнято оружие, а самим нанесены побои; в отношении же полицейского урядника толпа ограничилась угрозами избиения»².

Серьезно криминогенная обстановка в связи с развитием нелегального винокурения в 1915 г. обострилась в Енисейской губернии. 11 января в Енисейском уезде, после обнаружения в лесу «завода», бывшим ссыльнокаторжанином, «сахалинцем» выстрелом из ружья был убит становой пристав Алексеев, совершивший преступление застрелился³. 25 апреля, после обнаружения вблизи села Кольцовского Кучеровской волости Канского уезда винокуренного завода, крестьяне соседнего села Соколовского «в числе 8-ми человек, укрывшись в чаще леса, открыли по полиции стрельбу». При проведении обыска у одного из них Ивана Батуро «в подполе была обнаружена большая в плетеной корзине бутылка с самогонным вином, за которой спустился полицейский урядник Галинат и начал поднимать ее на верх; когда к подполью подошли пристав и другой полицейский урядник Бейников, чтобы помочь Галинату, в это время сын Батуро Михаил Батуро, схватив доску закрывавшую подполье, размахнулся и ударил ею вниз, направляя удар в голову наклонившихся станового пристава и урядника Бейникова; оба успели выпрямиться и удар пришелся по бутылке, задев голову Галината»⁴. 5 июля в д. Шумиха Амонашевской волости Канского уезда, после обнаружения в одном из домов самогонки, ружейным выстрелом из окна был убит полицейский урядник Д. А. Лемешко⁵.

Губернские власти фактически расписались в собственном бессилии. Исполняющий обязанности губернатора 16 апреля 1915 г. доносил «наверх»: «Благодетельные последствия закрытия продажи спиртных напитков в значительной степени парализуются тайным винокурением, борьба с которым, при всей интенсивности работы администрации и полиции является для последней не под силу». 11 мая вице-губернатор констатировал, что «тайное винокурение приобретает характер все более и более развивающейся злокачественной язвы на родном организме, требующей безотлагательного

---

¹ Кижяева Т. А. Образ власти в менталитете крестьянства Томской губернии в годы Первой мировой войны // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 124.

² ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизвод. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 20.

³ Там же. Д. 20. Ч. 6. Л. 1–1а.

⁴ Там же. Д. 20. Ч. 7. Л. 8, 9–9 об.

⁵ Там же. Д. 20. Ч. 6. Л. 13.

Открытки «пьяной серии» (1915):

«Бросивший пить» (надпись на заколоченном доме: «Казенная винная лавка») и «Ходячий ресторан (Продажа ханжи)»

приятия экстренных мер». В качестве таковых, помимо увеличения числа полицейских, предлагается «становление круговой ответственности всего сельского общества за обнаружение в их пределах заводов, с наложением на все общество соответствующих штрафов, часть коих шла бы на содержание стражи, а другая часть употреблялась бы на просветительные учреждения в деревне». 11 декабря в очередном донесении уже новый губернатор Я. Г. Гололобов признает, что бороться с пороком имеющимися средствами «становится положительно невозможным». На специально состоявшемся под председательством губернатора 15 декабря 1915 г. совещании «постановлено ходатайствовать об усилении для этой цели состава полиции и акцизного надзора, с привлечением в некоторых случаях для обнаружения винокурения воинских частей и, наконец, о высылке занимающихся тайным винокурением лиц в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ»¹.

¹ Там же. Д. 108. Ч. 20. Л. 5, 6, 14 об., 16–16 об.

Открытки: «Химики» и «Древесный спирт»
 («Я изнываю от тоски: // Пускаю ветки и ростки, //
 Как будто тополь или мирт:// Увы, я пью древесный спирт!»)

Образно ситуацию на потребительско-алкогольном рынке в начале 1917 г. отобразила в поэтической форме одна из томских газет:

«Богомолицы-старушки
 О грехах своих твердят,
 Поминая про «косушки»,
 Тайно пьют денатурат.
 Самосидку ищет нищий,
 И рабочий, и студент...

Ищет как голодный пищи
 Адвокат-интеллигент.
 Ищет все и все желают
 Воротить золотые дни,
 Но никто того не знает,
 Что вернутся ли они»¹.

Показательно трагический в этом плане случай произошел в богом забытом Среднеколымске Якутской области, где от употребления одеколona отравились и скончались купеческий сын Н. Бережнов, городской староста Г. Нехорошев и учитель церковно-приходской школы М. Сивцев. 11 мая 1915 г. они распилили два флакона одеколona².

¹ Цит. по: Кокоулин В. Г. Указ. соч. С. 53.

² Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000. С. 393.

В конце 1914 г. накануне рождественских праздников власти несколько ослабили антиалкогольную кампанию, а кое-где разрешили торговать вином, в частности, в ресторанах. В Красноярске сразу же на улицах появилось много подвыпивших, которые распевали песню «Пускай могила меня накажет»¹. В целом, введение винной монополии не сократило потребление алкоголя. «Стараясь сократить число питейных заведений и уничтожить частную легальную торговлю, – констатировала А. Г. Быкова, – государство фактически способствовало нелегальному производству и продаже спиртных напитков низкого качества. Разрешение продажи спиртных напитков в заведениях трактирного типа создало новые очаги пьянства и разгула. Поэтому данная реформа не принесла ожидаемых результатов в плане снижения пьянства, а еще больше осложнила положение русского населения»².

Серьезную помощь в преодолении снабженческого дефицита оказывала кооперация. В 1915 – начале 1917 гг. наблюдался поступательный рост торговых оборотов и прибылей потребительских обществ, преобладающей стала тенденция распределения прибылей не «по-капиталистически» (по типу акционерного общества), а «общественным путем», когда на руки выдавался минимальный дивиденд, а основная часть накоплений шла на торговые и культурные цели. Усиливалась производственная деятельность кооперативов, которая характеризовалась прибыльностью, хорошим качеством продукции и более высокой оплатой труда. Потребительская кооперация в рассматриваемый период динамично развивается в городах региона. Так, в Иркутске действовали два ссудо-сберегательных товарищества служащих Забайкальской железной дороги, городское ссудосберегательное товарищество, потребительские общества «Кооператив», «Труженик», Иркутский союз кооперативов и т. д.³

Крупнейшим кооперативным объединением являлся Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА) с правлением в Кургане. Число артельных маслозаводов в нем выросло с 563 в 1913 г. до 1410 в 1917 г., товарных лавок – с 502 до 1167⁴. В отчете о его деятельности за 1915 год (с 16 ноября 1914 г. по 15 ноября 1915 г.) отмечалось: «В настоящее время в состав Союза входит 902 артели и через Союз работает 681 лавка. Обороты Союза возросли до 35 млн руб. против 20 ½ млн в прошлом году. Масла всего было принято около 472 574 бочки, из этого союзного масла – 233 799 бочек. Обороты лавок

---

¹ Кокоулин В. Г. Указ. соч. С. 26.

² Быкова А. Г. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в Российской империи в XIX–начале XX в. Омск, 2006. С. 264.

³ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 200, 214, 226, 227, 231.

⁴ Горюшкин Л. М. Кооперация в сибирской деревне в годы первой мировой войны // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 142.

выразились около 9 000 000 руб. (прибыль в 2 000 000 руб.). Произведено заготовок для нужд действующей армии всего на 17 ½ млн руб. Из того: масла 983 411 пуд на 13 269 797 руб., сена 7 617 439 пуд. на 3 204 244 руб., овса 158 637 пуд. на 823 213 руб., сала 27 708 пуд. на 247 065 руб. Общее финансовое положение России оставалось напряженным. Это отражалось на работе Союза... Положение некоторых контор оставляет желать лучшего. В первой половине года масло сбывалось исключительно в казну для нужд армии... Очень сложно стало с транспортом, мало вагонов-ледников... Переживаемые трудности не могли не сказаться на снабжении лавок товарами. Фабрики сократили выработку, перейдя на военные нужды. Ощущается недостаток товаров, цены на них растут»¹.

Особенность операций Союза во время войны заключалась в том, что он активно скупал и сбывал масло частных владельцев, не входящих в его структуру кооперативов. Помимо этого объединение занималось сбытом товаров, оптом закупленных непосредственно у товаропроизводителей. Через оптовые склады они распределялись по артельным лавкам для продажи пайщикам. Стоимость проданных товаров возросла с 2,3 млн руб. в 1913 г. до 24,8 млн руб. в 1917 г. ССМА стал инициатором сыроварения в регионе. Уже в 1913 г. на Алтае начали работать 8 кооперативных заводов по производству сыра «чеддер». В 1918 г. в Бийском районе действовало 33 сыроварни, в Барнаульском – 28, Чарышском – 19, Сорокинском – 2, Татарском, Каинском и Чановском – 19, Каргатском и Новониколаевском – 58. Участвовало объединение в военных поставках масла, мяса, сена, овса, кож. Общий объем заготовок для армии за время войны превысил 220 млн руб. (на 1 октября 1917 г.) и составлял в 1914 г. 20 % всего оборота Союза, в 1915 г. – 50 %, в 1916 г. – около 87 %, в 1917 г. – 84 %².

25–26 ноября 1915 г. в Новониколаевске состоялось региональное совещание представителей потребительских союзов, городских и рабочих обществ потребителей, на котором ставится вопрос о создании областного закупочного объединения и открытия в Сибири отделения Московского народного банка (открыто 1 марта 1916 г.). Вновь вопрос о создании регионального объединения поднимается на съезде союзов, состоявшемся в Новониколаевске 18 февраля 1916 г. по инициативе Московского народного банка (МНБ). Вновь он озвучивается на учетной сессии отделения МНБ 30 апреля – 2 мая того же года, на которой создается исполнительное бюро. 2 мая 1916 г. считается исходной датой организации «Закупсбыта». На 2-м съезде 14–16 августа 1916 г. комиссией уполномоченных союзов учреждается Товарищество «Комиссия сибирских кооперативов по закупкам и сбыту» («Закупсбыт»). В него могли входить только союзы кооперативов. На 4-м съезде уполномоченных союзов пайщиков 1 мая 1917 г. в Новониколаевске

---

¹ Алексеева В. К., Малахова Г. М. Кооперация в азиатской России (первое столетие). Чита, 2004. С. 73.

² Горюшкин Л. М. Указ. соч. С. 144, 146.

«Никогда не покупайте в частной лавке того, что можно купить в своем кооперативе»

утверждается устав «Закупсбыта». Главная цель объединения – «снабжение своих членов всякого рода предметами», предоставление им возможности из прибылей от операций делать сбережения, содействуя тем самым улучшению благосостояния и духовному развитию своих членов». На момент создания «Закупсбыт» объединил 28 снабженческо-сбытовых союза региона с 2 млн пайщиков. Он начинал работу с капиталом в 10 тыс. руб., а к концу 1917 г. имел собственный капитал в 22,5 млн руб., из них паевой – 19,9 млн руб.¹

Примером низовой структуры «Закупсбыта» может служить Мариинское торгово-промышленное товарищество. На общем собрании его пайщиков 24 мая 1915 г. выяснилось, что в него входит 35 обществ с 56 паями на 2800 руб., которые на декабрь месяц [1914 г.] сделали оборот на 20 тыс. руб. За

¹ Воробцова Л. Н., Шиловский М. В., Кириллов А. К. Накануне // История промышленности Новосибирска. Т. 1. С. 652.

март 1915 г. куплено товаров на 49144 руб. 88 коп., а отпущено на 53 184 руб. 58 коп. На начало 1916 г. в Товарищество уже входило 96 обществ¹.

В целом, кредитные товарищества и кооперативы стали играть в изучаемый период заметную роль в жизни сибирской деревни, только в Западной Сибири они охватывали более половины крестьянских хозяйств, до 2/3 всего населения². Кредитная кооперация во время войны занималась несвойственными ей функциями – заготовительными и торговыми. Например, в Ялуторовском уезде Тобольской губернии в 1915 г. Сосновское кредитное товарищество поставило для армии 78 тыс. пудов овса, а объединившиеся Большекрутинское, Комиссаровское и Сосновское кооперативные формирования выполнили заказ на 100 тыс. пудов прессованного сена для армии³. В 1916 г. в Ишимском уезде Тобольской губернии Абатское и Карасульское ссудно-сберегательные товарищества купили паровые мельницы, а Тушнолобовское приобрело за 12 тыс. руб. трактор, которых в то время по всей Сибири насчитывалось всего 5⁴.

Значительный импульс получило развитие потребительской кооперации. Если до войны она в основном объединяла сельских жителей, то тотальная дороговизна стимулировала создание подобных объединений в городах. Главную свою цель они видели в стремлении сберечь «трудовую копейку», получить доступ рядовым горожанам к дешевым и качественным потребительским товарам. Например, в Новониколаевске 14 сентября 1915 г. по инициативе городского потребительского кооператива «Экономия» произошло объединение около 20 сельских потребительских обществ, тяготевших к городу, для сбыта сельскохозяйственных продуктов и закупки промтоваров. В 1916 г. «Экономия» объединяло около 2 тыс. членов. Для снабжения пайщиков оно договорилось с городской управой и уполномоченным Особого совещания по продовольствию о ежемесячном отпуске кооперативу 5 вагонов муки, закупало товары в других городах Сибири и Европейской России. Рабочий кооператив железнодорожников «Трудовой союз» в Чите за 1915 год увеличил число пайщиков с 300 до 602 чел. Паевой капитал составил 4920 руб., сумма всех средств – 5765 руб., товаров закупили на 101 945 руб., продали – на 102 245 руб. Паевой капитал сделал более 20 оборотов⁵. В Семипалатинске осенью 1916 г. образуется Союз потребительских обществ области, а также части Змеиногорского уезда Томской губернии, объединивший 30 потребительских обществ с

¹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 195. Л. 10, 43.

² Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917–1918 гг. М., 1993. С. 65.

³ Шишкина С. Ю. К вопросу о роли кооперации в Тобольской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 136.

⁴ Ноздрин Г. А. Очерки истории села Абатского конца XVII – начала XX века. Новосибирск, 2013. С. 99.

⁵ Запорожченко Г. М. Транспортная потребительская кооперация в Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007. С. 76.

миллионным капиталом¹. «Заходил сегодня в помещение Губернского Союза потребительских обществ Иркутской губернии, – делится своими впечатлениями 28 февраля 1917 г. И. И. Серебренников. – Помещение занимает четырехэтажное здание. Много служащих. Заметное оживление. Организация совсем еще молодая: существует около полугода. Невольно думаешь: блестящее будущее ожидает сибирскую кооперацию»².

На фоне роста масштабов кооперативного движения, в годы войны в нем начинают проявляться кризисные явления. Согласно данным Т. А. Кижяевой в рассматриваемое время в кредитной кооперации Алтая произошло резкое уменьшение спроса на ссуды для развития хозяйств и столь же резко увеличились «сумы вкладов в товариществах (во вклады уходили как деньги, шедшие раньше у крестьян на развитие своего хозяйства, так и деньги, вырученные за проданное имущество)»³. Другими словами, сокращение ссуд и рост вкладов означал рост свободных средств в товариществах, т. е. денежной массы, не обеспеченной товарами и услугами, поэтому кредитные товарищества направляли их на покупку процентных бумаг.

Среди зависимых кооперативных объединений региона, по сути представлявших собой акционерные торговые предприятия, подчиненные администрации, следует назвать Общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. На 1 января 1916 г. число пайщиков в нем достигло 28 тыс. чел., товароборот составил 4 538 911 руб., чистый доход составил 223 485 руб.⁴

Кооператоры поддерживали необходимость введения «сухого закона». На съезде кооперативных учреждений в Томской губернии, проходившем в Новониколаевске 1–4 марта 1915 г., принимается по этому поводу специальная резолюция: «Томский губернский кооперативный съезд в г. Новониколаевске, заслушав ряд докладов о состоянии и задачах кооперации в Сибири и находя, что для улучшения условий деревенской жизни необходимо прежде всего повышение сознательности и хозяйственного благополучия крестьян, и что значительным препятствием к этому всегда была водка, отнимавшая у деревни и деньги и разум, постановил: выразить желание, чтобы торговля спиртными напитками в России никогда больше не возобновлялась»⁵.

Однако, как установила С. Ю. Шишкина применительно к Тобольской губернии, «деревня благодаря "сухому закону" значительно увеличила потребление городских товаров, но промышленность в условиях войны не

---

¹ Сиб. жизнь, 1916, 6 окт.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 312.

³ Кижяева Т. А. Влияние Первой мировой войны на кредитную кооперацию Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 160.

⁴ Запорожченко Г. М. Указ. соч. С. 38.

⁵ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 196. Л. 21.

способна была увеличить производство предметов широкого потребления. Расстройство транспорта и твердые цены подрывали заинтересованность крестьян в реализации хлеба – на вырученные деньги мало что можно было купить, так как цены на промышленные изделия росли, а их поставки в деревню сокращались. В декабре 1916 г. на заседании Тюменской городской думы гласный Антонов, говоря о сокращении сельскохозяйственного производства, заявил: «Деревня перестала давать городу продукты, производить их ей сейчас нет интереса... город безбожно поднял цены на все продукты, нужные крестьянам, и как ответ на это деревня отказывается кормить город; она вырабатывает продукты лишь для себя»¹. Отношение сибирской деревни к правительству и экономической ситуации накануне 1917 г. образно выразил крестьянин Томской губернии Кондратов, заявивший, что «власть, при которой пачка спичек стоит 25 коп., да и ту нигде не купишь, надо уничтожать»².

Финансовый дефицит со второй половины 1914 г. привел к повышению ставок основных налогов: промыслового, квартирного, с городской недвижимости, кибиточной подати. Сократился список льготников (промысловый налог стали взимать с кинотеатров, издательств, маломерных речных судов), вводится налог на военную сверхприбыль. В Сибири оброчная подать с крестьян Тобольской и Томской губерний, дававшая основную часть сибирских поземельных сборов, выросла в 1915 г. приблизительно на 16 %, а земские налоги и сборы в Енисейской и Иркутской губерниях в трехлетие 1915–1917 гг. увеличились, по сравнению с предыдущим трехлетием, на 32 %³.

---

¹ Шишкина С. Ю. Линии конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья) // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 179.

² Цит. по: Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 24.

³ Рынков В. М. Налогообложение сибирской деревни в условиях войн и революционных потрясений (1914–1919 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 51.

СИБИРСКИЙ ДЕНЬ

1582-1915

26 окт.

СБОРЪ, ОРГАНИЗУЕМЫЙ МОСКОВСКИХЪ ОТДѢЛОМЪ СИБИРСКАГО ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМЪ И РАНЕНЫМЪ ВОИНАМЪ И ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ ВОЙНЫ.

Глава 3. Военная повседневность сибирского тыла

§ 1. Раненые, инвалиды, солдатки; попечение о раненых и увечных

Колоссальные масштабы боевых действий, миллионы вовлеченных в глобальный вооруженный конфликт обусловили появление значительное количества раненых и больных военнослужащих. Только госпитализированных за время Первой мировой войны в России военных, нуждающихся в продолжительном лечении было учтено 5 148 180 чел., из них раненых 2844500 чел. и заболевших 2303680 чел.¹ Учитывая общую численность привлеченных в вооруженные силы 15,4 млн чел., можно считать, что примерно каждый третий из них был ранен или за время войны переболел. Из примерно 1 млн призванных в армию сибиряков ранения получили 180 тыс. чел. На 1 сентября 1917 г. находилось в лечебных заведениях, командах выздоравливающих и кратковременных отпусках по ранению и болезни 350 тыс. чел., на длительном лечении и уволено со службы по инвалидности – 349 тыс. чел.²

Эвакуированные с поля боя раненые лечились в сводно-эвакуационных госпиталях размещенных в прифронтовой полосе и в Европейской России. Первоначально их не предполагалось развертывать в Азиатской России из-за загруженности железной дороги и длительности перевозок. Как записал в своем дневнике 10 сентября 1914 г. И. И. Серебренников: «Будут ли в Иркутске раненые?» – вот вопрос, которым интересуются в данное время иркутяне. Вице-губернатор г. Р. К. [А. С. Римский-Корсаков – М. Ш.] сообщил на днях, что эвакуации раненых в Сибирь не предполагается... Вопрос остается пока невыясненным, но думается, что раненых сюда действительно не будут эвакуировать: мы так далеки от театра войны, в особенности, если принять во внимание медленность движения поездов по сибирской магистрали»³.

По мере увеличения количества раненых и больных их начинают направлять за Урал. Лечение осуществлялось прежде всего в местных военных лазаретах, развернутых по штатам военного времени во всех сибирских гарнизонах. В Новониколаевске под него отвели здание мужской

---

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4, 25.

² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 102.

³ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 41–42.

гимназии¹. Омский лазарет осенью 1914 г. расширили с 350 до 1500 мест. Проверяющие отмечали чистоту в палатах, достаточное количество белья, хорошее питание². Следующим шагом стало открытие с осени 1915 г. сводно-эвакуационных госпиталей. Первым в ноябре 1915 г. в Томске разместился на площадях университетской госпитальной клиники и в части дома купца В. В. Иванова 171-й госпиталь на 420 мест³. Очевидно, при выборе места дислокации учитывали наличие в городе квалифицированных специалистов их числа профессоров медицинского факультета Томского университета. В последующем сеть подобных учреждений увеличивается. Так, в Новониколаевске, помимо лазарета, размещаются 146-й и 148-й сводно-эвакуационные госпитали. Всего в военно-лечебных учреждениях города одновременно находилось на излечении до 3 тыс. военнослужащих⁴.

Основной региональной общественной организацией, занимавшейся ранеными и больными воинами, стало образованное в сентябре 1914 г. в Петрограде Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, в сокращенной редакции «Сибирское общество для подачи помощи раненым» (Сибиртет). В состав его руководящего органа (комитета) входили: председатель – коллежский советник, бывший иркутский городской голова В. П. Сукачев, товарищи председателя – член 4-й Государственной думы от Енисейской губернии, бывший енисейский городской голова С. В. Востротин, председатель правления Центрального банка обществ взаимного кредита, бывший томский городской голова А. И. Макушин, казначей – И. С. Шелковников, секретарь – коллежский секретарь И. А. Кириллов; члены: депутат 4-й Государственной думы от Забайкальской области Н. К. Волков, надворный советник С. И. Акерблом, депутат 4-й Государственной думы от Тобольской губернии В. И. Дзюбинский, член Государственного совета, бывший директор Томского технологического института, профессор Е. Л. Зубашев, его жена О. А. Зубашева, статский советник, инженер-технолог А. С. Ломшаков, артист Мариинской оперы В. И. Лосев, член 4-й Государственной думы от Томской губернии, профессор Н. В. Некрасов, присяжный поверенный Н. А. Преображенский, инспектор Сибирского торгового банка, бывший депутат 3-й Государственной думы от Томской губернии А. А. Скороходов, его жена Н. Г. Скороходова, жена В. П. Сукачева Н. В. Сукачева, ученый хранитель Геологического музея И. П. Толмачев, генерал-лейтенант В. К. Болдырев, профессор Политехнического

---

¹ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 198.

² Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 186.

³ Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск, 2003. С. 139.

⁴ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал, 2010, № 6. С. 43–44.

института В. Б. Ильяшевич, жена А. И. Макушина Е. А. Макушина, предприниматель, владелец Судженских копий Л. В. Михельсон, С. Д. Навашин, М. В. Пихтин, П. И. Полевой, И. В. Палибин и М. Г. Флеер¹.

Согласно уставу, объединение ставило своей целью «устройство подвижных (полевых и этапных) лазаретов и врачебно-питательных, санитарных и других отрядов в местах военных действий, госпиталей, патронажей, приютов, убежищ, санаториев и богаделен, организация трудовой, материальной, медицинской и юридической помощи пострадавшему от войны населению и содействие детям пострадавших в получении образования и помещении в приютах; собирание и выдача справок для облегчения раненым сибирякам сношений с родиной» и т. д.² В регион направлялись эмиссары Сибиртета. Так, в Томск 5 ноября 1914 г. прибыл Е. Л. Зубашев, который 23 ноября побывал в Новониколаевске, а в начале декабря – в Барнауле. В это время через повременные издания началось распространение воззвание комитета объединения к населению, в котором важнейшей задачей для сибиряков объявлялось устройство собственных лазаретов, санитарных дружин, питательных отрядов, справочных бюро в действующей армии. Обывателям для этого предлагалось собирать средства из расчета содержания койки в течение полугодия в размерах 1 тыс. руб.³

На местах создавались отделы объединения. В частности, в Томске учредительное собрание состоялось 16 ноября 1914 г., в Иркутске – 3 марта 1915 г.⁴ Всего до конца ноября 1914 г. в 10 сибирских городах (Томск, Новониколаевск, Мариинск, Боготол, Камень-на-Оби, Омск, Красноярск, Курган, Барнаул, Иркутск) были созданы отделения Сибиртета, которые собрали 42 тыс. руб. на нужды раненых, позволяющие содержать 42 больничные койки⁵. Активно подключились к этой акции городские самоуправления. Например, Томская городская дума в ноябре 1914 г., после «горячей речи» Е. Л. Зубашева выделила 5 тыс. руб. Сибиртету «на оборудование 10 кроватей имени г. Томска в сибирских полевых лазаретах». Барнаульская городская дума в декабре того же года ассигновала 3 тыс. руб. «с тем, чтобы на эти деньги были устроены 3 койки при одном из полевых лазаретов Общества имени гор. Барнаула»⁶.

Силами анализируемого общества и других неполитических общественных формирований с конца 1914 г. организуются передовые врачебно-питательные отряды, предназначенные для эвакуации раненых с

¹ ГАРФ, ДПОО, 1916. Д. 9. Ч. 25, литера Б. Л. 8–8 об.

² Устав Сибирского Общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Пг., 1915. С. 7.

³ Жизнь Алтая (Барнаул), 1914, 12 ноября.

⁴ Сиб. жизнь (Томск), 18 ноября; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 202.

⁵ Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 180.

⁶ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 169.

*Военный лазарет 4-го Сибирского стрелкового корпуса
(из коллекции Новосибирского краеведческого музея)*

поля боя, оказания им первой медицинской помощи и доставки в ближайший лазарет. Всего к середине 1915 г. на фронте действовало 6 передовых врачебно-питательных отрядов Сибиртета, в том числе третий имени города Новониколаевска и четвертый имени города Томска. Уполномоченным комитета в третьем отряде являлся В. Н. Пепеляев. Формирования получали собранные на родине в виде пожертвований белье, папиросы, портянки, перчатки и т. д. Томским отделом общества с момента открытия и по 1 октября 1915 г. было собрано 61 466 руб. 13 коп., из них переведено на нужды врачебно-питательного отряда 44 943 руб.¹ В конце 1915 г. из 4-го передового врачебно-питательного отряда имени города Томска выделился еще один, а именно 11-й.

Вслед за Сибиртетом формированием врачебно-питательных отрядов занялись сибирские города, члены Всероссийского союза городов, создавшие к началу 1916 г. 7 подобных формирований. Например, весной этого года из Томска отправился на фронт отряд имени служащих Томской железной дороги под руководством уполномоченного, сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова. В его состав входило 66 чел. команды, 5 чел. персонала и 70 лошадей. 15 декабря 1916 г. Гребенщиков сообщал Г. Н. Потанину: «Походы совершаем при условиях весьма нелегких. Теперь стоим на вершинах Карпат и раненых возим исключительно вьючными носилками. Для меня, человека горного,

---

¹ Там же. С. 171.

алтайского, много привычного»¹. Через газету «Жизнь Алтая» он обратился к землякам с просьбой собирать подарки для фронтовиков².

Следующим направлением заботы о раненых стало оказание им помощи при возвращении домой для долечивания и восстановления сил. Только по Томской губернии к весне 1915 г. к числу выбывших из армии по ранению относилось около 4 тыс. военнослужащих, призванных отсюда³. Примерно тогда же барнаульский городской голова А. А. Лесневский в обращении к жителям отмечал: «До настоящего времени через Барнаул прошло более 600 раненых, из которых многим была оказана временно медицинская помощь, но с открытием навигации число проходящих раненых, требующих медицинской помощи, несомненно увеличится. Спустя некоторое время многие из них, повидавшись со своим родными, вернуться в Барнаул для долечивания своих ран»⁴. Применительно к Иркутску 26 января 1915 г. И. И. Серебренников писал: «В городе появляются больные и раненые воины, возвращающиеся с театра войны. В связи с этим местный Комитет Союза городов усиливает свою деятельность, изыскивая средства для организации помощи жертвам войны»⁵.

Наиболее распространенной формой помощи раненым и увечным становится организация питательно-остановочных пунктов в городах и на крупных железнодорожных станциях. В декабре 1914 г. подобного рода заведение на 50 чел. открыли в Томске в помещении «безвозмездно уступленном во временное пользование» купцом 1-й гильдии И. И. Гадаловым. До июля 1916 г. через него прошло 1543 чел., которые провели здесь 4447 дней. «Пищевое довольствие» получили 3447 чел. Еще 126 раненым в остановочном пункте оказали медицинскую помощь»⁶. В Иркутске через приют для раненых и больных воинов при местном комитете Союза городов с июня 1915 по июнь 1916 г. прошло 1300 чел., проведших здесь 7376 дней⁷. Канский отдел Сибиртета за первую половину 1915 г. выделил суточные 195 раненым. «Осуществлялась организация отправки домой раненых и больных воинов. Для этого отдел имеет особую квартиру для ночлега, поют чаем с сахаром и на дорогу дают кормовые 50 коп. на каждые 50 верст. Квартиру бесплатно предоставил городской голова Т. Д. Леонов»⁸.

Своеобразную программу действий в отношении изучаемого контингента сформулировал съезд представителей городов Енисейской губернии 15 июня 1915 г. в специальной резолюции «Помощь больным и раненым войнам».

---

¹ Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул, 2008. С. 79.

² Жизнь Алтая, 1916, 19 июня.

³ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 157.

⁴ Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 379.

⁵ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 85.

⁶ Еремин И. А. Указ. соч. С. 177.

⁷ Романов Н. С. Указ. соч. С. 222.

⁸ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 88 об.

Надпись внизу плаката:

*«Пожертвования
принимаются в
Центральномъ комитетѣ
(Петроградскій
почтамтъ) и во всехъ
учрежденіяхъ Почтово-
Телеграфнаго вѣдомства»*

Прежде всего «необходимо внушить пострадавшим воинам, способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от труда и не рассчитывали исключительно на благотворительную помощь, которая может быть лишь временной». Поэтому «пособия выдавать лишь временно, до приискания места, или восстановления трудоспособности, для утративших же совершенно трудоспособность учредить в Красноярске убежище, составить проект и смету на него и выработать устав». Наконец, обращалось внимание на необходимость организации санаторно-курортного лечения и с этой целью предполагалось существенно расширить санаторий Сибиртета на озере Шира «не менее как на 100 кроватей, из них 80 кроватей для нижних чинов и 20 кроватей – для офицеров и врачей, для чего построить четыре барака, из них 2 зимних и 2 летних и собственные ванны»¹.

¹ Там же. Л. 40.

Периодически находившиеся в тылу проходили переосвидетельствование при местных лазаретах на предмет годности к военной службе. Так, 22 ноября 1917 г. в «Список эвакуированных солдат, бывших при комиссии при Барнаульском местном лазарете признанных годными и отправленными в распоряжение командира 38-го Сибирского стрелкового запасного полка» было включено 82 чел. «из различных полков, дружин и батальонов русской армии», в том числе из 12-ти сибирских стрелковых полков, 12-й Сибирской артиллерийской бригады, 1-й гвардейской артиллерийской бригады, штурмового батальона смерти и ряда пехотных полков. 15 декабря там же комиссия признала годными 36 чел. из 12-ти сибирских стрелковых полков, 1-го Туркестанского, 24-го Финляндского, 105-го Оренбургского, 120-го Серпуховского, 132-го Бендерского, 133-го Симферопольского, 277-го Переяславского пехотных полков¹.

Для возвращающихся с фронта домой военнотружущих требовалось белье, а зимой – теплая одежда. Поэтому новониколаевский городской голова А. Г. Беседин 20 декабря 1914 г. обратился к горожанам с призывом: «Граждане, жертвуйте на помощь раненым воинам русской армии. Каждая лишняя ваша посылка в сегодняшний день, каждый лишний рубль, каждый двугривенный, опущенный в кружку, которыми будут снабжены извозчики, даст возможность приобрести для воинов лишнюю смену белья. Помните, что только дружная поддержка всей страны поможет выйти с честью из ниспосланного родине испытания»².

Для инвалидов в Томске и Новониколаевске началось строительство специальных домов. В Томске его открытие состоялось летом 1916 г. В Новониколаевске закладка аналогичного сооружения произошла в торжественной обстановке 5 июня 1916 г. В фундамент поместили медную закладную доску, с указанием, что Дом инвалидов строится «Обществом увековечения памяти героев великой мировой войны, возникшем в 1914 году». Здание было достроено в первой половине 1920-х гг. (ныне Дом офицеров)³. В августе 1916 г. открыли приют для безногих воинов в Иркутске, в декабре того же года здесь достраивали областной инвалидный дом⁴.

В сентябре 1914 г. центральный Александровский комитет попечения о раненых выступил с инициативой увековечения памяти «жертв войны». Предлагалось умерших в госпиталях, больницах и лазаретах в отдельно взятых городах хоронить на определенном кладбище на специально отведенном месте «с сооружением на них часовен, крестов, памятников и проч., дабы такие особые братские кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенные решеткой, служили напоминанием последующим

---

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 39. Л. 755, 965.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 91.

³ Еремин И. А. Указ. соч. С. 182.

⁴ Романов Н. С. Указ. соч. С. 223, 228.

поколениям о жертвах Великой Европейской войны». В Новониколаевске в январе 1915 г. городская дума создала специальную комиссию, с включением в нее представителей православного, лютеранского, старообрядческого, мусульманского, иудаистского духовенства, для организации подобного захоронения. 4 февраля того же года муниципалитет отвел землю под братское кладбище, на котором было похоронено более 700 воинов русской императорской армии, скончавшихся в медицинских учреждениях города ¹.

В отличие от предшествующих войн, еще до начала Первой мировой 25 июня 1912 г. принимается закон «О призрении нижних чинов и их семейств» под юрисдикцию которого попадали все категории призванных в армию. Их родственникам (жены, дети, отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры), «если эти лица содержались трудом ушедшего на войну», полагалось «получение продовольственного пособия деньгами, независимо от материального положения семьи». Размер пособия исчислялся из стоимости продовольственного набора («потребительской корзины») на одного человека в месяц, включающего 1 пуд 28 фунтов (27,45 кг) муки, 10 фунтов (4,09 кг) крупы, 4 фунта соли и один фунт постного масла. Детям до 5-летнего возраста

¹ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. С. 44–45.

полагалась половина пайка, достигшие 17-летнего возраста его не получали. Стоимость продуктового набора определялась губернскими (областными) управлениями и ежегодно 1 сентября, а также при существенном росте цен, пересматривалась. Первая выдача пособия производилась после обследования на месте наличного состава семейства¹.

С началом войны 29 августа 1914 г. последовал указ «О порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную службу».

Составлением списков льготников должны были заниматься в сельской местности специально созданные для этого волостные попечительства или волостные старшины, в городе – городские управы или особые исполнительные комитеты или городские попечительства. Еще одним указом от 9 августа того же года «Об обеспечении семейств, призванных на военную службу вольнонаемных служащих» государство взяло на себя содержание семей чиновников. Размер ежемесячного пособия зависел от состава семьи. Полный оклад полагался жене и пяти детям, при наличии трех детей выплачивали две трети оклада, только одной жене или престарелым родителям полагалось половина месячного оклада призванного чиновника. Кроме того, семью увечного воина до назначения ему пенсии местные власти должны были обеспечивать продовольственными пайками.

Всего по Российской империи государственные расходы на солдатские пайки выросли со 190,6 млн руб. в 1914 г. до 1106,8 млн руб. в 1916 г. Если говорить о Сибири, то осенью 1914 г. количество пайков составляло 26 269 на сумму 236 823 руб., то осенью 1916 г. – уже 111 215 на 1 457 875 руб.²

В особо трудном положении оказались, как правило, не работающие жены призванных в армию горожан, оставшиеся без средств к существованию. Уже 16 августа 1914 г. в Иркутскую в городскую управу «явилось более 200 солдаток за пособием; подняли отчаянный шум, почти бунт, осадили кабинет городского головы, требуя немедленной выдачи пособий». Его сумма на взрослого члена семьи устанавливалась в 2 руб. 64 коп. в месяц³. Уже 24 августа того же года здесь Знаменское попечительство о бедных открыло бесплатную столовую для детей призванных, 28 августа начал работать приют-ясли для детей этой же категории лиц⁴. Кроме того, в течение второй половины 1914 и всего 1915 гг. непрерывно собирали средства и проводили платные мероприятия (концерты, спектакли, базары), отчисляли однодневные заработки, собирали теплые вещи в пользу увечных воинов и семей запасных.

---

¹ Почеревин Е. В. Общественная помощь сельским солдатским семьям в Алтайском округе Томской губернии в годы Первой мировой войны // «Это нашей истории строки». Барнаул, 2012. С. 36.

² Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 259, 258.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 27, 30.

⁴ Романов Н. С. Указ. соч. С.195.

Только в июле 1915 г. городским попечительством было выдано 4864 пособия семьям нижних чинов на общую сумму 14 355 руб.¹

О том, как осуществлялась помощь солдаткам, и какие при этом возникали проблемы, можно судить по материалам Енисейского губернского комитета Всероссийского союза городов за 1915–1916 гг. На упоминавшемся выше съезде представителей городов территории 16 июня 1915 г. разгорелась даже дискуссия о целесообразности пособий. Красноярский городской голова С. И. Потылицин «отмечал развращающее влияние благотворительной и денежной помощи, отучающей от работы. Солдатки предпочитают бездельничать и получать небольшую помощь, нежели работать. В городе, например, громадный недостаток прислуги, а из солдаток, за редким исключением, никого нельзя нанять». Ему возразил глава минусинского муниципалитета П. А. Бахов, указавший на то, «что нежелание солдаток идти в прислуги отчасти понятно. Люди, жившие ранее самостоятельно, на положении хозяев, вполне понятно, избегают перейти на положение прислуги». Съезд предложил городским общественным самоуправлениям губернии «организовать при попечительствах швейные, чулочные, шляпные, прачечные и другие мастерские, а также способствовать организации их частными предпринимателями»².

Конкретно по городам ситуация выглядела следующим образом. В Ачинске с августа 1914 по июнь 1915 г. собрано на семьи призванных 3918 руб. 18 коп., в том числе от муниципалитета – 1 тыс. руб. Выдано пособий из расчета 1 руб. на душу в месяц на 3751 руб. Женам-одиночкам, за исключением нетрудоспособных, деньги не выдавались. Количество семей,

¹ Там же. С. 206.

² ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 48 об., 49 об.

получающих денежный эквивалент пайка, выросло со 107 (263 души) в сентябре 1914 г. до 169 (483 души) к маю 1915 г. Кроме того, действовал приют-ясли, который посещало 60 детей фронтовиков. Дети-школьники получали обед, им сшили зимнее пальто, купили валенки, учебные пособия. В Минусинске казенное пособие с августа 1914 г. получало 200 семейств (537 душ), к июню 1915 г. их количество увеличилось до 367 (1035 душ). Созданный 31 июля 1914 г. при городском управлении Комитет по оказанию помощи семействам призванных, собрал за отчетный период 9458 руб. 52 коп. Пособие выдавалась в размере одного рубля в месяц на взрослого и 50 коп. – на ребенка; кроме того, компенсировали квартирные в размере 3 руб. Семьям воинов отсрочили срок взноса городских платежей и освободили от платы за выпас скота¹.

В Канске функционировали организованные после начала боевых действий Комитет по призрению семей, отделение Сибиртета и отдел Союза городов. Местное мещанское общество в августе 1914 г. ассигновало 1200 руб., которые были потрачены на уборку полей у призванных в армию мещан и в качестве пособия для их семей. В январе 1915 г. общество вновь выделило на эти цели 1200 руб. Три местных торгово-промышленных фирмы: А. А. Филимонова, Торговый дом К. Чевелев и Сыновья и В. С. Лобанова семьям мобилизованных служащих установили пособие в размере половины их окладов содержания. Собрано пожертвований на 9593 руб. 3 коп., израсходовано на пособия 7528 руб. Поступило вещами от Канского, Рыбинского, Абаканского и Уярского дамских кружков: рубашек – 397 штук, кальсон – 376, простыней – 255, наволочек – 408, пододеяльников – 181, полотенец – 241, портянок – 58, холста – 12 аршин².

В Енисейске с августа 1914 по июнь 1915 г. собрано разными благотворительными организациями 12434 руб. 97 коп. Наконец, в губернской столице за исследуемый период собрали 25685 руб. 77 коп. Размер пайка установлен в 2 руб. 3 коп. Выдается и гражданским женам и детям. В мае 1915 г. на пособия из казенных средств израсходовано 3716 руб. 44 коп., из благотворительных – 2718 руб. 18 коп. «Казна предусматривает лишь один паек, попечительство же идет дальше и, считаясь с наличной нуждой, оказывает разнообразную помощь в виде квартирного пособия, снабжения одеждой и пр.». На 1 июня 1915 г. в Красноярске зарегистрировано на получение пособия 1212 законных и 125 гражданских семей³.

Соотношение правительственной (казенной) и благотворительной помощи в Барнауле выглядело следующим образом: к 1 октября 1915 «казенным» пособием обеспечивалось 2395 солдатских семей (7233 чел.), городским сверх этого 1255 семей (4953 чел.). С начала войны до 1 ноября 1915 г. «казенное пособие» выдали на 133 332 руб., от городского попечительства – на 33 356 руб.

---

¹ Там же. Л. 77–78, 81–84.

² Там же. Л. 85–87.

³ Там же. Л. 90, 100–104.

Кроме того, пособие выдавалось дополнительно беднейшим на наем жилья и отопление и разовое в случае болезни, смерти, выезда за пределы города. Принимались меры к трудоустройству жен призванных, в частности открыли швейную мастерскую¹.

Для муниципалитетов помощь малоимущим семьям призванных в армию являлась серьезной проблемой. Если при размещении «гостей» (беженцы, раненые, военнопленные, российские военнослужащие) проблема заключалась в значительности единовременных расходов на строительство и переоборудование помещений, то при обеспечении семей – в регулярности

¹ Еремин И. А. Указ. соч. С. 150, 151.

расходов. Объем ежемесячной помощи отдельно взятой солдатке ограничивался несколькими рублями, зато нуждающихся было много. Любую среднестатистическую семью в Сибири, лишившуюся кормильца, можно было считать малоимущей, поскольку большинство женщин в городах не имели самостоятельного заработка. Огородничество, домашнее производство обычно не носило товарного характера и денежных доходов не давало. Если женщина и трудилась, то даже на одинаковой с мужчинами работе получала на 30–50 % меньшую зарплату. Не случайно вдовы однозначно зачислялись исследователями в самую малообеспеченную группу горожан¹.

Обязательное участие городского общественного самоуправления в деле помощи семьям призванных определялось еще вышеупомянутым законом от 25 июня 1912 г. В первые дни войны городские думы создают соответствующие организации (комиссии, отделы), которые выдавали казенные пособия, организовывали бесплатное питание, трудоустраивали, организовывали оказание медицинской и юридической помощи. Поскольку казенного пособия хватало лишь для минимального удовлетворения потребностей в продуктах, городские власти региона стали выдавать нуждающимся дополнительные пособия, в частности на оплату жилья. Оценить весомость собственно муниципальных расходов по отношению к государственным можно на примере Омска. На помощь семьям военнослужащих здесь до 1 декабря 1914 г. потратили 82,5 тыс. руб., в том числе 52,6 тыс. – за счет казны, 12 тыс. городских и 18 тыс. руб. частных пожертвований². Впрочем, экономить на семьях призванных государство начало еще раньше, чем на беженцах³: в феврале 1915 г. казенного пособия лишили внебрачные (гражданские) семьи. Но, в ряде сибирских городов, в том числе в Омске, его решили сохранить за счет муниципалитетов. В том же Омске при исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных действовали школьный отдел (помощь учебными принадлежностями, одеждой, школьные завтраки), юридическое бюро (советы по исковым заявлениям составлению разного рода прошений), бюро труда. Они не только занимались посредничеством при поиске работы, но создавало собственные мастерские, в частности, швейные на 500 чел.

В целом, в 1916 г. в Иркутской губернии денежную помощь получало 82,7 % семей солдат и инвалидов, 22,8 % – не имеющих крупного рогатого скота, 12,8 % – безлошадных⁴. «Тем не менее перечисленные меры были явно недостаточны для заметного улучшения материального положения солдатских семей в регионе, – обоснованно считает И. А. Еремин. – Не смог

---

¹ Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 224–232.

² Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). Рукопись диссертации кандидата истор. наук. Омск, 2002. С. 80.

³ Там же.

⁴ Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 258.

*«Прежде веселили –
теперь защищаем.*

*Жертвуйте семействам
павших воинов-артистов
варьете и цирка»*

*(плакат Российского
общества артистов
варьете и цирка)*

повлиять на изменение ситуации к лучшему и дважды повышаемый в течение 1916 г. [Томской. – М. Ш.] губернской администрацией размер пайка. На рубеже 1916/17 гг. недовольство этой огромной по численности группы населения губернии заметно нарастало»¹. Солдатки в этой ситуации начинают демонстрировать проявления девиантного поведения. Отслеживавший ситуацию в Иркутске, И. И. Серебренников уже 8 августа 1914 г. фиксировал: «Солдатки сегодня целыми толпами осадили Управу и требовали пособия. Одна из солдаток заявила городскому голове: «Хорошо вам рассуждать, вы нажрались, а мы вот ничего еще сегодня не ели!»².

Организация социальной поддержки семей призванных в сельской местности имело свою специфику. Уже в первые дни войны томский губернатор предложил крестьянским начальникам организовать на их участках общественную помощь по уборке урожая тем семьям запасных, где не осталось годных работников³. Поскольку многие хозяйства поддерживались

¹ Еремин И. А. Указ. соч. С. 163.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 24.

³ Почервин Е. В. Указ. соч. С. 38.

трудом женщин, подростков и стариков, сельские общества старались им помочь, собирали деньги на наем рабочей силы, организовывали «помочи» в уборочную страду. Так, сход Шадринского сельского общества Барнаульского уезда Томской губернии приговорил оказать помощь в уборке урожая 43 «особо нуждающимся» семьям запасных и ополченцев с общей площадью посевов 73 десятины¹.

Вместе с тем, родственники призванных оказывались в тяжелом материальном положении из-за бюрократической неразберихи, длительной процедуры назначения пособия (пайка) только после проведения обследования материального положения семей и зависел от числа ее членов, состояния хозяйства, что фиксировалось в специальной оценочной ведомости. В качестве примера можно привести результаты такого обследования, произведенного 15 октября 1914 г., хозяйства ратника ополчения Ф. Г. Сысоева из д. Мусохрановой Касьминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии и оцененного в 130 руб.: две лошади – 45 руб., корова – 25 руб., две овцы – 5 руб., дом – 55 руб. Поскольку он был единственным кормильцем, его жену и двоих несовершеннолетних детей признали нуждающимися в помощи и включили в списки на получение пайка².

В особо трудных условиях оказались престарелые родители фронтовиков. Казенное пособие в полном объеме полагалось только престарелым, проводившим в армию неженатых сыновей, остальным полагалось только половина пайка и возможная помощь со стороны благотворительных организаций. Поэтому к томскому губернатору 25 января 1915 г. обращается крестьянин из деревни Кемеровой Вознесенской волости Кузнецкого уезда В. В. Щербаков: «Имея двух сыновей, которых по мобилизации в 1914 году взяли на военную службу, находятся в действующей армии, я уже имея от роду 75 лет и не имея способности к физическому труду, несколько раз обращался к благотворительному комитету о призрении семей запасных и по сие время нет никаких результатов и поэтому осмелюсь просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение о выдаче мне преклоннолетнему старику для пропитания полагающего пособия со дня взятия моих сыновей»³.

Постепенно недовольство перерастает в открытые протестные акции. В Новониколаевске 5 июня 1915 г. примерно 500 солдаток, примкнувших к ним горожан и военнослужащих, собрались у городской управы и потребовали выдачи пособий. Солдатки, согласно полицейскому донесению, «держались весьма враждебно», вынесли закрытую дверь в кабинете городского головы и

---

¹ Полуаршинов А. В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Автореф. диссерт. канд. истр. наук. Омск, 2005. С. 20–21.

² Кузнецова Л. Ф. Социальная помощь населению Кузнецкого уезда в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Балибаловские чтения. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 25.

³ Там же. С. 26–27.

вызванному наряду полиции во главе с полицмейстером «с трудом» удалось навести порядок. Городской голова А. Г. Беседин заявил, что эксцесс произошел «не на почве материальной нужды, а, наоборот, от усиленного дармового пайка, который, с одной стороны, приучил солдаток к праздности и лености, а с другой, породил и укрепил у них полную уверенность в том, что их лично и их семьи Правительство и Общество обязаны содержать, не взирая ни на какое имущественное состояние солдатской семьи. А поэтому они не просят, а требуют. Доказательством чему служит, между прочим, то обстоятельство, что, как только началась выдача казенных и частных денежных пособий, в городе трудно стало найти женскую рабочую силу: нет прачек, нет кухарок, горничных, работниц, швей и даже простой поденщицы». Напуганная городская управа спешно изыскала средства на выдачу пособий¹.

В 1916 г. происходит эскалация протестных акций солдаток. В Мариинске 4 января они, явившись в городскую управу, также начали требовать выдачи пособий. Причем одна из протестанток Василиса Крылатых заявила, что «все равно, если следуемые нам деньги не выдадут, то управа в казну их не вернет, а разложит себе по карманам». Уже в июне городской голова сообщал, что ежедневно к зданию управы приходят солдатки в количестве 10–20 человек и требуют денег². В феврале произошел первый «сахарный бунт» в Томске, а в марте солдатки опять угрожали начать погром лавок. 20 мая в Бийске они, вместе с призывниками, «насильственным путем» забирали товары. Во время массовых беспорядков в Новониколаевске 9 ноября 1916 г., на которых остановимся ниже, громадная толпа, смяв заслон полицейских и военных, стала расхищать товары и грабить магазины. В ходе бунта растащили до 400 пудов сахара и товаров на 10 тыс. руб. Задержали 74 участника беспорядков, в том числе 54 женщины³.

§ 2. Военнопленные, беженцы, выселенцы

Следствием войны стало появление за Уралом беженцев, выселенцев, интернированных и военнопленных. Аресты и высылки подданных Германии и Австро-Венгрии начались на основании циркуляра Главного штаба от 25 июля 1914 г. Под акцию попадали все лица призывного возраста, а также заподозренные в шпионаже, не взирая на пол и возраст с целью «предотвращения массового выезда за границу и вступления в ряды враждебных армий». В служебной переписке их называли «военнообязанными». В последующем началось выселение немцев из Царства

---

¹ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Указ. соч. С. 223; ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизводство, 1914. Д. 141. Ч. 77. Л. 2–3.

² Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 289–290.

³ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 177–178; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 87; Шиловский М. В. «Сахарный бунт» 9 ноября 1916 г. // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2002. С. 757.

Польского, а также болгар. Всего к началу войны в России проживало приблизительно 250 тыс. граждан Германии и 80 тыс. граждан Австро-Венгрии, которых интернировали и сослали. К ним нужно добавить 11,1 тыс. чел. депортированных из Восточной Пруссии после прихода сюда русских войск¹.

Согласно официальным данным, к концу 1917 г. в России находилось 2 112 648 военнопленных из блока Центральных держав, из них военнослужащих австро-венгерской армии (австрийцы, немцы, чехи, поляки, венгры) насчитывалось 1 876 038 чел., германской – 186 347, турецкой – 64 509, болгарской – 670 чел. Помимо немцев, австрийцев и венгров наиболее многочисленной группой пленных являлись поляки – около 150 тыс. чел.²

Первые команды пленных прибыли в Курган 2 сентября 1914 г., в Тобольск 7 сентября, в Тюмень и Семипалатинск – 9 сентября, в Омск – в конце октября. В феврале 1915 г. в Тобольске находилось 720 «военнообязанных», в Тюмени – 154 чел., не считая членов их семей³. Под впечатлением первых встреч с австрийцами и немцами 5 ноября 1914 г. И. И. Серебренников записал в дневнике: «Пленные хвалят русских за хорошее к ним отношение, в особенности они поражены добродушием русских солдат, встречавшихся им по пути, на Сибирской железной дороге, и снабжавших пленных провизией, табачком и пр. «Keine Feinde! Keine Feinde! [Не враги! Не враги!], – повторяли они. Они удивляются беспредельному простору Сибири и России вообще. Поражало их и то, что по пути, чуть ли не в каждом городе, они встречали много солдат, и что в России не замечается отсутствие мужчин. Они констатируют дешевизну жизни в Сибири: шутка ли, «целый» заяц стоит здесь только 20 копеек, и целыми связками они тащат зайцев в свои казармы»⁴.

К январю 1915 г. в регионе находилось 186 тыс. военнопленных, к лету того же их численность достигла пика в 353 тыс. чел. В зиму 1915/16 гг. они распределились следующим образом: в Тобольске, Тюмени и Кургане по 5 тыс. чел., Новониколаевске – 12 тыс., Омске – 14 тыс., Барнауле – 2,5 тыс., Томске – 5,2 тыс., Красноярске – 13 тыс., Иркутске и Верхнеудинске – по 8 тыс., Троицкосавске – 6,7 тыс., Чите – 32,5 тыс., Сретенске – 11 тыс. чел. На январь 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199 077,

---

¹ Шлейхер И. И. Военнопленные первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. Ч. 1. С. 88.

² Карпус З. Лагерь для военнопленных солдат из блока Центральных держав во время Первой мировой войны в Сибири (до 1919 г.) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог. Материалы Международ. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 350, 351.

³ Загороднюк Н. И. Депортация населения в годы первой мировой войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень, 1998. С. 92.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 62.

Пленные австрийцы (из коллекции Новосибирского краеведческого музея)

Иркутского – 135 594 военнопленных, размещенных соответственно в 28 и 30 концентрационных лагерях¹.

Первой проблемой, с которой столкнулись военные и гражданские власти в Сибири после прибытия первых эшелонов с военнопленными – катастрофическая нехватка помещений для их размещения. Площадей не хватало для своих военнослужащих. Городским властям, которых военные обязали изыскать жилье, приходилось проявлять чудеса изворотливости для того чтобы разместить всех прибывших, тем более в предверии и во время суровой сибирской зимы. В Томске в сентябре 1914 г. 1200 пленных разместили в Доме науки, в Новониколаевске использовали для этого закрытые в начале войны дома терпимости. В Омске «австрийцев», как называли военнопленных сибиряки, первоначально разместили на скотобойне, в цирке, в ветеринарной лаборатории, переселенческих бараках, после запрещения торговли спиртным – в казенных пивных и винных лавках, всего в 41 здании, малопригодном для проживания². За городами сооружались примитивные лагеря, представляющие из себя комплексы гигантских землянок, глубиной до двух метров.

¹ Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 599.

² Селюк В. И. Военнопленные Первой мировой... // Омский краевед, 2012, № 5. С. 14.

Со временем началось строительство специальных концентрационных лагерей. Так, в Омске в начале 1915 г. городские власти, ответственные за расквартирование военнослужащих, использовали для развертывания лагеря комплекс сооружений бывшей Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставки. Павильоны утеплили, а когда их стало не хватать, устроили еще один концентрационный лагерь, построив 17 деревянных бараков, вместимостью 500 чел. каждый. Под застройку на окраинах городов отводились участки земли в 12–14 десятин, на которых возводились деревянные бараки на 500 чел. при общей численности обитателей лагеря в 10 тыс. чел. В бараках сооружались двух-трех ярусные нары, умывальники, отгораживались помещения для охраны. В каждом лагере имелись пищеблоки, хлебопекарни, бани, продовольственные лавочки, емкости с кипятком. Комплексы сооружались по стандартному плану, утвержденному военно-инженерным управлением. Стоимость строительства одного такого лагеря составляла около 250 тыс. руб.

В утвержденном императором Николаем II в октябре 1914 г. «Положении о военнопленных» Российская империя обязывалась соблюдать принципы Гагской конвенции 1907 г. о гуманном обращении с пленными. Они квалифицировались как «законные защитники своего отечества», с которыми необходимо «обращаться человеколюбиво»: не обременять «изнурительной» работой, не причинять «обид и притеснений», полностью выдавать «положенное им довольствие». А пищевой рацион пленных включал ежедневно обед из щей или супа с 0,25 фунтами мяса, 3 фунта хлеба, 6 золотников сахара, 0,43 золотника чая, крупу, картофель, капусту. По мере затягивания войны, шло сокращение норм питания и согласование их с котловым довольствием русских военнопленных в Германии. В частности, суточная норма выдачи хлеба в 1915 г. по сравнению со второй половиной 1914 г. сократилась с 1230 до 825 гр., мяса с 205 до 100 гр., вместо похлебки на мясном бульоне и овощах выдавали пустые щи в половинном размере от нормы 1914 г., на 50 % сократилась норма выдачи каши и макаронных блюд, были введены два рыбных дня в неделю¹.

Предусматривалась выдача комплекта верхней одежды и белья. Раз в две недели полагалась баня. Необходимое можно было приобрести в лагерной лавочке. Офицерам полагалось ежемесячное 50-рублевое пособие. Сидельцы могли получать денежные переводы из дома через Красный крест. Противоборствующие стороны признавали за оказавшимися в плену офицерами, классными чиновниками, курсантами право на уважительное отношение и пристойные условия содержания. Поэтому они размещались в отдельных лагерях или в отдельных от солдат помещениях. В малых городах допускалось их поселение вместе с денщиками на частных квартирах. С точки зрения национальной принадлежности, лучше относились к австрийцам и славянам. Немцев и турок отправляли в Приамурье, Забайкалье. Венгры и

---

¹ Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 310.

Открытка военнопленного. Из коллекции Куйбышевского краеведческого музея, г. Куйбышев (бывший Каинск) Новосибирской обл.

австрийцы попадали в Иркутскую и Енисейскую губернии, чехи, поляки, русины и прочие славяне размещались в Западной Сибири¹. Так, в Томске на середину марта 1916 г. насчитывалось 525 военнослужащих австро-германской армии польской национальности. С начала войны русские власти приняли решение об облегчении положения военнопленных славян, эльзасцев, румын и итальянцев. Во исполнение его томский уездный воинский начальник приказом от 26 октября 1914 г. разрешил им отлучки в город без конвоя (для офицеров до 9 часов вечера), освободил от принудительных работ, они получили право заниматься на казенные, общественные и частные работы по соглашению с работодателями. Находясь в городе, пленный должен был иметь нарукавную повязку с литерами «В. П.» и не имел права посещать театры, клубы, библиотеки, кафе, кондитерские, кинематограф².

За нарушение лагерного режима полагались разнообразные, в том числе коллективные, наказания, предусмотренные правилами внутреннего распорядка (арест) и придуманные лагерной администрацией (сокращение норм питания, длительное стояние, коленопреклонение на горохе и т. д.). Наказания зачастую назначались произвольно, по надуманным поводам.

¹ Шлейхер И. И. Указ. соч. С. 64.

² Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2010. С. 216, 217.

Н. В. Греков установил, что в Омске только в октябре 1916 г. наложили взыскания на 32 офицера и кадета из местного концлагеря. Наиболее частые наказания – трое суток ареста накладывались «за усиленное неотдание чести» и «неповиновение». Поручики Л. Шеллер и Ф. Кене получили взыскания за варение кваса, поручики К. Бюлов и Г. Фольк – за «неоднократное питье чая», а штабс-капитан Ф. Цегентер попал под арест за курение папиросы в присутствии начальника бригады. Наибольшее наказание – 30 суток ареста – офицерам полагалось за попытку побега¹.

Ну, это, так сказать, официальная сторона изучаемого явления. Перефразируя известное выражение в отношении мягкости российского законодательства и жесткости, и даже свирепости, в его исполнении, следует сказать, что реальная повседневность пребывания военнопленных в Сибири, как, впрочем, в России в целом, была гораздо хуже. Наиболее распространенными негативными проявлениями ее были полуголодное существование из-за разворовывания части продовольственного пайка, низкое качество приготовляемой пищи, физические наказания, перерастающие в истязания, издевательство охраны и лагерной администрации, разворовывание средств, выделяемых в качестве пособия, ужасные условия содержания, низкий уровень медицинского обслуживания, хроническое нарушение даже минимальных санитарных норм и требований.

В качестве иллюстрации сошлюсь на дневник немецкого военнопленного, а впоследствии известного писателя Эдвина Эриха Двингера (1898–1981), попавшего в плен в 1915 г., а в 1916–1918 гг. находившегося в Сибири (под Иркутском, в Забайкалье). Вот первые впечатления о лагере на окраине Иркутска: «Комендант этого лагеря кажется порядочным человеком. Проезжая верхом по лагерю, он по военному отвечает на наши приветствия. Это уже много, ибо большинство русских офицеров лишь коротким движением прикладываются к фуражкам, что скорее является выражением их пренебрежения и божественной недостижимости, нежели ответом на приветствие. Вопрос заключается и в том, что эти люди еще не усвоили, что означает в принципе быть офицером, еще не понимают, что ношение формы, независимо от национальности, обязывает отвечать на приветствия. Но нам ничего не остается, нас накажут, если мы не станем этого делать.

В остальном и здесь как везде. Корректное отношение коменданта без всяких слов побуждает солдат подражать ему. Я вижу, как часовые улыбаются мне, даже перебрасываются со мной парой слов, когда я прохожу мимо них. Злоупотребления властью случаются редко, жестокостей почти не бывает. Наш конвой почти полностью состоит из пожилых крестьян с окладистыми бородами и священников с водянисто-голубыми детскими глазами, которые воспринимают войну как несчастье, пока их не натравили – в качестве наказания германских варваров, поджигателей мировой войны,

---

¹ Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 167.

Открытка Первой мировой. («Уж ледящие вы все, // Далеко до наших. // Не сравниться колбасе // С русской черной кашей»)

пока их не заразили. После пары фраз узнаешь, кто читает газеты, а кто читать не умеет вообще. «Вы, гунны, одни виноваты во всей войне», – говорят одни. «Вы не виноваты, как и мы, в этом так же мало вашей вины, как и нашей!» – говорят другие»¹.

Ну, а дальше зарисовки лагерного быта. После очередной инспекции, которой предшествовало наведение порядка в лагере, «наши больные появляются снова, кухня зарастает своей обычной грязью, вместо положенного мяса нас кормят головами, копытами и гениталиями. Отхожие места хлоркой больше не посыпаются». За попытку пожаловаться на отвратительные условия содержания последовала массовая порка: «Мы строимся, 300 человек. Пятьдесят казаков стоят в две шеренги, длинные нагайки в руках. Комендант на коне перед ними, в 20 шагах унтер-офицер для надзора. Позади два взвода нашего конвоя с заряженными ружьями у ноги, опоясанные патронташами... Свистит и шлепает. На наши худые спины падают огненные стрелы. Я не могу быстро бежать, раненая нога не позволяет. Я отчетливо чувствую запахи, исходящие от казаков, – пота и кожаной амуниции. Туманно слышу их дикие вскрики, гортанные клики. В ушах гудит, словно я болен. Поскольку из-за хромоты я топчусь на месте, то

¹ Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. (пер. с немецкого). М., 2004. С. 168–169.

получаю гораздо больше ударов, чем, скажем, Артист, который летит по коридору, как борзая...»¹.

Но больше всего невольных обитателей сибирских концентрационных лагерей поражал уровень коррупции должностных лиц, который напрямую отражался на их положении. «Сегодня я слышал, – записывает респондент, – будто у офицеров в соседнем лагере гораздо хуже, чем у нас. Им не выдают содержания уже два месяца, в начале третьего выдали квитанцию на причитающуюся сумму и при этом сказали, что все сполна получили, тогда вам выдадут 75 % от нее! Когда они отказались, им не выдали ничего и за третий месяц. Что, в конце концов поделаешь, если должен содержать себя на свои деньги, а ничего не получаешь? «Хорошо, мы согласны!» – наконец вырвали у них голодом. Пару дней назад они должны были получить свои деньги, но теперь расписка всего содержания была уже за 50 %». Или другой пример, который автору поведал австрийский офицер: «В моем прежнем лагере комендант по приказу генерала был обязан возвести вокруг всего лагеря деревянный забор выше человеческого роста. Но как только инспекция отъехала, он приказал забор разобрать, продал весь лес какому-то землевладельцу – а там было несколько составов, на 300 тысяч рублей, – и положил деньги себе в карман. С полгода все было распрекрасно, но генерал неожиданно снова появился с инспекцией. «Куда подевался забор, господин комендант?» – спросил он. «Ах, ваше превосходительство, – отвечал господин, – я не предпринял всех средств, а тем временем каждую ночь исчезали бревно за бревном – военнопленные разбирали его и постепенно сожгли в печах!» И что же нам было за это вранье? Весь лагерь заперли в казармах на два месяца, а комендант наложил на нас сверх того особое наказание – в течение трех месяцев высчитывали с каждого по 20 рублей. Это дало еще 180 тысяч, их он прибавил к прежним деньгам в своем кармане!»².

Теснота, антисанитария, плохое питание способствовали распространению инфекционных заболеваний. Наиболее опасная эпидемия тифа разразилась в начале 1915 г. в Новониколаевске. Ее очагом стал район вокзала из-за большей скученности беженцев, транзитных пассажиров, военнослужащих, военнопленных. Вспышке способствовало антисанитарное состояние города, отсутствие водопровода и канализации, загрязненность помещений занятых перечисленным выше контингентом. В январе 1915 г. заболело 40 чел., в марте – 1170, в апреле их число достигло 1699 чел. Болезнь распространялась прежде всего среди военнопленных. Тифознобольные размещались в двух бараках-землянках: из 1100 больных в одном из них выжило 70, в другом – из 1200 – около 300 чел. В помещениях было тесно и холодно, не хватало питьевой воды. Пытавшихся выйти из них казаки нагайками загоняли обратно. Снег, используемый для получения питьевой воды, был желтым от экскрементов. Каждый третий врач и из числа задействованных в

---

¹ Там же. С. 175–176.

² Там же. С. 170, 246–247.

обслуживании больных умер. Всего в Новониколаевске к июлю 1915 г. сыпным тифом переболело 4083 чел., из них 1249 умерли; холерой, брюшным тифом, дизентерией – около 2 тыс., из них умерли 400 чел.¹

Как видим реальное положение дел в сфере пребывания военнопленных в Сибири в годы Первой мировой войны было далеко от тех буколических описаний, которые встречаются в исследованиях, затрагивающих этот вопрос: и разместили их в соответствии с нормами международного права, и медицинскую помощь оказывали. При этом «наиболее лояльно русские власти отнеслись в это время к военнопленным славянского происхождения, хотя жители региона доброжелательно воспринимали пленных всех национальностей»².

Н. И. Загороднюк отмечает применительно к Тобольской губернии неодинаковое положение славян и немецкоязычных военных. «В своих письмах первые чаще всего отмечали доброжелательное отношение как военных, так и мирного населения: «Пользуемся свободой: посещаем театры, кинематографы, кофейни, рестораны и дома терпимости... Офицеры днем проводят время за шахматами, картами, музыкой, пением, а то просто попивая чай. Военнопленные, раньше капризничавшие за чайным столом, теперь забывали о кофе и решают обязательно увезти с собой из России самовары... Солдаты коротают время за изучением ремесел: резного, картонажного, волосяного и проч., а долгие зимние вечера скрашивают хоровым пением и игрой на самодельных музыкальных инструментах... Как офицерам, так и солдатам предоставлена возможность частных заработков. Офицеры дают уроки иностранных языков и музыки, врач имеет широкую практику, нижние чины продают свои кустарные изделия из кости (кольца, шахматы, птицы), некоторые служат в конторах, на фабриках, в мастерских... Еще лучше отзывы идут от низших чинов из деревень. Совсем другое отношение было к немцам, отчасти к евреям»³.

Во всех концентрационных лагерях использовался труд их обитателей, которые привлекались к строительству барачных корпусов, уборке помещений и территории, подвозке воды и продуктов, захоронению умерших. Военнопленных задействовали на различных работах вне лагерей, поскольку Гагская конвенция допускала использование труда нижних чинов в соответствии с их знаниями, способностями и квалификацией. Этой проблемы я касался в предшествующей главе. Безусловно приоритет отдавался сельскому хозяйству. Так, на 1 января 1917 г. в Тобольской губернии находилось 26 700 пленников, из которых на сельскохозяйственные работы направили 10 800 чел., в промышленность, торговлю и на транспорт – 5200, в городское хозяйство – 600, на лесоразработки – 3300 чел.⁴ В 1915 г. на

---

¹ Кузменкина Л. А. Пятнадцатый год // Вечерний Новосибирск, 1995, 30 янв.

² Еремин И. А. Указ. соч. С. 265

³ Загороднюк Н. И. Указ. соч. С. 94–95.

⁴ Греков Н. В. Указ. соч. С. 163.

*«Нет
того хуже,
как жене
без мужа
и мужу
без жены»*

(открытка)

сельхозработах в Сибири участвовало около 60 тыс. военнопленных, а в 1917 г. – от 40 до 90 тыс.¹ Пленных старались направить прежде всего в солдатские семьи, крестьяне, получившие работника, обязывались с использованием труда военнопленного засеивать не менее 15 дес. земли.

Как отмечает И. А. Еремин, «при использовании труда военнопленных в деревнях возникла деликатная проблема, которая будоражила общество и армию. Речь шла о возможности размещения пленных в хозяйствах одиноких женщин, чьи мужья были призваны в войска. Во избежание «опасных для домашнего очага ухаживаний военнопленных» было решено «на дворы к одиноким солдаткам» их не помещать»². Но жизнь не укладывалась в рамки разного рода ограничений. Как вспоминал Э. Двингер, один из его коллег по иркутскому концлагерю как-то сообщил: «Просто... понимаете ли, одна крестьянка, у которой я был, ждет от меня ребенка... В этом ничего дурного – мы жили как семья, и я был единственным мужчиной... Пока однажды не пришла весть, что ее муж после ранения возвращается. Я и смотал удочки, предпочел вернуться в лагерь... Я лишь боюсь, что однажды он начнет меня искать, найдет и...»³.

Бежать из сибирского плена удавалось немногим. По данным жандармов из всех концентрационных лагерей Западной Сибири с 24 ноября по 28 декабря 1916 г. совершили побеги 388 военнопленных, большей частью вскоре задержанных. Бежать можно было либо в сторону китайской границы, либо по фальшивым документам на запад с переходом через линию фронта. В любом варианте шансы были минимальные. Так в феврале 1916 г. крестьянин А. Штер попытался вывезти трех пленных из Акмолинска на юг, но всех

¹ Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 186.

² Еремин И. А. Указ. соч. С. 251.

³ Двингер Э. Указ. соч. С. 182.

задержали казаки в первой же станице. В мае того же года австрийцы капитан И. Шенауер и поручик К. Плейер на лодке тайно отправились из Тобольска по Иртышу, намереваясь затем по Оби выйти в Карское и Баренцево моря и добраться до Норвегии. Подробными картами их снабдил проживавший в Тобольске отставной капитан дальнего плавания О. Мейер. В 600 верстах к северу от Тобольска в районе села Мало-Атлышское Березовского уезда беглецов попытались задержать, а когда не получилось, полицейские расстреляли их в лодке с берега¹.

Отдельную категорию арестованных и депортированных в Сибирь составили так называемые «гражданские пленные», т. е. германские и австро-венгерские подданные, находившиеся в запасе армий своих государств, но проживающих к началу войны на территории России. Число таких иностранцев, занимавшихся сельским хозяйством, было незначительно. Например, на территории Сибирского казачьего войска проживало в 1915 г. 6 семей «германских» немцев. В селениях Томской губернии тогда же было всего 32 семьи из этой категории численностью 62 чел., в Тобольской губернии только 1 чел.²

С началом войны жандармы и полицейские на основании заранее составленных списков произвели аресты германцев и австрийцев, в том числе в основном на территории Степного генерал-губернаторства. К началу октября 1914 г. здесь их задержали 246 чел. Задержанные военнообязанные размещались вблизи Новониколаевска (около 1 тыс. чел.), в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях и в Якутской области. В феврале 1915 г. в Тобольске находилось 720 так называемых «военнообязанных», в Тюмени – 154 чел., не считая членов их семей³. Им выдавалось пособие как и политическим ссыльным. Еще одну категорию депортированных составляли «военнозадержанные», т. е. захваченные на занятой территории противника (Восточная Пруссия, Галиция) не только молодые мужчины, но и престарелые, женщины, дети. В Акмолинской области их было размещено 180 чел., в Омске – 134. В их числе можно назвать 47-летнюю М. Вундерлих с тремя детьми, 60-летнего К. Герберта с двумя дочерьми. Приют им давали жившие в Омске немцы. Некоторые работали. Так, в Омский госпиталь устроился пленный медик профессор Шнейдер. Заложник из Галиции И. Гольд, 52-летний доктор медицины, не имел определенных занятий, получая деньги из-за границы⁴.

Впрочем, сюжет хотелось бы закончить на оптимистической ноте. «Сегодня, – записал в дневнике 13 декабря 1914 г. И. И. Серебренников, – видел

---

¹ Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 150.

² Матисс А. Э. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири в XVII–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 62.

³ Загороднюк Н. И. Указ. соч. С. 92.

⁴ Греков Н. В. Указ. соч. С. 153, 155.

*«Хоть
шуба
овечья,
да душа
человечья»*

(открытка)

одного австрийца, щеголявшего на улице в легонькой шинельке и чуть ли не в парусиновых ботинках. Его догнал наш солдатик, взял под руку, и, оживленно о чем-то беседуя, приятели прошествовали далее. Есть основания думать, что часть пленных австрийских славян поселится после войны в Сибири»¹.

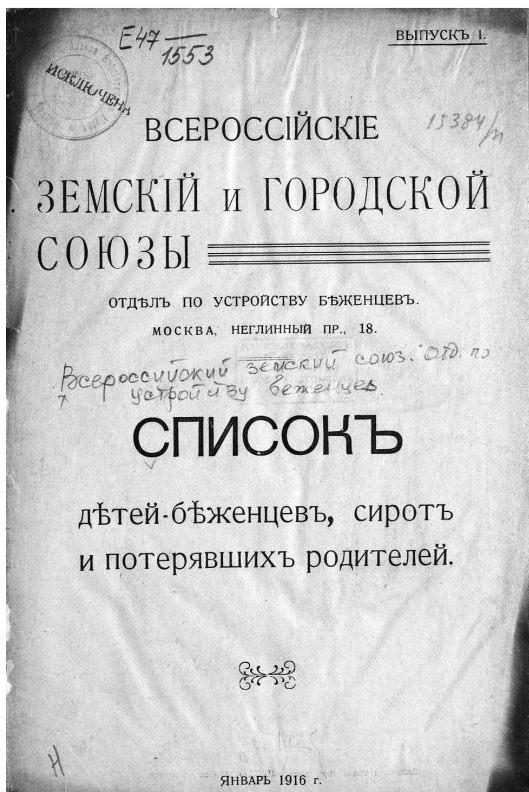
Существенную группу прибывших не по своей воле в Сибирь в рассматриваемое время составили беженцы. К февралю 1917 г. их численность здесь достигла 86 664 чел.² В это число входили добровольно покинувшие свои жилища, дабы обезопасить себя и домочадцев от риска погибнуть в полосе военных действий. В ходе «великого отступления» 1915 г., после оставления Галиции, Польши, части Прибалтики и Белоруссии, началось принудительное выселение жителей с театра военных действий, прежде всего обвиненных в «шпионстве» и «враждебном» отношении к Российской империи евреев, немцев-колонистов, а затем украинцев, поляков, белорусов, прибалтов и т. д. В массе своей, это были «даже не беженцы, а выселенцы, так как покинули свои родные места и бросили свое достояние не по собственной воле, а по распоряжению и под давлением военных властей»³.

Руководство организацией помощи беженцам возлагалось на Министерство внутренних дел, в составе которого образуется Отдел по устройству беженцев. 30 августа 1915 г. 4-я Государственная дума принимает закон «Об обеспечении беженцев», который на местах возлагал попечение о них на губернские, уездные и городские комитеты помощи пострадавшим от войны. Расходы на эти цели должны были финансироваться Государственным казначейством. Для координации усилий по приему и размещению вынужденных

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 72–73.

² Киржниц А. Д. Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1, стлб. 263.

³ Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории, 1999, № 8. С. 135–136.

мигрантов создается Особое совещание по устройству беженцев во главе с министром внутренних дел. В специально созданных в ноябре 1915 г. на территории страны районах учреждались должности главноуполномоченных. В сибирском районе таковым стал оказавшийся без работы варшавский обер-полицеймейстер, генерал-майор П. П. Мейер. Ему вменялось в обязанности «путем объезда вверенного района [осуществлять] ознакомление с положением в нем дела передвижения и устройства беженцев, неослабное наблюдение за обеспечением беженцев продовольствием и врачебно-санитарной помощью, принятие всяческих мер к улучшению положения беженцев». В первой декаде декабря 1915 г. он побывал в Иркутске,

«объездив несколько местных приютов, где призываются беженцы. Сравнивая город Иркутск с другими городами Сибири, г. Мейер вынес от постановки дела здесь благоприятное впечатление, конечно, сравнительно благоприятное»¹.

О расселении и национальном составе вынужденных мигрантов можно судить по ситуации в Томской губернии на 1 сентября 1916 г. Здесь на это время находилось 32 тыс. беженцев (37 % от общего количества в регионе), 30 % из них проживало в городских поселениях и свыше 70 % в сельской местности. По национальному составу из общей совокупности русских насчитывалось 25260 чел. (78 %), поляков – 3245 (10 %), латышей – 1687 (5 %), евреев – 890 (2,8 %), немцев – 687 (2 %), галичан – 40 (0,12 %), эстонцев и бельгийцев по 6 чел. В Забайкальской области на 1 января 1917 г. беженцев насчитывалось 2147 чел., в том числе мужчин – 477, женщин – 807, детей до 8 лет – 433, до 14 лет – 435. Русские преобладали – 1255 чел. (58,4 %), затем шли поляки – 440 (20,5 %), белорусы – 175 (8,1 %), украинцы – 109 (5 %), литовцы – 69, евреи – 58, латыши – 41 чел.² В Иркутске на 1 июня 1916 г. беженцев насчитывалось 3793 чел., в том числе 3569 русских, 80 поляков,

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 174.

² Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 276, 278, 293.

27 латышей, 47 представителей других национальностей¹. В Томске на август 1916 г. находилось 1300 семей беженцев (930 мужчин, 1411 женщин, 1620 детей). По национальной принадлежности они распределялись следующим образом: русских – 1502 чел., поляков – 1232, евреев – 664, литовцев – 276, латышей – 253, цыган – 36 чел.²

О том, как выглядела динамика с поступлением вынужденных мигрантов, можно судить на примере Иркутска. Первые беженцы прибыли в город в конце лета 1915 г. В частности 24 августа 80 латышей и евреев. К началу октября здесь «осело до 600 беженцев, большинство женщин, детей, стариков». В середине октября – «беженцы понемногу загружают Иркутск». В конце этого месяца процесс резко ускоряется: 29-го «прибыло их что-то около 1000 человек, и завтра ждут около 1800». В середине января 1916 г. число беженцев достигло 6387 чел., в том числе 2905 мужчин и 3482 женщины, к лету их число уменьшается до 3793 чел.³

Для разрешения их проблем в октябре 1915 г. создается губернский комитет по призрению беженцев. 28 октября – 5 ноября в городе проходит фургонный сбор теплых вещей и белья. 1 декабря местный комитет Союза городов утверждает смету своей деятельности до конца 1915 г., в которую закладывается 37200 руб. на их питание и 3500 руб. на медицинскую помощь. В конце октября по распоряжению генерал-губернатора для размещения беженцев реквизируются местные иллюзионы (кинотеатры). 30 октября И. И. Серебренников фиксирует: «Сегодня наблюдал размещение беженцев в Большом иллюзионе (кинематографе) Дон-Отелло. Нельзя без содрогания сердца смотреть на этих несчастных людей, оторванных судьбою от родных пепелищ и брошенных в далекую Сибирь. Много женщин и детей». К началу ноября для них открыли уже 45 приютов, уже через неделю их количество возрастает до 60, а к началу декабря до 110⁴.

После размещения этой лавины перед властями и общественными организациями встал вопрос, а что делать дальше? «Признано желательным расселять их по сельским местностям, – сообщает И. И. Серебренников 9 марта 1916 г. – Но что делать с ними? Намечены местности, предлагают им поехать – они соглашаются, а завтра говорят: «Нет, не поедem!». Приходится их поить, кормить, одевать, лечить... и все это стоит больших денег»⁵. Проблема не решается, а со временем приобретает новые негативные проявления. И тот же И. И. Серебренников 25 апреля того же года констатирует: «Вопрос о беженцах остается по-прежнему неурегулированным... А между тем город и

---

¹ Романов Н. С. Указ. соч. С. 221.

² Сиб. жизнь (Томск), 17 авг.

³ Романов Н. Л. Указ. соч. С. 207, 215, 221; Серебренников И. И. Указ. соч. С. 151, 153, 159.

⁴ Романов Н. С. Указ. соч. С. 210, 211; Серебренников И. И. Указ. соч. С. 159, 160, 163, 175.

⁵ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 201–202.

Польские беженцы Первой мировой

тяжкое ничегонеделание развращают их; убежища грозят превратиться в притоны разврата, будучи наводняемы по ночам солдатами. Разбираться во всем этом – ужас берет. Беженцы потеряли на родине все: имущество, кров, землю. По дороге они потеряли друг друга. Добравшись до новых мест, они теряли детей, смертность которых была потрясающей. Теперь их жены и дочери теряют стыд и совесть... Они продаются»¹. Наконец, в начале мая 1916 г. власти решили «принять принудительные меры к выселению из города беженцев в сельские местности»². Предпринятая мера привела к сокращению количества принудительных мигрантов в Иркутске летом этого года.

Действительно, местные власти пытались направить большую часть трудоспособных беженцев на сельскохозяйственные работы. Так, в Томской губернии в мае–октябре 1916 г. к ним ежемесячно привлекалось в среднем около 3 тыс. чел., или 10 % от всего количества находящихся здесь³. Из этого количества в селениях закреплялось не более 20 %⁴, что было связано с отсутствием жилья для их размещения, конкуренцией со стороны военнопленных, устойчивого мнения о том, что беженцы не могут быть

---

¹ Там же. С. 217.

² Там же. С. 219.

³ Горюшкин Л. М. Наемный труд, источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 190, 193.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 250.

хорошими работниками. Тем не менее, в тех селениях, где трудились ремесленники из числа изучаемого контингента, производимые ими изделия отличались качеством, а цены на них были гораздо ниже, чем в других поселениях. Благодаря помощи кооперативных объединений в с. Болотном Томского уезда и с. Верх-Чебулинском Мариинского уезда Томской губернии действовали прядильно-ткацкие мастерские, где работали беженцы¹.

Массовый наплыв беженцев в Сибирь начался в августе 1915 г. и осложнялся длительной перевозкой, потерей имущества, приобретенными болезнями, отвратительными жилищными условиями. Так, в сентябре 1915 г. на ближайших к Томску железнодорожных станциях скопилось 165 теплушек, в которых по сути дела проживало 2,5 тыс. чел. В Барнауле в зиму 1916/16 гг. нахлынуло 2,5 тыс. беженцев, из которых около тысячи болели тифом или корью. Большая часть их жила скученными массами в непригодных и плохо отапливаемых зданиях (торговом складе, старом здании тюрьмы) и были крайне истощены, хотя их обеспечение продовольствием осуществлялось по солдатской норме, а детям полагалось ежедневно бутылка молока, фунт белого хлеба, полпорции горячего блюда с мясом. Только 500 из размещенных в городе имели случайные заработки².

Беженцы в основном стремились осесть в городах. Соответственно, на города и легла основная нагрузка по оказанию им помощи. Правда, основную часть расходов на эти цели, как и по другим военным расходам, оплачивало государство, но делало это с большим опозданием, да и сами муниципалитеты добавляли из своих бюджетов, когда государственных ассигнований было недостаточно. Например, на заседании Барнаульской городской думы 16 сентября 1915 г. обсуждался вопрос «Об оказании помощи беженцам» и принимается решение о создании городского Комитета для оказания помощи беженцам. Последний для их размещения снял дом купца В. Д. Сухова (бывший железоскобяной магазин) с арендной платой в 4 тыс. руб. и необходимым ремонтом стоимостью в 6 тыс. руб. «Комитет просил г. губернатора выслать аванс в 15 000 р., но получил ответ, что деньги будут переведены тогда, когда министерство откроет кредит, что, конечно, будет не так скоро, пока же г. губернатор предлагал обойтись общественными средствами». Взаймы их предоставил Красный крест и безвозмездно Дамский комитет и Кружок дам духовного звания. В свою очередь, дума решила ассигновать в распоряжение местного Комитета для оказания помощи беженцам 1 тыс. руб. и, кроме того, ходатайствовать перед Всероссийским Союзом городов о выделении на эти цели 15 тыс. руб.³

Однако в первой половине 1916 г. правительство существенно свернуло объемы помощи беженцам, экономя государственные средства и заодно побуждая их переселяться в деревню, где ощущалась нехватка рабочих рук.

---

¹ Еремин И. А. Указ. соч. С. 236.

² Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 279, 280.

³ Барнаульская городская дума 1877–1996. Сб. док. Барнаул, 1999. С. 178–179.

*«Помогите беженцам!
Помощь неотложна!
Время не терпит!»
(открытка)*

Еврейским комитетом помощи жертвам войны. В Сибири создавались отделения этих организаций. В частности, отделения Петроградского общества вспомоществования бедным семействам поляков и бедствующему польскому населению были открыты в Томске (1 декабря 1914 г.), Барнауле (декабрь 1914 г.), Татарске (январь 1915 г.), Новониколаевске (ноябрь 1915 г.), Каинске (6 февраля 1916 г.), а также в Кургане, Омске, Ачинске, Красноярске, Иркутске, Чите. В Томске отделом было снято 20 квартир, в которых размещалось 400 чел. К апрелю 1916 г. на обслуживаемых обществом квартирах проживало уже 693 беженца, а к 1 июля квартирная помощь оказывалась 1037 беженцам. Кроме того, комитет оплачивал расходы на отопление, освещение, водоснабжение и т. д.² Образованный в январе 1916 г. в Новониколаевске Латышский комитет помощи беженцам, за год (до середины февраля 1917 г.) аккумулировал около 24 тыс. руб., которые потратил на поддержку около 270 латышей, в том числе на содержание школы

Данное обстоятельство поставило под вопрос и муниципальную помощь. Выяснилось, что в качестве добавки к казенным расходам она могла существовать; сама же по себе прибавка, после ликвидации базиса, теряла эффективность. «Ликвидация Омского комитета помощи беженцам вызвалась главным образом недостатком сумм, отпускаемых казною, которые в настоящее время начали урезываться еще на половину», – так прокомментировала происходящее Омская городская дума в начале 1916 г.¹

Беженцы дали мощный импульс к созданию и развитию национально-благотворительных и культурно-просветительных объединений во всех крупных городах Сибири. Помощь нерусским поселенцам оказывали национальные объединения: Центральный обывательский (гражданский) комитет губерний Царства Польского, Польское общество помощи жертвам войны, Центральным латышским комитетом,

¹ Цит. по: История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 256.

² Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 98, 99.

и общежития для его учеников. Деньги выдавались на продовольственные пайки, одежду и обувь, на квартирные расходы, оплату медицинской помощи и т. д.¹

§ 3. Специфика национальных отношений в Сибири в 1914–1917 гг.

Война оказала существенное воздействие на положение и повседневную жизнь аборигенных и пришлых этносов, а также национальных диаспор (экстерриториальных народов по терминологии начала XX в.). Прежде всего изменения затронули сибирских немцев, численность которых в 1916 г. составила примерно 45 тыс. чел.² Крупные немецкие общины имелись в Омске – 2879 чел., Томске – 2908, Чите – 2077, Новониколаевске – 439, Иркутске – 274 чел.³ Политика властей по отношению к ним свелась к принятию и не всегда последовательной реализации комплекса мер, получивших название «борьба с немецким засильем» и направленных на ущемление и ликвидацию имущественных, в том числе земельных, прав, а также этнокультурной самобытности этнических выходцев из Германии, независимо от их подданства.

Кампания началась с переименования поселений с немецкими названиями на основе циркуляра министра внутренних дел Н. А. Маклакова от 15 октября 1914 г. На основе отчетов крестьянских начальников к январю 1915 г. в Томском губернском управлении был составлен общий список по губернии с указанием предлагаемых альтернативных русских названий. Его отправили в Земский отдел МВД, после чего колонии переименовали. В некоторых случаях местные власти организовали «добровольные» ходатайства колонистов о приобретении русских названий⁴. Таким образом в Кулунде в Орловской волости поселок Гнаденфельд превратился в Мирное, Тиге – в Угловое, Шенвизе – Дегтярку, Гальбштадт – в Полгород, Александрфельд – в Гришковку и т. д.⁵ Следующим шагом стало исключение немцев из числа

---

¹ Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. С. 98.

² Общая численность населения Сибири в 1916 г. В. И. Прониным определяется по четырем губерниям и трем областям, включая Акмолинскую, в 11321 тыс. чел (См.: Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 90). Доля немецкого населения здесь по переписям 1916 и 1917 гг. И. В. Нам устанавливается в размере 0,4 % (Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока... С. 490) или 45 тыс. чел.

³ Нам И. В. Указ. соч. С. 492.

⁴ Матгис А. Э. Указ. соч. С. 59.

⁵ Вибе П. П. Борьба с «немецким засильем» // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 134.

*«Нечестивый
тевтон»
и
«богатырь
свавторусский»*

*(военный
лубок)*

германских и австрийских подданных из биржевых комитетов и руководящих органов страховых обществ¹.

Далее, как уже отмечалось выше, на подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в Сибири, началось давление с целью ущемления их имущественных прав. В частности, в Томске чиновники описали и конфисковали на пивоваренном заводе германского подданного Р. И. Крюгера, 35 лет безвыездно прожившего в России, всех лошадей, конскую упряжь и повозки. В результате акции работы лишилось более 200 чел.² Для облегчения своего положения, особенно после обнародования ликвидационных законов в феврале 1915 г., многие немцы из числа длительно проживающих в России, начали обращаться к властям с прошениями о принятии их в русское подданство. В одном из рапортов на имя томского губернатора В. Н. Дудинского барнаульский уездный исправник по поводу одного из таких прошений замечал, что «названный иностранец, как родившийся в России и проживающий в ней безвыездно более 50 лет и совершенно свыкшийся к условиям и обычаям русской жизни вполне является благонадежным и законопослушным, стремясь получить права русского подданного по своему искреннему убеждению, а не выгоды». «Как правило, – делает вывод В. Н. Шайдуров, – заявления подобного рода удовлетворялись властями, хотя и встречались обратные случаи»³.

¹ Алишина Г. Н. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 385.

² Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник, Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 50–51.

³ Там же. С. 51.

Существенным фактором в нагнетании антинемецких настроений стало распространение слухов «о появлении в Степном крае за последнее время таинственных аэропланов, которые скрываются в немецких колониях, где получают бензин». Причем аэропланы наблюдали не только во второй половине 1914 г., но даже в феврале 1916 г. в Троицкой волости Барнаульского уезда, где согласно рапорту уездного исправника, имели место «случаи появления аэроплана». Летальный аппарат «местом своих остановок имел мельницу колониста из немцев Франца Петрова Вибе». Но, организованное наблюдение результатов не дало – аэропланы больше не прилетали, да и сам колонист не проявлял своей «шпионской» деятельности¹. Нечто подобное фиксируется и в Курганском уезде Тобольской губернии. Там местный исправник в рапорте на имя губернатора сообщал о заметке «Аэроплан над Курганом» из газеты «Курганское слово» от 10 августа 1914 г. «Полиция провела расследование по выявлению источника панической информации, – сообщает М. Ф. Ершов. – Выяснилось, что жители Кургана В. И. Иваницкий и В. И. Кочешева слышали в воздухе шум и треск и решили, что это большая птица или аэроплан. Их сомнения окончательно «рассеялись» после прочтения одного из номеров газеты «Уральская жизнь», в которой сообщалось о замеченных в воздухе аэропланах в нескольких местах Пермской губернии»². Парадоксально, но аэропланы видели даже под Иркутском. 26 октября 1914 г. И. И. Серебренников сделал следующую запись в дневнике: «Получил сегодня от брата письмо из села Зимы. Он уверяет, что жители этого села действительно видели, что над Зимой пролетал аэроплан, повернув затем на юго-запад. Сегодня же виделся с переселенческим чиновником В. П. К., который рассказал мне, что аэроплан затем видели в с. Тырети, Половине, Черемхово, Тельме, и чуть-ли не в один и тот же день. По-видимому, кто-то быстро двигался по линии Сибирской железной дороги по направлению к Иркутску. Что это такое? Или мы имеем здесь редкий случай массового психоза? Или же необходимо констатировать факт действительного появления здесь таинственного аэроплана»³.

К чести сибиряков, если судить по официозам и частным повременным изданиям, они во второй половине 1914 – 1915 гг. «хранили молчание относительно немецкой тематики»⁴. Возможно сибирским немцам удалось бы остаться в стороне от начавшейся в Европейской России кампании по ограничению их гражданских прав, но в массовой петроградской черносотенной газете «Новое время» в номере от 20 ноября 1914 г. появляется заметка анонима о том, что на Алтае и, в частности, в Барнаульском уезде

---

¹ Матисс А. Э. Указ. соч. С. 61.

² Ершов М. Ф. Маргинальность общественного сознания горожан Зауралья (конец XIX – начало XX вв.) // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 38.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 59.

⁴ Шайдуров В. Н. Указ. соч. С. 50.

почти все кабинетские земли арендуются немцами и формулируется вопрос: почему они попали «в эти варварские, а не русские руки». Реально же, как выяснилось позже, немцы арендовали у Кабинета его императорского величества (КИВ) 10 439,11 дес. земли или 0,14 % обрабатываемых площадей здесь¹. Но сигнал был дан.

2 февраля 1915 г. подписывается первый из «ликвидационных» законов, ограничивающих колониственное землевладение в 100-верстной пограничной полосе. Разнобой в определении ограничительных статей (происхождение или подданство), запутанность текста нормативного акта, преобладание среди немцев региона русских подданных порождало сомнения у местных властей по поводу целесообразности проведения акции. «С "германцами", – замечает А. Э. Маттис, – "разобрались" достаточно быстро – крестьянскими начальниками были "приняты меры" к ликвидации их землепользования»². Тем временем принимается следующий ликвидационный закон от 13 декабря 1915 г. На основе представления командующего Омским военным округом и генерал-губернатора Степного края генерал-лейтенанта Н. А. Сухомлинова действие упомянутых выше ликвидационных законов 8 сентября 1916 г. распространяются на Каинский уезд Томской, Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губерний. Но вскоре выяснилось, что у подавляющей части немцев-колонистов в Сибири земли, на которых они расселены, им не принадлежат, а получены от Переселенческого управления в пользование. Поэтому применение ликвидационных законов привело бы к принудительной распродаже колонистами не принадлежащих им наделов. Поэтому Переселенческое управление разъяснило, что распоряжаться немцы могут только возведенными ими строениями и могут получить за него материальное возмещение. В конечном счете в трех вышеупомянутых уездах отведенные немцам наделы должны были перейти в распоряжение Переселенческого управления, а полученные ими в составе землеотвода в старожильческих селениях передаются их сельским обществам. За изъятую у немцев землю они получали компенсацию от 20 руб. за десятину в Ишимском уезде до 73 руб. в Каинском. Реализовать на практике данную акцию в связи с Февральской революцией не удалось.

Что касается других районов Западной Сибири, в которых проживали немцы, то упомянутый выше Н. А. Сухомлинов, еще и в качестве наказного атамана Сибирского казачьего войска, с целью преодоления «немецкой обособленности» и «корпоративности» на его территории издал дискриминационный приказ от 4 сентября 1915 г., который приписывал немецкие колонии к ближайшим станицам и поселкам с подчинением войсковому начальству во всех отношениях, запрещал немцам разговаривать на родном языке, предписывал «не допускать в колониях и хуторах никаких вывесок, объявлений и надписей на немецком языке». Инициированные

---

¹ Там же. С. 55, 56.

² Маттис А. Э. Указ. соч. С. 60.

генералом предложения о распространении ликвидационных законов на все территории западносибирского региона с присутствием немцев-колонистов нашли понимание у верховной власти и 6 февраля 1917 г. они переносились на Акмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской губернии и земли Сибирского казачье войска. Предпринятая акция оказалась запоздавшей. Временное правительство 11 марта 1917 г. приостановило действие ликвидационных законов до решения Учредительного собрания¹. «Таким образом, – резюмирует В. Н. Шайдуров, – можно сделать вывод, что по отношению к российским немцам на территории Алтайского округа ликвидационное законодательство применялось не в полной мере, как это происходило в других регионах Российской империи в 1914–1916 гг. Оно затронуло лишь арендаторов, тогда как большинства немецких переселенцев оно коснулось опосредованно, что выразилось в смене немецких названий поселков на русские»².

Начало войны изменило привычный образ жизни у многих народов региона. Имели случаи публичного выражения верноподданнических чувств. Акмолинский военный губернатор П. Н. Масальский 15 октября 1914 г. доносил в МВД: «Могу свидетельствовать, что киргизское население, ведущее в громадном большинстве, первобытный кочевой образ жизни и стоящее вообще вдали от всяких вопросов государственной жизни – и это население, как только надвинулись грозные тучи, не участвуя непосредственно в защите государственных границ, старалось и старается всячески проявить свою заботу к русскому народу и к нуждам войны... Везде, где были муллы, в киргизских мечетях отслужены молебствия о здравии Государя Императора и о даровании победы русскому оружию».

Что касается местных татар, то «как более культурный, чем киргизы народ, они проявляют и более интереса к войне. С первых дней ее еще сильнее засвидетельствовали о полной лояльности и верности России. Представители их духовенства служили повсеместно молебствия о ниспослании победы русским воинам, говорили проповеди патриотического содержания». В патриотических манифестациях в Омске и Петропавловске участвовали представители этих народов «В Омске во время одной из манифестаций портрет Государя Императора нес татарин Мамин. Там же в день кружечного сбора в пользу семей запасных призванных в войска в числе сборщиков было десять татарок». Наконец, 17 октября «в обеих омских мусульманских мечетях были отслужены молебствия о даровании победы Русскому оружию и, согласно циркулярного предложения Оренбургского муфтия на имя имамов, такие молебствия будут служить повсеместно каждую пятницу и одновременно в мечетях будут производиться сборы в пользу раненых и больных воинов»³.

¹ Вибе П. П. Указ. соч. С. 138, 139.

² Шайдуров В. Н. Указ. соч. С. 61.

³ ГАРФ. Ф. ДПОО. 4-е делопроизвод. 1914. Д. 141. Ч. 1. Л. 1 об., 2, 2 об., 4.

Старая томская открытка с видом на мечеть на Татарской улице

31 августа 1914 г. томские татары обратились к губернатору с ходатайством разрешить отправить императору телеграмму следующего содержания: «Томское мусульманское население, собравшись с томским ахуном Х. Хамитовым во главе в мечети и вознося горячие молитвы Всевышнему о здравии возлюбленного монарха и даровании победы российскому воинству, повергает к стопам Вашим верноподданнические чувства беспредельной любви, преданности и готовности встать на защиту чести, достоинства и целостности дорогого нам отечества». В последующем они организовали отдел Мусульманского комитета по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий во главе с Н. Карповым, Ф. Сайдашевым, С. Фахрутдиновым, К. Хамитовым и др.¹

В подобном же духе выступили представители других этносов. В Иркутске 6 августа 1914 г. по инициативе польско-литовского общества «Огниво» в переполненном костеле состоялось богослужение «о ниспослании победы оружию народов России и всего славянства, борющихся против общего врага, и о призвании благословения на дело возрождения единой неделимой Польши»². 15 августа того же года в томской синагоге «в присутствии нижних чинов иудейского вероисповедания, вступающих в действующую армию, состоялось торжественное богослужение, после которого прошла

---

¹ Кокоулин В. Г., Рахматуллина А. Р. Томская мусульманская община: история и современность. Новосибирск, 2011. С. 6.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 23.

еврейская манифестация с портретами Государя Императора и национальными флагами. Возле здания городской думы манифестанты исполнили государственный гимн»¹.

Вслед за этим аборигены региона включились в попечительскую деятельность. Буряты Иркутской губернии и Забайкальской области создали ряд благотворительных комитетов, которые с середины августа 1914 г. по подписным листам и общественным приговорам организовали сбор средств в помощь семьям фронтовиков². В Якутске 23 августа 1914 г. образуется Комитет по снабжению армии теплой одеждой, который по рекомендации военного ведомства, занимался заготовкой меховых жилетов. В 1915 г. изготовили и отослали на фронт 4003 жилета и 20 одеял, в 1916 г. – 1022 жилета³. Постепенно эта деятельность приобретает формально-обязательный характер, как разновидность повинности. Так, Общебурятское общество по сбору пожертвований на нужды войны собирало формально добровольные пожертвования, которые фактически носили принудительный характер, что вызывало протест бурятского населения⁴. Участники окружного инородческого съезда в Якутске 30 августа 1915 г. поддержали предложение губернатора и постановили обложить каждого работника сбором в 50 коп. на нужды обороны страны⁵.

Еще до начала войны в правительственных кругах обсуждался вопрос о привлечении «инородцев» к исполнению воинской повинности, т. е. ликвидации единственной льготы, которая еще сохранялась по отношению к ним. Так, в 1910 г. в военном ведомстве образуется специальная комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Совет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно⁶. Как вспоминал в июле 1916 г. И. И. Серебренников, «года четыре тому назад ко мне явились уполномоченные от бурятских волостей Иркутского уезда и пожаловались: распорядился-де исправник составить по уезду призывные списки и привлечь нас, бурят, к воинской повинности. Это незаконно будет... Я – в закон: Устав о воинской повинности прямо говорит, что сибирские инородцы к отбыванию такой повинности не привлекаются. Что такое?

- Ведомства у вас преобразованы в волости? – спрашиваю я.

- Да!

---

¹ Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А. Указ. соч. С. 69.

² Горелов Ю. П. Указ. соч. С. 252.

³ Федоров В. И. Первая мировая война в судьбах «инородцев» // Якутский архив, 2004, № 2. С. 62.

⁴ История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2. С. 20.

⁵ Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1909–1919). М., 2002. Кн. 1. С. 216.

⁶ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 313.

*Два солдата-казака в Урге.
1913*

- А вы перечислялись в крестьяне?
- Нет. Мы пишемся оседлыми инородцами такой-то волости.
- Хорошо, – говорю я бурятам. – Зайдите ко мне вечером.

Отпустил я бурят, а сам пошел к одному моему хорошему знакомому, видному чиновнику, прекрасно знавшему крестьянские и инородческие дела. Рассказываю, в чем дело.

- Ничем, брат, помочь нельзя, – услышал я в ответ. – Было тут одно, под председательством приезжего генерала, специальное совещание по этому вопросу. Обсуждали дело с разных точек зрения: годны ли буряты в солдаты и с физической и с нравственной стороны? Решили, что годны, и постановили: привлекать их к воинской повинности. Были затем по этому вопросу, кажется, и какие-то циркуляры из Петербурга.

Думаю: дело плохо. Но, с другой стороны, как же быть с законом?

Вечером снова ко мне пришли буряты. И пришла мне в голову такая мысль. Сел я за стол и составил телеграмму на имя трех членов Государственной думы (Манькова, Волкова, Некрасова). Изложил дело, указал, что привлечение инородцев к воинской повинности, пока они остаются таковыми, незаконно, и от имени уполномоченных просил затем депутатов внести экстренно запрос в Государственную думу о незакономерных действиях иркутской администрации.

Депутаты получили телеграммы и препроводили их в копиях министру внутренних дел. Эффект получился разительный. Маклаков уведомил телеграммой иркутского генерал-губернатора, что привлечение бурят к воинской повинности противоречит действующим законам и может быть осуществлено только в законодательном порядке. И затея иркутской администрации потерпела крушение»¹.

Но разговоры о привлечении «инородцев» к воинской службе вскоре прекратились и не возобновлялись даже после начала мировой войны. Сенсацией стало высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». По сути дела объявлялась трудовая мобилизация аборигенов Азиатской России. Недоумение вызывает использование ключевого термина «реквизиция» (от лат. *requisition* – требование), т. е. принудительно-возмездное изъятие имущества в собственность или во временное пользование. С начала Первой мировой войны государство активно осуществляло реквизицию лошадей, мяса, масла, хлеба, ряда других продуктов и товаров. Но почему эта процедура была распространена на людей, подданных Российской империи, которые изымались из повседневной жизни без всякой компенсации? На данное обстоятельство обратили внимание современные казахские историки: «как будто речь шла о реквизиции скота», а не о мобилизации живых людей².

Представляется, что использование такого типа нормативного акта (не закон или указ, а повеление), а также дефиниции «реквизиция», было намеренным: это позволяло обойти законодательство Российской империи и квалифицировать предпринятые мероприятия как административные, направленные на решение проблемы привлечения рабочей силы для осуществления общественных работ. Именно в таком ключе высказался по этому поводу на закрытом заседании 4-й Государственной думы 13 декабря 1916 г. депутат от Саратовской губернии А. Ф. Керенский. «Высочайшее повеление в порядке, каком оно было издано, издано быть не могло, – говорил он. – Я настаиваю, что само Высочайшее повеление нарушило основной закон Российской Империи, 71 статью, говорящую о том, что «русские подданные

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 241–243.

² История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. С. 638.

обязаны отбывать повинность» только «согласно постановлению закона». В этом указе сделана ссылка на закон о реквизиции, прошедший по 87 статье, но эта ссылка совершенно не верна. Да и сам указ говорит, что нужно только определение возрастов и установление подробных правил выработать «применительно к порядку закона о реквизиции». И, действительно, если вы возьмете ст. 137, 138, 139 и следующие статьи закона о реквизиции по приказу 1914 г. по военному ведомству, то вы увидите, что правила о реквизиции не предвидят того случая, который предусмотрен указом от 25 июня. Правила о реквизиции представляют командующим войсками и местным начальникам армии, во-первых, призывать в принудительном порядке к работам все местное население, именно «местное население» для работ на месте и, во-вторых, все население без исключения. Действительно, мы знаем случаи на фронте и в ближайшем тылу, когда для рытья окопов, для возведения валов и других сооружений обороны в крепостях призывается в порядке реквизиции «все местное население» для исполнения тех или иных работ. В данном случае туземцы были привлечены как таковые, не как местные жители, не распоряжением данного начальника армии или даже Военного Министра для работ в данной местности, они были привлечены как инородцы, одновременно во всей Российской Империи. И раз это так, то несомненно, что привлечение, т. е. возложение новой повинности на целый «разряд» русских граждан, именующихся инородцами, возложение новой повинности могло произойти только в порядке ст. 71, т. е. законодательным путем. Таким образом, самое содержание указа, опубликованного 6 июля, не подлежало распубликованию в собрании узаконений и распоряжений Правительства. И Правительствующий Сенат должен был задержать распубликование этого Высочайшего повеления, как нарушающего основные законы»¹.

В советской историографии реквизиция одним предложением лишь упоминалась в работах и разделах, посвященных периоду Первой мировой войны и отдельным этносам региона. С конца 1990-х гг. данный сюжет в самом общем виде (количество реквизируемых, использование их в качестве рабочей силы) рассматривался в публикациях по национальной проблематике в избранных хронологических рамках (Бурятия, Якутия) и при выявлении источников пополнения рабочей силы. Более подробно его начали изучать казахстанские историки, поскольку реализация «непредуманного указа» (на самом деле – повеления) от 25 июня 1916 г. в Степном крае «столкнулась с прямым сопротивлением»², что переросло в вооруженное восстание, а затем «в национально-освободительное движение, направленное

---

¹ Аграрная история Казахстана (конец XIX – начало XX в.). Сборник документов. Алматы, 2006. С. 1124–1125.

² Аяган Б. Г., Абжанов Х. М., Селиверстов С. В., Бекенов С. В. Современная история Казахстана. Учебник для студентов неисторических специальностей (бакалавриата) высших учебных заведений. Алматы, 2010. С. 83.

главным острием против военно-колониаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма и в определенной степени – против феодально-байской верхушки аула»¹. Обращается внимание на жестокое подавление выступления. Можно согласиться с обозначенными причинами, отбросив эпитеты «антиколониальный», «антиимпериалистический». Решительные же действия по подавлению восстания обуславливались не только обстановкой военного времени, но прежде всего его антирусской направленностью, массовыми издевательствами и уничтожением мирного русского населения, объявления газавата иноверцам². Тем не менее, реквизиция «иностранцев» требует более тщательного изучения.

Итак, нормативный акт от 25 июня 1916 г. предусматривал привлечение мужчин в возрасте от 19 до 43 лет из числа оседлых и кочевых «иностранцев» Северной Азии (казахов, алтайцев, хакасов, бурят, якутов), за исключением бродячих северной части Сибири, на тыловые работы. Всего к отбыванию новой для аборигенов повинности военные предполагали привлечь около 400 тыс. чел., в том числе 240 тыс. казахов и сартов (узбеков)³. Расплывчатость ряда положений повеления, в частности – ключевой дефиниции «тыловые работы», вызвала непонимание и недовольство на местах.

Для исполнения повеления в Красноярске, Киренске, Иркутске, Верхнеудинске и Чите организовали специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них собралось до 10 тыс. чел., оказавшихся в очень сложном положении. В Якутской области предполагалось мобилизовать около 10 тыс. якутов Олекминского и Якутского округов. От реквизиции освобождались должностные лица инородческих управ, имеющие высшее образование и учащиеся, отсрочку по усмотрению губернатора могли получить учителя. Аксию, к тому же в разгар полевых работ, якутское население восприняло негативно. Земский заседатель 3-го участка Якутского округа писал исправнику 12 июля 1916 г.: «Известие об этом произвело на них в силу неожиданности ошеломившее их впечатление, приведшее к сильному упадку духа. Настроение это, несмотря на делаемые мною разъяснения истинного положения призываемых, продолжает оставаться прежним: то же безразлично тупое и упрямое состояние с примесью свойственного якутам непонятого озлобления. При наличности таких условий возможность предположения о дезертирстве будет вполне допустимой»⁴. В таких условиях правительство отказалось от проведения акции, а «иностранцев» распустили по домам.

---

¹ История Казахстана. С. 639.

² Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 296; Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска 1917–1920. М., 2004. С. 600–601.

³ История Казахстана. С. 638.

⁴ Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций. С. 220–221.

Ополченский крест и ополченский знак для иноверцев (справа)

Якутов вообще решили не трогать по ходатайству Ленского золотопромышленного товарищества, поскольку их призыв мог отрицательно повлиять на добычу золота, из-за резкого сокращения поставок на прииски мяса и других продуктов, заготовку леса. В отношении других аборигенов реквизиция возобновилась на рубеже августа–сентября 1916 г. В инструкции енисейского губернатора от 7 сентября 1916 г. предполагалось освободить от нее «состоящих на службе государственной и вольнонаемной, штатных лам и духовных лиц, учащих и учащихся, врачей, фельдшеров и «инородческих должностных лиц», писарей, переводчиков у крестьянских начальников, почтовых содержателей на трактах, уже работающие на оборонных предприятиях. «Единственным сыновьям в семействах и единственным работникам в хозяйствах никакой льготы или отсрочки не дается, так как таким изъятием не пользуется и коренное русское население, обязанное служить в войсках, а не рабочих партиях за плату». Призываемым разрешалось заменять себя «годными для работы родственниками или посторонними лицами, неподлежащими по возрасту реквизиции, замена производится на пунктах осмотра и приема, куда должны явиться заменяемый и заместитель»¹.

Более конкретные очертания процедура использования труда аборигенов приобретает в приказе по военному ведомству № 600 «Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работ внутри Империи на государственную оборону» от 30 октября 1916 г. подписанному военным министром генералом от инфантерии Д. С. Шуваевым и согласованному с министрами: морским, внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия и государственным контролером.

¹ ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 417. Л. 6.

Привлекаемые по реквизиции «иностранцы» военным ведомством распределялись в «учреждения и предприятия как казенные, так и частные, работающие для нужд государственной обороны», по возможности, однородными партиями с учетом национальных, бытовых и религиозных особенностей. Повинность есть «священная обязанность перед Царем и Отечеством». «Иностранцы-рабочие не имеют права оставлять самовольно» место работы, на которое они определены, подвергаются дисциплинарным взысканиям, вплоть до тюремного заключения «на срок не свыше трех месяцев, или денежному взысканию до трех тысяч рублей». Внутренняя организация привлеченных устраивается в виде артели, с избранием доверенных. Каждый работающий обеспечивается администрацией расчетной книжкой. Их содержание (продукты, дрова для приготовления пищи и помещения с отоплением и освещением) обеспечивается учреждениями и предприятиями, на которых они работают, но с последующим удержанием из зарплаты, которую «иностранцы» получают на основании соответствующих расценок. При ее выдаче «учреждения и предприятия обязаны указывать и разъяснять иностранцам всю важность пересылки ими денежных средств на поддержку оставшихся семей и близких». Обеспечение реквизированных и их семей пособиями в случаях увечий и заболеваний осуществляется работодателями «на общем основании с прочими заводскими и иными рабочими и служащими». На таких же условиях оказывается медицинская помощь. В случае не востребоваемости «иностранцы-рабочие», получив расчет, перераспределяются по другим предприятиям или передаются военному ведомству¹.

Факт возобновления реквизиции отметил 2 октября 1916 г. И. И. Серебренников: «На улице снова видишь толпы бурят: это все реквизированные. Скоро предстоит их отправка на тыловые работы. Буряты ведут себя лояльно»². Аборигенов направляли на предприятия подведомственные Сибирскому заводскому совещанию: Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрику Бородиных в Бийске и т. д. «К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «иностранцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района»³. Всего мобилизовали 20 878 одних бурят, в том числе в Забайкальской области – 11 817 чел., в Иркутской и Енисейской губерниях – 9061 чел. В Архангельске они занимались реконструкцией порта, в тылу Северного и Западного фронтов рыли окопы и прокладывали дороги. «Житье в землянках и товарных вагонах, скудный казенный паек, непомерно тяжелый труд,

¹ Правительственный вестник, 1916, № 255.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 268.

³ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Указ. соч. С. 314.

Типы инородцев Забайкалья. № 23.
Тунгузы передь юртой.—Les Toungouses avant la yourte.

«Тунгузы перед юртой» («Типы инородцев Забайкалья»)

антисанитарные условия, сырой климат – все это негативно отражалось на здоровье людей»¹.

Секретарь Сибирского заводского совещания И. И. Серебренников следующим образом охарактеризовал ситуацию с «реквизированными» 17 января 1917 г.: «С реквизированными инородцами по всей Сибири идет кутерьма: они бегут и бегут с предприятий. Сегодня мне передавали, что несколько минусинских инородцев, работавших на минусинских копиях, сбежали с этих копей; где-то с Томской железной дороги попытались напрямик пробраться через тайгу к себе домой, но, застигнутые морозами, погибли в пути». В начале февраля он сообщает: «Реквизированные инородцы бегут с работ, в особенности если они работают в частных предприятиях. Здесь, видимо, никто о них не заботился. На Черемховские копи были даны минусинские и ачинские инородцы. Через несколько времени они сбежали домой, к родному Абакану. Буряты сбежали с Урала, из Вологды и Архангельска. Появились и беглые киргизы. Боясь ответственности, многие из бежавших инородцев устраиваются в местных предприятиях, работающих на оборону страны: копиях, заводах и пр. Обрадованные этим обстоятельством, предприятия сейчас же возбуждают ходатайства по всем инстанциям о прикреплении к ним этих инородцев. Генеральный штаб, боясь всеобщей деморализации, отклоняет эти ходатайства и разъясняет, что бежавшие инородцы должны быть немедленно отправляемы в действующую армию для

¹ История Бурятии. Т. 2. С. 21.

работы в тылу ее. Полиция ловит беглецов и направляет их к воинским начальникам, на сборные пункты. Появляются новые партии беглецов и т. д.»¹.

Факт неблагополучия в этом вопросе вынуждена фиксировать местная администрация. Иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц 8 декабря 1916 г. признал, «что многие из инородцев, отправленных в силу Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года на тыловые работы, как оказывается, самовольно в некоторых местах уходят с работы, возвращаясь в свои улусы, или с целью уклонения от работ – в соседние местности, причем чины уездной полиции не принимают достаточных мер к возвращению инородцев»². Ситуация выходит из под контроля после Февральской революции. И руководитель медеплавильного предприятия в Минусинском уезде Енисейской губернии отправляет по инстанции телеграмму следующего содержания: «Сегодня прибыли 21 киргиз, устроили буйство. Не имея возможности поддерживать порядок новыми средствами, отправил их обратно. Прошу более инородцев из Омска не присылать»³. Наконец, 5 мая 1917 г. Временное правительство приняло решение возвратить «реквизированных» аборигенов домой.

Но в Казахстане акция привела к драматическому финалу. Массовое столыпинское переселение затронуло Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Посетившие Степной край в 1910 г. П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин утверждали: «Киргизы не могут вечно оставаться кочевниками, если они только способны к культуре. Опыт последних лет свидетельствует о их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому могущественным и пока единственным побудителем. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе от прихода сюда русского земледельца было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам»⁴.

То, что происходило тогда на громадном пространстве Прииртышья, писатель и этнограф, уроженец этих мест А. Е. Новоселов охарактеризовал как хаотичный, но в то же время безостановочный процесс: «Людам с Запада не хватает земли. Голодные, идут они толпами, а им сажень за саженью, верста за верстой отводят хлебородные участки. Аулы все ближе к своим кочевкам подходят, один к другому. На незанятых еще удобных урочищах их сошлось вместе по несколько. В прежнее время это было немислимо, а теперь, как бы в ответ на требование жизни, вернее, под мощными ударами степные табуны растаяли». Новоселов не отрицает прогрессивного воздействия русской культуры на образ жизни и хозяйственную деятельность

---

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 300, 307.

² ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 417. Л. 591.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 336.

⁴ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 89.

Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян (фотография С.М. Прокудина-Горского)

казахов. Однако он показывает принципиальную разницу во взаимоотношениях двух этносов и двух культур в «казачий» период колонизации и в начале XX в. «Отношение киргиза к казаку в общем уже не носит характера рабской подчиненности, – констатирует писатель-этнограф. – К его счастью, завоевательница-культура застала орду в том возрасте, когда завоеванный, давши активный отпор и проигравши поле битвы, не теряет силы и способности сопротивляться пассивно и тем выигрывает время, необходимое на перевоспитание национальной психологии»¹. Под напором крестьян-переселенцев нарушается шаткое равновесие между двумя социумами.

Еще до начала и во время войны наиболее дальновидные представители местной администрации доносили в Петербург о том, что не идеи панисламизма, «а наша окраинная политика, правильно стремящаяся к насаждению русского элемента на землях киргизских кочевий, является, тем не менее, одною из главнейших причин того недовольства киргиз, о котором ныне столь много говорят». Высказывание взято из секретного доклада в Главный штаб туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова от 30 мая 1913 г. Генерал выступал в нем не как администратор, а прежде всего как

---

¹ Новоселов А. Е. Беловодье. Иркутск, 1981. С. 27, 288.

военный, который указал на три причины, которые могут привести к социальному катаклизму. Прежде всего – изъятие земель казахов в колониционный фонд, благодаря чему «у кочевников явилась полная неуверенность в завтрашнем дне и из года в год растущее недовольство русскими властями». Далее, «в столкновениях с новоселами виноваты обычно сами новоселы, от которых больше всего и достается киргизам». Наконец, «в связи с постепенным утверждением в крае общероссийского административного устройства туземец, имеющий со всеми дело, в конце концов потерял доверие ко всем им и ныне совершенно не знает, от кого же он услышит авторитетное и решающее слово». Генерал назвал и самую «горячую точку», хотя недооценил ее опасность. «Семиреченские киргизы, – замечает он, – в 800-тысячную массу коих вкраплено уже до 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично сознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю»¹.

Уже 21 октября 1915 г. из г. Верного жандармский ротмистр Железняков докладывал товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому: «Переселенческое управление постепенно отбирает киргизские земли для колонизации края переселенцами из внутренних губерний, стесняя киргиз в скотоводстве и вместе с тем не устраивая их на оседлую жизнь, что вызывает в среде кочевого населения области некоторый ропот на распоряжения властей об отторжении части их кочевий, а с другой, вражду к русским новоселам, водворяемых на этих кочевьях, тем паче, что последние своим поведением по отношению к киргизам еще более усугубляют эту вражду»².

С началом войны представители казахской национальной элиты стали инициировать вопрос об организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. По данным Д. А. Аманжоловой, главной трудностью, которая могла осложнить призыв, по их мнению, являлось отсутствие у аборигенов метрических свидетельств о дате рождения. Это обстоятельство в обозримом будущем стало основанием для массовых злоупотреблений. Весной 1916 г. в Петроград направилась инициативная группа в составе А. Букейханова, А. Байтурсынова и Н. Бегимбетова с предложениями в случае решения вопроса о мобилизации «инородцев» провести призываемых через мусульманские органы с целью их метрической регистрации, разрешить проходить службу в конных частях, уравнивать казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. После царского повеления от 25 июня 1916 г. представители 7 волостей Семипалатинской области 31 июля на собрании приняли обращение к военному губернатору территории с просьбой передать императору «верноподданнические чувства киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» воле верховной власти, ходатайствовать о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих

---

¹ Россия и Центральная Азия. Сборник документов. Караганды, 2005. С. 91, 92.

² Там же. С. 92.

Голодная степь. Караван верблюдов, везущий колючку для корма (фотография С.М. Прокудина-Горского)

частях. 11 октября 1916 г. военный министр генерал от инфантерии Д. С. Шуваев отдал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из «инородцев», подлежащих реквизиции на тыловые работы ¹.

Что касается причин выступления, кроме перечисленных выше, одной из главных, по мнению В. Хлюкина и А. Грозина, «было не столько вообще нежелание отправляться на окопные работы (на фронт их [казахов. – М. Ш.] никто не призывал), как массовые нарушения элементарной справедливости, допущенные волостными управителями при проведении мобилизации... Руководствуясь «партийной враждой» (в основе которой лежала вражда родоплеменная), волостные начальники записывали в «работы» исключительно иноплеменников и «партийных» соперников. Что не могло не привести к возмущению и протестному взрыву» ².

К тому же не надо забывать, что в начале XX в. среди российских мусульман, в том числе в Степном крае, получило распространение либерально-обновленческое или джадидское движение, ориентировавшееся

¹ Аманжолова Д. А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 72–80.

² Хлюкин В., Грозин А. «Кочевые элиты» постсоветской Азии // Азия и Африка, 2001, № 4. С. 9.

на либеральные и умеренно-левые круги российского общества¹. Возросло взаимопонимание мусульман и православных в Поволжье, Сибири, на Урале. Первая мировая война все серьезно изменила. «Сомнения в прочности царизма привели, начиная с 1916 г., к волнениям и открытому недовольству, к распространению национализма и сепаратизма. Однако это произошло под воздействием не Османской империи или ее пропаганды, и не каких-либо религиозных или этнических факторов. Главным здесь были политические и социальные потрясения, произошедшие в России во время и после первой мировой войны», – констатировал Р. Г. Ланда². Этот вывод подтверждает содержание обращения ташкентской мусульманской организации «Улема» от 17 января 1918 г., в котором подчеркивалось: «Но вот разгорелась мировая война. Блеснул луч надежды для Востока. Мусульманство всего мира встрепенулось, активно и морально стало в этой войне на сторону центральных держав, ибо оно не поверило ложным и лицемерным заверениям союзных государств о том, что будто бы они борются за правду, цивилизацию и свободу народов. Не могло оно поверить потому, что именно эти государства и были непосредственными угнетателями мусульманских народов: Россия в Средней Азии, Англия в Индии, Франция в Алжире и Италия в Африке»³.

Еще две причины назвал в уже цитированном выше выступлении в Государственной думе 13 декабря 1916 г. А. Ф. Керенский. «И почему же вдруг 29 июня получается указ, а 7 июля происходят первые беспорядки? – спрашивает он. – На какой почве, что их вызвало? Я категорически и совершенно определенно вам отвечаю: причина всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проводящая в жизнь незаконное Высочайшее повеление незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права. Это они (указывая на места Правительства) являются виновниками того, что они разрушили эту цветущую окраину, это они создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они, гг., виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт». На абсолютно неподготовленное мероприятие наложилась коррупция властей, поскольку «местная администрация сообразила, что перед нею открывается новый небывалый золотой фонтан. Она сразу поняла, что это новый источник невероятного, сказочного обогащения; новый источник эксплуатации и вымогательства населения. Эта купля и продажа Высочайшего повеления, это стремление к немедленному обогащению, "пока не поздно", создали вакханалию

---

¹ Осипова Ж. К., Еслямова А. З. Джадидское движение и открытие «новометодных» медресе в Казахстане в конце XIX–начале XX вв. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Астана; Омск; Томск, 2003. С. 118–119.

² Ланда Р. Г. Мусульманский мир и первая мировая война // Восток. Афроазиатские общества: история и современность, 2004, № 1. С. 65.

³ Исторический архив, 2004, № 2. С. 174.

Типы и виды по Ташкентской дороге. № 12.
Киргизы в степи.

«Киргизы в степи» («Типы и виды по Ташкентской дороге»)

на местах». Поэтому в эпицентре восстания городе Джизаке «волнения начинались вот именно с вопроса о цене, которую нужно уплатить за человека, который пойдет своей кровью искупать остающихся на местах. Шел спор между богачами, местными баями, и остальной туземной массой. Масса требовала, чтобы этот налог, "откупной" налог, был распределен пропорционально богатству того или иного местного жителя, а баи, вместе с русской администрацией, отстаивали "подымное" обложение. И в то время, когда в каком-нибудь кишлаке для богатого купца или землевладельца уплатить 10 или там 50 р. ничего не стоило, беднота в это время (как подтвердили мне в Фергане инспектора мелкого кредита) шли и продавали своих последних коров, закладывали последнее свое богатство туземным ростовщикам по 30–40 % в месяц – закладывали тот клочок земли, на котором они сеяли хлопок. Вот на почве этой необходимости платить откуп возникла социальная вражда между низами и верхами местного населения и поддержка администрацией верхов переводила гнев низов и на эту русскую администрацию. Так это и было, гг., вот в этом самом Джизаке. Волнения и беспорядки в городе начались столкновениями между местным населением и богатыми, "баями". Потом уже, когда уездный начальник Рукин пошел в эту массу, он был растерзан этой потерявшей самообладание толпой»¹.

Я не буду останавливаться на ходе восстания, охватившего значительную территорию, в том числе селение Кош-Агач в Горном Алтае (Бийский уезд), где проживала большая группа казахов. Ограничусь информацией о его ходе в

¹ Аграрная история Казахстана... С. 1128, 1130–1131, 1133–1134.

Степном крае. 14 июля 1916 г. местный генерал-губернатор Н. А. Сухомлинов телеграфировал в МВД: «Ввиду привлечения киргиз на работы в некоторых волостях Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов произошли беспорядки. Не желая подчиняться высочайшему повелению, киргизы бросались на управителей, старшин, срывали знаки, под угрозой заставляли отказаться от обязанностей, некоторых избили. Часть киргизов откочевала в пределы Китая... Брожение продолжается». В Акмолинском уезде 15 июля «киргизы призывных возрастов бросают насиженные места, все работы, службы, массажи бегут в глубь степи, угоняют весь скот на тысячи верст с целью уклониться от призыва». 17 июля: «положение в уезде ухудшается, киргизское население ведет себя вызывающе, формируются отдельные тысячные отряды. Вооружаются самодельным оружием, пиками, топорами... Сейчас получены сведения, что пристав Иванюшкин убит. Усердно ходатайствуем о немедленной присылке войсковой силы с пулеметами для успокоения населения». В Петропавловском уезде Акмолинской области казахи 23 июля «в числе около 500 человек окружили село Николаевское и послали к управителю 6 человек киргизов с требованием отдать им непременно печать и составленные волостным писарем списки привлекаемых на работы, грозя в случае неисполнения их требований поджечь село Николаевское. Управитель Сулейменов, испугавшись этой угрозы, отдал киргизам списки и печать должностную». В Омском уезде к 16 августа «ни один из управителей не доставил списков призываемых», хотя обязаны были сделать к 10 августа. Из информации штаба Омского военного округа: по состоянию на середину сентября 1916 г. волнения возникли в Усть-Каменогорском уезде, «а затем перекинулись и в другие местности с киргизским населением, достигнув наиболее широких размеров в уездах: Зайсанском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Семипалатинском Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском Акмолинской области и в районе Кош-Агач Бийского уезда Томской губернии»¹.

Назначенный в разгар восстания 20 июля 1916 г. туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, распорядился «привести в покорность восставших, не стесняясь никакими средствами». По его приказу переселенцам выдали оружие. Из действующей армии отозвали 9-й казачий полк Сибирского казачьего войска и через Семипалатинск направили в Семиречье для подавления восстания. 23 августа по его указанию от реквизиции освобождались следующие группы «инородцев»: «1. Должностные лица (волостных, сельских, аульных) управлений. 2. Нижние полицейские чины из туземцев. 3. Имамы, муллы и мударисы. 4. Счетоводы и бухгалтера в учреждениях мелкого кредита. 5. Обучающиеся в правительственных и частных высших и средних учебных заведениях. 6. Туземцы, занимающие классные должности в правительственных учреждениях. 7. Туземцы, пользующиеся

---

¹ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004. С. 115–120.

— 4 —

« Б Ъ Ш Д Ё Л Е О П Р С Х »

زینگر دنگ کالیانامی کیم نینگن ماشین خانلار ماغاز
اشقان اومیں شهر نده دور تسوای کوچیده کی چورنابین اوبنده میایدنه
کولیانانکایا دوگان کوچیده کاریمو اوبندنگ اوبنده ایر بیت، آردستوسلی،
زینگر دنگ ماشینا
سی هر نورلی اور
ناک ننگره هم نه
فوریدی تکر ننگر نا
ریننگره بارایدی.
استیگان هم صا
تله ای اری 14
ملیه نمان کوبیر الیور

ایشم، قرلیجار، قو
ستاز، آلمیصر ما
افولا، قوباندی
مارمر کاندنه صا
غلادی، صول طور ا
دان مغلوم فلادی
ماشینا کرکی کسی
صانت آلمیغا.

نابار. زینگر دنگ دیوار اوشهر نده ای قاپر کاسینک ماشیناسی جانیسی بو
هان سبیلی دونیا جوزینک بار نه ییلگیل بومان. صانت اغاناندا رغالای
ننگرین آقیزس اور بر اتادی. آق بادشامز بیکتکل زینگر دنگ کالیانامی.

ШВЕДСКИЕ МАШИНЫ Торговое клеймо.
ЗИНГЕРЪ Магар زینگر کالیانامی

для домашнего употребления, художественной вышивки и промышленных целей всякого рода.

Больше 14 миллионов
изготовлено и продано.

Швейные машины Зингеръ получили всемирную известность, благодаря превосходному качеству и громадной производительности, которыми издавна отличались все фабричаты Компани Зингеръ въ Нью-Йоркѣ.

Безплатное обучение танца и модной художественной вышивкѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНОЯ
МАНУФАКТУРНАЯ КОМПАНИЯ ЗИНГЕРЪ.

Омскъ — Дворцовая улица, домъ Чернавиной.
Семипалатинскъ — Бульварская ул. д. Каримовой С.я.
На ярмаркахъ: Иркутской, Крестовской, Ишимской,
Петроп., Бустанайск., Атыбзар, Акмола, Куяндин. и пр.

Туркестанские газеты, включая и «Киргизскую степную газету», были двуязычными

правами дворян и потомственных почетных граждан, а также лично пользующиеся правами почетных граждан»¹.

По данным А. Каппелера, во время восстания только в Семиречье убили более 3 тыс. русских, более 10 тыс. крестьянских хозяйств разграбили и сожгли, погибло более 100 тыс. казахов и киргизов, более 200 тыс. бежали в горы и Китай². Согласно подсчетам А. Булдакова, «в ходе восстания было убито 2325 «туземцев-европейцев» (из них около двух тысяч в одном только Пржевальском уезде, пропало без вести 1384 человека (в основном это женщины, которых уводили в рабство). Было разорено 10 тысяч переселенческих хозяйств. Впрочем, последняя цифра преувеличена – как водится, когда надеются получить компенсацию за утраченное имущество, стараются зависить ущерб»³. Всего в Китай из Казахстана и Средней Азии (прежде всего из Киргизии) ушло более 300 тыс. казахов, киргиз, дунган и уйгур⁴. По пути своего бегства мятежники сжигали русские селения, вытаптывали поля, угоняли скот. Еще одним итогом событий в Степном крае и Туркестане стало, по мнению французского историка Э. Каррер д' Анкосс, то, «что начиная с лета 1916 года, то есть за несколько месяцев до начала революции, последняя уже разворачивалась в Средней Азии. Восстание, более или менее усмирненное в Туркестане, не остановилась в степях. Весь регион уже не подчиняется империи, а словно исключает себя из ее жизни»⁵.

¹ Исторический архив, 2004, № 3. С. 190.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 260.

³ Булдаков В. Бунт // Родина, 2004, № 11. С. 70.

⁴ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 93.

⁵ Каррер д' Анкосс. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 277.

К началу февраля 1917 г. по Акмолинской области призвано и принято военным ведомством на тыловые работы 7573 казаха, признано при освидетельствовании непригодным 8570, освобождены от призыва как работающие на оборону 10 241 чел., предоставлена временная отсрочка 16 314 казахам. В Семипалатинской области призвано 13 990 казахов, освобождены от призыва как работающие на оборону 15 719 чел.¹ Для организации адаптации отправленных на тыловые работы казахов при штабе Западного фронта в Минске организуется инородческий отдел Земгора во главе с А. Н. Букейхановым².

Определенные подвижки в исследуемый период произошли в еврейской среде региона. Общее количество еврейских беженцев к февралю 1917 г. составило 1492 чел., в том числе 1107 осели в Томской губернии³. В феврале 1916 г. в Тюмень прибыло 150 евреев-беженцев из Пензы. В донесениях чинов полиции отмечалось, что «расширение черты еврейской оседлости не отразилось на местной жизни и прибывших евреев незаметно. Они, наоборот, стремятся из Сибири в Россию и сибирские города на линии железных дорог, где идут крупные и успешные торговые обороты»⁴. «С ростом цен и ухудшающимися условиями жизни было связано и обострение «еврейского вопроса», – замечает С. Ю. Шишкина применительно к Тобольской губернии. – По слухам, именно евреи были виноваты в намеренном повышении цен с целью наживы, а «будирующий» элемент возбуждал недовольное население к повсеместному еврейскому погрому. Евреев обвиняли в том, что, пользуясь поддельными удостоверениями, они производят закупку хлеба и лошадей в любом районе империи, чем способствуют повышению цен и затрудняют деятельность правительственных чинов»⁵.

Кое-где антисемитские настроения проявились открыто. В частности, в Красноярске они привели к погромным действиям горожан 7 мая 1916 г., разгромившим 40 еврейских и 11 русских лавок. Погром начался в 7 часов утра на базарной площади, где продолжался до 12 часов, а затем перекинулся на другие районы города. Толпы из женщин и подростков громили магазины и квартиры евреев. В 3 часа дня погромщики направились в Николаевскую слободу, где продолжили разгром и избиения. Человеческих жертв удалось избежать, но были раненые и избитые, в том числе начальник железнодорожного

---

¹ Сиб. жизнь, 1917, 2 февр.

² Габдуллин Б. Великое кочевье. О тех, кто строил государство Казахстан. Алматы, 2011. С. 85.

³ Нам И. В. Указ. соч. С. 488.

⁴ Клюева В. П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – нач. XX в.) // «Приезд и водворение в Сибири воспрещается...» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 23.

⁵ Шишкина С. Ю. Линии конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья) // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 178.

Томская синагога (старая открытка)

жандармского отделения ротмистр Игнатов, который мужественно защищал евреев. Задержали 132 чел., в том числе 82 женщины¹. Енисейский губернатор Я. Г. Гололобов, оправдываясь, указал на факт высылки в губернию большого количества евреев «за шпионство, мошеннические поставки для армии и прочее, когда всем стало известно, что в числе спекулянтов, поднимающих цены на предметы потребления, главную роль играют евреи с их банками, то среди населения, даже безразлично относившегося к евреям, стала возникать и все более возрастать враждебность к ним». Вопрос о красноярском погроме обсуждался на закрытом заседании 4-й Государственной думы 10 июня 1916 г.² Из других городов Сибири еще только в Новониколаевске в декабре 1916 г. подверглись разгрому еврейские лавки³.

Из-за систематического превышения процента студентов-евреев в российских вузах Министерство народного образования (МНП) потребовало от ректоров навести в этом деле порядок. С этой целью в 1914 г. в Томский университет евреев должны были принимать по жребию в количестве 5 %⁴. Примерно в таком же духе действовали в технологическом институте. В 1916 г. здесь было объявлено, что из-за превышения процентной нормы набора

¹ Красноярск православный и больничная церковь святителя Николая. Красноярск, 2009. С. 203.

² Бердников Л. П., Лонина С. Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. С. 236, 237.

³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 107.

⁴ Сиб. жизнь, 1914, 10 июня.

студентов-евреев на 1916/1917 учебный год не будет. Исключение сделали для детей евреев – участников военных действий, уволенных из армии по болезни или ранению, детей сотрудников ведомства народного просвещения¹.

После Февральской революции уже 4 марта 1917 г. Временное правительство отменило для евреев процентные нормы для поступления в вузы. 10 марта ликвидируются ограничения в области создания и функционирования акционерных обществ. 20 марта отменяются все ограничения в правах граждан России, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, сословию, национальности. В общей сложности нормативный акт «закрывал» 140 законов, которые в совокупности составляли «кодекс еврейского бесправия»².

В студенческой среде Томска в рассматриваемый период, помимо территориальных землячеств, начинается создание национальных объединений, в частности, Мусульманское общество взаимопомощи в технологическом институте и Еврейское студенческое общество в университете³.

В целом, Первая мировая война существенно ухудшила положения всех аборигенных и пришлых этносов региона. «В связи с ростом дороговизны, сокращением товарной массы уменьшился товароборот, закрывались магазины и лавки. Продолжалась реквизиция скота, не хватало рабочей силы, в городах была введена карточная система на все предметы первой необходимости, в деревнях – на хлопчатобумажные ткани и чай», – делают выводы исследователи по Бурятии, который можно распространить и на другие национальные районы Сибири⁴.

§ 4. Военная благотворительность, связь фронта и тыла

Официальная трактовка Первой мировой войны как Второй Отечественной (после 1812 г.) в начальный период боевых действий была поддержана населением Сибири. Проявлением патриотических настроений явилась благотворительная помощь армии со стороны многочисленных общественных организаций и частных лиц. С момента создания благотворительные объединения сосредоточились на сборе добровольных пожертвований для фронта, о чем неоднократно говорилось в первых параграфах этой главы. В общественных местах (вокзалы, пристани, магазины, общественные собрания

---

¹ Ульянова О. С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск, 2010. С. 171.

² Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003. С. 9.

³ Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX–начало XX в.). Омск, 2010. С. 457.

⁴ История Бурятии. С. 22.

и народные дома) устанавливались специальные кружки для сбора денег. Помимо предпринимателей, основной вклад в фонд армии вносили небогатые горожане и крестьяне. «Медные деньги были основными денежными знаками, – отмечает И. А. Еремин, – поступавшими по подписным листам, кружечным сборам и т. д. в фонды различных благотворительных общественных организаций. Хотя были и примеры крупных пожертвований для армии со стороны не самой состоятельной части общества. Именно так поступил в августе 1916 г. крестьянин деревни Смазневой Барнаульского уезда Ф. П. Комогоров,

безвозмездно пожертвовавший для армии свою лошадь, оцененную приемочной комиссией в 175 руб. 60 коп.»¹.

О размерах и формах военной благотворительности попытаемся составить представление на основе мемуаров И. И. Серебренникова и летописи города Н. С. Романова за вторую половину 1914 – первую половину 1917 гг. Итак, за вторую половину 1914 г. у Н. С. Романова содержатся сведения о 23 благотворительных акциях, во время которых собрали в общей сложности 339 312 руб. Наиболее крупные пожертвования: от товарищества Второва – 100 тыс. руб. в пользу больных и раненых воинов, купца Н. Т. Зверева – 10 тыс. руб., братьев-купцов И. Е. и С. Е. Замятиных – 10 тыс. руб. на нужды семей призванных на войну. 20 сентября 1914 г. началась акция «продажи флажков России и союзных государств; «продавщиц и продавцов флажков можно встретить на каждой улице». В пользу семей запасных, ополченцев, больных и раненых воинов собрано 12 107 руб. 78 коп. 23 октября продавали флажки Красного Креста. Собрали в пользу Иркутского полевого госпиталя 5 тыс. руб. 6 ноября городские извозчики пожертвовали дневную выручку (1583 руб.) Иркутскому госпиталю Красного Креста. 9 декабря: Парикмахерский день – дневной заработок в размере 360 руб. туда же. Кроме того с 8-го по 14-е ноября собирали теплые вещи для воинов и населения Польши, а также пожертвования на табак фронтовикам (2548 руб. 77 коп.). 2 декабря в Польшу отправили 5 вагонов теплых вещей общим весом 1707 пудов.

В 1915 г. фиксируется 34 благотворительных мероприятия, в ходе которых собрано 31 343 руб. Величина сбора только частично отражает сумму пожертвований, поскольку в большинстве случаев фиксировалась акция и не указывался результат. Итак, 25 января Иркутский комитет Союза городов проводит вечер в пользу инвалидов-фронтовиков, доход 2134 руб. 20 февраля «День солдатского погона». Деньги предназначаются в пользу семей запасных и ополченцев, призванных в войсках. Сбор: 8 тыс. руб. 13 марта – день сбора в пользу Сербии и Черногории. Получено около 4 тыс. руб. 21 мая – День Сибирского стрелка. Собрали 5 тыс. руб. 6 сентября – лотерея в пользу беженцев дала 3,3 тыс. руб. 21 сентября – сбор в пользу больных воинов, 4 тыс. руб. 21 сентября – День Ополченского креста, 4702 руб. 51 коп.

1916 год, 22 мероприятия, сбор – 12 125 руб. Наиболее значимые акции: 5–6 марта – сбор средств на пасхальные подарки детям фронтовиков. Из 415 кружек извлечено 4425 руб. 26 июня – гулянье в пользу Комиссии по оказанию помощи семьям запасных, собрано 7700 руб. Были и другие мероприятия, но суммы собранных средств не указываются. Тем не менее, в 1916 г. произошел резкий спад в военно-благотворительной активности сибиряков. Объяснение, на мой взгляд, следует искать в следующей фразе И. И. Серебренникова, записанной в дневнике 7 февраля 1917 г.: «О фронте

---

¹ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 194.

почти все забывают и думать. Свершилось: к войне привыкли, она вошла в обиход»¹. Резкий спад военной благотворительности наблюдался и в Якутии. Объясняя ситуацию, газета «Якутские вопросы» сообщала, что «попытки организовать такого рода помощь путем сбора добровольных пожертвований... не дали значительных средств и не привлекли достаточного внимания отдельных благотворителей»². Жизнь продолжалась, появлялись новые проблемы, требующие материальной поддержки. И те же иркутяне к середине сентября 1916 г. собрали пожертвований на открытие в городе университета 1,2 млн руб.

В 1917 г. ситуация предшествующего года повторилась. До мая фиксируется всего лишь три благотворительные акции для военных нужд. Зато подписка на «заем свободы» к 25 апреля дала по городу 1886 тыс. руб. Обыватели уже не хотели просто так отдавать свои средства и надеялись на получение денежной компенсации. Подписка на военные займы в регионе получает распространение с 1916 г. Как установил И. А. Еремин, «к концу декабря 1916 г. вклад барнаульцев в поддержку армии через покупку облигаций военного займа составил 1,5 млн руб. Не отставали от барнаульцев в приобретении облигаций военных займов и жители других городов и уездов губернии. Так, 21 ноября 1916 г. во время совещания в Новониколаевске представители торговли и промышленности по инициативе губернатора В. Н. Дудинского, подписались на 1,1 млн руб. «на покрытие внутреннего трехмиллиардного займа на нужды войны»³.

Как известно самодержавие в 1914–1917 гг. 6 раз выпускало облигации внутренних займов (один раз во второй половине 1914 г., трижды в 1915 г., дважды в 1916 г.) на общую сумму 7,5 млрд. руб. или примерно четвертой части военных расходов империи за время войны. Временное правительство продолжило практику предшественника, выпустив облигации 5 % Займа свободы

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 306.

² Цит. по: Федоров В. И. Первая мировая война в судьбах «инородцев» // Якутский архив, 2004, № 2. С. 62.

³ Еремин И. А. Указ. соч. С. 200–201.

1917 г. К размещению ноябрьского 1915 г. 5,5 % военного краткосрочного займа впервые, помимо государственного и крупных акционерных банков, привлекли учреждения мелкого кредита, городские общественные банки и общества взаимного кредита, т. е. была сделана ставка на массовое привлечение средств населения. Облигации займа приобретались за 95 % их нарицательной стоимости. По истечении 10-летнего срока, на который выпускался заем, правительство гарантировало выплату полной нарицательной стоимости, поэтому доходность облигаций составляла 5,75 %, что было выше процентов по вкладам в государственных сберегательных кассах и в акционерных банках. Выплаты процентов производились два раза в год. Для этого к облигации прилагались листы купонов, которые погашались (отрезались) при каждом получении процентов. Владельцы облигаций получали и ряд дополнительных льгот. В свою очередь, за участие в размещении займа, кредитные учреждения получали комиссию в 50 коп. с каждых 100 руб. номинала. О размерах размещения займов можно судить по Алтаю, где Барнаульским отделением Государственного банка во второй половине 1914 г. было размещено облигаций на 280 тыс. руб., в 1915 г. – на 757 тыс. руб., и в 1916 г. – 4334 тыс. руб.¹

Большой объем военной благотворительности осуществляли местные епархии Русской православной церкви, их приходы и духовенство. Новониколаевский священник Н. Никольский констатировал: «К нуждам ближних прихожане отзывчивы и охотно дают жертвы на благотворительные дела. Эта отзывчивость доброй русской души особенно сильно проявилась в настоящую тяжелую годину нашей Родины. С началом войны появилось много разных благотворительных организаций, и все они работают, главным образом, на добровольных началах». В Новониколаевске советы церковно-приходских попечительств городских храмов собирали и раздавали деньги, продукты, одежду, муку, крупы, доставляли дрова, уголь, чинили жилища и т. д. Попечительство Воскресенской церкви в декабре 1914 г. открыло лазарет,

¹ Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XXI века. Барнаул, 2010. С. 117.

организовало остановочно-питательный приют, где возвращающиеся домой раненые воины, получали горячую пищу, бесплатную медицинскую помощь и лекарства¹.

В августе 1915 г. глава Томской епархии РПЦ епископ Анатолий (А. Каменский) обратился к местному духовенству с призывом жертвовать «из своих личных средств, кто сколько может, на общее снаряжение армии боевыми снарядами». Тогда же по его инициативе в Томске открываются дневной приют для беднейших детей призванных на войну нижних чинов, а также епархиальный комитет по призрению беженцев. В сентябре 1914 г. архиерей утвердил устав благотворительного общества дам духовного сословия, созданного для помощи раненым воинам и семьям фронтовиков, и стал почетным председателем его. По его предложению в 1915 г. при формировании открывается патронат-попечительство для оказания помощи раненым, выздоравливающим, выписанным из госпиталей и следовавшим к месту постоянного жительства. В декабре 1916 г. он участвует в освящении дома-приюта для сирот и беспризорных детей, организованного по его инициативе².

На местах организовывались церковно-приходские комитеты, кружки дам духовного звания. Опять же, пик церковной благотворительности, по мнению И. А. Еремина, приходится на 1914–1915 гг.³ По его подсчетам в приходах, монастырях, учебных заведениях, духовенством Томской епархии в указанное время было собрано 26 405,5 пудов белья, 52 ящика с подарками, 6335 аршин холста и 15 584 руб. наличными⁴. Помогали фронту и старообрядцы. В той же Томской губернии в 1915 г. они собрали 1668 рубашек, 1227 портянок, 16,5 пудов мыла, 2,5 пуда чая, 4 пуда сахара, более 500 пудов сухарей, 13 пар сапог. Уполномоченным от них по доставке подарков на фронт избирается священник новониколаевской старообрядческой общины Д. Суворов⁵.

В регионе проводились целенаправленные акции по сбору подарков для фронтовиков, поддержанию связей с воинскими частями, ушедшими в действующую армию из тех или иных городов или в которых служили земляки. На фронт выезжали делегации горожан. Жители Барнаула, например, заботились о военнослужащих 44-го Сибирского стрелкового полка, в котором воевало большое количество призванных из города и уезда. Томичи «патронировали» личный состав 42-го Сибирского стрелкового полка и 1-й отдельной Сибирской мортирной батареи, которые до войны размещались в городе.

---

¹ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал, 2010, № 6. С. 44.

² Исаков С. А., Дмитриенко Н. М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002. С. 55.

³ Еремин И. А. Указ. соч. С. 202.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Жизнь Алтая (Барнаул), 1915, 26 июля.

О характере таких взаимоотношений можно судить по подборке писем фронтовиков (55 единиц) за 1914–1916 гг., хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее. Большая их часть, а именно 44, написана в качестве ответа на присланные из Омска пасхальные и рождественские подарки и адресована городской думе. 25 писем из коллекции написаны военнослужащими 43-го Сибирского стрелкового полка. Из их содержания можно утверждать, что почтовые карточки с типографским текстом «Омская городская дума! Христос воскрес!» и почтовая бумага отправлялись с подарками к Новому Году, рождеству, Пасхе от Омской городской думы в декабре 1914, марте 1915 гг. и предназначались для личного состава 11-й Сибирской стрелковой дивизии, 4-го Сибирского саперного батальона, 43, 44, 55, 56-го Сибирских стрелковых полков и 2-го отдельного Сибирского минометного артиллерийского парка.

Отдельные авторы перечисляют содержимое посылок, из чего можно составить примерный список отправляемых в действующую армию вещей: нижнее белье, портянки, табак, папиросы, бумагу для табака, мыло, ложки, иголки, нитки, конверты, почтовую бумагу, карандаши, конфеты и прочие «съестные вещи». Письма передают принятый тогда стиль изложения: вежливо-пространное обращение к адресату с включением слов благодарности или просьбы, например: «Чувствительно благодарю Омскую городскую думу за полученные мною подарки!» или «Много уважаемые сограждане! Просим мы вас не оставить нашей просьбы, не найдете ли возможным исполнить нашу просьбу прислать нам фистовую о восемнадцати клавишах гармонь».

Подарки в письмах названы «жертвенными», «бесценными», «драгоценными». Телефонист 55-го Сибирского стрелкового полка В. Н. Подсадних объясняет данное обстоятельство следующим образом: «Я самый не имел карандаша, мыла и иголок, да и не было ложки, что считается необходимым всякому солдату, потому что из за нее приходится часто голодать. Какое же мое удивление! Когда я раскрыл свой кисет, доставшийся мне в подарок, я нашел все необходимое. Помимо этих необходимых вещей еще достались мне пачка

хорошего чая кусков 2... и конфеты... конверт, бумага». Лишь в одном письме солдата 43-го Сибирского стрелкового полка высказывается недовольство по поводу так и не полученного подарка: «Раздали одну конфету на двоих». Обращаясь к гласным городской думы, он сообщает: «Подарков выслано было 1200, а в полку до 4000 человек».

В письмах, помимо благодарностей, содержатся сведения о фронтовой повседневности с элементами патетики «Мы во всякое время готовы душу свою положить за Родину, за Царя, за Отечество и за вас, доблестных благодетелей, не забывающих нас на бранном поле», – писали солдаты 8-й роты 43-го Сибирского стрелкового полка или с элементами фатализма: «Был я в боях и под визжание пуль и зловещее шипение снарядов веселился. Пули визжали, ударялись о землю и, поражая моих сотоварищей по бою спереди, сзади, справа и слева... Все для меня было ерунда... Ряды друзей и товарищей все редуют и редуют. Невольно подумаешь: пролетели миллионы пуль, тысячи снарядов, а я до сих пор невредим. А ведь, в конце концов, придет та секунда, когда придется познакомиться с злодейкой – пулей или куском шрапнели» (стрелок 43-го Сибирского стрелкового полка В. Быченков). Достаточно подробно раскрывается боевая обстановка. Так, тот же В. Быченков 25 февраля 1915 г. информирует своего товарища Федю: «Грандиозный бой был 2 февраля, но к сожалению для нас неудачный, где мы в двухчасовой атаке потеряли 90 человек из 240. 11 февраля была блестящая (для нас) нас атака на деревню Лагуны (в 9 верстах от города Прасныша). Здесь мы немцу задали перцу так, что оставшиеся в живых побросали ружья, вещевые мешки с необходимым запасом продовольствия». Фельдфебель 2-го отдельного Сибирского мортирного артиллерийского парка Алтухов 31 марта 1915 г. сообщает другу Паше: «Мы живем слава Богу. Стоим мы два месяца на одном месте около города Цыханова. Бои сейчас на восточном фронте затихли, изредка идет перестрелка, но раньше были мы за Варшавой, около Болимова два с половиной месяца. Там мы были, как в аду кипели. Бесперывно гремели орудия и трещали пулеметы с ружьями. День и ночь покою не давали. Немцы колоннами шли в атаку, как мураши лезли и кричали: "Отдай русак "Аршаву""", – но им тут задали Варшаву. Но сейчас мы зажили хорошо. Боев больших нет. Прежнее все забыли, что было, но вперед не известно, что будет. Одному богу известно. Вот вам и вся наша жизнь. Одним плохо, что германец вольных и мирных жителей беспокоит аэропланами. Цеханову покою не дает. Ежедневно по 15 аэропланов летает. Много мирных жителей побил. Вот вам, Васильевич, весь наш рассказ».

Письма пронизаны оптимизмом и верой в победу. Военнослужащий Кузнецов завершает свое послание следующими словами: «Видно, что мы не одни военные защищаем нашу дорогую родину, а вся наша матушка Россия вооружается, кто чем только сможет, как бы скорей сломить вредного, кровожадного врага, возмущившего всю Европу. Дай Бог скорей покончить с ним дело, разбить его и вернуться, если бог приведет, и лично поблагодарить

*«Каждый раз, лишь только я
Заряжаю пушку,
Вспоминаю вмиг тебя —
Миленькую душку!»*

за полученные мною подарки и принесшего мне великую радость в эти светлые дни. А сейчас прошу принять Омскую городскую думу и жертвователей мою сердечную заочную благодарность...». Иногда впечатления от боев облекались в простенькие стихотворные формы типа:

«Слава вьется над стрелком
Над Сибирским сорок третьим
Над родимым нам полком.
Под Цехановы стояли
Немца брали, как в тиски,
Под Помянами сверкали
Все Сибирские штыки»¹.

На протяжении войны, вплоть до начала 1917 г. население Сибири оказывало поддержку и благотворительную помощь действующей армии, как в форме сбора денежных средств и материальных ресурсов, так и путем поддержки фронтовиков и отправки им подарков.

¹ Письма участников Первой мировой войны. Вступительная статья, подготовка текста к публикации Г. С. Епериной // Известия Омского гос. историко-краеведч. музея. Омск, 2000, № 8. С. 259–276.

Глава 4. Общественно-политическая, конфессиональная и культурная жизнь региона в военных условиях

§ 1. Военная тематика общественных настроений

Начало Первой мировой войны вызвала широкий общественный резонанс и внесла изменения в повседневную жизнь, прежде всего горожан. Сибиряки в основном разделяли патриотический подъем. Акмолинский военный губернатор П. Н. Масальский доносил 15 октября 1914 г. в МВД: «Дерзкий вызов Германии и Австрии нашей Родине показал, в последующие моменты развития событий государственной важности, несокрушимую мощь России и беспредельно чистую до полного самоотвержения, любовь населения к Нашему ВЕРХОВНОМУ ХОЗЯИНУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и к нуждам нашей дорогой Родины»¹. Тобольский губернатор А. А. Станкевич констатировал: «Объявление войны вызвало подъем патриотических чувств населения во всех его слоях»². Лишь из Томской губернии, где среди мобилизованных прокатилась волна выступлений, губернатор В. Н. Дудинский информировал столичное начальство о том, что «с окончанием мобилизации настроение населения несколько повысилось в духе патриотизма». В последующем (октябрь–ноябрь) «во всех без исключения слоях населения губернии замечалось проявление самого живого интереса к военным событиям, причем всякое известие об успехах нашей действующей армии было встречаемо с патриотическим энтузиазмом, выражавшемся, между прочим, в устройстве уличных манифестаций. Кроме того, все классы населения объединяются в сознании необходимости самого широкого удовлетворения нужд военного времени»³.

По получению царского манифеста прошли молебны о здравии императора и даровании победы над врагом. Так, в Иркутске 21 июля 1914 г. епископом Евгением было «совершено молебствие о даровании победы и объявлен высочайший Манифест. По окончании молебствия состоялась манифестация». В Новониколаевске 23 июля состоялась патриотическая манифестация. «Массы людей со священниками впереди, с портретом царя и национальными флагами прошли по улицам, протяжно распевая «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя»⁴. Осознание важности переживаемого момента порождало

---

¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизвод. Оп. 1914. Д. 141. Ч. 1. Л. 1.

² ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизвод. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 76. Л. 7.

³ Там же. Ч. 77. Л. 11 об., 14.

⁴ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 193; Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 89.

«Война России с немцами. День объявления войны» (плакат)

ощущение сопричастности происходящим событиям. Поэтому в октябре 1914 г. Курганская городская дума решила «послать телеграмму бельгийскому королю с выражением сочувствия граждан Кургана по поводу постигшего разорения немцами Бельгии и послать на имя бельгийского посланника в Петроград 100 руб. на помощь пострадавшим бельгийцам»¹. По линии железной дороги и городам пронеслась волна мобилизации со всеми ее эксцессами, описанными в первой главе. К середине августа повседневная жизнь стабилизировалась и казалось бы вошла в привычное русло. «Иркутск постепенно принимает обычный вид, – фиксирует в дневнике 12 августа 1914 г. И. И. Серебренников: – вечером на скэтинг-рингах гремит музыка, на Большой улице толпа гуляющих, публика наводняет театр Гиллера, где впервые демонстрируется новинка – кинетофон Эдисона»². Тем не менее, уже на всем лежала печать военного времени.

Прежде всего, трансформировались представления о масштабах и продолжительности боевых действий. В эйфории первых дней глобального

¹ Шишкина С. Ю. Война и общественные настроения: 1914-й г. (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4. С. 54.

² Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 27.

конфликта «даже скептики не сомневаются в том, что Германия с ее союзниками будет разгромлена, но при этом задумываются над тем, не подерутся ли потом союзники-победители друг с другом»¹. Достаточно быстро приходит отрезвление относительно продолжительности войны, и такой наблюдательный, информированный и аналитически мыслящий человек, как И. И. Серебренников, постоянно отмечает в дневнике: 27 ноября 1914 г. «Война начинает казаться бесконечной»; 1 января 1915 г. «Мы не знаем даже, кончится ли в этом году эта чудовищная война, истощающая ресурсы десятка государств»; 19 января «Наступило второе полугодие Великой Отечественной войны. Так рухнули ожидания многих быстрого окончания войны»; 22 мая 1915 г. «Война принимает страшно затяжной характер»; 19 сентября 1915 г. «Война затягивается до жестокости долго»². В 1916 г. от констатации факта затягивания военных действий он переходит к предположениям: 7 сентября «Кажется, война продлится еще несколько лет... Через год Россия будет ощущать тяготы продовольственного кризиса. Конец войны ознаменуется внутренней анархией»; 9 октября «Кажется, мы катимся к краху»³.

Первые неудачи на фронтах наносят существенный удар по надеждам на скорую победу. В октябре 1914 г., согласно жандармскому донесению, тюремный инспектор Тобольской губернии коллежский советник Кузнецов выразил сомнение в достоверности информации о бомбардировки военными кораблями Турции черноморских портов. Мол, ранее сообщалось только о бомбардировке Феодосии и Новороссийска, потом стало известно, что турки бомбардировали Одессу, а теперь уже Севастополь. «Может быть, через несколько дней мы узнаем что-нибудь и больше, чем бомбардировка Севастополя». Высокопоставленный местный чиновник далее сказал: «Выходит, что наш флот не был подготовлен к войне... Вот и в Восточной Пруссии были разбиты два наших корпуса и погиб весь штаб»⁴.

Большое значение во время войны имели слухи, в том числе намеренно распространяемые властями. В плане борьбы с «немецким засильем» образцом чисто народного творчества стало обошедшее всю Азиатскую Россию известие о том, «что скрылся командующий войсками Степного военного округа генерал Шмидт» (Степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа в 1908–1915 гг., генерал от кавалерии Е. О. Шмит. – *М. Ш.*). Вслед за ним в орбиту слухов попал бывший командующий войсками Иркутского военного округа генерал А. Е. Эверт, назначенный в августе 1914 г. командующим 4-й армии Юго-Западного фронта⁵. Образчиком второго рода слухов стала знаменитая «история с аэропланами», о которой речь шла в предшествующей главе.

---

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 40, 68, 81, 84, 124, 143.

³ Там же. С. 261, 310.

⁴ Шишкина С. Ю. Указ. соч. С. 58.

⁵ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 25, 31.

«Незванный гость хуже татарина»

Слухи о Шмидте породили следующую филиппику И. И. Серебренникова (9 сентября 1914 г.): «Немцы – это население России, половина видных должностей по империи занята ими. В течение почти двухсот лет они наводняют Россию через окно, прорубленное в Европу. До этого в Сибири видные воеводские места занимали князья Гагарины, Трубецкие, Волконские, Барятинские... Но стоило только прорубить окно в Европу, как первым иркутским губернатором оказался немец фон Фрауендорф. В русско-японскую войну войсками командовали Каульбарсы, Гриппенберги, Бильдерлинги, Мейендорфы, Гершельманы, Гернгроссы, Стессели, Ренненкампы. Etcetera, etcetera. Это так же дико, как если бы немецкими войсками, сражающимися против нас, командовали теперь генералы Ивановы, Поповы, Собакины, Толстобрюховы. Увы! Я предвижу, что и в

настоящую войну во главе наших войск будет много русских немцев...

В Государственном совете заседают Будберг, фон Валь, Витте, Гербель, фон Гойнинген-Гюне, Дейтрих, Искуль фон Гильденбрандт, фон Кауфман, Корф, Розен, Рооп, Саблер, Толь, Унтербергер, Фредерикс, Фрезе, Шварц, Шлиппе, Шлиман, Шрейбер, Штюрмер, фон Экспаре, Глезмер, фон Дитмар, Крамер, Меллер-Закомельский, Нейдгарт, Ольденбург, фон дер Пален, Пилар фон Пильхау, Ребиндер, Ротванд, Шиллинг, Шумахер, Энгельгардт... Ну, не довольно ли? Это уже подлинное "инородческое засилье". Но, к сожалению, о таком засилье у нас принято молчать»¹.

«История с аэропланами» получила распространение в Сибири в связи с кампанией по разоблачению шпионов, развернутой в России в период «великого отступления» 1915 г. и нашедшей свое воплощение в деле жандармского полковника С. Н. Мясоедова и отстранении от должности с последующим арестом

¹ Там же. С. 25–26.

и осуждением военного министра, генерала В. А. Сухомлинова. «Причина этого лежала во всеобщей уверенности в том, – констатирует У. Фуллер, – что все или почти все отступления и катастрофы в России в этой войне могут быть отнесены на счет измены. Измена была главным и исчерпывающим объяснением любых явлений. Со времен мазурских боев в начале 1915 года вести с фронта приходили почти исключительно дурные. Один рапорт о военном поражении сменялся другим. Говорили о катастрофическом кризисе вооружения и боеприпасов, о позорных отступлениях и о невероятных потерях. Даже такие триумфы России, как Брусиловский прорыв, достигались ценой чудовищных потерь. Что, кроме тайной измены, могло объяснить эти катастрофы? Все знали, что Россия обладает достаточной мощью и возможностями для победы, однако страна платила чрезмерную цену, и дело даже при этом могло кончиться поражением. Многим казалось самоочевидным, что тут не обошлось без предательства»¹.

В отношении Мясоедова и Сухомлинова в Сибири, как и вообще в российской провинции, факт их предательской деятельности воспринимался как очевидный и использовался оппозиционными силами в пропагандистских целях. В листовке томской группы «Объединенных марксистов» (апрель 1915 г.) утверждалось: «Правительство продажное, что показал нам поступок Мясоедова в шпионстве, который пойман, и еще с ним действовавшие чиновники». В другой листовке от имени Томского военно-социалистического союза» (январь 1917 г.) это положение получает дополнительную аргументацию: «Если царь продал своих подданных англичанам и французам, то его генералы и министры Мясоедовы и Сухомлины продают своих солдат немцам»².

21 марта 1915 г. И. И. Серебренников с удовлетворением фиксирует в дневнике: «Назавтра – Пасха. И, как пасхальный подарок, красное яичко к Христову дню, пришло сегодня известие: казнен полковник Мясоедов – шпион, относивший обязанности переводчика при штабе 10-й армии. Той армии, которой недавно пришлось пережить тяжелые дни при наступлении немцев в Восточной Пруссии. Открыта подлая измена: родине за деньги наносились тяжкие удары. Верю в распорядительность Верховного главнокомандующего: он с корнем вырвет эту измену»³. «История с полковником Мясоедовым продолжает волновать обывателей, – отмечает он 26 марта 1915 г. – Распространяются всевозможнейшие слухи, которые на почве всего случившегося принимают оттенок полной вероятности»⁴. В свою

---

¹ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России (пер. с англ.). М., 2009. С. 306.

² Чугунов М. И. Антивоенные листовки в Томске в канун Февральской буржуазно-демократической революции // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири конец XIX века – 1918 г. Томск, 1976. С. 202, 207.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 104.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 105.

очередь, событие порождает «темные слухи о том, что наши внутренние немцы «пакостят» России, отсюда растет озлобление против проживающих в России германских и австрийских военнообязанных... В армии, по слухам, растет недовольство, возникающее на почве неэнергичного пресечения неприятельского шпионажа»¹.

Из других слухов, устойчиво распространяемых в год войны, постоянно речь шла о скором роспуске Государственной думы, реорганизации ведомств, в том числе создания Министерства общественного доверия, распутиниада². И. И. Серебренников устанавливает некоторые закономерности формирования и распространения слухов. Первая фаза: «У фронта нет бодрящих вестей. В обществе сейчас же начинают распространяться разные рассказы». Вторая: «За слухами идут слухи, сплетня подгоняется сплетнею, и все это принимает, в конце концов, невозможно невероятный характер, лишь возможный в странах «неограниченных возможностей». Уволен Алексеев, начальник Штаба Верховного главнокомандующего – говорят сегодня. Застрелился Брусилов – говорят завтра. Открыта чудовищная измена – говорят послезавтра. Пресса, коей зажали рот, молчит»³.

Неизмеримо возросла во время войны роль периодической печати. Увеличились тиражи газет. «Телеграммы с театра войны продолжают выходить в двух, иногда трех выпусках в издании «Сибири», «Голоса Иркутска» и «Губернских ведомостей», – свидетельствует И. И. Серебренников 30 августа 1914 г.... – Столичные газеты, приходящие на 9-й и 10-й день, раскупаются нарасхват»⁴. Как отмечалось в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1915 год», «текущая война сразу возбудила огромный интерес к себе в населении городов и деревень, и вместе с тем ознакомила с жизнью других народов. В течение настоящей войны не только в городах, но и в уездах чтение газет стало насущной потребностью всех жителей. Жажда поскорей узнать военные новости, крестьяне в большом количестве собираются в день прихода почты в волостные правления и сельские управы и к грамотным, получающим газеты»⁵. Применительно к сибирской деревне под Иркутском в конце 1914 г. сообщается: «Вечером собираются мужики, старики, подростки, писарь достает газету и читает. По прочтении начинается оживленная беседа: война, закрытие винных лавок, податной вопрос, ремонт дорог»⁶. Корреспондент из с. Верхне-Ичинского Томского уезда сообщал: «Всех интересуют военные события, все стремятся узнать сведения о войне,

---

¹ Там же. С. 126.

² «Говорят, что судьба России теперь [9 сентября 1915 г. – М. Ш.] в руках двух «старцев»: Распутина и Горемыкина. Пока один будет распутничать, под управлением другого Россия будет мыкать горе». Серебренников И. И. Указ. соч. С. 141.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 269, 292.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 36.

⁵ Шишкина С. Ю. Указ. соч. С. 57.

⁶ Иркутская жизнь, 1914, 11 ноября.

потому что война тесно связана с деревней. Читают газеты, телеграммы, интересуются историческими книгами и вообще развивается любовь к печатному слову. Собираются в кружки и часто, под руководством опытных, читают и разбираются в прочитанном»¹. Интерес к печатному слову проявляли и фронтовики. Поэтому с передовой А. М. Кливчуцкий в письме в Омск от 30 ноября 1915 г. просил: «Пришлите вы мне журналы, если есть свободные и газет, а то у нас нету, где взять. И ничего мы не знаем, ничего про войну»².

13 августа 1914 г. И. И. Серебренников записывает в дневник: «Интерес к войне – необычный, даже здесь, в Иркутске. В книжном магазине Посохина и Макушина уже давно распродают все карты, атласы Европы и, кажется, даже учебники географии. Выпущенные картографическим заведением Михеева карты Германии и Австро-Венгрии (по полтиннику каждая) разбираются нарасхват». Ежедневно расходуется не менее 50 штук». 30 августа: «Появились в продаже карты театров военных действий различных изданий и бойко раскупаются; вместе с этим появились и первые лубочные картины, изображающие подвиги наших казаков... на германской границе»³.

Следует заметить, что к началу войны у российской власти отсутствовала внятное пропагандистское обоснование причин участия государства в глобальном военном конфликте на стороне Антанты. Подтверждает мое предположение свидетельство выдающегося философа русского зарубежья Ф. А. Степуна о своих подчиненных солдатах-сибиряках осенью 1914 г.

*«Плачет горько малчик Вилли, –
Его здорово побили»*

¹ Сибирское сельское хозяйство (Томск), 1915, № 6. С. 197.

² Письма участников Первой мировой войны. Вступительная статья, подготовка текста к публикации Г. С. Епериной // Изв. Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 2000, № 8. С. 274.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 28, 36.

«Солдатским представлением о враге-нехристе связывалось еще представление о нем как об обидчике, то есть нападчике. Узнав от меня, что до немецкой границы эшелону ехать две, а то и все три недели, она впали уже в полное недоумение, – вспоминал он. – Три недели на поезде до немцу навстречу ехать, да зачем же это, ваше благородие, зачем нам его искать? Пусть к нам пожалует, тогда узнает где раки зимуют, дома-то мы его во как разделаем.

В теоретических доводах против этой узкоуземной точки зрения у меня, конечно, не было недостатка, но все они бессильно разбивались о полное отсутствие у моих собеседников всякого представления о России как об империи и о геополитических законах ее исторического бытия»¹.

Таким образом, солдаты плохо себе представляли из-за чего началась война. По обоснованному мнению В. Б. Аксенова «ходившие среди крестьян объяснения причин войны можно условно разделить на три группы: неудавшееся сватовство, земельный вопрос и мотовство. Так, летом 1915 г. нижеомские крестьяне Акмолинской обл. рассказывали, что Николай II рассердился на австро-венгерского императора Франца Иосифа за то, что наследный принц Франц Фердинанд «хотел обмануть» Ольгу Николаевну [дочь царя. – *М. Ш.*]». Но самым популярным среди крестьян различных губерний России стал миф о земельной причине войны. В частности, утверждалось, что царь «продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей». Представление о войне как о бессмысленном побоище доминировало в крестьянском сознании. Единственное рациональное объяснение они видели в стремлении решить с ее помощью земельный вопрос. Уже в декабре 1914 г., задолго до начала череды военных неудач русской армии, собравшиеся за покупками в томской артельной лавке крестьяне рассуждали: «Вы думаете, эта война идет из-за каких-нибудь наших интересов? Нет, ничего подобного – просто-напросто наш Государь Николай и германский Вильгельм как раньше пили шампанское вино, так и теперь пьют его вместе; войну же ведут из-за того, чтобы уничтожить миллионы порядочных людей»².

Роль своеобразной пропагандистской матрицы выполняла формула «Самодержавие, православие, отечество», которую солдаты 43-го Сибирского стрелкового полка весной 1915 г. в коллективном письме своим спонсорам из Омской городской думы трансформировали в обязательство положить свои души «за Родину, Царя, Отечество и за вас, доблестных благодетелей, не забывающих нас на бранном поле»³.

В последующем, уже в ходе войны, в ее пропагандистском обеспечении, ставка делается на формирование у обывателя имиджа немцев как тевтонских

---

¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 270.

² Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история, 2012, № 4. С. 138–139.

³ Письма участников Первой мировой войны.. С. 264.

варваров, врагов культуры и славян. Это клише активно распространяется средствами массовой информации. Так, 25 марта 1915 г. в Ново-николаевске в самом большом зале городского торгового корпуса публичную лекцию «Германизм и славянство» прочел редактор «Томского вестника» Я. Г. Буланов, утверждавший, что «германцы – культурные варвары и исконные враги всех славянских народов»¹. «Сегодня публика валит в кинематограф Дон-Отелло смотреть на разрушенный германцами город Лувен [Бельгия. – М. Ш.], – фиксирует в дневнике И. И. Серебренников 2 ноября 1914 г. – Зрелище потрясающее. Полчища Аттилы едва ли могли принести большее разрушение... Культурные германцы превзошли варваров старых времен...»². Немецкий офицер, военнопленный Э. Двингер, воспоминания которого уже цитировались выше, четко связывал отношение солдат конвоя к пленникам со степенью пропагандистского воздействия газет, квалифицировавших германцев как варваров и поджигателей войны³.

Важная роль в пропаганде отводилась кинематографу. Власти быстро осознали значение этого проявления массовой культуры и активно использовали его. По сведениям В. А. Ватолина в Сибири в 1914 г. действовало более 50 кинотеатров, в 1916 г. их количество превысило 90⁴. Большой поклонник синемаграфа И. И. Серебренникова регулярно записывал в дневник информацию о военно-документальных новинках проката в Иркутске. Уже 15 сентября 1914 г. «в кинематографе видел картину «Прибытие раненых в Москву и их лечение». Картина производит большое впечатление и хоть несколько приближает нас к ужасам войны». 25 сентября

«Россия – за правду»

¹ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 94.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 61

³ Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. (пер. с нем.). М., 2004. С. 169.

⁴ Ватоллин В. А. Синема в Сибири. Очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003. С. 55.

того же года. «В кинематографе уже демонстрируют подвиг казака Крючкова, первого георгиевского кавалера за эту войну». 25 ноября 1914 г. «В местном кинематографе Дон-Отелло показывается картина «Прибытие Его Императорского Величества в ставку Верховного главнокомандующего». В картине можно видеть Его Величество, затем главнокомандующего, великих князей Петра Николаевича и Кирилла Владимировича, генералов Рузского и Янушкевича (начальника Штаба главнокомандующего), протопресвитера Шавельского и министра двора Фредерикса»; 6 декабря 1914 г. «Смотрел сегодня кинематографические снимки под общим названием: «Осада Антверпена». Пришлось видеть и германскую батарею в действии, германских убитых солдат в траншеях, разрушенные здания Антверпена, горящие баки и пр. Снимки эти собрали множество публики, тем более что в этом же сеансе «Патэ-журнал, который все видит и знает» демонстрировал виды галицийского города Львова и некоторые операции наших войск в Галиции»¹.

В ноябре–декабре 1914 г. в новониколаевских кинотеатрах демонстрировались следующие документальные ленты: «Война народов 1914 г. Долой германское иго», «Немецкое засилье», «Смотр молодых матросов Государем в Севастополе», художественные фильмы: «Бой в воздухе», «Сестра милосердия», а также многосерийное полотно «Подвиг рядового Рябова», состоявшего из четырех частей – «Мобилизация в деревне», «Рябов отправляется на подвиг», «Спокойная встреча смерти» и «За царем служба не пропадет»².

Для пресечения пораженческих настроений, контроля за газетной информацией и интерпретацией происходящего на фронте и в тылу ужесточается цензура. В октябре 1914 г. тобольский губернатор А. А. Станкевич объявил: «Несмотря на своевременное оглашаемые точные сведения о событиях на театре военных действий..., несмотря на общий духовный подъем, находятся еще легковверные лица, легкомысленно доверяющие ни на чем не основанный, распускаемый злонамеренными лицами всякий вздор о положении, действиях и неудачах нашей армии и флота». Отмечалось, что своей болтливостью эти лица наносят вред, сея смуту в умах обывателей. Поэтому высшее должностное лицо территории призвал всех воздержаться от «недостойной слабости», за проявление которой предполагалось налагать на провинившихся строжайшие взыскания³. Применение цензурных санкций носило произвольный характер и во многом зависело от общественно-политической направленности повременного издания. Так, И. И. Серебренников сообщает применительно к концу марта 1915 г. о ситуации с двумя иркутскими газетами «Народная Сибирь» и «Сибирь», опубликовавшими информацию (перепечатки из других газет и статью) о деле Мясоедова. Тираж номера

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 45, 48, 67–68, 70.

² Новосибирск. 100 лет. Люди. События. С. 91.

³ Шишкина С. Ю. Указ. соч. С. 58.

*«Великая
Европейская
война.*

*Геройский подвиг
и гибель
знаменитого
летчика
шт.-капит.
П.Н. Нестерова»*

проэсеровской «Народной Сибири» полностью конфисковали, а либеральная «Сибирь» еще «жива»¹.

В городах читались публичные лекции по тематике Первой мировой войны. Так, 19 октября 1914 г. в музее ИРГО в Иркутске И. И. Серебренников выступил с лекцией «Война 1914 г. и ее размеры», на которой присутствовало около 200 чел.² Вслед за ним А. Ф. Кутас выступил там же на тему «Особенности европейских морей в связи с береговыми очертаниями и их роль в международной жизни народов», а О. М. Баранкевич по вопросу «Общественная помощь жертвам войны». Началось создание мемориальных общественных объединений типа Новониколаевского общества увековечения

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 108.

² Романов Н. С. Указ. соч. С. 196.

«Храбрый наш казак Крючков // Ловит на поле врагов. // Много ль, мало ль – не считает, // Их повсюду подцепляет, // Как догонит – не милует, // Сзади, спереди шпигует, // По возможности елику, // Сколько клевет их на пику.»

памяти героев великой мировой войны, возникшей в 1914 г.», организованного в июле 1915 г. Эти объединения поставили своей целью увековечение памяти погибших земляков. В с. Усть-Чарышская Пристань Бийского уезда Томской губернии члены местного добровольного пожарного общества решили соорудить памятник в честь своего бывшего председателя П. В. Шайдурова, погибшего в ходе боевых действий. В с. Верх-Тулинском Барнаульского уезда той же губернии Комитет по увековечению памяти героев-воинов, организованный местным священником Н. Сидонским, выступил с инициативой сооружения Памятника героям-прихожанам, павшим на поле брани за Веру, Царя и Отечество с Австро-Германией и другими враждебными державами¹.

С конца 1914 г. неугомонный И. И. Серебренников начал сбор материалов для музея войны 1914 года. «Собираю лубочные картины, открытки, портреты, карты, ноты, брошюры и т. п.», – формулировал он 25 октября. А на 26 декабря того же года в коллекции насчитывалось 311 открыток, 47 лубочных картин, 19 мелких портретов, 13 нот (с гимнами союзных держав преимущественно), 76 книг, 10 карт, 52 различных объявлений и плакатов, 50 диаграмм к статистике войны и воюющих держав, 46 номеров различных

¹ Еремин И. А. Указ. соч. С. 189–190.

иллюстрированных журналов – всего пока 625 отдельных предметов¹. Промежуточным этапом создания музея стала организованная на базе собранных материалов выставка «Война и печать», действовавшая в музее ИРГО с 25 января по 9 февраля 1915 г., которую посетило 2,5 тыс. чел.²

Принципиально новыми элементами военной повседневности становится чествование георгиевских кавалеров, организация похорон умерших от ран в госпиталях и лазаретах. В Томске 29 мая 1915 г. «состоялись похороны скончавшегося от ран прапорщика Павла Степановича Бобрышева. На заупокойной литургии и панихиде присутствовали и. д. начальника губернии С. А. Володимиров, представитель от города, член управы П. В. Иванов и офицеры местных войск. Под звуки военного оркестра гроб из церкви был вынесен и. д. начальника губернии и офицерами, поставлен на катафалк и проследовал до Вознесенского кладбища между шпалерами войск. Опущен гроб в могилу при троекратном ружейном залпе. На могилу возложены венки от городского общественного управления и два – от воинских частей. Покойный имел знаки отличия Военного ордена всех четырех степеней»³.

Фактором общественных настроений явился сбор пожертвований на военные цели, помощь раненым, семьям фронтовиков и т. д. С августа 1914 г. происходит интенсивный рост благотворительности, как в городе, так и в деревне. Основную массу жертвователей составили средние городские слои и крестьяне. Как уже отмечалось в предшествующей главе сумма индивидуальных пожертвований со стороны предпринимательских кругов не превышала 10 тыс. руб.

В 1916 г. поток благотворительных средств резко сокращается. Один из анонимных корреспондентов газеты «Иркутская жизнь» оценивает рассматриваемое явление в процентах: «В 1915 г. я был очевидцем небывалого патриотического подъема, общество принимало самое активное участие во всех делах... В настоящее время [декабрь 1916 г.] благотворительность упала на 75 %, люди привыкли и как бы забыли о военных делах»⁴. Применительно к сельскому населению крупнейшей в регионе Томской губернии Т. А. Кижяева первые признаки кризиса внутренней благотворительности относит к 1915 г. По ее мнению «спад пожертвований в попечительства был связан с изменением отношения к семьям нижних чинов, когда требования солдатских семей оказывать им материальную поддержку воспринимались обществом как попытка иждивенчества. В то же время решения сельских сходов 1915–1916 гг. об увековечении памяти крестьян, удостоенных

---

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 58, 68.

² Романов Н. С. Указ. соч. С. 201.

³ Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. С. 161.

⁴ Цит. по: Шапова Л. В. Влияние Первой мировой войны на повседневную жизнь иркутян // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск, 2013. Вып. 9. С. 127–128.

георгиевскими крестами, показывают сохранение уважительного отношения к самим призванным в армию»¹.

Перелом в настроениях и социальных ожиданиях сибирских крестьян во многом обуславливался ухудшением их материального положения, особенно семей фронтовиков. Многие из них не располагали элементарными средствами существования, поэтому им выплачивалось пособие (паек), явно недостаточный с точки зрения прожиточного минимума. На 1 января 1917 г. в Кузнецком уезде Томской губернии на положении призываемых находилось 34 180 семей, а получало паек 94 292 чел., или почти треть населения².

«Первая мировая война была войной на истощение, – замечает И. Г. Яковенко. – Такая война может идти достаточно долго, но заканчивается мгновенным крахом одной из сторон. Перелом в общественных настроениях наступил осенью 1916 г. Российской общество надломилось»³. Ситуацию обострило вступление в войну и разгром Румынии, что заставило русское командование образовать еще один Румынский фронт и перебросить сюда 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий.

Но подобная трансформация произошла среди фронтовиков и городского социума. Что касается деревни, то уже в 1914 г., по обоснованному замечанию О. С. Поршневой, «в разноголосом восторженном хоре патриотических речей... голоса крестьянства слышно почти не было»⁴. Ситуация усугубилась ростом цен на продукты и товары первой необходимости. Томские жандармы 17 октября 1916 г. доносили в Департамент полиции МВД: «Все предметы первой необходимости поднимаются в цене не по дням, а по часам и вздуты до невозможности купцами. У всех из них положительно явилась мания наживы, для чего они беспрестанно по своему усмотрению на товары делают надбавки»⁵. Информатор Иркутского ГЖУ 26 февраля 1916 г. доносил о ситуации в Киренском и Верхотенском уездах: «Местное население негодует по поводу ежедневно возрастающей дороговизны всех решительно товаров, даже и тех, которые были получены еще чуть-ли не до войны, т. е. по нормальным ценам, при этом население возмущено не столько самой дороговизной, сколько полнейшим произволом торговцев в установлении цен на товары, и отсутствием какого бы то ни было надзора за ними со стороны местной полиции и городского управления»⁶.

---

¹ Кижяева Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Автореф. диссерт. канд. истр. наук. Барнаул, 2006. С. 16–17.

² Храмов А. А. Кузнецкий уезд накануне 1917 года // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Новокузнецк, 1971. С. 57.

³ Яковенко И. Г. Кризис адекватности // Вестник Европы XXI век, 2012. Т. 33. С. 11.

⁴ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 88.

⁵ Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.): сборник документов. Новосибирск, 2012. С. 80.

⁶ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27, литера Б. Л. 11 об.

Надпись по кругу: «Б[ожиею] М[илостию] Николай II Имп[ератор] и Самод[ержец] Всеросс[ийский]»

На этом фоне происходит девальвация патриархальных представлений крестьян в отношении императора Николая II. С началом войны скачкообразно возрастает число случаев публичного оскорбления личности монарха и всей правящей династии. Основные направления оскорблений и критических высказываний касались обвинений в некомпетентности, равнодушии, вовлечении страны в ненужную ее населению войну, к которой она оказалась неподготовленной, призыве в армию единственного работника в семье, реквизициях, равнодушии к страданиям подданных, пьянстве. Воспроизведем только частичку антимонархических высказываний сибирских крестьян и крестьянок: «Царь пьет, а русские страдают от его похмелья», «Царь сошел с ума, забирает последнего сына на войну», «Какой он царь, он не царь, а душегуб, и душегубское их поколение, предки его составляли шайку разбойников», «Вот наш государь весь народ перегубит, – самому бы ему пустил кто пулю в лоб»¹. Все эти, на первый взгляд разрозненные, но массовые проявления, «формировали единую картину и заставляли крестьян разных губерний почти дословно передавать одни и те же представления о

¹ Аксенов В. Б. Указ. соч. С. 141; Кижаяева Т. А. Образ власти в менталитете крестьянства Томской губернии в годы Первой мировой войны // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 123; Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 24; Шишкина С. Ю. Линия конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья) // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 180.

причинах, основных чертах и особенностях Первой мировой войны. При этом на трех уровнях сознания – повседневном, религиозном, мифическом, – происходило отторжение монархии и правящей династии, во многом предопределившее не только исход политической борьбы в 1917 г., но и последующие трагические события»¹.

Недовольство дефицитом потребительских товаров и дороговизной, как в городе, так и в деревне, перерастало в открытые протестные акции. На собрании служащих торгово-промышленных предприятий Тюмени в начале 1916 г. большинство выступающих сходились в мнении, что «борьба с дороговизной при нынешнем режиме в стране немыслима, она «возможна лишь только при обновленном строе русской жизни, когда Манифест 17 октября будет проведен во всей своей полноте». В городе одновременно появились листовки с призывами: «Да здравствует революция в России», «Да здравствует бунт в Тюмени», «Долой богачей жидов»². По региону прокатилась серия массовых выступлений солдаток, с участием горожан и военнослужащих местных гарнизонов, о которых упоминалось в предшествующей статье. Их своеобразным апогеем стал «Сахарный бунт» в Новониколаевске 9 ноября 1916 г.

Поводом для него явился резко обострившийся дефицит продуктов и товаров и введение карточной системы прежде всего на сахар. Карточки отоваривались крайне нерегулярно через принадлежащую городскому самоуправлению продовольственную лавку на Базарной площади в центре города. В начале ноября город получил закупленную им партию сахара и было объявлено, что с 9 ноября начнется выдача его по 3 фунта на душу.. Однако вскоре выяснилось, что половина поступившей партии предназначена кооперативам, поэтому городская управа приняла решение перевешать сахар в пакеты по одному фунту и 9 ноября выдачу не производить, о чем население попытались предупредить через местные газеты, которые большая часть горожан не читала, тем более солдатки.

Поэтому с утра 9 ноября у лавки собрался приличный «сахарный хвост». «Никакие увещания полиции разойтись по домам не имели успеха, – информирует очевидец, – а в это время публики все прибывало, как весной вода поляя. Изголодавшие солдатки с детьми на руках окончательно наэлектризовали публику»³. Конные и пешие городовые во главе с полицмейстером Г. П. Бухартовским оттеснили толпу. «Однако, – как сообщается в рапорте томского губернатора министру внутренних дел, – толпа, к которой присоединились недавно призванные на службу ратники, возвращавшиеся в тот момент с учений, будучи подбадриваема последними, а также подстрекаема, примкнувшими к толпе двумя нижними чинами, вернувшимися с фронта, стала снова скопляться». Для пресечения беспорядков

---

¹ Аксенов В. Б. Указ. соч. С. 144.

² Шишкина С. Ю. Указ. соч. С. 177.

³ Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох.. С. 115.

Городской торговый корпус Новониколаевска на Базарной площади

беспорядков полицмейстер вызвал воинское подкрепление, которое прибыло в количестве 25 чел. под командой штабс-капитана Никитина.

Убедившись в невозможности предотвратить разграбление лавки и «будучи сам ушиблен несколькими камнями», Бухартовский заявил Никитину, «что гражданскими властями все меры к пресечению беспорядков исчерпаны» и просил принять меры, предусмотренные уставом гарнизонной службы. Было произведено несколько залпов поверх голов, но собравшиеся, «убедившись в отсутствии жертв, стали вновь наступать на магазин Сибирского товарищества, а затем, выбив стекла» ворвались в него и начали расхищать товар. Полицейским с солдатами удалось отеснить толпу, были опущены железные шторы на окнах, и растаскивание прекратилось, причем штабс-капитана Никитина ранили камнем в голову, и с площади он «удалился, сдав команду прапорщику».

Толпа же выросла до нескольких тысяч человек, и, несмотря на прибытие в качестве подкрепления части местной воинской команды во главе с военным комендантом Новониколаевска подполковником Некрасовым, смяла заслон и, выломав окна и двери, «стали расхищать из лавки сахар». По распоряжению Некрасова производится несколько залпов. Убита одна женщина и ранены пять, из которых еще одна скончалась в больнице. Прибывшие на место происшествия во главе с начальником гарнизона генерал-лейтенантом Коцуриком четыре учебных команды (250 чел.) от каждого из расквартированных в городе запасных полков, вытесняют толпу с площади. В итоге были разбиты и разграблены несколько лавок частных торговцев и потребительского общества «Экономия», расхищено около 400 пудов сахара и из магазина Сибирского товарищества товаров на 10 тыс. руб. Во время пресечения бунта многие полицейские получили ранения и ушибы, в частности полицмейстер Г. П. Бухартовский «отделался» 4 ушибами камнями,

из них два в голову. Задержали 74 участника беспорядков, из них 54 женщины, под стражу взяли 25 чел., впоследствии осужденных Омской судебной палатой к различным срокам тюремного заключения¹.

Подобного рода выступления, имевшие место в ряде других городов Сибири, упомянуты нами в главе 3-й. 22 мая 1916 г. погром состоялся в поселке при станции Зима. В качестве его организатора правоохранители указали на машиниста паровоза Ф. М. Мирошниченко. «В последние дни перед погромом он всем доказывал необходимость разгромить магазины богатых купцов, чтобы отомстить за хищническую наживу, причем особенно сильное впечатление производил на солдаток, которым подробно объяснял, как надо начать погром»². В Томске в феврале 1916 г. произошел «сахарный бунт», участники которого кричали:

- Сахару, сахару!
- Кровопийцы!
- Бейте, ломайте двери, мужья проливают кровь, а от нас прячут сахар...

В марте солдатки опять угрожали громить лавки, и томский полицмейстер констатировал: «Уравновешанность населения в спокойствии поколеблена»³.

В сибирской деревни основными способами борьбы с дороговизной стали поджоги и разгромы лавок местных торговцев. Из 37 зафиксированных в «Хронике крестьянского движения в Сибири» за 1916 г. выступлений 19 являлись поджогами, в 8 случаях были разгромлены торговые заведения. Так, в мае этого года в с. Викуловском Тарского уезда Тобольской губернии крестьяне сожгли 17 домов местных лавочников, квартиры станового пристава и урядника «со всей канцелярией». 8 сентября в д. Кокаревой Мокроусовской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии крестьяне подожгли паровую мельницу. Владелец понес убытки на 14 тыс. руб. Того же числа в с. Покровском Каинского уезда Томской губернии толпа, состоящая из женщин, большей частью солдаток, разгромила магазин местного торговца, общая сумма убытков составила 15 тыс. руб. Крестьянки заявили, что акция была вызвана «непомерным повышением цен на продававшиеся в магазине предметы первой необходимости». В ноябре–декабре 1916 г. в Змеиногорском уезде Томской губернии имели место три случая разгрома торговых заведений. В частности 23 ноября в с. Жерновском крестьянки-солдатки потребовали продавать товары первой необходимости по более низким ценам. После отказа выполнить их требования лавки разбили, товары разобрали по

---

¹ Шиловский М. В. «Сахарный» бунт 9 ноября 1916 г. // Энциклопедия Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 757.

² ГАРФ, ДПОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27, литера Б. Л. 32 об. – 33 об.

³ Зиновьев В. П., Харусь О. А. Общественное движение в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. // Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск, 2013. Т. 1. С. 49.

половинной стоимости, а часть – бесплатно¹. В с. Локтевском того же уезда крестьяне вынудили торговцев дать «подписку согласия» продавать товары по более низким ценам². На этом фоне начальник Тобольского губернского жандармского управления (ГЖУ) 26 мая 1916 г. доносил в Петроград: «Меры, принятые против дороговизны, считаются недействительными, так как дороговизна не только не понижается, но почти на все предметы первой необходимости даже возрастает. На этой почве возможны выступления, которыми могут воспользоваться неблагонадежные элементы, учтя это обстоятельство в свою пользу»³.

В Восточной Сибири 22 мая 1916 г. начальник Иркутского ГЖУ телеграммой в МВД известил, что «в селениях уездов настроение тревожное, все возмущены дороговизной, малейший повод вызовет погром, между тем нет ни войск, ни помощи. Все обвиняют правительство в бездействии, купцов – в чрезвычайной наживе». В сельской местности самое крупное выступление против торговцев произошло в мае 1916 г. в Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии. В нем участвовало более 3 тыс. чел. Военнослужащие, вызванные из Канска, арестовали свыше 100 чел. С помощью воинских команд были подавлены волнения в Ачинской, Ирбейской и Уярской волостях Ачинского уезда той же губернии⁴.

Помимо мобилизации, реквизиций и дороговизны крестьяне выражали недовольство взысканием недоимок, поскольку среди должников были в основном семьи призванных. Не случайно жители с. Курьинского Змеиногорского уезда Томской губернии направили 25 февраля 1917 г. в Ставку на имя Его Императорского величества телеграмму следующего содержания: «Повергая к стопам Вашего Императорского Величества чувство беспредельной преданности, дерзаем всеподданнейше просить отсрочить до окончания войны уплату долгов переселенческому управлению, ныне взыскиваемых с нас, несмотря на тяжелое положение наших хозяйств в виду мобилизации трудоспособных наших детей»⁵.

Более жестко по этому поводу высказался солдат из числа крестьян Тобольской губернии Е. Сидоров во время краткосрочного отпуска на родину: «Какие сейчас с меня могут быть подати, так как... остались у нас дома старый да малый, так, где же они возьмут деньги. Кончится война, и если не будет особой царской милости о прощении с солдат податей, то я беспрекословно уплачу всю накопившуюся за мной недоимку»⁶. Солдатки были

---

¹ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 117–122.

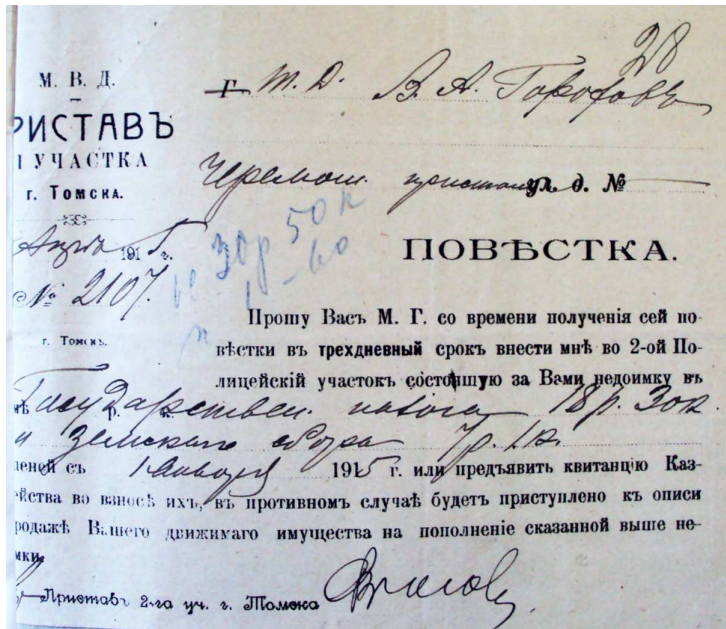
² Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1971. С. 157–160.

³ Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох. С. 95.

⁴ Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975. С. 63.

⁵ РГИА. Ф. 934. Оп. 1. Д. 180. Л. 96.

⁶ Шишкина С. Ю. Указ. соч. С. 183.

Повестка о недоимках по казенным и местным сборам с недвижимого имущества (Томск, 1915 г.)

(Гос. архив Томской обл. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 247. Л. 28)

убеждены, что с призывом мужей они должны быть освобождены, хотя бы временно, от уплаты податей и накопившихся недоимок. Томский губернатор 5 февраля 1916 г. сообщал в МВД: «В некоторых уездах губернии семьи запасных нижних чинов, призванные по мобилизации на действительную военную службу, по-прежнему отказывались от добровольной уплаты причитающихся с них сборов, заявляя, что таковые будут внесены по окончанию войны их мужьями; о применяемых же по отношению к ним принудительных способах взыскания недоимок солдатки, обыкновенно, сообщают своим мужьям, находящимся в действующей армии, а последние отвечают на это угрожающими письмами по адресу должностных лиц крестьянского управления»¹. К другим формам крестьянского протеста, начиная с 1915 г., относились участвовавшие порубки казенного леса, отказ вносить арендную плату за землю на кабинетских землях.

В рамках традиционной общинной психологии деревни, произошла десакрализация личности монарха, которому «в вину вменялось по сути дела «профессиональная непригодность»². Процесс этот начался, как мною было установлено, еще в годы Первой русской революции, когда царь Николай II стал одной из главных фигур обличения как воплощение всей бездарности и обреченности самодержавной системы. Городскими радикалами была развернута мощная PR-кампания дискредитации императора. В частности, в

¹ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 81. Л. 1.

² Кижяева Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). С. 20.

листовках сибирских социал-демократов монарх репрезентовался как: «венценосный негодяй», «Николай Обманов», «изверг-царь», «тиран», «коронованный злодей», «зазнавшийся, обезумевший поработитель и угнетатель, есть осатаневший от крови палач и мучитель»¹. Во время Первой мировой войны в массовом сознании, в том числе крестьян, произошло обвальное падение престижа Николая II.

Применительно к горожанам региона следует отметить также формирование оппозиционных настроений и усилением популярности социалистических идей в марксистской и неонароднической парадигмах, тем более, что концепцию социализма сибирские эсеры и социал-демократы интерпретировали одинаково. Их популярность объясняется прежде всего процессом окрестьянивания городов во время войны. Поворот в сторону социализма был связан и с кризисом самодержавия в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. «Много нехорошего видело русское население во время русско-японской войны, и оно потеряло свою веру в то, что правительство может хорошо управлять страной. Нередко люди, даже патриотически настроенные, не знали что делать, и бросались в крайности, хватаясь хотя бы за тот же социализм...», – так объяснял данное обстоятельство видный сибирский предприниматель И. В. Кулаев². Наконец, в глазах части российской интеллигенции обанкротилась либеральная парадигма прогрессивности капиталистического развития человечества. Ведущий теоретик эсеровской партии В. М. Чернов проанализировал типы капитализма в Англии, Франции, Германии, Австрии, России и пришел к выводу, что у нас устанавливается его «особый вид», названный им «капиталистическим паразитизмом». Главная его особенность заключается в осуществлении «эксплуатации капиталом непосредственных производителей без соответствующей реорганизации производства из мелкого, примитивного – в крупное, основанное на приложении новейших технологий». Из этого следовало, что российскую буржуазию нельзя считать носителем прогресса³.

Интеллигентские круги поддержали правительство в начавшейся мировой войне. В определенной степени они выступали более последовательными сторонниками борьбы до победного конца, чем представители власти, так как считали, что поражение или сепаратный мир позволят самодержавию сохраниться. «Наше дело только копить силушку, – писал Ф. Ф. Конев, – снабжать всем нужным фронт, чтобы сильным внутренним брожением не дать возможности устроить кое-кому сепаратный мир, сославшись на то, что в стране смута, какая тут война с Германией»⁴. Однако, поддержав

---

¹ Шиловский М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 309.

² Кулаев И. В. Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999. С. 187.

³ Чернов В. М. Национально-капиталистические типы // Чернов В. М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 136.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 27. Ч. 81, литера Б. Л. 2.

правительство, практически все местные политические объединения рассматривали войну как своеобразный рубеж в истории России. Отчетливо эту позицию сформулировал в письме к сыну от 9 февраля 1915 г. областник А. В. Адрианов: «А возьмут на войну, что же, благословляю, послужи, потрудись, эта война не Японская авантюра, затеянная нашей правящей "камарильей". Беда перед нашей страной выросла действительно огромная, и надо ее избавить, поднакопить в себе достаточно духовной бодрости и сознания, что для выхода на хорошую дорогу требуется борьба насмерть. А черносотенной кампании бояться нечего, хуже не будет, чем было, самодержавие и верховенство всей сволочи, переполняющей наши верха, неминуемо должно пасть с окончанием войны»¹.

Выражением позиции интеллигентских кругов можно считать листовку, изданную группой «объединенного левого студенчества города Томска» осенью 1915 г. и представляющую резолюцию собрания студентов университета и слушательниц Сибирских высших женских курсов, в которой «наряду с резкой критикой действий правительства, изложены следующие требования: амнистия всем пострадавшим за убеждения, немедленный созыв Народного Представительства, организация ответственного министерства, обеспеченного доверием страны, полная отмена национальных и вероисповедных ограничений при привлечении в ряды армии, полиции и жандармерии»². Настроения этой части городского социума выразил молодой писатель Г. Д. Гребенщикова, который в письме с фронта 15 декабря 1916 г., поздравил Г. Н. Потанина с Рождеством и Новым годом и написал: «Будем надеяться, что в Новом году победоносно окончим войну и увидим обновленную, благоразумную и трезвую Россию и процветающую, культурную Сибирь, такую, какую она достойна быть давно»³. Примерно в таком же духе накануне 80-летнего юбилея Г. Н. Потанина в середине сентября 1915 г. высказался И. И. Серебренников: «Чествуя его, мы хотим верить: будут лучшие дни для Сибири. Это будет тогда, когда вздохнет свободно и вся наша великая, надрывающая сейчас свои силы в гигантской борьбе Россия. Думаем, что это будет скоро уже»⁴.

Война способствовала ускорению процесса эмансипации российских женщин, трансформацию их в самостоятельный субъект экономических и социальных отношений. В городах солдатки при минимальной помощи извне (паек) вовлекались в производственную деятельность. Дефицит мужчин способствовал выдвижению их на низшие делопроизводственные, технические и управленческие должности в органах государственного управления и общественного самоуправления. С другой стороны, они

---

¹ Цит. по: Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири... С. 27.

² ГАРФ, ДПОО. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 16.

³ Г. Д. Гребенщикова и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул, 2008. С. 79.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 143.

демонстрировали проявления девиантного поведения, провоцируя и принимая активное участие в разного рода протестных акциях (бунтах). Лишь небольшая часть горожанок эволюционирует в новый социокультурный тип эмансипированной женщины из народа. В деревне крестьянки активно включаются в производственные процессы, ранее осуществлявшимися мужиками. На них ложится забота о семьях, детях, престарелых, поддержание дворохозяйств в жизнеспособном состоянии. Возрастает их общественная активность и корреспондент иркутской газеты в конце 1914 г. фиксирует в отношении одного из пригородных сел: «Бабы хватаются за клочок газеты и пытаются узнать, что на войне, кто такие "немцы", "иропланы", берут в руки букварь сынишки и пытаются учиться читать. Идут на сельский сход и участвуют в обсуждении общественных дел, о податях, почтовой гоньбе, выборах должностных лиц»¹.

Применительно к городам анонимный автор «Сибирской жизни» весной 1915 г. констатирует: «И вот необыкновенное происходит теперь среди дам, не только тех, которые принимают деятельное участие непосредственно в различных дамских комитетах или благотворительных организациях, но и тех, которые сидят дома и терпеливо шьют солдатские рубахи и штаны, кроят портянки, придумывают, что бы положить в солдатские кисеты, жадно хватаясь при этом за всякую свежую телеграмму, за всякое известие о текущих событиях. Что же касается дам, продающих флажки, значки, открытки, отъезжающих на ломовых санях в город, распространяющих билеты на концерты и вечера, хлопочущих с устройством детских очагов, публичных лекций, благотворительных базаров, лотерей, кинематографических сеансов и т. д., то эти решительно преобразились, стряхнули с себя равнодушие к чужим страданиям, нищете и горю. Это совсем не то, что в предыдущей войне, когда вся деятельность дам заключалась в щипании корпии и почти безучастном созерцании народного горя»².

Вступление России в Первую мировую войну встретило массовую поддержку со стороны учащейся молодежи региона (студенты томских вузов, семинаристы, учащиеся старших классов гимназий и реальных училищ). 10 октября 1914 г. в Томске состоялась патриотическая манифестация студентов и учащихся средних учебных заведений. 23 октября аналогичную акцию провели учащиеся средних и низших учебных заведений Омска. 28 октября в Иркутске «после молебствия в кафедральном соборе состоялась манифестация учащихся всех училищ». В Якутске 15 марта 1915 г. ученики различных образовательных заведений, кроме реального училища, приняли участие в молебне и патриотической манифестации по поводу сдачи австрийской крепости Перемышль³.

---

¹ Иркутская жизнь, 1914, 11 ноября.

² Сиб. жизнь, 1915, 1 марта.

³ Сиб. жизнь, 1914, 11 окт., Омский вестник, 1914, 25 окт., Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 196, Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000. С. 392.

*«Салют с посохом.
Русские бой-скауты»*

писывающее организовать допризывную подготовку для всех обучающихся старше 15 лет. Прошедшие ее имели преимущества при зачислении в школы прапорщиков и учебные команды запасных полков, готовящие унтер-офицеров. Для реализации положения в городах создаются военно-спортивные комитеты, сооружаются гимнастические городки. Так, в Томском 2-м реальном училище, «учащиеся, в дополнении к маршировке и другим военно-спортивным занятиям, стали знакомиться с устройством траншей и прочими саперными работами. Вошли в практику школ загородные походы в строю с военной музыкой, тренировкой в ходьбе и беге, с гимнастическими и военизированными играми и пр.»².

Вместе с тем определенная часть молодежи критически отнеслась к официальной версии причин глобального конфликта. Студент Томского университета А. Шилов в ноябре 1914 г. писал по этому поводу брату: «На войну у нас существует взгляд только официальный, и этот взгляд разделяет не только народ, но и прогрессивная культурная Россия. Конечно, в печати не появляется протеста, что вполне понятно, но в обществе ни единого голоса

Учащиеся средних учебных заведений имели отсрочку от призыва, но некоторые из них выразили желание уйти в действующую армию в качестве добровольцев. Учитывая данное обстоятельство и потребности вооруженных сил в грамотном пополнении, официально разрешается добровольчество, а за ушедшими на фронт сохраняются право продолжить обучение после окончания войны. Например, по собственному желанию в конце 1914 г. на фронт отправился ученик 4-го класса Тюменского высшего начального училища И. Васильев, который был потом награжден орденом Св. Георгия 4-й степени¹.

Руководящие образовательные структуры, в частности попечитель Западно-Сибирского учебного округа, обращают внимание на допризывную военную подготовку. Базовым документом в этой области стало «Положение о мобилизации спорта» от 8 декабря 1915 г., пред-

¹ Сулимов В. Г. Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995. С. 32.

² Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск, 1966. С. 182.

отрицания того, что творится – грустно. Мы, вставшие на защиту слабых братьев-славян, помогли им, и если и помогаем, то какой цены стоит эта помощь и им, и нам. Море крови, миллионы жизней и невообразимые океаны слез матерей, жен и детей. Миллиарды разбитых жизней и на десятки лет задерживается прогресс... Было бы благоразумнее обратиться к немцам и нам вспять и накинуться на того, кто втравил в войну... Быть может, я не прав, но читать газеты мне противно, меня ни капли не интересуют наши победы, равно и их успехи, надоело все, мне только безумно хочется конца этого кошмара. На чьей бы стороне ни была победа, мне все равно, только бы скорей. Скорей прекратить эту безумную бойню»¹.

Уже в 1915 г. патриотические настроения заметно ослабли. Томские студенты создают Центральное бюро объединенного студенчества (ЦБ), которое не только осуществляло посреднические функции между землячествами, но и предполагало «усилить внимание к вопросам общественно-политического характера»². Осенью 1916 г. здесь же организуется «Группа объединенного левого студенчества» из студенческих кружков, разделявших программные положения РСДРП, ПСР и кадетов³, которая выпустила несколько листовок, призывающих к созыву народного представительства, формирование ответственного министерства, введение гражданских и политических свобод, амнистия «всем пострадавшим за убеждения», «привлечение в ряды армии полиции и жандармерии» и т. д.⁴ Негативное отношение к войне стали проявлять формально далекие от политики студенческие благотворительные организации. Так, на собрании 250 студентов университета и слушательниц Высших женских курсов членов кружка помощи раненым 5 октября 1915 г. принимается резолюция следующего содержания: «Находим, что война не может принести пользу России, и приносимые жертвы являются напрасными. Мы присоединяемся к мнению некоторых членов Государственной думы и наших московских товарищей и требуем: 1) амнистии по всем политическим делам; 2) полного равноправия всех национальностей; 3) создания министерства, облеченного общественным доверием»⁵.

Призыв студентов в армию для подготовки офицеров военного времени усилил протестные настроения учащихся. Распространение в Сибири получили резолюции студенческих сходок Петроградского университета 5 марта 1916 г. и томских студентов (апрель того же года). Иркутские жандармы

---

¹ Цит. по: Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск, 2010. С. 422.

² Там же. С. 423–424.

³ Макачук С. В. Политическое подполье в восточных районах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово, 1994. С. 293.

⁴ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 16.

⁵ Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 121.

Студентка военных лет

по этому поводу сообщали в июне 1916 г.: «В Иркутске получены и ходят по рукам резолюции Петроградского и Томского студенчества по вопросу о том, как должно реагировать русское студенчество на призыв студентов в войска и какова должна быть работа студенчества в рядах войск. Сущность Петроградской резолюции следующая: Правительство осведомлено о нарождающемся движении, в котором главную роль будут играть студенты. Учитывая это – правительство отдаёт студентов в военные школы, имея в виду привить казарменный дух и вообще милитаризировать студента. Студенчество принимает этот вызов царизма и с своей стороны идет в солдаты и военные училище, но идущие обязаны помнить интересы освободительного движения, обязаны образовывать в войсках ячейки, работать в духе партийности и, одним словом, всеми силами пропагандировать идею нарождающегося движения. Студенты, не попавшие на военную службу, должны все время принимать активное участие в освободительной работе. Резолюция томского студенчества более расплывчатая. Она признает, что студенчество должно идти в войска, но не требует, чтобы и в войсках студенты были верны своим студенческим идеалам. Какую работу должны вести студенты в войсках – резолюция не указывает»¹.

¹ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27, литера Б. Л. 42 об.

20 октября 1916 г. после длительного перерыва томские студенты провели сходку, переросшую в митинг. 20 октября и 7 ноября в вузах города прошли забастовки, но в первые в практике их проведения с 1906 г. вопрос о привлечении их участников к ответственности вузовскими администрациями не поднимался, «из опасения вызвать этим раздражения и большие волнения в студенческой среде». «Следовательно, – констатирует О. В. Ищенко, – к началу 1917 г. студенческое движение стало настолько важным фактором в общественно-политической жизни в крае, не считаться с которым власти были не в состоянии»¹.

Что касается учащихся средней школы, то их движение в рассматриваемое время приобрело преимущественно благотворительную направленность: изготовление подарков для фронтовиков, сбор теплых вещей, участие в работе трудовых дружин в деревне. Гимназистки Тюмени и Ишима изготавливали противогазы². Типичен в этом отношении патриотический вечер, который провели учащиеся Барнаульского реального училища в январе 1915 г. Собранные в его ходе 1282 руб. 43 коп. вносятся в местное отделение Государственного банка «на усиление средств, приносимых русским народом в распоряжение Его Императорского Величества на нужды войны»³.

Эволюцию общественных настроений сибиряков можно проследить по дневниковым записям иркутянина И. И. Серебренникова. 3 сентября 1915 г.: «Вся Россия – один клич. И этот клич обращен к власти. «Мы вам не верим! Ради спасения родины – уходите!» – говорит народ своей власти. Однако последняя продолжает быть судьей в собственном деле и не уходит». 16 июня 1916 г.: «Во внутренней жизни России наступил какой-то «мертвый штиль». Какое то тяжелое затишье перед бурей. Барометр падает. Старые кости ноют, тяжело». 10 декабря 1916 г.: «Война и Григорий Распутин сделали в два года столь много для революции, сколь не могли бы сделать за целые сто лет армии революционеров-пропагандистов. Революция сдерживается войною же, – тем самым прорвется ее поток, когда рухнут сдерживающие преграды. События 1905 года перед грядущими покажутся лишь жалкой прелюдией»⁴.

К началу 1917 г. Россия стояла на пороге мощного социального катаклизма, и буквально за несколько дней до его начала, 10 февраля 1917 г., новониколаевская газета «Голос Сибири» в передовой статье предупреждала: «Мы подошли к грани, где очень трудно наладить сговоры и уступки; интересы до того оголились, они дышат небывалой непримиримостью, что нет

---

¹ Ищенко О. В. Указ. соч. С. 429.

² Ищенко О. В. Учащаяся молодежь в политике властей в период Первой мировой войны (на примере Тобольской губернии) // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 50.

³ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 195.

⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 140, 230, 287.

уже сил, которые направили бы их по одной дороге»¹. А в январе того же года от депутата 4-й Государственной думы от Енисейской губернии С. В. Востротина и думского корреспондента Г. Лебедева в Красноярск пришла телеграмма о тревожном положении в столицах. В связи с этим рекомендовалось «в провинции ждать и быть готовыми ко всяким событиям, которые почти неизбежны»².

§ 2. Политические и неполитические объединения региона во время войны

В политической сфере происходит обвальное снижение активности радикальных формирований (социал-демократы, эсеры, анархисты). Докладывая о положении дел в Иркутске и уезде за январь 1916 г. помощник начальника Иркутского ГЖУ отмечал: «За истекший январь месяц не замечено какого-либо революционного движения во вверенном мне районе. Есть только попытки среди политических ссыльных, главным образом социал-демократов, образовать организацию, но идет пока чисто подготовительная работа, не вылившаяся ни в какую определенную форму и не выявившая политическую окраску предполагаемой организации»³. Ровно через год иркутские жандармы в отношении социалистов-революционеров доносили: «В течение отчетного месяца деятельность организации не проявлялась, революционных изданий она не издавала, своей типографии не имеет, наружного наблюдения за ней установлено не было»⁴.

Систематические репрессии, спад рабочего движения, теоретический разброд привели к полному разгрому социал-демократического движения в Сибири накануне Первой мировой войны. По мере ухудшения ситуации, формирования общеполитического кризиса с конца 1915 г. ситуация начинает изменяться. Происходит консолидация пока еще немногочисленных организаций РСДРП (Томск, Ачинск, Иркутск, Черемхово, Барнаул), возобновляется издание листовок. Катализирующее воздействие на этот процесс оказал призыв в конце 1916 г. на военную службу политических ссыльных. Тем не менее, к февралю 1917 г., по самым оптимистическим подсчетам, работу вело не более 600–700 чел.⁵ Численность Иркутской организации РСДРП составила: в 1914 – 33, 1915 – 25, 1916 г. – 20 чел.⁶

¹ Голос Сибири (Новониколаевск), 1917, 10 февр.

² Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. С. 206.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1048. Л. 91.

⁴ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1917. Д. 9. Ч. 27. Л. В. Л. 1–2.

⁵ Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 114.

⁶ Макачук С. В. Политическое подполье в восточных районах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово, 1994. С. 140.

Основной упор социал-демократы делали на работу среди рабочих, проведение забастовок, создание профсоюзных и кооперативных объединений. Своеобразной попыткой образования «чистого» пролетарского формирования стала история «Союза сибирских рабочих», возникшего в Иркутске на рубеже 1914–1915 гг. и объединившего рабочих социал-демократов, эсеров и беспартийных. Только в Иркутске в организацию входило не менее 30 чел., имелись сторонники в других городах Восточной Сибири. Все они были против войны, но в то же время не являлись сторонниками «ленинской линии», т. е. лозунга поражения своего правительства. В Союз вошли сторонники активной легальной работы, недовольные, по словам его члена И. Молодовского, «расхлябанностью», «языкоблудием» интеллигентской ссылки, сводящей свою деятельность к «профессорским» статьям в легальной периодике¹. Союз организовал подпольную типографию, издал два номера газеты «Товарищ пролетария» и несколько листовок. Легальную работу члены объединения осуществляли в Иркутске через культурно-просветительное общество «Знание», в Черемхово через библиотеку-читальню общества «Просвещение». Деятельность «Союза сибирских рабочих» прекратилась после полицейского разгрома в ночь на 20 июля 1915 г.

В декабре 1916 г. П. И. Старостиним и С. И. Лебедевым создается «Союз иркутских рабочих» как преемник предшествующего объединения, в который вошло не менее 60 пролетариев и примерно столько же учащихся. На собрании 1 января 1917 г. принимается платформа формирования, отображающее резко негативное отношение к войне. «На войну отвечать вооруженным восстанием, долой самодержавие, да здравствует демократическая республика! Мир должен заключить сам народ», – говорилось в резолюции собрания².

Последовательно местные социал-демократы и политические ссыльные выступали против участия рабочих в военно-промышленных комитетах (ВПК) в 1915–1916 гг. Первой кампанию начала красноярская организация, которая в связи с этим в августе 1915 г. провела специальное собрание. Аналогичные акции прошли в Иркутске и Черемхово. Выступая на учредительном собрании Красноярского ВПК 11 августа 1915 г. И. П. Куликов, заявил, что «рабочий класс не заинтересован в том, чтобы проливать кровь ради прибыли Гучковых, Рябушинских и других, и поэтому сознательный пролетариат не будет участвовать в работе военно-промышленных комитетов»³. Всего в Сибири при наличии более 30 ВПК удалось создать лишь три «рабочих группы» в них – в Новониколаевске, Бийске, Омске. При этом работоспособной оказалась только последняя⁴.

---

¹ Там же. С. 134–135.

² Цит. по: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 398.

³ Каторга и ссылка, 1927, № 36. С. 118.

⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период... С. 398.

Группа членов социал-демократической фракции 3-й Госдумы. (По изданию Н.Н. Ольшанского). Авив Войлошиников – в центре.

В рассматриваемый период происходит активное внедрение сибирских организаций РСДРП и социал-демократов в целом в кооперацию. В первую очередь они старались оказать воздействие на потребительские союзы, объединявшие средние и низкооплачиваемые слои горожан. Объектом пристального внимания становятся городские потребительские общества. Так, в Красноярске по инициативе эсдеков в сентябре 1913 г. возник рабочий кооператив «Самодетельность», численность которого выросла со 160 до 2152 членов на 1 января 1916 г. Он имел четыре лавки, библиотеку, при которой функционировали хоровой, музыкальный и драматический кружки. В объединении активно работали подпольщики Н. А. Мещеряков, А. И. Гун, П. Ф. Москалев, А. А. Волостнов и др.¹

В Забайкалье в 1914 г. открывается 81 потребительское общество, в 1915 г. – 79, руководителями некоторых из них стали социал-демократы И. М. Пятидесятников, И. Н. Росляков, А. А. Войлошников, И. А. Белоусов. Трижды проводились кооперативные съезды, образуется Забайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов во главе с А. А. Войлошниковым, издавался журнал «Наше дело». На 3-м съезде объединения в марте 1916 г. по инициативе эсдеков принимается резолюция о необходимости амнистии, отмене сословных, национальных ограничений, создании народного представительства на основе всеобщего равного и тайного голосования, за что форум был закрыт местной администрацией².

Согласно информации местных жандармов «6 декабря 1915 года в гор. Чите состоялось общее собрание кооператива «Эконом» для обсуждения вопроса о дороговизне. Выступивший в качестве оратора председатель Забайкальского товарищества кооперативов бывший член 3-й Государственной Думы социал-демократ Войлошников произнес настолько резкую противоправительственную речь, обвиняя правительство в поддержке спекуляции, что был арестован. Однако ввиду просьбы командированного по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению начальника экспедиции по поставке мяса в армию полковника Козлова Войлошников был освобожден как лицо, принимавшее непосредственное участие в исполнении поручения, возложенного на полковника Козлова»³. В декабре 1916 г. местные правоохранители констатировали: «Кооперативное движение исключительно популярно в Забайкальской области и привлекло в качестве руководителей и распорядителей лиц с политическим прошлым, которые объединяют все это движение в области в организациях следующего наименования: 1) "Областной союз Забайкальских кооперативов", 2) городской кооператив "Экономия", 3) "Дальновокзальный трудовой союз", 4) "Прибайкальское товарищество кооперативов" (г. Верхнеудинск) и 5) городской Верхнеудинский кооператив

---

¹ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС 1895–1989. Красноярск, 1982. С. 124.

² Отечественная история, 1992, № 4. С. 123.

³ Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох.. С. 98–99.

"Экономия". Центр в западном Забайкалье – город Верхнеудинск и в восточном – г. Чита. В числе заправил встречается ряд видных эсдеков: ИВАН ПЯТИДЕСЯТНИКОВ, ЗОТИК КОШИКОВ, АВИВ ВОЙЛОШНИКОВ, МИХАИЛ БОГДАНОВ и другие. Связаны кооперативы с Москвой и Иркутском. Ряд газет, издававшихся союзом кооперативов, был закрыт за вредное направление; теперь же будет издаваться "Кооперативное слово" с бурятским отделом на монгольском наречии. Руководители кооперативов в настоящее время придерживаются лояльного образа действий, но в случае политических осложнений большинство из них как убежденные эсдеки станут, естественно, во главе революционной работы, ибо представляют собою как бы готовый для будущего, авторитетный в массе областной комитет Российской социал-демократической рабочей партии»¹.

Согласно информации жандармов по Минусинску и Минусинскому уезду от 16 ноября 1916 г., «В настоящее время весь ссыльный элемент поглощен кооперативным движением в крае. Нет ни одного ссыльного, который бы не принимал то или другое участие в кооперативном строительстве, которое в то же время питает их, давая им заработок, смотря по должности, от 50 [до] 150 руб. в месяц»². Всего же, по подсчетам С. В. Макаруча, в изучаемый период социал-демократы контролировали и оказывали влияние на деятельность 39 кооперативов, еще в 12 они это делали совместно с эсерами³.

С 1915 г. местные социал-демократы возобновляют работу в войсках. Именно тогда они создают пропагандистские кружки в горной и мортирной батареях Томского гарнизона, 15-м Сибирском стрелковом запасном полку в Красноярске. С весны 1916 г. систематическое воздействие на военнослужащих стали оказывать эсдеки Омска. Разложению тыловых частей способствовал призыв в армию политических ссыльных, эсеров и социал-демократов. Едва оказавшись в частях и установив связи с местным подпольем, социал-демократы начали разворачивать пропаганду. Уже в июне 1916 г. мобилизованные в Иркутский гарнизон выпустили воззвание «К товарищам солдатам!», в котором подчеркивалось: «Мы вооружены и должны оружие направить против наших действительных врагов»⁴. В частях Красноярского гарнизона оказались ссыльные эсдеки Е. Ф. Дымов, А. С. Енукидзе, Б. И. Иванов, А. И. и В. И. Окуловы, Б. З. Шумяцкий. Они создали подпольную военную организацию. Возобновляется выпуск листовок, две из которых («О войне», «К солдатам») написал И. В. Сталин, освобожденный призывной комиссией от призыва.

---

¹ Там же. С. 120–121.

² Там же. С. 106.

³ Макаруч С. В. Указ. соч. С. 69.

⁴ Цит. по: Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX - начала XX века. Вып. 4. Социал-демократы. Учебное пособие. Новосибирск, 1997. С. 89.

Еще до мобилизации ссыльные эсдеки и эсеры Нарыма в сентябре 1916 г. приняли решение о создании специальной организации «Военно-социалистического союза» для координации усилий социалистов в воинских частях. Формируется два состава бюро объединения – первое в составе социал-демократов Н. Н. Яковлева, В. М. Косарева, И. Н. Смирнова, эсера С. А. Кудрявцева. Пятое место оставлялось для представителя томской организации РСДРП и его занял И. Л. Наханович. Второй состав: А. В. Шотман (после его отъезда В. Д. Вегман), А. И. Рыков, Б. И. Гольдберг остался в Нарыме. Они развернули массовую агитационно-пропагандистскую работу среди военнослужащих. Часть ссыльных направляется в Новониколаевск (А. Ф. Клеппер, Д. К. Озолин, П. А. Пахомов), где они создали группу «Союза». Им в помощь местная организация РСДРП выделила несколько партийцев: Г. Е. Дронина, В. Г. Романова, С. И. Якушева.

Как вспоминал И. Н. Смирнов, агитацию среди солдат решили осуществлять по двум направлениям: «1. Призыв войск к борьбе с царским правительством, к революции; 2. Мир, заключенный самим народом». Городские эсдеки организовали нелегальную типографию во главе с Вл. Очерединым (Н. Л. Нахановичем), работавшим наборщиком в типографии газеты «Сибирская жизнь» и эсерами Владимировым и Цветковым, «давно известные всем партийные люди, из Иркутской губернии, бывшие ссыльные». После ареста Н. Л. Нахановича 11 января 1917 г., вместо него в типографию делегировали Клинова¹. Непосредственно в 18-м Сибирском стрелковом запасном полку, где в одной из рот оказались политические ссыльные из Нарыма, работу с личным составом осуществлял рядовой Г. Костин. «Но вот неожиданно быстро надвинулась на нас великая русская революция. Наш союз собрал все свои силы в этот решительный момент. Костин был среди нас. Он день и ночь ходил по ротам, подготовлял солдат к перевороту. Ожидания большого сопротивления старой власти не подтвердилось, все обошлось сравнительно легко»².

В двух дошедших до нас листовках «Союза» – «К маршевикам» (январь 1917 г.) и «Кто должен победить?» (февраль 1917 г.) с эпиграфами «Война – Войне!» проводилась мысль: «Третий год тянется война. Двенадцать миллионов русских солдат убито, ранено и взято в плен! Миллионы крестьянских хозяйств разорены, миллионы солдатских вдов и сирот голодают. Царское правительство не заботится о том, чтобы накормить их. Грошового пособия не хватает на хлеб. Скоро вся Россия будет голодать». Солдаты должны объединиться в союзы для подготовки к войне с войной с целью установления демократической республики. «Ужасная война, начатая капиталистами и их правительствами для нашего порабощения, должна закончиться победой рабочих над капиталом». Победивший пролетариат заключит мир с немецким народом. «Тогда все европейские народы объединятся

¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 564. Л. 2, 4, 9–10

² Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона, 1917, 30 мая.

Выпуск журнала «Знание для всех» (1916, № 8) с работой областника В.И. Анучина о Туруханском крае

к началу 1916 г. в просветительном обществе «Знание» «руководство всеми делами захватили ссыльнопоселенцы социал-демократы и социалисты-революционеры, а именно: в настоящее время в библиотечной комиссии из пяти человек трое бывшие ссыльнопоселенцы Бодунов, Сергей Александрович Добровольский и Александра Михайловна Цвирко – все социалисты-революционеры, а наблюдателем от правления общества – бывший ссыльнопоселенец Сергей Иванович Лебедев, социал-демократ; в театральной комиссии председателем бывший ссыльнопоселенец Владимир Лукин, социалист-революционер, ссыльнопоселенец Дворников, служащий

между собой в один союз, разоружатся и навсегда уничтожат войны». «Да здравствует мир! Да здравствует революция! Да здравствует социализм!»¹.

Одной из эффективных форм деятельности социал-демократов в общественно-политической и культурной жизни являлось их участие в работе разного рода культурно-просветительных организаций. Например, активным членом Забайкальского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» был В. Н. Соколов, который на общем собрании 20 марта 1916 г. выступил с докладом «Экономические перспективы Забайкалья». В нем проводилась мысль: «Для развития в Забайкалье народного хозяйства нужны широкие меры как экономического, так и общего характера. В частности нужно земство на широкой демократической основе»². В Иркутске, по сведениям правоохранителей,

¹ Чугунов М. И. Антивоенные листовки в Томске в канун Февральской буржуазно-демократической революции // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири конец XIX века – 1918 г. Томск, 1976. С. 207–212.

² ГАЧО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

приказчиком у Камова, социалист-революционер и ссыльнопоселенец Борисов, социал-демократ; в лекционную комиссию вошли Исаак Гольдберг, Погребецкий, Роговский – все социалисты-революционеры и Войтинский – социал-демократ»¹. Подобные примеры можно приводить по местным отделам и подотделам ИРГО. В целом же, согласно подсчетам С. В. Макаrchука, из не менее чем 130 культурно-просветительных обществ, существовавших в восточных районах России в рассматриваемое время, социал-демократы участвовали в 30 объединениях и совместно с эсерами еще в 10².

У социалистов-революционеров с началом войны усиливается стремление к легальной деятельности и контактам с социал-демократами. Как отмечалось в обзоре Иркутского ГЖУ в октябре 1916 г.: «Теперь до окончания войны задачей всех революционеров является поддержка легальных организаций и примирение интересов партии социалистов-революционеров и социал-демократов. Такое примирение происходит незаметно и постепенно при обсуждении различных вопросов в заседаниях кооперативов и просветительных обществ»³.

Война разделила местных эсеров, в том числе ссыльных, на три больших группы. Первую составляли оборонцы, которые отказались от какой-либо революционной деятельности и выступали за победу стран Антанты в «оборонительной войне». Они признавали только легальные методы работы. «До последнего времени многочисленные революционные деятели (соц. рев. и соц. дем.) полагали, что до окончания войны не следует приступать к какой бы то ни было революционной работе, чтобы не мешать ходу военных действий», – отмечали в цитированном выше обзоре иркутские жандармы⁴. Чем прочнее социалисты утвердятся в легальных организациях, считали оборонцы, тем легче им будет вести борьбу «за избавление России от внутреннего врага».

В Сибири на оборонческие позиции встала определенная часть эсеров Иркутска: И. Г. Гольдберг, Л. Н. Николаев, А. Н. Нектаров, А. В. Милашевский, П. И. Куликовский и др., находившиеся под сильным влиянием Е. К. Брешко-Брешковской, которая в посланиях из тюрьмы «не велит выступать против войны». Этой группой во главе с Л. Н. Николаевым в начале 1915 г. предпринимается издание девяти номеров легальной газеты «Народная Сибирь», в состав редколлегии которой, кроме Николаева, вошли местные и ссыльные эсеры М. А. Кроль, А. Г. Ржосницкий, С. М. Клячко. В органе сотрудничали В. Г. Архангельский, М. А. Веденяпин, П. Г. Измайлов, И. М. Бланков, А. В. Сазонов и др. Редакционный коллектив анонсировал газету как внепартийное и прогрессивное издание и в материалах отстаивал

¹ ГАРФ, ДПОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. Литера Б. Л. 6 об.

² Макаrchук С. В. Указ. соч. С. 76.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 992. Л. 59.

⁴ Там же.

необходимость защиты отечества в войне до победного конца и пропагандировал кооперацию. Из других городов региона оборонческие настроения получили распространение среди части эсеров Красноярска и Томска. В последнем В. И. Анучин и М. Б. Шатилов попытались воссоздать Сибирский областной союз для пропаганды оборонческих взглядов.

Вторую группу эсеров составили центристы, которые эклектически выступали и против войны, и за участие в обороне отечества, за смещение царского правительства «всеобщим голосованием», так как оно не может довести войну до победного конца. Наиболее ярко взгляды представителей указанного направления выразила сотрудничавшие в иркутской газете «Сибирь» видные эсеры А. Р. Гоц, Е. М. Тимофеев, А. А. Краковецкий, В. И. Радионов, Д. И. Кутузов (Илимский). В духе центризма была выдержана резолюция собрания политических ссыльных (эсеров и эсдеков) в Канске 14 июля 1915 г. Ее составители, с одной стороны, заявили, что они «против войны» и готовы активизировать борьбу против царского правительства, требуя политических свобод, а с другой – призывали всемерно содействовать укреплению русской армии, привлечению «демократии для организации победы»¹.

Третью группу представляли эсеры-интернационалисты, которые выступали против войны, считая необходимым ее прекратить, добиваясь мира без аннексий и контрибуций, что возможно только в случае, если социалисты всех воюющих стран объединятся в «третью силу», которая заставит империалистов ее прекратить. При этом интернационалисты выступали за продолжение борьбы с самодержавием, отстаивали необходимость сохранения нелегальных организаций. Четко выраженную антивоенную позицию заняла в Иркутске группа «молодых» эсеров во главе с наборщиком типографии А. И. Сартаковым, которая в связи с начавшейся войной выпустила листовку, написанную студентом Д. Н. Мерхалевым. В ней отмечалось, что война есть «чудовищная бойня», необходимая царю, дворянам, капиталистам. Далее следовал призыв объединиться «в мощные солдатские и другие военные союзы» и выйти на улицу с требованиями «Лучшей доли! Свободной жизни! Земли и воли! Долой войну!»²

Сильные позиции интернационалистов были среди эсеров в Енисейской губернии и в Красноярске. Антивоенные настроения здесь усилились после приезда в город депутата 4-й Государственной думы большевика А. Е. Бадаева, отбывавшего ссылку в Енисейске. 13 марта 1915 г. он выступил с докладом «Победа или поражение» на нелегальном собрании, на котором кроме социал-демократов присутствовали беспартийные рабочие и эсеры. Именно эсеры-интернационалисты провели в Мариинске в конце 1915 г. конференцию,

---

¹ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978. С. 141, 142.

² Горюшкин Л. М. Эсеры в сибирской ссылке в годы первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1988. С. 110.

положившую начало «Сибирской группе социалистов-революционеров». На второй конференции группа назвала себя «Сибирским союзом социалистов-революционеров». Антивоенные листовки этой организации распространялись в Енисейской губернии и в Томске.

Впрочем, отмеченное выше размежевание не являлось постоянным. Как отмечали красноярские жандармы «к осени минувшего 1915 года под давлением растущей дороговизны и изменившегося военного счастья в общественных настроениях интеллигенции городов Енисейской губернии и, главным образом г. Красноярска, произошел полный перелом по отношению главного фактора общественной жизни – текущей войны. Перелом этот вполне ясно обрисовался в виде двух оттенков «пораженчества»: около половины местных деятелей революционного лагеря открыто высказывалось за явное исповедание желательности приступить немедленно к активной работе против всяких попыток городских муниципалитетов и общественных организаций в помощи правительству для одержания победы, другая-же половина придерживалась пассивности в упомянутом вопросе и не решалась открыто отмежеваться от прежнего патриотизма»¹. Особую активность в пропаганде пораженческих настроений проявил присяжный поверенный В. Я. Гуревич, высланный в Енисейскую губернию в 1914 г. за принадлежность к Петроградской организации ПСР. 5 апреля 1916 г. он был арестован за агитацию «среди 3-тысячной массы рабочих Красноярских железнодорожных мастерских... с целью воспрепятствовать выполнению заказов на государственную оборону»².

В феврале 1916 г. в Красноярске «под влиянием состоявшегося в Иркутске в январе сего года съезда «Сибирской группы Социалистов-революционеров» образуется ее «Красноярская ячейка». Резолюция съезда обсуждалась на легальных заседаниях кооператива «Самодетельность». Среди социалистов-революционеров города возобладало мнение о прекращении всякой нелегальной деятельности как «невозможной и даже нежелательной... ввиду войны и связанных с ней репрессий»³. В декабре 1915 г. группой видных эсеров, работавших в кооперативных организациях Мариинска, в основном из числа отбывших ссылку или бежавших с нее (А. П. Лисиенко, Ф. С. Семенов, Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг и др.) проводится нелегальная конференция, объявившая о создании «Сибирской группы социалистов-революционеров». На второй конференции в марте 1916 г. там же принимается решение о воссоздании «Сибирского союза социалистов-революционеров». В Мариинске начинает собираться эсеровская гвардия, сыгравшая видную роль в событиях 1917–1919 гг. Помимо упомянутых выше, в течение 1916 г. сюда приезжают и устраиваются в кооперативные организации М. Ф. Омельков, В. Н. Махов,

¹ ГАРФ, ДПОО, 4-е делопроизвод.. Оп. 1916. Д. 9. Ч. 25, литера Б. Л. 47.

² Медведева Н. Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006, 63–64.

³ Там же. С. 64.

Конференция сильных большевиков в с. Монастырском. Туруханский край, лето 1915 г. Две версии одной фотографии. В оригинале направо от И.В. Сталина стоит Л.Б. Каменев. (Кинг Д. Пропавшие комиссары. М., 2005)

П. Я. Михайлов¹. По настоящему «Союз» развернулся после марта 1917 г., перебравшись в Томск.

В целом к началу 1917 г. среди эсеров Сибири продолжался политический застой. Вместе с тем на местах, как правильно заметил Э. Ш. Хазиахметов, период 1914–1917 гг. был очень важен: «Это было время постоянной концентрации сил политических ссыльных социал-демократов и эсеров»². Шло накопление критической массы, оформление таких организаций как «Сибирский союз эсеров», «Сибирской группы социалистов-революционеров», «Военно-социалистического союза», позволивших после февраля 1917 г. вдохнуть жизнь в ПСР и буквально в считанные дни реанимировать ее.

Во время войны происходит сближение позиций эсдеков и эсеров в Сибири, прежде всего по линии легальной деятельности. С другой стороны, взаимоотношения между членами указанных партий были далеки от идиллии. Ожесточенная борьба между ними развернулась в городской кооперации. На собрании кооператоров Енисейской губернии в 1916 г. А. Г. Шлихтер подверг критике эсеровскую идею «кооперативного социализма» и заявил, что для рабочих в кооперативах культурно-просветительская и пропагандистская работа должна преобладать над торговлей. С подобных позиций трактовали кооперативную теорию ПСР Л. Н. Мещеряков, В. Н. Соколов, И. А. Теодорович, В. А. Ватин-Быстрянский³. В свою очередь эсеры, как вспоминал Г. Е. Дронин, «даже таких как Канатчиков, который имел рекомендации из Иркутска от видного эсера, выбросили [из кооперации. – М. Ш.], узнав, что он марксист, а не эсер»⁴.

Касаясь кадрового потенциала местных организаций РСДРП и ПСР можно утверждать о достаточно сложной ее социальной стратификации и преобладании молодежи с достаточно высоким уровнем образования. Вместе с тем представители партийной элиты (профессиональные революционеры) являлись выходцами практически из всех сословий и социальных групп. Мои выводы подтверждаются сведениями по активу Обской группы РСДРП (Новониколаевск). Профессиональный революционер Г. Е. Дронин 1878 г. рождения, из крестьян, окончил четыре класса городского училища, много занимался самообразованием, конторщик по профессии, неоднократно арестовывался (член РСДРП с 1903 г.), в 1907–1917 гг. отбывал ссылку в Енисейской губернии. Романов В. Р., 1875 г. рождения, родился в крестьянской семье, с 12-ти лет работал в Москве, пройдя путь от «мальчика» в трактире до

---

¹ ГАНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 55. Л. 5, 6, 8, 10, 11, 12; Черняк Э. И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 168.

² Хазиахметов Э. Ш. Политическая ссылка в омском Прииртышье в начале XX в. // Страницы исторического прошлого Омска. Омск, 1994. С. 110.

³ Зольников Д. М. Указ. соч. С. 97.

⁴ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 14.

рабочего завода Гужона. Впоследствии трудился чернорабочим, кочегаром, слесарем-электромонтером в Тифлисе, Туле, Сормово, Киеве, одновременно занимаясь самообразованием и участвуя в революционном движении (член РСДРП с 1903 г.). В 1913 г. в административном порядке выслан в Новониколаевск, где работал экспедитором на складе сельхозмашин, заведующим хлебным сыпным пунктом, в 1917 г. избирается председателем потребительского кооператива «Экономия». Петухов А. И. 1886 г. рождения, из семьи лесничего (коллежского советника), окончил Томское реальное училище и поступил в Томский технологический институт, откуда был отчислен в 1905 г. за участие в революционном движении (член РСДРП с 1903 г.). Работал техником в Новониколаевской городской управе. Черепанов А. А. 1884 г. рождения, из семьи кустика-живописца, окончил школу грамоты, член РСДРП с 1906 г. Работал рассыльным, помощником волостного писаря, конторщиком, выслан в Сибирь. С 1914 г. в Новониколаевске, где трудился в частных фирмах и кооперативных организациях. Серебренников Ф. П. 1890 г. рождения, из семьи служащего. В 1893 г. с семьей переехал в Новониколаевск, где его отец был директором конторы по продаже сельскохозяйственных машин. После его смерти, за счет средств конторы учился в реальном училище, но как политически неблагонадежный исключается из него. Окончил в Омске финансово-экономические курсы и работал в Новониколаевске бухгалтером ¹.

Как видим, ни одного пролетария среди них не было, а все они относились к динамичному слою российского общества рассматриваемого времени, будучи в значительной степени продуктом перемещения (мобильности) снизу вверх. Примерно такая же картина вырисовывается при анализе жизненного пути эсеровского актива города (Омельков М. Ф., Михайлов П. Я., Семенов Ф. С. (Лисиенко А. П.), Линдберг М. Я.) ². В качестве последнего примера сошлемся на Н. С. Калашникова, рабочего, слесаря Красноярских железнодорожных мастерских, а затем Иркутского депо, члена ПСР с 1905 г. Многократно арестовывался и совершал побеги, эмигрировал во Францию. Вернувшись в Россию, работал на заводах Москвы и одновременно учился в народном университете им. Шанявского. С началом Первой мировой войны призван в армию и в 1916 г. окончил школу прапорщиков ³.

В рассматриваемое время Сибирь оставалась основным местом ссылки государственных преступников. По разным подсчетам здесь ко времени Февральской революции их находилось от 6,4 до 8,4 тыс. чел. ⁴ Доля социал-

¹ ГАО. Ф. П-5. Оп. 6, д. 235. Л. 1–4; Оп. 2. Д. 655. Л. 1–2; Оп. 6. Д. 359. Л. 4, 16, 41; Оп. 2. Д. 653. Л. 3; Д. 655. Л. 4–5; Оп. 6. Д. 453. Л. 40–41; Оп. 6. Д. 369.

² ГАО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 55. Л. 5–6, 7–8, , 9; Ф. П-5. Оп. 6. Д. 369. Л. 30.

³ ГАО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

⁴ Щербakov Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIXв. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 209–211; Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. С. 19.

демократов в 1914–1917 гг. составила 38,5 %, эсеров 34,4 %. По выборочным данным в это время большинство ссыльнопоселенцев (67,6 %) являлись выходцами из крестьян, 28,0 % из мещан и только 4,4 % из семей дворян, духовенства и купцов. По роду занятий: 55,7 % – рабочие, 35,7 % – служащие, 3,8 % – учащиеся. Пролетаризация ссылки не отразилась на уровне образования ее представителей. В 1915–1917 гг. число лиц, имеющих низшее (начальное) образование составило 56,1 %, среднее – 14,9 %, высшее – 5,7 %¹. Большая часть ссыльных размещалась в отдаленных районах, создавала колонии, число которых достигло 55 в изучаемый период. Примерно 1849 чел. осели практически во всех городах. Их количество здесь резко возросло после массового призыва в армию в 1916 г. Например, в Ачинске в 1914–1917 гг. находился 31 ссыльнопоселенец, в том числе 12 эсдеков, 7 эсеров, 2 анархиста; в Барнауле – 18, в том числе 8 социал-демократов; в Верхнеудинске – 39, Бодайбо – 145, Иркутске – 562, Красноярске – 196, Минусинске – 68, Новониколаевске – 78, Томске – 136, Чите – 108, Якутске – 117, Омске – 34 чел.²

Сибирские либералы выступили в поддержку правительства после начала войны. Омские кадеты, присяжные поверенные В. О. Петропавловский и Д. С. Каргалов добровольцами ушли на фронт. Как отмечалось в памятном адресе В. Н. Пепеляеву от Бийской городской думы, «вы организуете передовой врачебный отряд и едете с ним туда, где льется море крови. Когда же начался развал армии... вы сами надеваете солдатскую шинель и подымаете брошенную винтовку»³.

Местные кадеты приняли участие в создании военно-промышленных комитетов, организации Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам (Сибиртет). Они поддержали идею создания отделов Всероссийского союза городов в Сибири. В апреле 1915 г. съезд городов Западной Сибири в Омске принял резолюцию с требованием введения земства. Более радикальный характер имел состоявшийся 14–19 апреля 1916 г. съезд городов Восточной Сибири в Иркутске, носивший, по определению жандармов, «окраску левее кадетской, или минимум кадетской группы левого крыла»⁴. Среди примерно 40 участников преобладали кадеты (Е. Л. Зубашев, С. В. Востротин, П. И. Федоров, Л. А. Белоголовый, И. И. Циммерман и др.), но были представлены эсеры, эсдеки из числа ссыльных, прогрессисты и областники. Основной задачей форума являлось создание областного съезда городов Восточной Сибири и объединение вокруг него политических группировок региона.

Численность актива Иркутской кадетской организации местные жандармы в ноябре 1914 г. определяли в 18 чел., среди которых выделяли врача П. И. Федорова, мещанина Г. И. Русанова, инженера Н. Г. Шапошникова,

¹ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири... С. 94.

² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 384.

³ ГАНО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27, литера Б. Л. 24.

учителя гимназии Д. З. Белкина, личного почетного гражданина г. Иркутска А. С. Первунинского, присяжного поверенного И. С. Фатеева, управляющего местным отделением Русско-Азиатского банка коллежского советника А. В. Витте¹.

Основные усилия сибирские либералы и областники в рассматриваемое время сосредоточили на вопросе о введении земства в регионе. П. В. Вологодский призвал местные общественные организации усилить давление на своих депутатов в 4-й Государственной думе по этому поводу². Еще раньше Сибирская парламентская группа также подняла вопрос о земстве. Она собрала под законодательным предложением, в основном повторяющим отклоненный в 1912 г. законопроект, 72 подписи. Против него выступили представители МВД. Указанное ведомство 22 декабря 1916 г. выдало свой проект о земском самоуправлении в Тобольской и Томской губерниях с одновременным выделением из последней Алтайской губернии, на котором остановимся ниже.

Как вопрос о земском самоуправлении будировался на местах можно посмотреть на примере Иркутска. 12 февраля 1915 г. здесь состоялось заседание комиссии городской думы «для разработки мотивов к вопросу о введении земских учреждений в Восточной Сибири». Принимается решение составить по этому поводу большую мотивированную записку. И. И. Серебренников заметил: «Необходимо кричать об этом погромче и почаще». 5 апреля того же года прошло совещание под председательством управляющего канцелярией иркутского генерал-губернатора по этому вопросу, которое «единогласно признало введение земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири и желательным и возможным»³. Дальше этого дело не пошло.

Во время войны для пропаганды идей местного самоуправления либералы и областники активно использовали местные отделы Всероссийского союза городов и их съезды. В первом номере созданной по решению съезда западносибирских городов в Омске 11–13 апреля 1915 г. – газете «Сибирский день» содержалась большая подборка материалов, обосновывающая необходимость введения в Сибири земства. В ее поддержку высказались городские головы Новониколаевска, Омска и Тюмени, видные финансисты Н. Д. Буяновский и П. Д. Подшивалов. В частности, депутат 4-й Государственной думы от Томской губернии трудовик В. М. Вершинин заявил: «Для осуществления объединения сельской Сибири необходимо введение в ней земства и разрешение учреждать кооперативам общесибирские союзы»⁴.

Более радикальный характер имел проходивший 14–19 апреля 1916 г. в Иркутске съезд городов Восточной Сибири. Главной темой разговоров на ужине

---

¹ Шиловский М. В. Иркутск в период Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) // Сибирский город XVIII – XX веков. Иркутск, 2011. Вып. 8. С. 200.

² Вологодский П. К вопросу о земстве в Сибири // Сиб. жизнь, 1916, 24 февр.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 91, 111.

⁴ Сибирский день (Омск), 1015, 15 апр.

«Сибирский дедушка» Г.Н. Потанин и «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, 1918 г. (из фондов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника)

по поводу его закрытия «было пожелание повторения этих съездов и вера в будущее осуществление идей областничества»¹. Мысль об использовании областных объединений сибирских городов настолько захватила либералов так, что они непосредственно перед Февральской революцией стали связывать надежду на введение земства с Сибирской областной думой: с «поддержкой широких народных масс всей земской Сибири, а также при общей демократизации всего уклада жизни тенденция областного объединения сибирских городов в последнее время сможет найти свое завершение в форме Сибирской областной думы»².

В поддержку сибирского земства высказался проведенный в Омске в начале января 1916 г. сельскохозяйственный и кооперативный съезд Западной Сибири, на котором присутствовало 85 делегатов. Выступая на нем, член Государственного совета И. П. Лаптев выразил уверенность, что земское положение распространится на Сибирь, «это вопрос только времени... Еще в то время, когда Омск посетил покойный председатель Совета министров Столыпин, он сказал, что введение земства в Сибири замедляется, главным образом, ввиду того обстоятельства, что в Сибири нет подходящего элемента для культурной работы. Думаю, что вместо того, чтобы обсуждать этот

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27, литера Б. Л. 24.

² Там же. Л. 27.

вопрос, мы поступили практичнее и путем планомерной и плодотворной работы дали лучшие доказательства, что в Сибири такой элемент уже есть»¹.

Накануне Февральской революции Вл. М. Крутовский указал на три характерные черты будущего земства:

«Во-первых, сибирское земство, в силу существующих в Сибири условий, должно быть значительно более демократичным, чем в России.

Во-вторых, в Сибири, ввиду ее огромных размеров, малой сравнительно населенности и при плохих путях сообщений, необходимо дополнение в виде малой земской единицы – волостного земства со всесословным составом.

В-третьих, ввиду тех же условий, в Сибири необходимо и еще дополнение – областное земство-единица, объединяющее все губернские земства Сибири»².

Имели место прямые обращения к верховной власти по земскому вопросу. В частности, в августе 1916 г. Тюменская городская дума единогласно постановила возбудить ходатайство перед правительством о скорейшем введении земства в Тобольской губернии, поскольку из-за его отсутствия городскому самоуправлению приходится обеспечивать интересы и населения уезда (больницы, школы, попечительство о сиротах и престарелых). Нагрузка усилилась в условиях военного времени. «Сибирская деревня в связи с войной заметно пробуждается и предъявляет новые запросы, которые все более и более расширяются, поэтому нужен орган более близкий к населению уезда, каковым и должно явиться земство»³.

Большое значение в плане популяризации областнических лозунгов имело празднование 80-летнего юбилея Г. Н. Потанина в 1915 г. Созданный при томском отделе «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» оргкомитет предполагал использовать это событие для пропаганды лозунгов движения, для того, чтобы доказать, что «Сибирь впервые выступает как одно целое, что лозунг областного самосознания восприняли все отчетливо»⁴. Действительно, празднование юбилея приобрело общесибирский характер. Практически все местные повременные издания посвятили Григорию Николаевичу развороты и статьи. В ряде городов (Омск, Новониколаевск, Томск) городские думы приняли решение о переименовании улиц в Потанинские и направили в Томск на торжества делегации. Омское городское самоуправление в памятном адресе обращалось к имениннику: «Вам – первому гражданину Сибири, открывшему миру духовную и экономическую мощь страны изгнания. Вам – потерпевшему в борьбе за лучшие идеалы человечества, научившему ряд поколений любить суровую страну – нежной любовью детей; Вам – поборнику свободы и знаний и лучшего общественного

---

¹ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Ч. 1. С. 270.

² Сиб. записки, 1916, № 2. С. 140.

³ Шишкина С. Ю. Линия конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья). С. 184–185.

⁴ Сиб. жизнь, 1915, 9 сент.

устройства Сибири, общественное управление города Омска приносит привет в день восьмидесятилетней годовщины Вашего рождения»¹. Юбилера от имени бурят в национальном костюме приветствовал крупный торговец И. Пирожков, а один из лидеров национального движения Э.-Д. Ринчино назвал его «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей»².

Был выпущен ряд брошюр и юбилейных сборников с описанием жизненного пути и заслуг идеолога областничества, переизданы его отдельные работы. Поздравления прислали А. М. Горький, В. Я. Шишков, В. Г. Короленко, редакции журналов «Русское богатство», «Голос минувшего», «Современники» и т. д. Апогеем празднеств стало торжественное заседание в зале городского общественного собрания Томска 21 сентября 1915 г. Отвечая на приветствия и поздравления, Г. Н. Потанин, поблагодарив собравшихся, заговорил о местном патриотизме, подчеркнув: «Необходимо пробудить провинцию к деятельности. Для этого необходимо помочь расчленению территории на области, расчленив и государственные финансы – разделить их на областные. Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве. Необходимо университеты лишить их нынешнего бюрократического характера и из государственных учреждений превратить в областные»³.

Кстати, и верховная власть в рассматриваемое время начинает осознавать необходимость реформирования системы административно-территориального управления Российской империи на принципах автономизации регионов. С этой целью 7 июля 1916 г. председатель Совета министров Б. В. Штюрмер направил на высочайшее имя памятную записку «Областное начало внутреннего управления империи»⁴, правда, как будет показано ниже, правительство вкладывало в понятие «областное управление» принципиально иные подходы в отличие от сибирских областников.

Первая мировая война обострила кризис черносотенного движения. Вместо традиционной ориентации на союз с консервативными монархиями Германии и Австро-Венгрии им пришлось призывать к победе над «тевтонской и мадьярской расами». Произошло обвальное сокращение количества правых объединений. Так, из пяти монархических обществ Барнаульского уезда Томской губернии в 1916 г. продолжил подавать признаки жизни только Барнаульский отдел Союза русского народа (СРН)⁵. После начала военных

¹ ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 158. Л. 38.

² РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 139а. Л. 5.

³ Потанин Г. Н. [Речь на юбилее] // Сиб. студент, 1915, № 1–2. С. 3.

⁴ «...Преобразование, неотложность коего бесспорна...». Записка председателя Совета министров Б. В. Штюрмера императору Николаю II о необходимости проведения областной реформы. 7 июля 1916 г. // Отечественные архивы, 2009, № 1. С. 95–103.

⁵ Кижаяева Т. А. Образ власти в менталитете крестьянства Томской губернии в годы Первой мировой войны. С. 120.

действий Новониколаевский отдел СРН остался единственным дееспособным из подобного рода формирований в Азиатской России. «Союзники» организовывали молебны, крестные ходы, сборы пожертвований для военнослужащих, взяли под свою опеку 41-й Сибирский стрелковый полк, требовали выселения немцев из города. Так, 31 июля 1915 г. руководящий орган объединения принял решение просить товарища председателя, купца К. А. Полякова «принять на себя труд, по примеру прошлых лет, по изготовлению теплого белья и приема пожертвований для воинов на передовых позициях»¹. Их представители вошли в состав Военно-промышленного комитета. В октябре–ноябре 1914 г. местный отдел СРН собрал для нужд армии 235 рубак, 119 кальсон, 584,5 аршин полотна и 175 руб. 31 коп. деньгами. Возглавляемое им общество взаимного страхования имущества от огня, пожертвовало на военные нужды 8 тыс. руб. и закупило ткани на 13 тыс. руб.² В ноябре 1916 г. новониколаевские «союзники» в телеграмме, отправленной в Петроград в правительственные сферы, потребовали не заключать сепаратный мирный договор с Германией. Последняя точка в истории организации была поставлена в ночь на 4 марта 1917 г., когда по решению городского Комитета общественной безопасности и порядка вместе с офицерами гарнизона были арестованы активисты Новониколаевского отдела Союза русского народа.

Активность представителей основных политических партий, политических ссыльных и сибирских областников во второй половине 1914 – начале 1917 гг. обуславливалась ходом боевых действий, неспособностью монархической власти эффективно решать военные вопросы и консолидировать общество, позицией «общественных сил», воспитанных на концептах либеральной западноевропейской мысли, страстном желании народников, неонародников и марксистов всех оттенков «взорвать» существующий строй. Применительно к Сибири региональными факторами в области партийного строительства стали: массовое переселение, породившее масштабное противостояние новоселов, старожилов и аборигенов, формирование национальных элит, выдвижение ими программы защиты национально-культурной самобытности и противодействие переводу на оседлость; рост численности городского населения, размывание в его среде сословных устоев, его «окрестьянивание», в том числе за счет военнослужащих; ведущая роль интеллигенции и средних городских слоев в общественно-политической жизни, их слабая политическая дифференциация; нарастание радикализма у либералов; значительное воздействие на общественно-политический процесс политических ссыльных; активизация деятельности общественных формирований (муниципалитеты, экономические, благотворительные организации).

---

¹ ГАНО. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

² Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / Сост. В. П. Зиновьев, О. А. Харусь. Томск, 2013. Т. 1. С. 357, 359–360.

Участие России в Первой мировой войне привело к существенной коррекции в повседневной работе неполитических общественных организаций, которые переключились «с культурно-просветительной и другой социально значимой деятельности на решение военно-организационных и хозяйственных проблем. Особую актуальность приобрели такие вопросы, как помощь раненым и семьям призванных на военную службу лиц, снабжение действующей армии, прием беженцев, содействие властям в организации мобилизации населения в армию и др.»¹. Как уже отмечалось выше, значительные усилия в этом плане проявили такие общественные объединения, как кооперация, местные отделения Российского общества Красного Креста, сельскохозяйственные общества, благотворительные и культурно-просветительные формирования. Кроме того, непосредственно в ходе войны была организована густая сеть специализированных организаций: волостные и городские попечительства, уездные комиссии «по призрению» семей запасных, комитеты помощи военноувечным, отделы Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (Сибиртет), отделы Всероссийского союза городов, различного рода благотворительные и попечительские комитеты, национальные организации по оказанию помощи беженцам и т. д.

Данное обстоятельство негативно отразилось на функционировании просветительных и досуговых обществ, поскольку существенно сократились объемы их финансирования за счет субсидий и пожертвований, нерегулярного поступления членских взносов. Например, в 1916 г. бюджет Барнаульского общества попечения о начальном образовании был сведен с дефицитом в 8 тыс. руб.² Омское общество самообразования и физического развития по

Плакат Российского общества зеленого креста (1916 г.)

¹ Попов Д. И. Культурно-просветительные общества Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск, 2006. С. 119.

² Косых Е. Н. Культурно-просветительная деятельность среди рабочих Сибири накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы истории

Всероссийская лига по борьбе с туберкулезом проводила «Дни белой ромашки» с 1911 г.

функционировал отдел «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». В момент организации (июль 1913 г.) в него записалось 60 чел., на январь 1915 г. насчитывалось 138 чел., среди которых были: 28 торговых служащих, 24 учителя, 11 конторщиков, 7 фельдшеров, 5 врачей, 6 ремесленников, 3 крестьянина. По образованию: 8 чел. с высшим, 29 – со средним, 100 – с низшим и домашним. Отдел выписывал журналы «Русское богатство» и «Сибирский архив». Его библиотека насчитывала 1200 томов, функционировало несколько секций и музеев. В течение 1915 г. было проведено 5 общих собраний формирования¹.

общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 18.

¹ Шиловский М. В. «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» и его роль в развитии науки и культуры Сибири начала XX века // Роль науки в освоении восточных районов страны. Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1992. С. 40.

причине финансовой несостоятельности объявило о своем закрытии. С другой стороны, легальные общественные формирования в изучаемый период активно использовались политическим объединением для осуществления агитационно-пропагандистских акций. Эсеры возглавляли Иркутское общество народных чтений, Томское общество попечения о народном образовании, Красноярское общество попечения о начальном образовании. Социал-демократы доминировали в омском обществе «Просвещение» и иркутском – «Знание».

В сравнительно небольших населенных пунктах просветительские общественные объединения становились центрами интеграции местной интеллигенции и политических ссыльных. Так, в селе и на железнодорожной станции Тулун Иркутской губернии активно

Таким образом, культурно-просветительные, благотворительные, досуговые, научные общества стали проявлением активности местной интеллигенции и средних городских слоев и неотъемлемым элементом повседневной жизни городов и крупных поселений региона. Каждый из них имел хотя бы минимальный набор подобного рода организаций. Например, в г. Мариинске Томской губернии к 1917 г. функционировали: Библиотечное общество, Комитет попечительства о народной трезвости, Музыкально-драматическое общество, отдел «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» и Общество (патронат) покровительства лицам, освобожденным из мест заключения¹. В далеком Якутске на то же время действовали: отдел ИРГО, Общество трезвости, епархиальный церковно-археологический комитет, областной кустарный комитет, Потанинское просветительное общество².

Профсоюзное строительство в Сибири до 1917 г. не приобрело форму массового движения. К февралю 1917 г. в регионе существовало не более 12–16 профессиональных объединений³. Но массовый характер приобрели кооперативные объединения – потребительские, маслодельные, кредитные сельскохозяйственные и т. д. Они оказывали серьезную помощь в преодолении снабженческого дефицита. В 1915 – начале 1917 гг. наблюдался поступательный рост торговых оборотов и прибылей потребительских обществ, преобладающей стала тенденция распределения прибыли не «по-капиталистически» (по типу акционерного общества), а «общественным» путем, когда на руки выдавался минимальный дивиденд, а основная часть накоплений шла на торговые и культурные цели. Вместе с тем эффективность кооперации существенно уменьшилась по сравнению с довоенным временем. Миллионные торговые обороты в реальном исчислении были даже ниже из-за инфляции, дороговизны, неполного удовлетворения потребительского спроса.

Таким образом, в период Первой мировой войны в политической сфере Сибири происходит снижение активности радикальных формирований (социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты). В это время происходит сближение социалистов различных течений и оттенков. Снизилась активность либералов, практически самоликвидировались черносотенные формирования. Произошло интенсивное внедрение радикалов в кооперацию, поэтому в политическом обзоре Восточной Сибири от 18 октября 1916 г. правоохранители прогнозировали: «...В последнее время есть основание предполагать, что захват власти

---

¹ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 487–509.

² Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000. С. 382–404.

³ Дробченко В. А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Томск, 2006. С. 28.

будет сделан не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными обществами, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, причем руководящую роль во всех таких объединениях играют социал-демократы и социалисты-революционеры»¹. Активно действовали в изучаемое время различного рода благотворительные объединения, в полосу кризиса вступили культурно-просветительные формирования.

Ахиллесовой пятой общественных объединений, как элементов гражданского общества, в 1914–1916 гг. являлся кадровый дефицит. «Бываешь то тут, то там, – констатировал 27 сентября 1915 г. И. И. Серебренников. – Одни и те же лица видишь всюду. Не хватает общественных работников, а работающие повсюду выбиваются из сил. Много сделать при таком положении дела нельзя. А интеллигенции в Иркутске уже много, но вся она, за немногим исключением, сидит где-то по углам»². С другой стороны, резко возросший объем деловой и общественной нагрузки надломил отдельных интеллигентов. Ярким примером стало самоубийство в январе 1917 г. профессора-геолога Томского технологического института Л. Л. Тове, назначенного уполномоченным по топливу по сибирскому региону. Как говорилось в некрологе от имени его учеников, «Лев Львович ушел надломленный тою грозой, которая уже третий год бушует над пространствами старого света и прямо или косвенно унесет еще много жертв; с своим мягким, детски незлобивым характером, склонный лишь к мирному сотрудничеству, культурной работе на пользу своей второй родины, но не нашедший возможности уклониться от непосильной работы текущего момента». А. В. Адрианов указал на главную причину трагического финала ученого: «Огромная ответственная работа, связанная, при нашем всеобщем расстройстве, с невероятными затруднениями, с ежечасными укорами и требованиями неудовлетворенных потребителей, до такой степени издергала нервы уполномоченному, что он лишился отдыха, лишился сна». «Судьба сыграла с ним плохую шутку, – свидетельствует И. И. Серебренников: – его назначение совпало с моментом острого угольного кризиса в Сибири. Говорят, профессора буквально засыпали телеграммами (в один какой-то день он, по слухам, получил до 900 телеграмм)»³.

---

¹ Цит. по: Шиловский М. В. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 292.

² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 147.

³ Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. С. 172, 173; Серебренников И. И. Указ. соч. С. 301.

§ 3. Конфессии в годы Первой мировой войны

Как известно, население Сибири на протяжении длительного времени формировалось на поликонфессиональной и многонациональной основе, в условиях преобладания православных. Так, в начале XX в. в Енисейской губернии насчитывалось 310 православных приходов, 8 мусульманских, 3 католических, 1 лютеранский, 22 старообрядческих, 11 евангелических, 6 иудейских общин¹. Начавшаяся в августе 1914 г. война существенно повлияла на повседневную жизнь всех конфессий, действовавших на территории Азиатской России. Православные, католики, лютеране, старообрядцы, мусульмане, иудеи, буддисты в массе своей выступили в поддержку правительства и активно включились в организацию помощи фронтовикам, их семья, беженцам. В начале декабря 1914 г. по инициативе Бандидо-Хамбо-Ламы учреждается Бурятский попечительский комитет, который за первое полугодие 1915 г. собрал 115 тыс. руб. В августе 1915 г. император Николай II прислал верховному Ламе благодарность за щедрые пожертвования на оборонные нужды².

Массовый «вброс» беженцев в 1915 г. привел к появлению в регионе большого количества католиков. Их духовные интересы уже не успевали обслуживать священники сибирских деканатов. В помощь им, с санкции МВД, тогда же командировался еще около 100 пастырей, каждому из которых назначалось жалование в размере 150 руб. Новые католические общины в рассматриваемое время не создавались, новые храмы не возводились, за исключением сооружения в 1916 г. молитвенного дома в Таре и освящения часовни в Бийске³.

О наиболее значимых процессах, происходивших в деятельности местных епархий и приходах РПЦ можно судить на примере самой крупной за Уралом Томской епархии, в состав которой по состоянию на 1914 год входило 840 приходов (54 благочиния), Алтайская духовная миссия, 2 архиерейских дома, 2 мужских монастыря и одна пустынь, 4 женских монастыря и 4 общины. Общее число верующих на указанную выше дату составляло 2 802 879 чел., духовные потребности которых обеспечивали 873 священника, 110 дьяконов

---

¹ Баранцева Н. А. Некоторые аспекты этноконфессиональных отношений населения юга Средней Сибири в конце XIX – XX веке // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы Четвертой межрегиональной научно-практич. конф. Новосибирск, 2009. С.349.

² Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 181.

³ Титова Т. Г. Этапы формирования католического населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практич. конф. Новосибирск, 2002. С. 65.

*«За Богом молитва,
а за Царем служба не пропадут»*

Государственной думы, где примкнул к правым. В 1915 г. вышел из состава депутатского корпуса. «Оказавшись в Томске сразу после начала I Мировой войны, – отмечают биографы архиерея, – Анатолий развернул большую работу по организации помощи фронтовикам и их семьям, дал указание

и 841 псаломщик, всего 1824 священнослужителя. В монастырях насчитывалось 164 монашествующих и 808 послушников¹.

2 августа 1914 г. произошла смена руководителя епархии, вместо местного уроженца, преосвященного Мефодия (М. В. Герасимова), переведенного в Оренбург, епископом Томским был назначен Анатолий (Алексей Каменский) (1863–1925), возглавлявший кафедру до декабря 1919 г. Он родился в семье дьякона, выходца из крестьян, в Бугульминском уезде Самарской губернии, окончил Самарскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. В 1885 г. пострижен в монахи. Служил миссионером на Аляске, ректором Одесской духовной семинарии (с 1903 г.), с 1905 г. – епископом Елисаветградским, викарием Херсонской епархии. В 1912 г. избирается депутатом 4-й

¹ Все данные по Томской епархии РПЦ: Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. По монастырям: Овчинников В. А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии в XIX – начале XX в. // Русская православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.). Исторические очерки. Кемерово, 2007. С. 163–164.

приходскому духовенству открывать попечительные советы помощи семьям призванных на войну»¹.

Принципиально новым моментом в деятельности духовенства в изучаемый период стало религиозно-патриотическое воспитание военнослужащих запасных полков, для которых епархиальным управлениям предписывалось подбирать священников, «выдающихся по своему патриотическому и религиозному настроению и пастырскому опыту, достаточно образованных, ... способных вдохновить и воодушевить новых воинов на предстоящий им высокий подвиг защиты Родины и охранить их от всяких тлетворных влияний»². В каждом запасном полку предусматривалась должность полкового священника. В уже неоднократно упоминавшийся в первой главе 38-й Сибирский стрелковый запасной полк 24 апреля 1916 г. определяется П. Ф. Блинов (1889–1938), которому тогда исполнилось 26 лет. Выходец из семьи крестьянина-охотника Томской губернии, он некоторое время жил в монастыре послушником. Церковную службу начал псаломщиком в июне 1914 г. в храме с. Верх-Ануйского Бийского уезда. В сентябре того же года, будучи учеником дополнительных богословских курсов при Томской духовной семинарии, был рукоположен в сан диакона и назначен псаломщиком одной из томских церквей. Уже в октябре по собственному прошению освобождается от должности и выводится за штат. Из этого состояния Блинов и был востребован в полковые священники. «Помимо получения иерейского сана (без достаточного духовного образования), – замечает по этому поводу С. Г. Петров, – после окончания войны о. Петр мог претендовать на место священника в одной из городских церквей»³. Его биографы отмечают, что молодой священник «пользовался популярностью своих прихожан, высокий ростом, плечистый, он обращал на себя внимание внешним видом. Не получив систематического образования, он пополнял его чтением, запасом жизненных наблюдений, почерпнутых во время скитаний. Его проповеди и духовные беседы привлекали большое количество слушателей»⁴. Так началась карьера будущего главы обновленческого раскола в Сибири. А мы на основе реконструированной С. Г. Петровым его военной биографии попытаемся установить основные параметры деятельности военного священника в запасном полку, где готовилось маршевое пополнение для фронта.

---

¹ Исаков С. А., Дмитриенко Н. М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002. С. 53–55; Устьянцева О. Н. Система управления Томской епархией в XIX – начале XX в. // Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX – XX вв.): исторические очерки. Кемерово, 2007. С. 36.

² Петров С. Г. Военный священник сибирского запасного полка в годы Первой мировой войны // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы четвертой межрегиональной научно-практической конф. Новосибирск, 2009. С. 200.

³ Там же. С. 201.

⁴ Исаков С. А., Дмитриенко Н. М. Указ. соч. С. 67.

Молитва передь боемъ.

«Молитва перед боем» (с открытки)

гарнизона 20 октября 1915 г. приказывал: «21-го сего октября в день восшествия на Всероссийский престол Государя Императора Николая II Александровича в Троицком кафедральном соборе будет отслужена божественная литургия и молебен. На богослужении присутствовать всем свободным от службы гг. офицерам и классным чиновникам гарнизона. Форма одежды – военного времени при орденах»¹. Зачастую таинства совершались формально и на скорую руку. В частности, согласно приказам по части за июнь 1916 г. получалось, что Блинову нужно было за четыре отведенных для этого часа исповедать личный состав 4-х маршевых рот (около 1 тыс. чел.), за полтора часа отслужить литургию и причастить отправляемых в действующую армию².

¹ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

² Петров С. Г. К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра Блинова // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. Вып. 28. С. 154.

Прежде всего отцу Петру пришлось заняться обустройством полковой церкви (приобретение утвари, богослужебных книг), формированием клира и церковного хора, организацией литургической жизни. Перед отправкой на фронт очередных маршевых рот он совершал таинства исповеди, причащения и напутственные молебны. Очень скоро богослужения для личного состава части стали носить регулярный характер: еженедельно по субботам служилась всенощная, а по воскресеньям – литургия. Отдельно проходили богослужения, посвященные официальным высокопраздничным дням, которые предназначались для начальствующего состава. Так, начальник томского

О специфике церковной повседневности и возникающих проблемах можно судить на примере упомянутой выше Томской епархии РПЦ. Прежде всего для нее предвоенный период был связан с интенсивным увеличением числа прихожан и приходов. В момент образования в 1834 г., с учетом включенной в ее состав Енисейской губернии, церковно-административный округ включал 516 625 православных жителей, 181 храм и 876 священно- и церковнослужителей. В 1875 г. число приходов увеличилось до 228¹. Как уже указывалось выше, в 1914 г. в епархии действовало 850 храмов, в которых было занято 1824 священно- и церковнослужителей. Общее число православных прихожан составило 2 802 879 чел. К этому количеству необходимо добавить 70 549 «язычников и раскольников», включенных в состав 225 приходов, среди которых причт должен был заниматься миссионерской деятельностью с целью их обращения в православие. Как видим, число храмов за сорок лет увеличилось в 3,7 раза, что было связано с массовым переселенческим движением. Церкви освящались в честь святых и наиболее чтимых христианских праздников. Из их общей совокупности (840) – 136 (16,2 %) были Николаевскими, 105 – в честь Михаила Архангела, 91 – Троицкими, 89 – Покровскими, 45 – Петропавловскими, 32 – Ильинскими, 30 – Вознесенскими, 19 – Успенскими, 13 – Богоявленскими, по 11 – Дмитриевскими и Преображенскими.

Несмотря на значительное увеличение количества храмов и клира, анализируемая церковная структура явно не обеспечивала установленные Синодом и местным епархиальным управлением стандарты организации работы с верующими. Еще в августе 1900 г. Томское губернское управление приняло постановление об устройстве запасных церковных участков для переселенцев в Алтайском округе Кабинета, согласно которому селения, в которых предполагалось открытие самостоятельных церквей с выделением для них в ходе землеустройства запасных церковных участков земли, «суть те, которые имеют в себе не менее 200 душ м[ужского] п[ола] и которые находятся от приходской церкви и одни от других не ближе 5 и не далее 8 верст, за исключением тех из них, которым в сообщении с церковью препятствует река или где заметно усиление раскола и др[угих] лжеучений; такие селения при меньшем расстоянии могут быть признаны подлежащими внесению в сказанный список»². В принципе в приходе число мирян должно было составлять 500 душ обоего пола.

Реально же в 1914 г. средняя численность прихода в епархии составляла 3337 чел., только 227 приходов (27 %) включали жителей одного селения, а некоторые из них находились от ближайшего храма на расстоянии 50 и более

---

¹ Устьянцева О. Н. Указ. соч. С. 3; Адаменко А. Н. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово, 2004. С. 111–128.

² Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 134.

верст¹. Из общей совокупности лишь 5 приходов имели численность до 500 чел., 28 – от 501 до 1 тыс., 70 – от 1001 до 1500 чел., 82 – до 2 тыс., 109 – до 2,5 тыс., 90 – до 3 тыс., 92 – до 3,5, 95 – до 4 тыс., 64 – до 4,5, 45 – до 5 тыс., 36 – до 5,5, 39 – до 6 тыс., 15 – до 6,5, 13 – до 7 тыс. и 33 – свыше 7 тыс. чел. Самый многонаселенный приход барнаульской Покровской церкви насчитывал 13 190 чел., в приходе змеиногорской Преображенской церкви числилось 12 326 чел., более 9 тыс. мирян имели приходы ребрихинской Михаилоархангельской, кабановской Николаевской, павловской Введенской, старобутырской Никольской церквей на Алтае. Количество населенных пунктов в приходе колебалось от 1 (227 приходов) до 51 (Троицкая церковь в с. Усть-Анзас Кузнецкого уезда). В состав 116 приходов входило по два селения, 72 – 3, 64 – 5, 54 – 6, 38 – 7, 33 – 8, от 9 до 15 – 119, от 16 до 25 – 28, выше 26 – 8. Учитывая, что с начала войны церковное строительство практически прекратилось, положение в этой сфере можно считать катастрофическим.

Ситуация усугублялась малочисленностью духовенства. Наличный состав клириков – 873 священников, 110 дьяконов, 841 псаломщик позволяли иметь в среднем на приход 2,84 священнослужителя. Реально службу осуществляли 1 священник с дьяконом или псаломщиком. Лишь в небольшом количестве приходов (менее 5 %), в основном городских, их было больше обозначенного количества. Так, в упомянутой змеиногорской Преображенской церкви насчитывалось 4 священника, 1 дьякон и 3 псаломщика, в бийской Троицкой и томской Преображенской церквях численность причта составляла по 6 чел., в новониколаевской Воскресенской и кузнецкой Преображенской – по 5 чел. Основную массу духовенства составляли мужчины в возрасте от 20 до 40 лет большей частью получившие образование в Томске (духовное училище и духовная семинария), Бийском катехизаторском и Барнаульском духовном училищах и в незначительной степени в духовных семинариях Европейской России².

Содержание причта включало земельный надел, предоставление дома или квартиры, жалование (казенное и от прихожан), руга в денежной форме или в пудах хлеба, оплата треб и проценты с ценных бумаг в отделениях Государственного банка. Последняя статья была для Томской епархии самой мизерной. Только 71 приход (11 %) имел капиталы, из них 58 на малозначимые суммы до 50 руб. Лишь некоторые городские храмы располагали относительно солидными суммами. Например, бийская Троицкая церковь – 5,6 тыс. руб., змеиногорская Преображенская – 1029 руб., каинский храм Рождества Иоанна Предтечи – 986,2 руб.

В отношении земельных наделов ситуация выглядит мозаично, поскольку в XVIII–XIX вв. их площадь постоянно менялась в сторону увеличения.

---

¹ Адаменко А. Н. Развитие приходской системы на юге Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Русская православная церковь юга Западной Сибири. С. 40.

² Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви... С. 65.

Согласно «Положению о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» 1906 г. в процессе землеустройства отдельных селений полагалась для причта существующих и «имеющих быть впоследствии возведенных храмов» выделение в селении усадебного участка площадью 1 дес. и полевой надел в 99 дес., причем в его состав могли входить земли разного назначения и качества. Так, согласно «Отводной записи Томской губернии, Кузнецкого уезда, Морозовской волости, деревни Калинкиной» (ныне Промышленновский район Кемеровской области) (1913 г.) предусматривалось «для причта имеющего быть впоследствии возведенного храма: 1) запасной участок (усадебный), в 1,00 дес. только удобной земли при селении, 2) запасной участок (полевой) в 65,00 дес. удобной и 9,82 дес. неудобной земли в 10 верстах к северо-востоку от селения... Для имеющего быть впоследствии возведенного храма запасной лесной участок в 20,00 дес. только удобной земли в 3 верстах к западу от селения...»¹.

Всего же, по состоянию на 1914 г. земельные наделы из 840 приходов имели 677 (80 %), 265 до 99 дес. (30 %), 223 – до 99 дес., 167 – до 200 дес., и 13 – свыше 200 дес. У 6 городских храмов участки составляли от нескольких квадратных сажен до 1–2 дес. Земельные наделы клирики по собственному усмотрению должны были либо самостоятельно обрабатывать или сдавать в аренду. Доходы от нее периодически распределялись между членами причта. Иногда земля становилась существенным источником материального благополучия отдельных священнослужителей. Так, Г. М. Карнаухов применительно к селу Ордынскому Барнаульского уезда вспоминал: «Перед войной в старой церкви появился новый поп. Здоровый. Черный как цыган о. Дмитрий. Кроме основного поповского занятия он развернул широкую сельскохозяйственную деятельность. Десятин 20–25 церковной земли, до этого попами не обрабатываемой, прибрал к рукам. Завел лошадей и работников. Приезжающим на каникулы сыновьям гулять не давал. В поле (километров 9 от села) вместе с работниками жили»².

Практически все приходское духовенство проживало в принадлежащих приходом домах или квартирах, иногда съемных. Лишь в 42 приходом не было собственного жилого фонда. Денежное вознаграждение складывалось из четырех источников: казенного жалования, фиксированного вознаграждения от прихожан, руги в денежном выражении (только в трех случаях ее размер зафиксирован в пудах) и платы за требы. Установить какие-то закономерности в этой какофонии информации практически невозможно. Казенное жалование в размерах от 600–800 до 1200 руб. получил причт храмов Алтайской духовной миссии и церковью при железнодорожных

---

¹ Шиловский М. В. Землеустроительные работы в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. Новосибирск, 2006. С. 196.

² ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144. Л. 34.

станциях (две на станции Тайга, Анжерка, Боготол, Тутальская и т. д.). Из всех четырех источников получали вознаграждения причты 20 церквей. Так, священник и псаломщик Покровской церкви в с. Черга зарабатывали в год 2025 руб., такое же количество клириков церкви в с. Колывань Змеиногорского уезда получали 1775 руб., трое штатным священнослужителям Троицкой церкви в с. Ужаниха полагалось из этих источников 1987 руб.

В целом, как установила А. М. Адаменко, «...Жалование от казны получали клиры 451 прихода (54 %), от прихожан и казны – 68 (8 %), только от прихожан – 279 (33 %), причем размеры жалования также были разнообразны – от 60 до 1630 руб. на причт, что зависело от количества священноцерковнослужителей и того, являлось ли это жалование единственным источником доходов для клира»¹. Таким образом, материальное положение православного духовенства Томской епархии во многом зависело от прихожан и не отличалось высокими и стабильными доходами. Более стабильным было положение в других сибирских епархиях, где численность населения увеличивалась не так быстро как в Томской. Так, на 264 тыс. населения Якутской области (якуты, русские, тунгусы, ламуты, юагиры и т. д.) на начало 1917 г. приходился 101 православный храм (средняя численность прихода 2613 чел.)².

Немногочисленными, как уже было показано выше на примере Томской епархии, были монастыри, имевшие скромные источники доходов. Так, в наиболее известном Иркутском Вознесенском мужском монастыре с гробницей первого сибирского святого Св. Иннокентия (Кульчицкого) в 1914 г. численность живущих в нем составляла 143 чел., из которых: один настоятель, 7 иеромонахов, один архидьякон, 9 иеродьяконов, один схимонах, 8 монахов, 6 указных послушников, 62 испытуемых послушников, 32 ученика, один учитель, 12 служащих и рабочих и 3 коровницы. Доходы обители достигали 50 тыс. руб. в год³. Как вспоминала Л. И. Тамм, ходившая в монастырь с бабушкой поклониться святителю Иннокентию, бабушка обратную дорогу «все монахов расхваливала, мол, все умеют: и хлеб сеют, и скотину разводят, и пасеку имеют, ложки деревянные и плошки разными рисунками расписывают, свечи сами делают. А какое милосердие людям оказывают! Богадельню и приют для сирот содержат, в помощи никому не отказывают»⁴. Доходы Иркутского женского Знаменского монастыря складывались из выручки от печения и продажи просфор (до 9 тыс. руб. в год), изготовления свечей (более 9 тыс.), рукодельные работы давали ежегодно 1 тыс. руб., сдача в аренду монастырских домов и рыболовных статей

---

¹ Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири. С. 72

² Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000. С. 420, 451–456.

³ Медведев С. Иркутский Вознесенский монастырь // Земля Иркутская, 1994, № 1. С. 21–22.

⁴ Тамм Л. И. Записки иркутянки. Иркутск, 2001. С. 70.

Вознесенский мужской монастырь в Иркутске (старая открытка)

еще около 900 руб., количество ежегодных пожертвований колебалось в пределах 4–4,5 тыс. руб. «В целом ежегодный доход составлял около 36 000 руб. Из этой суммы на казенное содержание уходило всего лишь 460 руб. Таким образом, монастырь полностью сам обеспечивал содержание 280 насельниц, не испытывая ни в чем нужды»¹.

Основным источником доходов монашеских общин Томской епархии являлись 12 267 дес. земли, из которых 90 % составляли выделенные государством в бесплатное пользование на срок существования обитателей². Из сохранившейся ведомости доходов за 1916 год Свято-Троицкого монастыря в с. Монастырском Енисейской губернии следует, что обитель владела тремя доходными Государственными кредитными билетами, полученными в разное время: от графини Орловой на сумму 5 тыс. руб., от мещанки Щегловой на сумму 1 тыс. руб., от мещанки Окуньковой на 100 руб. Проценты с билетов составили 4350 руб. От Синода на содержание ежегодно перечислялось 700 руб. «Немногочисленная братия вместе с несколькими наемными работниками содержали довольно большое хозяйство. По описи 1916 г. числятся: три мерина разнородной масти, четыре кобылы, жеребец гнедой, черной масти, жеребенок «саврасовой породы», а также три дойных коровы, телка красной масти, бычок, годовалая телка белой масти. Был и

¹ Торшина Н. Знаменский монастырь // Земля Иркутская, 1998, № 10. С. 26.

² Овчинников В. А. Указ. соч. С. 180.

необходимый в хозяйстве инвентарь: «водовозка, 2 дроги, сенокосилка, грабли конские, две нарты, пятеро саней, лодка большая, две малые»¹.

С началом войны структуры и приходы РПЦ в Сибири, как в целом по стране, занимались моральной поддержкой населения, оказывали помощь раненым воинам, участвовали в сборе средств на военные нужды, помогали беженцам и т. д. В приходах создавались попечительские советы, которые брали на учет семьи призванных. В с. Прокудском Томского уезда подобное объединение в феврале 1915 г. собрало для фронтовиков 7 пудов 15 фунтов сухарей и 13 рубах, в с. Кандауровском 4 рубахи и 39 аршин холста². Монахини Барнаульского Богородицко-Казанского женского монастыря только в марте 1915 г. изготовили постельное белье весом более 4 пудов. Православными приходами Томской епархии в 1914/1915 гг. было собрано пожертвований «на устройство и содержание лазаретов и на больных и раненых воинов» около 13 тыс. руб., а также более 8,5 тыс. разных вещей и около 6 тыс. аршин холста³. 45-й съезд духовенства Енисейской епархии принял решение об отчислении с 1 сентября 1915 г. с доходов и жалования духовенства на военные нужды до 5 % с назначением: 2 % для обеспечения солдатских семейств, 1 % на нужды больных и раненых воинов, 2 % на открытие и содержание епархиальных приютов для детей воинов⁴.

Духовенство активно участвовало в увековечении памяти погибших на фронте. Например, в Барнауле местный клир обратился с просьбой к горожанам сообщить в приходы фамилии погибших родственников, для занесения их на мемориальные доски в храмах⁵. В декабре 1914 г. Семипалатинская городская дума постановила: «Для увековечения памяти жертв Великой Европейской войны, по приведении в известность погибших воинов из местных жителей, соорудить мраморные доски с начертанием их имен, каковые поместить в Знаменском Соборе, издавна считавшимся военной церковью, и в одной из местных мечетей...»⁶.

Вместе тем подспудно происходили процессы, усугубившие кризис РПЦ. Отдельные епархии сотрясали скандалы, связанные с их иерархами. В Тобольске притчей во языцах стал ставленник Г. Распутина епископ Варнава, который производил постоянную перетасовку священников, добился

---

¹ Игумен Агафангел (Дайнеко). Свято-Троицкий Туруханский монастырь. 350 лет служения. М., 2010. С. 111.

² Фабрика Ю. А. Участие колыванцев в войнах начала XX столетия // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной науч.-практич. конф. Новосибирск, 2013. С. 38.

³ Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2004. С. 187.

⁴ Красноярск православный и больничная церковь святителя Николая. Красноярск, 2009. С. 201.

⁵ Жизнь Алтая (Барнаул), 1915, 16 мая.

⁶ Кашляев В. Н. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. Семипалатинск, 2004. С. 130.

«недопущения» театральных постановок в воскресные и праздничные дни, заставил демонтировать электрическое освещение в ряде храмов Тобольска. Попытка губернатора А. А. Станкевича добиться выделения помещений в монастырях епархии для раненых и больных воинов завершилось его переводом в Самару, а на его место назначается хороший знакомый Распутина управляющий Пермской казенной палатой действительный статский советник Н. А. Ордовский-Танаевский¹. Изнурительную войну последовательно с губернаторами Енисейской губернии И. В. Хозиковым, Я. Г. Гололобовым вел антисемит и черносотенец епископ Никон (Дегтярев), обладавший неуравновешенным и строптивым характером, стремлением вмешиваться «в дела гражданского управления, стремясь оказывать на них влияние и играть даже руководящую роль». Его оппонент Я. Г. Гололобов дал следующую характеристику владыке: «Действительно, по своей натуре, по своему кипучему темпераменту, при молодых сравнительно годах, епископ Никон очевидно не мог спокойно работать, покойно держать себя. Он стремился всюду применить свою энергию, стремился создавать, устраивать, преобразовывать, переделывать. Он стремился участвовать во всевозможных общественных организациях, заниматься всякими делами, хотя бы совершенно до него не относящимися, и вмешиваться в деятельность неподведомственных ему учреждений. При этом епископ Никон все подвергал беспощадной критике, все резко осуждал, всюду искал поводов для разоблачений, раздувая каждую мелочь. Он признавал только свои суждения правильными и всюду настаивал на исполнении своих предложений и желаний. Манера говорить у епископа Никона была самая задорная; не согласным с его мнениями и возражающим он часто говорил недопустимые колкости и обиды; и только, разумеется, сан защищал его от таких же ответов. Почти в каждом заседании или совещании епископ Никон своей манерой говорить и в особенности возражать взвинчивал настроения, создавал вместо спокойного обсуждения дела нередко горячий спор с оттенком враждебности, так что участники уходили от него с тяжелым чувством»².

В рассматриваемое время практически прекратилась миссионерская деятельность по обращению в православие старообрядцев и язычников. Отчасти это было связано с обращением в православие подавляющего большинства «инородцев». Например, в Енисейской губернии к 1917 году в Минусинском уезде согласно официальной статистике не было зафиксировано ни одного шаманиста, а в Туруханском крае их насчитывалось 550 чел. (4 % от численности населения территориально-административного

---

¹ Шишкина С. Ю. Церковь в условиях кризиса: Тобольская епархия накануне падения самодержавия // Тюменский исторический сборник, Тюмень, 2006. Вып. 9. С. 274–277.

² Бердников Л. П., Лонина С. Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. С. 238–239.

Открытка по рисунку 1914 г.

образования)¹. Кроме того, В. Ю. Софронов приходит по этому поводу к обоснованному выводу: «Но после принятия в 1905 г. закона о свободе вероисповедания и юридического признания конфессионального равенства, сибирское православное миссионерство оказалось в критической ситуации, когда их выступления не только не давали положительного результата, но и вызывали неудовольствие и непринятие со стороны верующих. Главным показателем негативного отношения верующих к православным проповедникам можно считать и резко возросшее число желающих из православных прихожан перейти в старообрядчество или сектантство»².

На факторы военного времени наложился религиозный абсентеизм старожилов, оказавший влияние и на часть переселенцев. Данное обстоятельство отложилось в пословицах и поговорках сибиряков: «Я не попу молюсь, а богу», «Для земли навоз полезнее слова божьего» и т. д.³ Об этом свидетельствовали современники. Так, в мемуарах, опубликованных В. А. Зверевым, автор фиксирует: «Бабушка верила в Бога, но не была особенно богомольной и недолюбливала попов, считая их тунеядцами и мздоимцами»⁴. Примерно в том же духе высказывался старик-старожил в воспоминаниях Г. М. Карнаухова: «В церковь хожу в пасху, в рождество, в крещение, да в престольную троицу. Все ходят. Родитель мой ходил, царствие ему небесное и мне велел. А только скажу: попы самые что ни наесть подлецы и негодники – обирают и обманывают темный народ. Они попы – самые распутные людишки. Поверишь попу – дураком будешь»⁵.

Дьякон Дикусар в 1916 г. следующим образом суммировал свои впечатления о пастве: «До приезда в Сибирь я не мог себе представить простого русского крестьянина, сколько-нибудь в значительной степени равнодушного к религии. В моем представлении термин "русский мужик" означал православного простолюдина, характерной чертой которого являлась трогательно-глубокая вера в Бога, умиленное благоговение к святым и христианской жизни... К своему ужасу, я встретил мужика, настоящего русского мужика, совершенно индифферентного к религии. Мало того, я встретил мужика отрицающего бытие Бога... Храм Божий пуст, проповедь священника – глас вопиющего в пустыне. Я знаю примеры того, как деятельные, энергичные пастыри встречали самое ожесточенное противодействие не только отдельных порочных личностей, но и

---

¹ Хоменко Д. Ю. К вопросу о христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы XLIX Международ. студенческой науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 135.

² Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв. Автореф. диссерт. доктора истр. наук. Барнаул, 2007. С. 43.

³ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 102.

⁴ Родные голоса. Сибирь XX век. Мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1. С. 17.

⁵ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 103.

представителей целых обществ»¹. Как установил Н. М. Бурик на основе анализа содержания барнаульской газеты «Жизнь Алтая» за 1911–1918 гг., ее материалы «свидетельствуют о неоднозначности образа священника. Преобладают статьи критической направленности: священнослужители крикливы, придирчивы, грубы в обращении с прихожанами, показывают свое превосходство. Менее ярко представлен положительный образ батюшки»².

Не произошло резкого падения религиозности в 1917–1919 гг., поскольку и в предшествующее время местного мужика нельзя было считать набожным. «Тлетворный дух неверия, сомнения, холодного равнодушия к вопросам веры, вообще упадок религиозного чувства, все более возрастающая безнравственность... – все это стало характерным и для простого народа», – отмечал священник Томской епархии М. Солнцев в проповеди 23 апреля 1915 г. С другой стороны, духовенство теряло авторитет в глазах мирян из-за его же собственных недостатков. «...Влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, – констатировал митрополит Вениамин (Федченков), – авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть «соленою солью» и поэтому не могли осолить других»³.

Внешне ничто не предвещало трагической развязки. Более того, во время войны практически прекратились крестьянские антицерковные выступления. Хроника крестьянского движения в Сибири за весь рассматриваемый период зафиксировала лишь единственный случай, когда 30 мая 1916 г. крестьяне села Парфеновского Боровской волости Барнаульского уезда отказали причту местной церкви в замене земельного участка на более подходящий⁴. Но сразу же после свержения самодержавия крестьянские сходы принимали решения отобрать земельные наделы у причтов и монастырей, отделить церковь от государства, отстранить некоторых священников от исполнения обязанностей за грубость и «за склонение народа к старому режиму», отменить плату за требы и т. д.⁵ В городах Азиатской России в 1916 г. «строптивость» проявила Семипалатинская городская дума, постановившая не включать в смету расходов на 1917 год. 300 руб. на содержание кафедры местного епископа как расход для города необязательный. Семипалатинское областное по городским делам присутствие, тем не менее, включило в смету указанную сумму. В свою очередь, городская дума постановила действия областной администрации

---

¹ Енисейские епархиальные ведомости, 1916, 15 июня.

² Бурик Н. М. Образ священника в дореволюционной прессе Алтая // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Новосибирск, 2010. С. 120.

³ Томские епархиальные ведомости, 1915, 1 июня; Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 122.

⁴ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 119.

⁵ Там же. С. 132, 136, 137, 145, 147, 149, 151, 161.

обжаловать в Сенате, и «смету принять к исполнению, кроме включенных 300 рублей на содержание кафедры епископа»¹.

§ 4. Органы местного государственного управления и общественного самоуправления

За время войны властная «вертикаль» в Сибири существенно не изменилась. Об этом можно судить прежде всего по состоянию губернаторского корпуса региона. К сожалению, я не располагаю исчерпывающей информацией на сей счет из-за неравномерности изучения жизненного пути начальников губерний и областей, но то, что есть, позволяет составить определенное представление об этом звене местного государственного управления. Итак, на верху региональной чиновничьей пирамиды находились генерал-губернаторы Степного края и Иркутский. В первом случае должности замещались исключительно генералами в звании генерал-лейтенант и выше, поскольку они одновременно являлись командующими Омского военного округа и наказными атаманами Сибирского казачьего войска.

С 1908 г. по май 1915 г. во главе всех вышеперечисленных структур находился генерал от кавалерии (1907) Е. О. Шмит (1844–1916). Он окончил в 1863 г. пехотное училище, но большую часть военной службы командовал кавалерийскими частями (эскадрон, полк, бригада, дивизия), а затем армейским корпусом в Киевском военном округе. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Был награжден орденами: Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 2-й, 3-й, 4-й степеней, Св. Анны 1-й, 2-й, 3-й степеней, Св. Станислава 1-й и 2-й степени. 24 мая 1915 г. его сменил генерал-лейтенант (с апреля 1916 г. – генерал от кавалерии) Н. А. Сухомлинов (1850–?). В 1868 г. окончил кавалерийское училище, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командовал эскадронами, полком, бригадой, кавалерийской дивизией, служил в Главном управлении военно-учебных заведений. В 1911 г. назначен Оренбургским губернатором и наказным

Евгений Оттович Шмит

¹ Сиб. жизнь, 1916, 6 окт.

атаманом Оренбургского казачьего войска. Награжден орденами: Св. Владимира 2-й, 3-й, 4-й степеней, Св. Анны 1-й, 2-й, 3-й степени, Св. Станислава 1-й, 2-й, 3-й степеней. Уволен в отставку 31 марта 1917 г.¹

Леонид Михайлович Князев

Иркутским генерал-губернатором с 1910 по февраль 1916 г. являлся Л. М. Князев (1850–?). Он родился в дворянской семье, в 1872 г. окончил Петербургское училище правоведения и до 1896 г. работал в судебных инстанциях Рязани, Тамбова, Симбирска, Пскова, Витебска, Варшавы. 12 апреля 1896 г. 46-летний действительный статский советник переходит в МВД и назначается тобольским губернатором, в 1901 г. он губернаторствует в Вологде, а затем в Костроме, производится в тайные советники, а в 1906 г. в егермейстеры и становится начальником Курляндской губернии, откуда приезжает в Иркутск. Был награжден орденами: Св. Владимира 2-й, 3-й, 4-й степени, св. Анны 2-й, 3-й, 4-й степени, Св. Станислава трех первых степеней. В феврале 1916 г. назначается членом Государственного совета².

После перемещения Л. М. Князева в члены Государственного совета генерал-губернатором назначается ставленник Г. Е. Распутина сенатор, тайный советник С. П. Белецкий (1872–1918) с годовым окладом в 54 тыс. руб. (у предшественника 22 тыс. руб.)³. Впрочем, в Иркутск он так и не приехал. По сему поводу И. И. Серебrenников 11 марта 1916 г. записал в дневник: «Хвостов, Белецкий, Ржевский, департамент полиции – все это сплелось в какой-то клубок крупной авантюры уголовно-бульварного свойства. Проницательные иркутяне говорят, что Белецкому не быть Иркутским генерал-губернатором»⁴. 18 марта 1916 г. генерал-губернатором назначается товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник, в 1910–1916 гг. могилевский губернатор А. И. Пильц (р. 1870 г.). Из дворян, в 1893 г. окончил Петербургское училище правоведения, служил чиновником особых поручений при уфимском губернаторе и варшавском генерал-губернаторе. По одной из версий карьерному взлету Пильца способствовало личное знакомство с императором Николаем II, который в 1915–1916 гг.,

¹ Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 171–174.

² Сибирские и тобольские губернаторы. Тюмень, 2000. С. 395–398.

³ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 217.

⁴ Серебrenников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 203.

бывая в Могилеве в Ставке, останавливался в доме губернатора. Не случайно после встречи А. И. Пильца с гласными Иркутской городской думы 23 июня 1916 г. они «окружили его затем плотным кругом и стали слушать его рассказ о том, как живет теперь и работает государь»¹.

Тобольскую губернию в 1912–1915 гг. возглавлял А. А. Станкевич (р. 1867 г.), выходец из обедневшего польского шляхетского рода. Он в 1891 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и работал чиновником в МВД, побывав в Тобольской губернии первый раз в январе–мае 1892 г. в служебной командировке для оказания помощи пострадавшему от неурожая населению; в 1894–1895 гг. работал в Кургане чиновником по переселенческим делам, затем – помощником начальника Переселенческого управления; с 1904 по 1911 гг. служил в Прибалтике. В январе 1912 г. производится в действительные статские советники, а затем переводится губернатором

Андрей Афанасьевич Станкевич

в Тобольск. 13 ноября 1915 г. Станкевича назначили губернатором в Самару, по одной из версий, по личной просьбе Г. Е. Распутина, расчищавшего таким образом место для своей креатуры Н. А. Ордовского-Танаевского. После Самары в сентябре 1916 г. Станкевича назначают управляющим земским отделом МВД, а в ноябре того же года переводят на должность товарища министра земледелия по продовольственной части. Ко времени назначения в Тобольск он был награжден орденами: Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 3-й степени; здесь он получил Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени. Один из немногих сибирских губернаторов, который хотя не унаследовал земли, но сам приобрел «культурный участок» в 10,65 дес. в Адлере, и в приданое его супруга получила имение в 129 дес. в Воронежской губернии. Станкевича в ноябре 1915 г. сменил действительный статский советник Н. А. Ордовский-Танаевский (1863–1929), выпускник Павловского военного училища, который после выхода в отставку в чине поручика продолжил службу в гражданском ведомстве и в 1908 г. в 45-летнем возрасте стал действительным статским советником².

Нам ничего не известно о военном губернаторе Акмолинской области П. Н. Масальском. Отчасти данное обстоятельство связано, как и в отношении

¹ Там же. С. 232.

² Сибирские и тобольские губернаторы. С. 444–447, 452–453.

иркутского губернатора, с управленческой гегемонией генерал-губернатора, в силу чего начальник области превращался в транслятора распоряжений первого. Более самостоятельным в своих действиях был губернатор Семипалатинской области статский советник (октябрь 1911 г.) Ф. Ф. Чернцов (р. 1872 г.), из потомственных дворян, в 1895 г. окончивший юридический факультет Московского университета, до 1904 г. работавший в судебных органах в Европейской России (товарищ прокурора Владимирского окружного суда). В 1904 г. переведен в МВД на должность Минского вице-губернатора, а с ноября 1907 г. – Тверского. Имел родовое имение площадью 100 дес. в Бежецком уезде Тверской губ. Единственный из всей изучаемой совокупности после Февральской революции Чернцов привлекался к судебному преследованию при Семипалатинском окружном суде за то, что «при подавлении киргизского движения военной силой применялось, с ведома Семипалатинского Губернатора Чернцова и в некоторых случаях по его распоряжению, обложение усмиряемых киргиз податью специально назначенной на возмещение ущерба русского населения и не участвующего в движении – киргизского и на возмещение расходов по вызову и содержанию карательных отрядов войск, а также для этой цели отбирались лошади и скот некоторых киргиз, принимавших участие в волнениях»¹.

*Владимир Николаевич
Дудинский*

Томскую губернию с сентября 1913 по март 1917 г. возглавлял В. Н. Дудинский (1861–1931), из дворян, окончил артиллерийское училище в 1878 г., но в 1888 г. вышел в отставку. С 1898 г. определен земским начальником в Подольский уезд Московской губернии, в 1906–1909 гг. Херсонский вице-губернатор, в 1909–1913 гг. Курский вице-губернатор, с 1911 г. действительный статский советник. Награжден 6 орденами, в том числе Св. Станислава 1-й степени в 1915 г.²

В Енисейской губернии с августа 1913 по ноябрь 1914 г. губернатором был действительный статский советник (с 1906 г.) И. И. Крафт. Он родился в 1861 г. в Витебске в семье польского дворянина, унтер-офицера, высланного на поселение в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии с лишением прав состояния. «Дальновидный отец, лишенный дворянского звания, понимал, что сыну без привилегий из этой

¹ Кашляк В. Н. Семипалатинск: От бургомистра до акима. Семипалатинск, 2007. С. 373–374.

² Яковенко А. В., Гахов В. Д. Томские губернаторы. Томск, 2012. С. 198–201.

глухотами не выбраться. Поэтому с 12 лет он отделяет сына от семьи, и во многом благодаря этому обстоятельству убеждает власти сохранить за сыном звание и права потомственного дворянина»¹. У Ивана Ивановича в д. Боровичи Новгородской губернии имелось имение в 228 дес. С 1877 г. Крафт работает в канцелярии минусинского исправника, с 1881 г. старшим сортировщиком Иркутской почтовой конторы, с 1882 г. чиновников в Забайкальском областном правлении. Уже в 26 лет он награждается орденом Св. Станислава 2-й степени. Заметивший трудолюбивого чиновника военный губернатор области генерал-майор Я. Ф. Барабаш, после назначения в 1888 г. Тургайскую область, а затем Оренбургскую губернию забирает Крафта с собой. Из Оренбурга его в 1899 г. переводят в Петербург в МВД старшим помощником делопроизводителя земского отдела, с 1903 г. чиновник по особым поручениям, статский советник. Вольнослушателем он сдает экзамены за двухгодичный курс Археологического института. 25 ноября 1906 г. Иван Ивановича назначают Якутским губернатором (прибыл в Якутск 27 марта 1907 г.). Скончался от сердечного приступа в Петрограде в ноябре 1914 г. Был награжден многими орденами.

После смерти И. И. Крафта обязанности губернатора в течение года выполняли статские советники Б. Д. Кашкарев и И. В. Хозиков. 2 декабря 1915 г. к исполнению функций начальника Енисейской губернии приступил статский советник Я. Г. Гололобов (р. в 1854 г. в дворянской семье в Воронежской губернии). Владел 176 десятинами земли и двумя домами общей стоимостью 25 тыс. руб. Он окончил Воронежскую гимназию, в 1871 г. начал службу в Коротоякском полицейском управлении в Воронежской губернии, в 1873 г. произведен в коллежские регистраторы, а затем уволен в отставку. Окончил Александровское техническое училище, увлекался журналистикой, публиковался в журнале «Русское богатство». С 1886 г. Яков Георгиевич избирается гласным Коротоякского уездного земского собрания, с 1893 г. назначается временно исполняющим редактором «Екатеринославских губернских ведомостей». В 1899 г. назначается цензором в Екатеринослав. По политическим взглядам даже «среди черносотенцев считался черносотенцем» и антисемитом. В 1907 г.

Яков Георгиевич Гололобов

¹ Бердников Л. П., Лонина С. Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. С. 228.

избирается в 3-ю Государственную думу, где входил во фракцию октябристов. Хотя Гололобов не имел высшего образования, П. А. Столыпин начал его активно продвигать по карьерной лестнице. В 1912 г. его назначают Полтавским вице-губернатором, а затем губернатором Волынской губернии¹.

Ничем не проявил себя Иркутский губернатор, действительный статский советник А. Н. Юган (1913–1917 гг.), являвшийся «тенью» Иркутского генерал-губернатора. В летописи города Н. С. Романова он упомянут один раз, и то – в связи с увольнением с должности постановлением местного Комитета общественных организаций 4 марта 1917 г.² Военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска в 1913–1917 гг. был генерал-лейтенант А. И. Кияшко.

В Якутской области, после перемещения И. И. Крафта, в январе 1914 г. (прибыл в Якутск 6 июня 1915 г.) губернатором назначается действительный статский советник Р. Э. фон Витте (р. 1863 г.) из потомственных дворян, лютеранин, до этого вице-губернатор Самарской губернии. К 1917 г. он имел 30-летний стаж государственной службы. 16 декабря 1916 г. медицинская комиссия освидетельствовала в Якутске Витте и установила, что он страдает эмфиземой легких и артериальным склерозом слуха, «развитию которых в значительной степени способствовали суровые климатические условия Якутской области, а потому нести служебные обязанности не может». В январе 1917 г. его уволили в отставку с пенсией в 5 тыс. руб. в год, но из Якутска удалось уехать 26 июня 1917 г. Вместо Витте управляющим областью назначается вице-губернатор, барон Д. О. Тизенгаузен, до назначения в Якутию работавший вице-губернатором Вятской области³.

Такова вкратце информация о губернаторах региона военного времени. Если говорить о неких общих принципах формирования и функционирования губернаторского корпуса региона, то здесь не произошло за вторую половину 1914 – начало 1917 гг. каких-то кардинальных изменений. Генерал-губернаторы Степного края назначались из числа строевых генералов, участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командовавших дивизиями и корпусами, окончивших военные училища, т. е. имеющих среднее образование. Они находились уже на излете военной карьеры: Шмиту к моменту назначения в Омск исполнилось 64 года, Сухомлинову – 65. «Штатский» Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев получил высшее юридическое образование, участвовал в реализации судебной реформы 1864 года, до назначения в Иркутск был начальником в 4-х губерниях, в том числе в одной сибирской. На момент вступления в должность ему исполнилось 60 лет. На этом фоне его приемник 46-летний юрист А. И. Пильц таким

¹ Бердников Л. П., Лони́на С. Л. Указ. соч. С. 234–237.

² Романов Н. С. Указ. соч. С. 232.

³ Павлов А. А. Р. Э. фон Витте – последний якутский губернатор // Якутский архив, 2009, № 3–4. С. 70–76.

административным опытом не обладал, и его выдвижение можно считать случайной издержкой военного времени.

Губернаторы административно-территориальных образований Азиатской России в рассматриваемое время практически все, за исключением статских советников Я. Г. Гололобова и Ф. Ф. Чернцова, на момент назначения были действительными статскими советниками, имели возраст ко времени назначения 51–52 года (А. А. Станкевич – 45 лет, Ф. Ф. Чернцов – 39 лет, Я. Г. Гололобов – 61 год). Трое из них окончили военные училища и один – техническое училище, т. е. имели средне-специальное образование, но основная масса закончила высшие учебные заведения, в основном университеты (исключение – И. И. Крафт). До назначения в Сибирь служили, в основном, в качестве вице-губернаторов в губерниях Европейской России. Например, В. Н. Дудинский прослужил почти 33 года, из них 22 – в МВД, прежде чем стать томским губернатором. За исключением лютеранина Р. Э. Витте все были православными, женатыми, являлись выходцами из потомственных дворян, но только трое (Н. А. Ордовский-Танаевский, И. И. Крафт и Я. Г. Гололобов) были землевладельцами, т. е. всех их можно отнести к категории мелкопоместных и беспоместных дворян, основным источником доходов которых были должностные оклады. Для всех них характерно быстрое продвижение по лестнице «Табели о рангах». Так, В. Н. Дудинский за пять лет (1906–1911 гг.) прошел «дистанцию» от титулярного советника до действительного статского советника. Исключением на этом фоне можно считать Ф. Ф. Чернцова, Н. А. Ордовского-Танаевского и Я. Г. Гололобова, занявших свои посты благодаря высоким покровителям из Петербурга.

Таким образом, губернаторы региона, за отельными исключениями, имели значительный опыт государственной службы и являлись высокопрофессиональными специалистами. Они работали во время войны «на износ». Об этом свидетельствует преждевременная смерть в возрасте 53-х лет на служебном посту И. И. Крафта. Е. О. Шмит после освобождения от должности Степного генерал-губернатора прожил один год. Л. М. Князева через три недели после отставки еще в Иркутске свалил паралич¹. Р. Э. Витте в 53 года признается инвалидом, не способным выполнять служебные обязанности. Личное самопожертвование способствовало укреплению авторитета высокопоставленных чиновников у местного населения. Искреннее сочувствие иркутян вызвала гибель единственного сына Л. М. Князева, молодого офицера, на фронте 6 августа 1914 г. Прощаясь уже с бывшим генерал-губернатором, городская дума 23 февраля 1916 г. «поднесла» ему звание Почетного гражданина г. Иркутска. «Симпатии обездоленной части населения Иркутска к начальнику края велики, – констатирует в дневнике И. И. Серебренников. – Вчера он принял депутацию от всего еврейского

---

¹ Романов Н. С. Указ. соч. С. 217.

населения. Во время чтения адреса Л. М. Князев прослезился, а евреи, расставаясь с гуманным администратором, плакали»¹.

Как видим, во время войны не произошло выдвижения новой генерации управленцев, молодых и амбициозных. Они действовали в пределах компетенций, определенных законом, и выйти за их рамки даже не пытались. Отличались управленческие подходы и стиль работы. В приказах по Омскому ВО Н. А. Сухомлинов позиционируется как многое повидавший и уставший от жизни ветеран со стремлением к морализаторству. Так, 15 августа 1915 г. он сообщает командному составу объединения о результатах своей вечерней прогулки по Омску. В частности, «при дальнейшем моем следовании по городу, я встретил прапорщика 26-го Сибирского стрелкового запасного батальона Баранова, который тоже не отдал мне чести, а на мое замечание о необходимости быть более внимательным, позволил себе вступить со мной в неуместный разговор, приводя в свое оправдание различные доводы, чем выказал явное непонимание своего положения и неумение держать себя в разговоре со старшим начальником»².

В. Н. Дудинский «придавал большое значение поездкам по губернии, обозрению дел на местах, созданию собственного представления о жизни отдельных территорий Томской губернии»³.

Иван Иванович Крафт

На этом фоне И. И. Крафт «сильно возвышался над многими сибирскими губернаторами... Он служил и горел душой»⁴. Он стремился вникнуть в сущность любого дела, решал их непосредственно сам, ежедневно принимал по 50–60 просителей. Как отмечают его биографы, «Рабочий день губернатора начинался в 6 утра: в это время он обычно выслушивал рапорты полицмейстера и исправника; с 7 до 9 принимал посетителей, затем слушал доклады начальников отделений губернской администрации. Работая много сам, он требовал такой же отдачи от других. Малейших промедлений или упущений со стороны даже крупных по рангу чиновников

¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 195.

² ГАО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1. Л. 137 об.

³ Яковенко А. В., Гахов В. Д. Указ. соч. С. 199.

⁴ Потанин Г. Н. Памяти И. И. Крафта // Сиб. жизнь, 1914, 14 дек.

Крафт не прощал. Многим из них он говорил: «Работать со мной не можете. Подавайте в отставку или переводитесь»¹.

По разному губернаторы адаптировались к военной повседневности, пытались подчинить ее нуждам далекого фронта. Так, А. А. Станкевич «поддержал Главный комитет Всероссийского союза городов, считая, что только совместными усилиями всей территории можно бороться с дороговизной, преодолевая сопротивление предпринимателей, заинтересованных в высоких ценах на свою продукцию и не считавшимися с трудностями военного положения в стране»². Противоположную позицию занял А. И. Пильц. 9 июня 1916 г. Иркутский областной комитет того же Всероссийского Союза городов направил ему докладную записку о продовольственном кризисе в Якутской области. Пакет вернули нераспечатанным с уведомлением: «Канцелярия генерал-губернатора по приказанию его высокопревосходительства имеет честь уведомить комитет, с возвращением пакета его, что главный начальник края лишен, в силу действующих узаконений, возможности входить в официальные сношения с комитетом, так как на открытие такового не было испрашено разрешения подлежащего начальства». На основании этого иркутский губернатор 21 июня приостановил исполнение постановления городской думы об ассигновании 8 тыс. руб. в распоряжение комитета Союза городов. Информация о конфликте получила освещение в российских газетах. Главный комитет Всероссийского союза городов направил генерал-губернатору официальное уведомление о формально-юридических основаниях своего существования. Тем не менее вплоть до конца 1916 г. ситуация не изменилась и «областной комитет Союза городов все еще не может развить свою работу ввиду непризнания его властью. Положение его тяжелое. По слухам, Челноков [М. В. Челноков – московский городской голова, председатель Главного комитета Всероссийского Союза городов] написал Протопопову [А. Д. Протопопов – управляющий МВД. – *М. Ш.*] письмо, в котором просил последнего преподать Пильцу надлежащее указание о невчинении препятствий комитету»³. Конфликт не разрешился до марта 1917 г.

В повседневной управленческой деятельности губернаторы опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений. Так, численность штатных классных чиновников Томского губернского управления на 1 сентября 1914 г. составила 59 чел., включая губернатора, вице-губернатора, советника, тюремного инспектора, непременных членов по крестьянским делам и воинской повинности, 17-ти делопроизводителей, 19-ти помощников делопроизводителей, бухгалтера, редактора и т. д. Согласно исследованию А. В. Палина, традиционной проблемой применительно к началу XX в. для этой структуры стала нехватка личного состава. Тем не менее, «на протяжении всего периода деятельности

¹ Яковенко А. В., Гахов В. Д. Указ. соч. С. 230.

² Сибирские и тобольские губернаторы. С. 446.

³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 286, 231, 239, 270.

учреждения сохранялся стабильно достаточно высокий профессиональный уровень чиновников. Примечательно, что в условиях Первой мировой войны, когда встала остро проблема нехватки квалифицированных кадров, в Томском губернском управлении большинство чиновников высшей администрации обладала соответствующими для занимаемых ими должностей профессиональными качествами. Профессионализм и энергичное участие чиновников в деятельности учреждения сыграли не последнюю роль в достижении его жизнеспособности и эффективности. Значительно поднимало авторитет учреждения в глазах населения участие многих его чиновников в общественной и культурной жизни губернии»¹.

Что касается уездного управленческого звена, то именно здесь, если судить по материалам А. Н. Ермолаева, относительно аппарата управления Мариинского уезда Томской губернии прослеживаются тенденции ухудшения кадрового состава чиновников. Так, на смену исправнику Б. Г. Оржеховскому (1913 – декабрь 1914 г.), 1879 г. рождения, прапорщику, в 1907 г. переименованному в губернские секретари, потомственному дворянину, окончившему 6 классов гимназии, участнику и инвалиду Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжденному сразу тремя знаками отличия ордена Св. Георгия Победоносца 4-й, 3-й и 2-й степени, приходит полицейский пристав из Томска Ф. В. Горбатов (1878–1937), уроженец Самары. Уездным воинским начальником вместо подполковника, потомственного дворянина, выпускника Иркутского юнкерского училища К.Н. Тютюкова (р. 1863 г.), в декабре 1916 г. назначается штабс-капитан С. Тринкель (р. 1874 г.), из мещан, окончивший Одесское юнкерское училище².

Следует отметить, что на уездном уровне появляется генерация чиновников, перекочевавшая в советский управленческий аппарат. Показательный пример в этом плане дает мировой судья 1-го участка Мариинского уезда Д. Ф. Татаркин (1889–1966), из мещан г. Сызрани, выпускник юридического факультета Казанского университета (1912 г.), с 1913 г. работавший в Томском окружном суде. После Февраля 1917 г. он избирается членом Мариинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1919 г. мобилизован в колчаковскую армию писарем, в октябре того же года перебежал к красным и зачислен в сотрудники Челябинской губЧК, с мая 1921 г. – член коллегии губчека, председатель Челябинского губревтрибунала. В последующем – прокурор Симбирской губернии, помощник прокурора РСФСР, начальник плано-производственного отделения Управления Центральными издательствами Главполиграфиздата при Совмине СССР³.

---

¹ Палин А. В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. С. 145, 164, 167, 175–176.

² Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 632, 641–642, 675, 681–683.

³ Там же. С. 661.

Существенно возросла в рассматриваемое время нагрузка на полицейские органы, поскольку правоохранительная деятельность являлась только частью их компетенции. В обязанности чинов полиции входили, помимо борьбы с преступностью: контроль за сбором налогов, надзор за санитарным состоянием населенных пунктов, исправностью дорог, обеспечение призыва в армию, пожарная безопасность, контроль за качеством продовольствия, торговлей и ценами, задержание бродяг и нищих, прекращение ссор и драк, надзор за административно-высланными, военнопленными и беженцами. Много хлопот доставляли призванные в запасные части военнослужащие, совершавшие пьяные дебоши, кражи и хулиганские поступки. Для помощи в поддержании правопорядка стали привлекать воинские патрули. Применительно ко всем более-менее крупным городам региона «пышным цветом расцвели воровство и мошенничество. Крали буквально все, что плохо лежало: деньги, продукты, скот, одежду, хозяйственный инвентарь из надворных построек и т. д. Причем существенно снизить уровень преступности полиция была просто не в состоянии, поскольку основной причиной было обнищание низших или, в современном понимании, социально незащищенных слоев населения. Увеличивалось и число тяжких преступлений. Распространились пьянство и самогоноварение. Частым, едва ли не ежедневным, происшествием стали подкинутые дети»¹. В деревне росла «дерзость и своеволие» молодежи. Распространенными проявлениями ее хулиганства были ночные хождения по улицам в пьяном виде, битье оконных стекол, поджоги, грабежи. Постепенно насилие начинает восприниматься населением как элемент повседневной жизни².

Не забывала о Сибири в годы Первой мировой войны и верховная власть в плане подготовки проектов реформ и преобразований. В первую очередь следует указать на упоминавшуюся выше записку председателя Совета министров Б. В. Штюрмера Николаю II о необходимости проведения областной реформы от 7 июля 1916 г. В ней констатировалось, что «власть губернатора успела переродиться, а самая должность губернатора изменилась и внешне, и внутренне. Между тем общественные органы выросли и, во всяком случае, склонные переоценивать свое значение». Поэтому предлагалось разделить империю, исключая Финляндию и Польшу, на 15–18 областей, во главе каждой из которых должен стоять «наместник его величества, наделенный особыми полномочиями. Губернаторы и другие чины губерний, входящих в состав областей, должны были бы иметь все значение подчиненных наместнику должностных лиц. Губернское земство являлось бы излишним.

---

¹ Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка: (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. С. 126–127.

² Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010. С. 122.

Сибирская парламентская группа в IV Госдуме. Сидят (слева направо): А. С. Суханов, В. Н. Пепеляев, В. И. Дзюбинский, Н. К. Волков, Н. В. Некрасов, С. В. Востротин, М. С. Рысев; стоят: В. М. Вершинин, А. Н. Русанов, И. Н. Маньков, И. М. Гамов, А. А. Дуров, А. И. Рыслев, С. А. Таскин.

Местно-хозяйственная жизнь сосредотачивалась бы в уездном земстве и связанных с ним мелких земских единицах. Под председательством наместника ежегодно собирались бы обыкновенные и чрезвычайные собрания уполномоченных от всей области. Этим собраниям была бы подведомственна, в порядке действий распорядительного органа, не только хозяйственная работа в пределах области, но и многие задачи управления. Министерства имели бы в лице наместников тех лиц, которые бы осуществляли бы на местах общие задачи управления силою своей власти, но в единении с руководящими началами, выработанные центральным правительством». Император наложил на записку резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их»¹. Реальных последствий проект Б. В. Штюрмера не имел и представляет интерес с точки зрения попытки верховной власти осуществить децентрализацию системы местного государственного управления, а заодно включения в него земских учреждений на низовом уровне. Ничего общего с областническими проектами децентрализации управления на принципах федерализма и автономизма он не имел.

Как известно, земская реформа так и не была проведена в Сибири вплоть до лета 1917 г. Единственная попытка принятия соответствующего закона 3-й

¹ Отечественные архивы, 2009, № 1. С. 97, 102.

Государственной думой была отклонена Государственным советом 5 мая 1912 г. Борьба за сибирское земство продолжилась во время Первой мировой войны. В августе 1915 г. Сибирская парламентская группа собрала под соответствующим законодательным предложением, в основном повторяющем отклоненный в 1912 г. законопроект, 72 подписи. Параллельно под руководством начальника главного управления МВД по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферова с участием тобольского и томского губернаторов и прочих чиновников и сведущих лиц созывается Совецание по этому вопросу. В конечном счете МВД 22 декабря 1916 г. выдает свой проект о земском самоуправлении в Тобольской и Томской губерниях, с одновременным выделением из последней Алтайской губернии.

В объяснительной записке земские учреждения предлагалось ввести не на всей территории, а только в районах массового проживания русского крестьянского населения. В Березовском и Сургутском уездах, Кондинском крае (5 волостей Тобольского уезда) и Пелымском крае (8 волостей Туринского уезда) Тобольской губернии и вновь проектируемом Тогурском уезде (Нарымский край плюс Тискинская волость Томского уезда) Томской губернии земскими вопросами должны были заниматься особые комитеты из местных чиновников под председательством уездных исправников. Самоуправление не вводилось в трех станицах Сибирского казачьего войска (11 тыс. жителей) на территории Бийского и Змеиногорского уездов.

Земские сборы (в том числе с торговцев и промышленников) появились в Сибири гораздо раньше, чем земские собрания (Промысловое свидетельство из фондов Гос. архива Томской области)

Далее признавалась актуальность реформы, обусловленной «приобщением Сибири к коренному русскому административному и хозяйственному строю». «Население Сибири доказало это в переживаемую тяжелую годину, – констатировали составители документа, – война также показала, сколь существенное значение имеет для Империи развитие производительных сил и укрепление экономической мощи окраин».

Проект МВД предлагал передать в ведение планируемых земских учреждений, помимо перечисленных в Положении 1890 г., вопросы экономические (развитие зернового хозяйства), транспортного строительства и страхования. Особенность сибирского земства усматривалась в переносе центра тяжести в организации его функционирования из губернии в уезды, в силу территориальной протяженности последних. Вместо трехкуральной системы представительства, в Западной Сибири предполагалось, «подобно северо- и юго-восточным губерниям», установить «по одному избирательному собранию и по одному избирательному съезду, включив в таковые, по принадлежности, также арендаторов скотоводческих участков, а равно не участвующих в волостных сходах лиц, коим отведены казенные земельные участки в порядке правил о переселениях».

Бюджеты органов самоуправления должны были формироваться за счет обложения земскими сборами недвижимого имущества (земля, леса, рыболовные участки) по окладной системе. Позаботились составители проекта и о денежном содержании правительственных чиновников в учреждаемых канцеляриях по земским и городским делам, гораздо более высоком, чем за Уралом.

Проект закона «Об управлении земским хозяйством в губерниях Алтайской, Тобольской и Томской» предусматривал создание на основе выборов уездных и губернских земских собраний и наделение органов городского общественного самоуправления Барнаула, Томска и Новониколаевска функциями уездных земских собраний. Численность гласных губернских земских собраний колебалась от 46 для Алтайской губернии, 40 – для Тобольской и 34 – для Томской. В уездах она не превышала 40 (Бийский и Барнаульский) и не опускалась ниже 15 (Туринский).

Избирательные права получали крестьяне, владельцы «отведенных обложенных сбором на земские повинности казенных земельных участков» в размерах 300 дес. в Алтайской и Томской губерниях и в пределах 475–300 дес. для уездов Тобольской губернии. Кроме них избирательные права предоставлялись арендаторам (со сроком аренды не менее 12 лет), священнослужителям «христианских исповеданий» и горожанам, имеющим избирательные права по выборам органов городского самоуправления. Переселенцы, освобожденные от уплаты земских сборов и налогов, лишались права участвовать в волостных сходах по выборам кандидатов в гласные.

Планируемые органы самоуправления ставились под плотный контроль местной администрации. В частности, в уездном земском собрании председательствовал руководитель уездного съезда крестьянских начальников, а в состав губернского собрания по должности входили

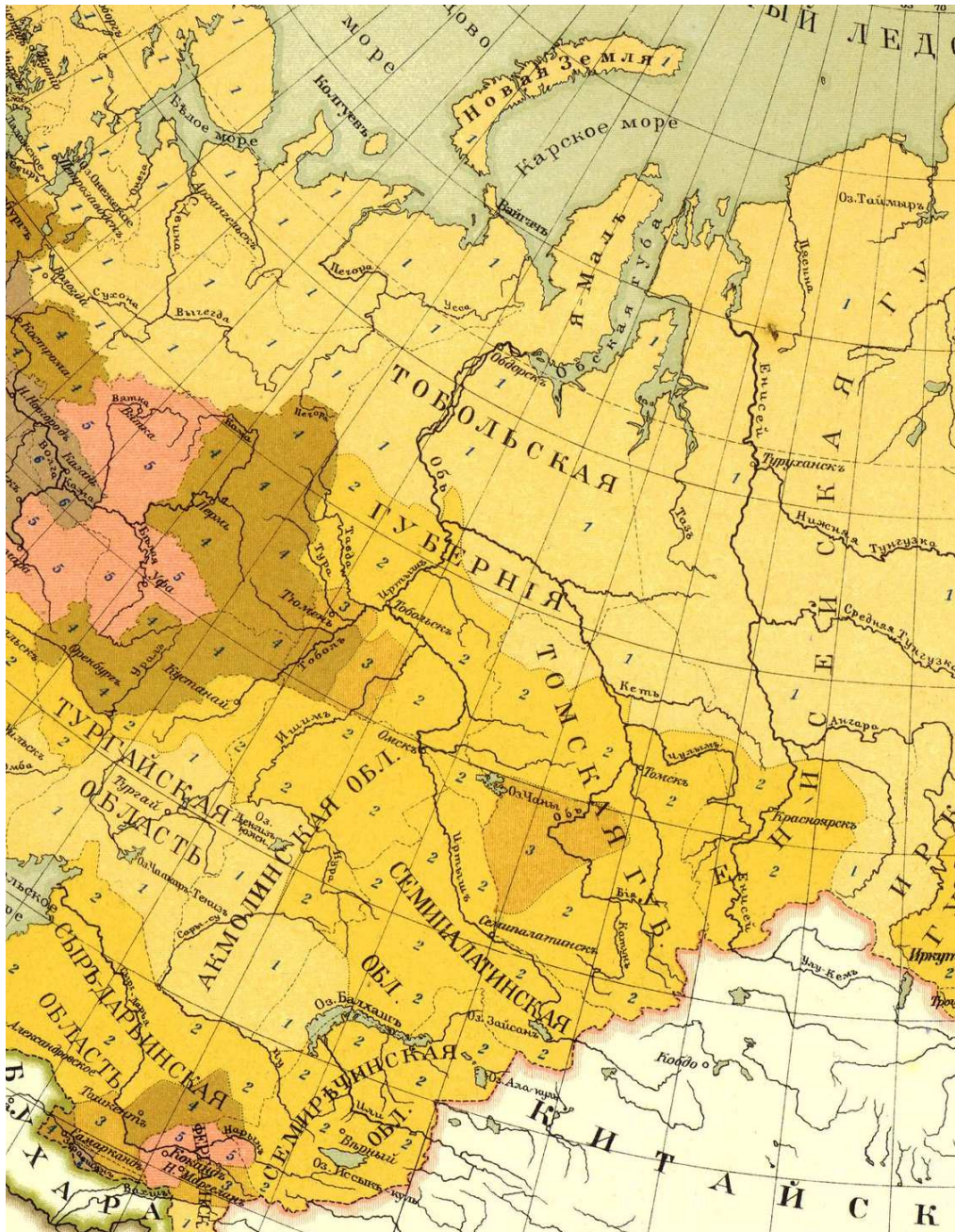
председатели всех уездных съездов крестьянских начальников, управляющий казенной палатой, управляющий отделением Крестьянского банка, чиновник переселенческого управления, представитель Министерства земледелия, директор народных училищ, представитель Министерства путей сообщения.

Таким образом, проект МВД о введении земских учреждений только в земледельческих уездах Западной Сибири с подавляющим преобладанием крестьян носил консервативный характер и в сильно ухудшенном варианте повторял Положение 1890 г., делая ставку на зажиточную часть местного социума. Так, законопроект устанавливал лимит на получение избирательных прав в 300–450 дес. земли или 16 тыс. руб. обложенного земским сбором имущества, в то время как проект 72-х депутатов 4-й Государственной думы от 8 августа 1915 г. предусматривал установление этого соотношения в пределах 80–100 дес. и 7,5 тыс. руб. При этом нужно иметь в виду, что проведение выборов гласных по министерскому проекту предполагалось провести только во второй половине 1918 г., а реально собрания и управы должны были развернуть свою работу не ранее 1919 г.¹

Еще одной проблемой, актуализировавшей во время войны, стал вопрос об административно-территориальной реорганизации Томской губернии, в которой проживало к 1916 г. 4139 тыс. чел., или 40 % всего населения региона. Только один ее Барнаульский уезд (1350 тыс. чел.) превосходил по численности населения Архангельскую и Олонецкую губернии, Акмолинскую область. Вопрос о разделении Томской губернии начал обсуждаться со времени поездки П. А. Столыпина в Сибирь в 1910 г. В 1916 г. томский губернатор В. Н. Дудинский реанимировал его в МВД, ссылаясь на обстоятельства военного времени. Результатом стала подготовка в ведомстве законопроекта «Об образовании в Томской губернии 4 новых уездов: Каменского, Славгородского, Ново-Николаевского и Тогурского и о разделении ее на две губернии: Томскую и Алтайскую». В Томскую губернию планировалось включить 5 уездов (Томский, Каинский, Мариинский, Ново-Николаевский и Тогурский), в Алтайскую 6 (Барнаульский, Бийский, Кузнецкий, Каменский, Змеиногорский и Славгородский). В итоге в Алтайскую губернию отходила территория площадью 337 451 кв. верст и населением 2258 тыс. чел., а в Томскую 407 427 кв. верст и 1426 тыс. чел. Министерство внутренних дел, как отмечалось выше, связывало вопрос с выделением из Томской губернии Алтайской с проблемой введения земства в Западной Сибири. Но целесообразность земской реформы здесь оспаривалась в правительственных сферах и среди депутатов 4-й Государственной думы. Успешно пройдя согласования в правительственных учреждениях, он так и не был рассмотрен в Думе и был реализован уже после февраля 1917 г.

---

¹ Шиловский М. В. Проект МВД о введении земского самоуправления в Сибири (декабрь 1916 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Материалы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 86–89.

Фрагмент карты «Плотность населения Российской империи» из атласа издания А.Ф. Маркса (1905 г.), отражающий повышенную плотность населения в Барнаульском уезде. Из обозначений: «2» – от 1 до 5 чел., «3» – от 5 до 10 чел. на кв. версту.

С началом военных действий существенно возросла роль органов городского общественного самоуправления. Они, как отмечалось выше, занимались расквартированием войск, размещением беженцев и пленных, приемом и лечением раненых, помощью семьям призванных в армию, ценовым регулированием путем таксировки (установление предельных цен на отдельные продукты), закупками продовольствия, введением и поддержание нормированной торговли (карточки) и т. д. При этом, несмотря на существенное увеличение обязанностей, городские управы продолжали численно состоять из нескольких человек, приравненных к государственным служащим 8-го класса (коллежский асессор). Поэтому для организации текущей работы управы крупных городов региона имели штат технического персонала в среднем по 20 чел. Отдельные функции муниципалитетов не были четко прописаны в нормативных актах, что создавало дополнительные трудности. Так, согласно Городовому положению 1892 г. городское управление имело право устанавливать цены только на мясо и печеный хлеб. Поэтому гласный Томской городской думы, журналист А. Н. Шипицын в 1915 г. сетовал: «...Многие необходимые мероприятия по борьбе дороговизной выходят далеко за пределы местного отделения городских управлений, поднимаясь до границ имперского законодательства», поэтому «борьба со спекуляцией требует установления правомочного общественного контроля над частной промышленностью и торговлей»¹.

По социальному составу ведущие позиции в органах городского самоуправления рассматриваемого периода занимали купцы и мещане. По мнению новосибирских историков «обзор деятельности городского самоуправления Сибири во время Первой мировой войны приводит к выводу, что оно выступало проводником государственной политики. Имея более или менее четкое представление о необходимых в связи с войной хозяйственных мерах, государство не могло их воплотить в жизнь за счет собственного государственного аппарата. Он не был ни достаточно развит, ни должным образом организован. Поэтому непосредственное воплощение предполагаемых мер правительство поручало городским думам»².

В силу данного обстоятельства в муниципальных органах начинается формирование нового типа отечественной бюрократии, параллельно традиционной. Ее отличительными признаками становится: служение народу (обществу), а не императору; ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Поэтому в Томске на смену купцу И. М. Некрасову (1906–1914 гг.) на должность городского головы избирается врач П. Ломовицкий, в

---

¹ Цит. по: Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. С. 32.

² История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 269

Мариинске в 1912–1916 гг. во главе муниципалитета был Д. А. Гаврилов, выходец из крестьян, имевший домашнее образование, отставной фельдфебель (с 1879 г.), домовладелец; в Барнауле в 1913–1916 гг. городским головой был межевой инженер из дворян А. А. Лесневский; в Бийске в 1912–1916 гг. – купец Ф. Ф. Доброхотов.

Типична в этом отношении фигура новониколаевского городского головы (апрель 1914 – март 1917 гг.) А. Г. Беседина (1864–1930). Выходец из крестьян Курской губернии, он получил только домашнее образование. После переселения семьи в Оренбургскую губернию становится оренбургским мещанином, работает рассыльным, извозчиком, конторщиком, заведует складом. С начала строительства Транссиба переезжает в Сибирь, с 1869 г. – подрядчик по заготовке шпал. В 1904 г. Алексей Григорьевич оседает в Новониколаевске, где владеет недвижимостью, оцененной в 3,5 тыс. руб. Имел большую семью (10 детей). Будучи избран городским старостой в декабре 1907 г., получал жалование 1,2 тыс. руб. в год¹.

Алексей Григорьевич Беседин

Существенные изменения произошли за время войны в финансовом положении городов. Долги прежних лет составляли от 15 до 68 % бюджета, доля обязательных расходов выросла с 57 до 83 %. Покрывались военные расходы за счет сокращения гражданских, повышения оценочных сборов, квартирного налога, возмещения части расходов государством, займов у населения, банков и государства. На 1 декабря 1915 г. долг Барнаула составил 1 694 494 руб., на 1 января 1916 г. Новониколаевск задолжал 1 486 978 руб., а Курган – 882 127 руб.; Тюмень на 1 января 1917 г. имела долг 843 718 руб., долги Омска к середине 1916 г. достигли 2 млн руб., а Иркутска к концу 1916 г. – примерно 3 млн руб.² Сибирским городам пришлось отказаться от развития электросети, строительства водопроводов, канализации, трамвая, увеличения школьной сети.

¹ Новониколаевск-Новосибирск: от поселкового старосты до мэра. Биографический справочник. Новосибирск, 2003. С. 22–23.

² Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и в период социальных катаклизмов. С. 178–180; Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск, 2008. С. 177.

Одним из важных последствий войны стало повышение роли муниципалитетов в социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири. В августе 1914 г. на I Всероссийском съезде городов создается Всероссийский союз городов (СОГОР), в состав которого в 1915 г. вошло 15 городских поселений региона. В Западной Сибири координирующим центром СОГОРа стала Омская городская дума. В 1915 г. в Омске прошло два съезда объединения, рассмотревших вопросы помощи больным и раненым, размещения военнопленных, борьбы с дороговизной. На них сформировали Западно-Сибирский областной союз городов. В апреле 1916 г. в Иркутске состоялся первый съезд городов Восточной Сибири. По мнению правоохранителей, отделы СОГОРа состояли «сплошь из левых кадетов с эсдековской окраской».

Наряду с участием в общероссийской организации городские самоуправления региона создали собственное формирование: Сибирское общество для подачи помощи раненым воинам (Сибиртет). Он имел свои отделы в Барнауле, Боготоле, Мариинске, Москве, Ишиме, Кургане, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Тайге, Томске, Ялуторовске. Возглавили Сибиртет видные кадеты С. В. Востротин, Е. Л. Зубашев, Н. В. Некрасов. С мая 1915 г. в Сибири начинают создаваться военно-промышленные комитеты. Всего их насчитывалось 34, из них действовало 22.

Возможность чаще собираться на различного рода совещаниях привела к повышению политической активности городских самоуправлений по мере затягивания войны и проявлению оппозиционности. В Кургане, Тюмени и Новониколаевске городские думы высказались за реформу городского самоуправления и введение земства. В декабре 1916 г. Тюменская городская дума заявила: «Лозунг "Все для войны, а потом – внутреннее устройство страны", принятый Государственной думой – лозунг неправильный, нужны внутренние реформы». Муниципалитеты Восточной Сибири присоединились к требованию Прогрессивного блока о создании правительства народного доверия. В частности, гласные Минусинской городской думы в августе 1915 г. приняли резолюцию, предлагающую «тесное единение всех общественных сил, которое возможно только при коренном изменении общего направления внутренней политики и создание правительства, пользующегося доверием нации...»¹.

Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. Во время Первой мировой войны, имея четкое представление о необходимости мобилизации экономических усилий, государство не располагало соответствующим аппаратом управления для этого, и поэтому возложило их осуществление на органы городского общественного управления, хотя последние проявляли в этой области

---

¹ Чудаков О. В. Указ. соч. С. 367.

собственную инициативу. В сложившейся ситуации происходит усложнение и увеличение численности управленческих структур городских управ. Таким образом, во время войны началось сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время.

На уровне функционеров крестьянского общественного самоуправления (сельские и волостные старосты, сборщики налогов, писари и т. д.) усиливается тенденция к замещению их путем выборов, но на постоянной основе. Разрастается структура сельской управленческой «номенклатуры» за счет появления новых должностей. Так, в Мало-Корюковской волости Томского уезда на 1914 год выборный административный аппарат состоял: из волостного старшины Сайта Галиева, неграмотного, инородца, избранного в 1913 г. на три года с окладом 60 руб.; двух его неграмотных помощников И. П. Смоленцева и И. Г. Буркова, соответственно крестьянина и инородца, денежного содержания не получающих; волостных судей – неграмотного крестьянина Я. Галимова, грамотного крестьянина Д. Е. Костревского, неграмотного инородца Я. А. Тартаякова и неграмотного инородца Т. Албейсова; волостного писаря, работающего по найму с окладом 180 руб., барнаульского мещанина С. А. Кривоногова¹.

Управленческие расходы упоминавшейся в первой главе Тулинской волости Барнаульского уезда в 1915 г. на 258 домохозяйств (784 души мужского пола без учета 77 призванных в армию) составили 2192 руб. 56 коп. в том числе: содержание волостного правления 546 руб. 67 коп.; содержание земской гоньбы – 990 руб. 73 коп.; на уплату А. Жернаковой за купленное у нее здание для волостного правления – 253 руб. 90 коп.; жалование сельскому старосте – 60 руб.; жалование помощнику волостного старосты – 12 руб.; жалование сборщику податей – 30 руб.; на содержание сельской сборни и училища – 150 руб.; на содержание церкви – 192 руб.; на содержание двух лесных сторожей – по 60 руб.²

Жалование выплачивалось из мирских средств, поэтому его размеры каждая волость определяла самостоятельно. Например, в Ильинской волости Кузнецкого уезда в 1914 г. волостной старшина получал 60 руб., его помощник – 30, заседатели – по 25 руб. каждый, казначей 55 и волостной писарь – 1800 руб. в год. В Енисейской волости Бийского уезда в 1915 г. волостному старшине полагалось 55 руб., его помощнику – 25, заседателям по 25 руб. каждому, а писарю – 1375 руб.³

Выполнение управленческих функций начинает осуществляться не на общественных началах одновременно с основной трудовой деятельностью (хлебопашество, извоз, промысел и т. д.), а становится самостоятельным способом обеспечения индивида и его семьи материальными благами.

---

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.

² Там же. Д. 213. Л. 1.

³ Затеева Е. Г. Волостная администрация крестьянской общины на Алтае в конце XIX – начале XX вв. // Мир Евразии, 2010, № 2. С. 47.

членов, юрисконсульта, секретаря, бухгалтера, техника-смотрителя, дорожного техника, 6 делопроизводителей, регистратора, 2 счетоводов, кассира, 8 писарей, 2 машинистки, 2 сторожей, курьера, уборщицу. Всего – 35 сотрудников. Смета Новотырышкинского волостного земства Новониколаевского уезда на 1919 г. утверждается в размере 259 683 руб. 84 коп., из них 113,4 тыс. руб. шло на жалование сотрудникам управы¹.

Хотя кооперация не относится к органам управления, тем не менее, в рассматриваемый период она начинает рассматриваться как важнейший инструмент для переустройства общества. В 1915 г. ссыльный эсеровский публицист Д. И. Голенищев-Кутузов (Илимский) квалифицировал Сибирский союз маслодельных артелей как пример, который «должен лечь в основу нашей будущей политики в Сибири»². В кооперацию старались привлечь как можно больше крестьян, используя ее как средство предотвращения их расслоения и для пропаганды земского самоуправления. «В силу необходимости сибирским кооперативам приходится выполнять целый ряд задач и не чисто кооперативного характера, – констатировал тот же автор, – но, может быть, это именно обстоятельство и сыграет свою крупную роль в привитии сиб[ирской] кооперации духа общественности, без которого кооперация вырождается в копеечное дело»³.

Война поставила кооперацию в новые условия во взаимоотношениях с властями. Последние делегировали ей монопольные права в распределения продовольствия и товаров первой необходимости, а также заготовку сельскохозяйственной продукции. Общества потребителей фактически осуществляли распределительные функции муниципальных продовольственных органов (комиссий, отделов). По мере роста дефицита распределительные функции потребительских кооперативов усиливались. Военная повседневность выявила очевидную потребность кардинального пересмотра нормативных актов, регулирующих деятельность кооперативов. Ее руководители, недовольные затягиванием решения проблемы, приблизительно с 1916 г. занимают оппозиционную по отношению к существующей власти позицию.

Несмотря на относительную немногочисленность, политические ссыльные в 1914–1916 гг. активно внедрялись в кооперацию. Как отмечал В. Г. Архангельский, «в течение 1915 и 1916 г. ссыльные Иркутска вели широкую кампанию по организации и объединению кооперативных обществ. Были организованы крупнейшие для Сибири потребительские общества: "Кооператор" и "Труженик". Главную роль в кооперативном движении играли социалисты-революционеры, но в "Обществе потребителей Забайкальской жел. дороги" и

---

¹ Шиловский М. В. Особенности деятельности земских органов в Западной Сибири (конец 1917 – начало 1920-х гг.) // Пишем времена и случаи. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Новосибирск, 2008. С. 259.

² Илимский Дм. Иностранные капиталы и промышленные возможности Сибири // Северные записки, 1915, № 7–8. С. 253.

³ Он же. Сибирская кооперация в 1915 г. // Сиб. жизнь, 1916, 13 янв.

в ряде потребительских обществ довольно прочно засели социал-демократы меньшевики»¹. Примерно такую же картину по Красноярску рисует в своих мемуарах В. Я. Гуревич. Здесь в кооперативных объединениях, прежде всего в их руководящих структурах, активно работали ссыльные большевики А. Г. Шлихтер, Н. Л. Мещеряков, М. А. Фрумкин; меньшевики А. В. Байкалов, П. И. Швейцер, В. В. Руднев; эсеры И. А. Ловцов, А. В. Пригарин, Н. В. Фомин, В. М. Коногов, В. Я. Гуревич². Очень сильными были позиции ссыльных эсдеков и эсеров в кооперативных формированиях Забайкалья.

Интенсивное проникновение политических ссыльных в кооперацию с тревогой отмечали местные жандармы. В политическом обзоре Иркутского генерал-губернаторства от 18 октября 1916 г. они фиксировали: «До последнего времени многочисленные революционные деятели (соц.-рев. и соц.-дем.) полагали, что до окончания войны не следует приступать к какой бы то ни было революционной работе, чтобы не мешать ходу военных действий, но что тот час же по окончании войны должны возникнуть повсюду организации для немедленного захвата власти в свои руки. Однако, в последнее время есть основания предполагать, что захват власти будет не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными обществами, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, при чем руководящую во всех таких обществах и союзов играют социал-демократы и социалисты-революционеры»³.

§ 5. Специфика культурно-досуговой жизни Сибири в военное время

Не произошло существенных подвижек в образовательной сфере региона в изучаемое время. В 1915 г. здесь насчитывалось 4481 одно- и двухклассных училищ. За 1916–1917 гг. в Западной Сибири к ним добавилось еще 188, в том числе в Томской губернии 127⁴. В 1915 г. процент учащихся к общему числу детей школьного возраста составил в Акмолинской области – 30,9 %, в Томской губернии – 33,4 %, в Тобольской – 35,2 %, Енисейской – 44,9 %, в Иркутской – 57,3 %⁵. Не случайно более половины призванных в армию были неграмотными, а подавляющая часть остальных – малограмотными. В отдаленной перспективе виделось введение всеобщего начального обучения. В 1914 г. школьная сеть Томского уезда состояла из 136 церковно-приходских школ 72 училищ Министерства народного просвещения и 84 учебных заведения

---

¹ Архангельский В. Г. Первый месяц февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага), 1927, № 1. С. 48.

² Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Там же, № 2. С. 113.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 992. Л. 59 об.

⁴ Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1. С. 117–118.

⁵ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 205.

«Барнаул. Реальное училище Императора Николая II»

МВД. Для введения всеобщего обучения требовалось дополнительно открыть 685 школ на 22 923 учащихся ¹.

Развитие образовательной сферы происходило прежде всего за счет городов, где активно в этом процессе участвовали предприниматели и муниципалитеты. Так, в Барнауле по состоянию на 1916 г. работало 20 городских приходских училищ (2759 учащихся), два мужских и два женских высших начальных училища (1126 чел.), женская прогимназия, две женских и одна мужская гимназии, реальное училище, торговая школа, мужская учительская семинария, среднее механико-техническое училище ². В Минусинске к 1917 г. функционировали реальное училище, учительская семинария, женская гимназия, торговая школа, женское высшее начальное училище, 13 городских начальных училищ. В Каинске в тоже время действовали мужская и женская гимназии, 4-классное городское мужское училище, молочная школа, железнодорожное училище и т. д. ³

Городские сообщества в рассматриваемое время предпринимали усилия для расширения школьной сети. В Иркутске накануне 1914/1915 учебного года обратились с просьбой о зачислении в городские школы 3158 детей. Несмотря на открытие 17 комплектов, отказали в приеме 800 детям, в следующем учебном году 607. Поэтому городская дума в мае 1916 г. приняла

¹ Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово, 2004. С. 50.

² Костенков П. П. Просвещение // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 247.

³ Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. М.; Л. 1934. С. 25; Ноздрин Г. А. Культурная жизнь города Каинска в XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 164.

решение об открытии в городе 12 новых школьных комплектов, вместо предполагаемых 23. В Кургане городская дума в августе 1916 г. принимает постановление об открытии в 1916/1917 учебном году 4 новых школьных комплектов. На заседании Омской городской думы 29 мая 1915 г. утверждается ходатайство об отпуске 400 тыс. руб. на постройку 5 школьных зданий¹.

Во время войны продолжилось создание системы подготовки педагогических кадров, основу которой составляли учительские институты и семинарии. В 1916 г. открывается Тобольский учительский институт, в сентябре 1914 г. Якутская учительская семинария, на первый курс которой приняли 31 чел.² Накануне 1917 г. начинается работа по организации повышения квалификации педагогов. Первые краткосрочные курсы с этой целью организовываются в Енисейской губернии в 1916 г. Другой формой методической работы стали съезды учителей школьных районов. В течение 1914/1915 учебного года только в Красноярском уезде состоялось 15 подобных мероприятий, из них пять в сельской местности. Большую помощь сельским учителям в 1916–1917 оказывал издававшийся в Красноярске тиражом 900 экз. журнал «Сибирская школа». Его организовал и редактировал педагог, хакас по национальности Г. И. Итыгин³.

Приоритет в плане доступа в образовательные учреждения в рассматриваемое время предоставлялся прежде всего детям участников войны, погибших и раненых. Циркуляром министра народного просвещения от 14 августа 1915 г. подчеркивалось, что все учебные заведения Российской империи, независимо от ведомственной принадлежности, разрешается принимать детей участников войны независимо от национальной и конфессиональной принадлежности даже сверх установленных вакансий, и единственным условием их зачисления является успешная сдача приемных экзаменов. Кроме того, к обучению допускались дети-иудеи, чьи отцы служили в МНП. Важной уступкой общественным настроениям стала отмена в школах переводных экзаменов и разрешение завершать учебный год в зависимости от местных потребностей. Поэтому педагогический совет Ишимского мужского высшего начального училища решил распустить учеников 1–3 классов на летние каникулы с 30 апреля 1916 г., а в 4 классе экзамены закончить до 20 мая в связи с тем, что Ишимский уезд считается одним из самых хлебородных в Тобольской губернии, а родители учащихся – земледельцы, которым нужна помощь от их детей-учащихся⁴. Обращалось

---

¹ Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 1913. С. 266–267.

² Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000. С. 389.

³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 333.

⁴ Ищенко О. В. Учащаяся молодежь в политике властей в период Первой мировой войны (на примере Тобольской губернии) // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 55.

внимание на усиление религиозно-нравственного воспитания обучаемых. Так, в циркуляре директора народных училищ Тобольской губернии от 31 марта 1915 г. указывалось: «В виду военных событий, каковые могут затянуться на долгое время, г. Попечитель Западно-Сибирского [учебного] округа испросил благословение Его Преосвященства епископа Тобольского и Сибирского о разрешении законоучителям на молитвах, совершаемых перед началом учения в учебных заведениях, возносить прошения о даровании победы русскому Христоролюбивому воинству»¹.

Определенные подвижки в системе школьного образования связаны с инициативами министра народного просвещения, графа П. Н. Игнатьева (январь 1915 – декабрь 1916 г.), в частности, ставка на усиление «общественного начала» – родительских комитетов и педагогических советов. При этом упор делался на развитие самостоятельности учащихся и использования активных форм обучения – написание и обсуждение рефератов, проведение литературных судов, поощрения подвижных игр, экскурсий, музыкально-вокальных вечеров, выставок детских работ и поделок².

К 1917 г. в регионе действовало три высших учебных заведения в Томске: университет, технологический институт и высшие женские курсы. 17 августа 1915 г. император Николай II разрешил прием на юридический факультет Томского университета «на свободные по окончании приемов студентов вакансии» лиц женского пола, а на медицинский факультет не только сибирячек христианского вероисповедания, но и прочих лиц женского пола³. Общественность Иркутска в рассматриваемый период активно поднимала вопрос об открытии здесь второго за Уралом университета, особенно со второй половины 1916 г. «в связи с предположениями Министерства народного просвещения об открытии новых десяти университетов в Империи»⁴. Как отмечает Л. В. Щапова, «вторым по значимости для Иркутска в конце войны стал вопрос об университете. Хотя на уровне правительства вопрос еще не был решен окончательно, в подготовку открытия вуза были втянуты в той или иной мере практически все слои граждан. В последние предреволюционные месяцы шел массовый сбор пожертвований, обсуждались конкретные вопросы о помещениях, преподавательских кадрах, предполагаемых факультетах, организации стипендий»⁵. К концу сентября

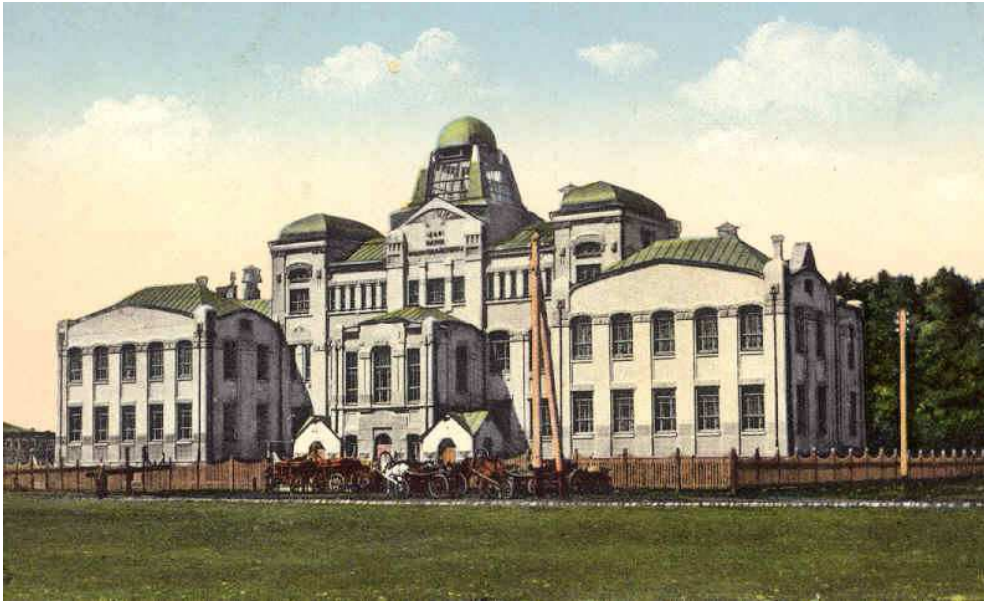
¹ Ищенко О. В. Учащаяся молодежь в политике властей... С. 55.

² Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск, 1966. С. 176–178.

³ Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 138.

⁴ Серебrenников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 241.

⁵ Щапова Л. В. Влияние Первой мировой войны на повседневную жизнь иркутян // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск, 2013. Вып. 9. С. 136.

*«Дом науки», построенный П. И. Макушиным
в надежде открыть Народный университет*

1916 г. иркутяне собрали на открытие вуза 1,2 млн руб., в то время как сумма пожертвований на военные цели в 1916 г. составила 12 125 руб.¹

Определенные подвижки происходят в культурно-досуговой сфере (КДС) региона. Осуществленный мной на основе информационного потенциала летописи города Иркутска Н. С. Романова подсчет событий в этой области дал следующие результаты. Если в 1913 г. источник фиксирует 111 разнообразных событий в повседневной жизни города, в том числе 58 (52,2 %) в КДС, то в 1914 г. соответственно 99 и 42 (42,3 %), в 1915 г. – 147 и 47 (32,6 %), в 1916 г. – 120 и 31 (25,8 %) ². Как видим, прослеживается устойчивая тенденция к сокращению событий в культурно-досуговой сфере, обусловленных, на мой взгляд, кардинальным перераспределением финансовых потоков, а также уменьшением численности активной части городского социума, оказавшегося в армии. Но не все происходящее в этой области следует воспринимать однозначно. «Разруха, разброд, неразбериха растут, – замечает И. И. Серебренников 2 февраля 1917 г. – Вместе с ними я наблюдаю – растет жажда к разумным развлечениям: театру, библиотекам, музеям и пр. В городской публичной библиотеке никогда не было столь много подписчиков, как в настоящее

¹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 225, 213–229.

² Шиловский М. В. Динамика культурно-досуговых процессов в Иркутске в межреволюционный период (1907–1916 гг.) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симпозиума. Омск, 2010. С. 100, 102.

время. Чем все это объяснить? Может быть, правительственная разруха начнет расшевеливать наши застывшие мозги: не пора ли, дескать, начать учиться чему-нибудь и нам?»¹.

Как уже отмечалось выше, война заметно повысила интерес сибирского крестьянства к просвещению, культуре, печатному слову. В деревне возникают любительские театральные коллективы. В их репертуаре преобладали пьесы З. Б. Осетрова («Разбитое сердце», «Деревенская свадьба», «Сват», «Косари») и А. Н. Островского («Бедность – не порок», «Не все коту масленица», «На бойком месте» и т. д.). В рассматриваемое время при активном участии и поддержке кооперативов развертывается строительство Народных домов, которые одновременно выполняли функции клубов, осуществляли просветительскую деятельность, проводили досуговые мероприятия. Всего к 1918 г. в регионе действовало около 300 Народных домов, построенных с участием кооперативных объединений².

*Киноплакат 1916 года
 («Пиковая дама» по повести
 А. С. Пушкина, роль Германа
 исполняет И. И. Мозжухин)*

Как установил В. А. Ватолин, в 1914 г. определилась структура региональной киносети. «Города большие имеют пару крупных «первоэкранных» театров, где новинки демонстрируются почти вровень со столичными, они обычно на 800–1000 человек, тут же еще и два–три средних заведения до 500 мест, и два–три мелких «для совсем простой публики» на 150–200 мест. В городах уездных или к ним приближающихся – два–три средних театра. В городишках и селах обычно по одному на 150–200 мест. Мелкие и часть средних чаще тяготеют к какому-то первоэкранному заведению и получают репертуар от него через одну–две недели после его показа. Первоэкранные и часть средних снабжаются от центральных прокатных контор»³. Кинематограф прочно осел в городах и только начал свое проникновение в деревню. В газете сообщалось о гастролях в с. Маслянино

¹ Серебrenников И. И. Указ. соч. С. 304.

² Соколов А. Д., Сикорский С. С. Народный дом: его значение и устройство. Омск, 1919. С. 15.

³ Ватолин В. А. Синема в Сибири, Очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003.

Барнаульского уезда кинематографа из Новониколаевска, «огромный успех у детей и у взрослых, вне конкуренции – военная хроника»¹.

Выше мной отмечалось усиление интереса к печатному слову, к газетной информации, прежде всего к известиям с театра военных действий. Рынок периодических изданий рассматриваемого времени в Азиатской России был представлен 14 официозами (губернскими (областными) и епархиальными ведомостями), 70 частными газетами и 35 журналами (в том числе еженедельниками). Территориально они распределялись следующим образом (в числителе газеты, в знаменателе журналы): Тобольская губерния – 8/1, Акмолинская область – 14/6, Семипалатинская область – 3/0, Томская губерния – 10/10, Енисейская губерния – 15/5, Иркутская губерния – 13/9, Забайкальская область – 5/3, Якутская область – 4/1². Как и в предшествующий период выпуск большей части повременных изданий ограничивался несколькими номерами.

Так, в Семипалатинске в сентябре 1914 г. редактор-издатель, инженер Ф. А. Мейнгард выпустил 21 номер общественно-политической газеты «Семипалатинский вестник», которая была закрыта генерал-губернатором «за помещение в ней не правильных сведений о военных событиях». С января 1915 г. тот же Ф. А. Мейнгард начал издавать газету «Семипалатинский телеграф». Плохое материальное положение издания, придирки военной цензуры привели к его закрытию в мае того же года. С 11 сентября 1916 г. в городе началось издание «Семипалатинского голоса» (редактор-издатель Н. П. Софроневский), но просуществовал он недолго и 27 ноября был закрыт³. Стабильно в течении всего периода издавалось всего несколько газет: «Сибирская торговая газета» (Тюмень), «Сибирский листок» (Тобольск), «Народная газета» (Курган), «Омский вестник», «Алтайское дело» (Новониколаевск), «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирская деревня» (Красноярск), «Сибирь» (Иркутск), «Забайкальская новь» (Чита).

В 1914 г. жители Якутска по подписке получали следующие периодические издания: «Биржевые ведомости – 154 экз., «Русское слово» – 115, «Сибирь» – 63, «Современное слово» – 32, «Русские ведомости» – 30, «Сибирская жизнь» – 24, «Новое время» – 13, «Утро России» – 12, «Копейка» – 9, «Трудовая копейка» – 7, «Правительственный вестник» – 6, «Торгово-промышленная газета», «Уральская жизнь» – по 5, «Русское чтение» – 5, «Киевская мысль» – 4⁴.

Важной составляющей культурной инфраструктуры городских поселений региона являлись библиотеки. Например, в Томске в 1914 г. имелось 17 книгохранилищ с фондом в 400 тыс. экз., а число читателей приближалось

¹ Алтайское дело (Новониколаевск), 1916, 13 февр.

² Подсчеты по: Мосина И. Г., Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов. Томск, 1991.

³ Кашляк В. Н. Печать Семипалатинска (1863–1963 гг.). Семей, 2008. С. 20–21.

⁴ Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000. С. 390.

Григорий Гуркин. Кочевье в горах (1910 г.)

к 6 тыс. чел.¹ Война и здесь наложила свой отпечаток. Так, в Новониколаевске городская управа, искивая дополнительные средства, ввела плату за выдачу книг из городской библиотеки им. А. П. Чехова в размере 6 руб. в год. Негативно на распространение литературы повлияло сокращение объемов книгоиздательской деятельности и удорожание полиграфических услуг. Поэтому число книг, изданных в Новониколаевске в 1914 г., уменьшилось по сравнению с 1913 г. с 20 до одной, а количество экземпляров – с 7790 до 160².

В рассматриваемый период в городах Сибири гастролировали известные оперные коллективы, популярные драматические актеры: П. Н. Орленев, братья Роберт и Рафаил Адельгейм, Г. Г. Ге, Е. Н. Рошина-Инсарова, труппа московского театра Ф. А. Корша, в частности, в конце мая 1915 г. она в составе 32 чел. с большим успехом выступала в Новониколаевске, в феврале 1917 г. здесь давала спектакли труппа во главе с М. В. Финкелем. В крупных городах круглый год работали цирковые коллективы. Активно в культурной сфере трудились неформальные объединения. В частности, Томское общество любителей художеств (ТОЛХ) в 1915–1916 гг. организовало ряд масштабных

¹ Шиловский М. В. Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 116.

² Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 90, 93.

художественных выставок. 15–29 марта 1915 г. в помещении городского ремесленного училища с большим успехом прошла персональная выставка полотен Г. И. Гуркина (80 картин, около 200 этюдов и более 200 рисунков). В апреле 1916 г. в Мариинской женской гимназии экспонировались 70 полотен художника В. Д. Вучичевича. С 25 декабря 1916 по 8 января 1917 г. в помещении Королевского ремесленного училища прошла IX выставка ТОЛХ, на которой экспонировалось около 150 работ¹.

Касаясь, в целом развития культурно-досуговой сферы в рассматриваемое время, К. Е. Зверева и В. А. Зверев обратились к материалам анкеты Енисейского губернского акцизного управления за 1916 г., «основные выводы из анализа которой можно распространить на более обширную территорию Сибири. В статистическую обработку вошло 1737 анкет, и 553 из них корреспонденты указали на желание своих односельчан иметь библиотеку или библиотеку-читальню, 357 раз обозначено стремление завести в селении кинематограф, 287 раз – устраивать народные спектакли, 255 – обучаться музыке и пению, 282 раза – иметь народный дом, 114 – открыть школу». Как видим, на первом месте стоят культурно-досуговые приоритеты, развитие школьной сети оказалось на последнем месте. Авторы констатируют факт «отрицательного отношения значительной части крестьян к обучению детей в школе»².

---

¹ Хроника художественной жизни Томска. 1909–1919 гг.: К 90-летию Томского общества любителей художеств (По материалам газеты «Сибирская жизнь»). Томск, 2000. С. 94–95, 102, 107–108.

² Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013. С. 48, 52.

Старик крестьянин. 1916 (картина кисти Сергея Виногорова)

Заключение

Первая мировая война 1914–1918 гг. стала существенной вехой в истории XX века, а для России – тем более, хотя до настоящего времени ее значение сводится к формированию непосредственных предпосылок социального катаклизма 1917–1920 гг. В течение двух с половиной лет после 1 августа 1914 г. страна погрузилась в клочущий котел военной повседневности, в котором интенсивные боевые действия сопровождались разрушениями, колоссальными военными издержками и человеческими потерями. Война вошла во все элементы общественного организма, оказала влияние на социально-экономические и политические процессы, а самое главное – определила ключевые компоненты психоментального состояния социума военного времени.

Существенное воздействие война оказала на Сибирь. В ходе массовой мобилизации в июле–августе 1914 г. в армию призвали не менее 250 тыс. местных жителей. Всего же к началу 1917 г. военную форму надело не менее 1 млн сибиряков (из 10,1 млн жителей региона) или примерно каждый второй трудоспособный мужчина. При общем патриотическом подъеме, мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, сопровождаемые разгромами волостных правлений, винных лавок, избиением должностных лиц крестьянского самоуправления и т. д. Волнения стали возможными благодаря воздействию комплекса причин: просчетам и непрофессионализму управленческих структур, массовому характеру мобилизации, негативному отношению населения к воинской повинности, устойчивой традиции «пьяных» проводов призывников.

В ходе массовой мобилизации июля–августа 1914 г. в Омском, Иркутском, Приамурском военных округах Азиатской России развернули 55 сибирских стрелковых полков, сведенных в 11 сибирских стрелковых дивизий. Кроме того, уже во время войны сформировали еще 11 (12–22-я) сибирских стрелковых дивизий четырехполкового состава и Сводную Сибирскую стрелковую дивизию. Летом–осенью 1914 г. на базе кадровых частей и мобилизованных резервистов в регионе развертываются 7 Сибирских армейских корпусов и отдельно от них 11-я Сибирская стрелковая дивизия. На фронт в их составе отправилось 357 тыс. чел. Кроме того, Сибирское казачье войско выставило 9 конных полков (свыше 16 тыс. чел.), а Забайкальское казачье войско – 8 конных полков (свыше 12 тыс. чел.). В

сибирских формированиях начального периода войны сибиряки, по всей видимости, преобладали. Их доля уменьшалась в ходе военных действий, хотя и была достаточно внушительной.

Сибирские соединения воевали на всех фронтах Первой мировой войны, участвовали в обороне Варшавы, в тяжелейших боях под польским городом Прасныш, в Белоруссии, Прибалтике, на Кавказе, в Брусиловском прорыве и т. д. В ходе боевых действий воины-сибиряки проявили мужество и героизм. Однако, в силу целого комплекса причин (хронический дефицит боеприпасов, низкая по сравнению с противником обеспеченность вооружением, некомпетентность высшего командного состава, слабая подготовленность младшего командного состава из числа офицеров военного времени) боевые действия сопровождались колоссальными потерями личного состава. Так, в наступательной операции у озера Нарочь в марте 1916 г. части 2-й армии Западного фронта, в состав которой входили два сибирских армейских корпуса, потеряли 30,3 % от первоначального состава. «Из этого числа 12 000 было обмороженных и замерзших. В момент прекращения мартовского наступления 5000 трупов было снято с германских проволочных заграждений»¹. Основная причина провала операции заключалась в плохой организации наступления в условиях распутицы и бездорожья; атаки немецких позиций предпринимались на узком фронте значительными массами, которые уничтожались перекрестным пулеметным огнем противника.

«Анализ боевых действий 2-й русской армии Западного фронта позволяет сделать вывод, что более решительные и искусные действия русского командования привели бы не только к успешному окончанию этого наступления, но, возможно, к последующему общему разгрому всего немецкого Восточного фронта», – заключает В. Ю. Гаврин². Тем не менее, ко всей русской армии рассматриваемого времени, в том числе и к сибирским ее формированиям, можно отнести суждение о ее состоянии генерала, впоследствии одного из руководителей белого движения, А. И. Деникина: «Я не склонен идеализировать нашу армию. Но когда фарисеи – вожди русской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, они лгут. Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначения и комплектования высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ... Каков народ, такова и армия. И как бы то ни было, старая русская армия, страдающая

---

¹ Гаврин Д. А. 2-я русская армия в боях у озера Нарочь в марте 1916 года // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 87.

² Там же. С. 89.

пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами, и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны, дралась безропотно почти 3 года, часто шла с голыми руками против убийственной техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение, и своей обильной кровью искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои»¹.

Среди призванных в сибирские запасные батальоны (полки) в 1914–1917 гг. новобранцев и ратников ополчения абсолютно преобладали малограмотные и неграмотные наполовину женатые, наполовину холостые (в зависимости от возраста) русские, православные крестьяне в возрасте 19–30 лет, занимавшиеся в основном сельским хозяйством. Можно предположить, что часть хлебопашцев, по терминологии того времени, подрабатывала чернорабочими, плотниками, сапожниками, столярами и т. д. Но вот такие профессии, как приказчик, торговец, псаломщик, штукатур, слесарь, маляр, каменотес, кочегар, стекольщик и т. д. требовали высокого уровня профессиональной подготовки и необходимости постоянно трудиться по избранной специальности. Но таких было мало, 1–2 чел. на партию призванных.

Подготовка пополнения для действующей армии осуществлялась в запасных частях Омского и Иркутского военных округов, под расквартирование которых использовались, помимо казарменного фонда военных городков, общественные здания сибирских городов. Дефицит площадей усугублялся низким уровнем бытовой культуры военнослужащих, слабой требовательностью командного состава. Ахиллесовой пятой прибывающих на фронт новобранцев была обувь. Подготовка пополнения осуществлялась в рамках жесткого и напряженного распорядка в ротах и учебных командах. По окончании подготовки личный состав распределялся в маршевые роты по 250 чел. Срок подготовки колебался от 4 до 20 недель в зависимости от образования, национальной принадлежности, знания русского языка, места проживания (деревня, город). В учебных командах готовили ефрейторов и унтер-офицеров. Помимо этой учебы, основанием для производства являлось также наличие у нижнего чина хотя бы элементарного образования. Поскольку даже элементарно грамотных среди призывников из сибирских деревень и городов было мало, в войсках постоянно испытывался дефицит ефрейторов и унтер-офицеров. Данное обстоятельство заставляло командование выдвигать на должности даже взводных командиров более-менее расторопных рядовых.

Подготовка новобранцев в запасных частях сибирских военных округов в рассматриваемое время осуществлялась унтер-офицерами и фельдфебелями постоянного состава под руководством офицеров, подавляющую часть которых составляли прапорщики из числа офицеров военного времени, окончившие военно-учебные заведения в основном в Омске и Иркутске с

---

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1. Вып. 1. С. 30.

четырёхмесячным сроком обучения. Вакансии в них закрывались за счет призыва студентов, выпускников средних учебных заведений, учительских институтов, семинарий и городских училищ. Основной контингент в них составляли и фронтовики (рядовые и унтер-офицеры), хотя бы с элементарным образованием, положительно зарекомендовавшие себя в действующей армии и отличившиеся в боях. Минимальные сроки подготовки людей, которые в принципе не собирались и не должны были служить в армии, пестрота социального состава, сложный процесс адаптации к военной повседневности формировали нелицеприятный имидж офицеров военного времени. В то же время, на этих офицеров военного времени легла тяжелая задача подготовки солдат из неграмотных и малограмотных сибирских крестьян, руководство ими на фронте, где офицеры в первую очередь подвергались опасности быть убитым или раненым.

Дисциплина в запасных частях находилась в пределах армейской повседневности. Факты опровергают сложившийся историографический стереотип о негативном отношении к войне призванных в армию сибиряков и массовых их протестных акциях во время пребывания в запасных полках и по пути на фронт. Подобные случаи вплоть до весны 1917 г. носили единичный характер и были типичными для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности, включая советскую и современную российскую. Массовое дезертирство, а не самовольные отлучки, начались после Февральской революции в 1917 г. Пополнение, подготовленное в сибирских запасных частях в среднем за 6–9 недель обучения, относилось, по неприятным оценкам фронтовиков при приемке в действующей армии, к категории «твердых троечников», но их последующая судьба во многом зависела от тех первоначальных азов солдатского ремесла, которые они получили в Сибири.

Экономика Азиатской России во время войны сохраняла аграрно-индустриальную направленность. Увеличивается производство продукции, необходимой для армии, в то же время сокращаются объемы переработки сельскохозяйственного сырья. Определенную роль в наращивании военного производства сыграли возникшие в 1915 г. военно-промышленные комитеты. Однако их вклад в военные поставки был незначительным из-за отсутствия в регионе крупных промышленных предприятий, из-за немногочисленности занятых в промышленном производстве рабочих, из-за нехватки сырья. Недостаток рабочих рук частично восполнялся за счет привлечения в производство военнопленных, беженцев, реквизируемых «инородцев». Увеличивается доля женского и детского труда, ухудшается уровень жизни пролетариев.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для аграрной сферы региона из-за призыва трудоспособных мужчин, реквизиции лошадей, резкого сокращения переселенческого движения. Посевные площади в рассматриваемое время несколько увеличились, но резко снизились среднегодовые темпы прироста. поголовье продуктивного скота

увеличивалось, но в 1917 г. произошло его существенное сокращение. Из-за недостатка рабочих рук стали меньше заготавливать кормов, ухудшилось ветеринарное обеспечение. Значительно сократилось производство сливочного масла. Заготовки хлеба, мяса, масла осуществлялись специально созданными органами и кооперативными объединениями, но они сдерживались незначительным количеством складских помещений. Усиливается социальная дифференциация сибирской деревни.

Широкомасштабное вовлечение Азиатской России в вооруженный конфликт 1914–1918 гг. во многом стало возможным благодаря строительству и усилению провозной способности Транссибирской железнодорожной магистрали. Характерной чертой развития железнодорожной сети региона в рассматриваемое время стало строительство на частные средства ответвлений от Транссиба (Алтайской, Кулундинской, Кольчугинской, Минусинской железных дорог). При росте объемов железнодорожных перевозок, сократились перевозки на водном транспорте. С началом военных действий актуализировался вопрос о введении порто-франко в устьях Оби и Енисея, но организовать постоянное торговое судоходство по Карскому морю не удалось. Препятствовала реализации этого проекта не только правительственная политика, слабое обустройство трассы, зачаточное состояние ледокольного флота, но, прежде всего отсутствие в Сибири экспортных товаров. Топливный кризис становится постоянным фактором сибирской военной повседневности.

Еще одной составляющей войны явился рост цен на основные потребительские товары и возникновение дефицитов, прежде всего в связи с существенным сокращением ввоза в регион из Европейской России и из-за границы. Правительство, местные органы государственного управления в лице губернаторов и городских самоуправлений пытались регулировать потребительский рынок. Торгово-посредническая деятельность стала одним из самых насущных направлений работы местных властей. Использовались любые возможности для расширения продовольственных операций. Поскольку решить эту задачу не удалось, неизбежным стало появление карточек (нормированной торговли по твердым ценам в городах). В первые месяцы войны прекращается продажа спиртных напитков. Но данная акция не приводит к истреблению пьянства, и с 1915 г. фиксируется массовый всплеск самогонарения в сельской местности и в городах. Серьезную помощь в преодолении снабженческого дефицита оказывала кооперация. В 1915 – начале 1917 гг. наблюдается поступательный рост торговых оборотов и прибылей потребительских обществ, усиливается производственная деятельность кооперативов.

Колоссальные масштабы боевых действий, с миллионами вовлеченных в глобальный вооруженный конфликт, обусловили появление большого количества раненых и больных. Основной региональной общественной организацией, занимавшейся ими, становится образованное в сентябре 1914 г. «Сибирское общество для подачи помощи раненым» (Сибиртет), которое

организует шесть передовых врачебно-питательных отрядов для эвакуации раненых с поля боя, оказания им первой медицинской помощи и доставки в ближайший лазарет. Вслед за Сибиртетом формированием врачебно-питательных отрядов занялись сибирские город, члены Всероссийского союза городов, создавшие к началу 1917 г. семь подобных формирований. Следующим направлением заботы о раненых стало оказание им помощи при возвращении домой в форме организации питательно-остановочных пунктов в городах и на крупных железнодорожных станциях. Для инвалидов в ряде городов региона началось строительство специальных домов.

Предпринимаются меры для увековечения памяти жертв войны. Предполагалось умерших в госпиталях, больницах и лазаретах фронтовиков хоронить на определенных кладбищах в специально отведенном месте «с сооружением на них часовен, крестов, памятников и проч., дабы такие особые братские кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенные решеткой, служили напоминанием последующим поколениям о жертвах Великой войны». Организовывались панихиды по погибшим. Так, в Иркутске 19 октября 1914 г. в Крестовоздвиженской церкви проводится панихида по умершему от ран жителю города П. И. Мезенцеву¹. Предлагались другие способы увековечения. Например, видный красноярский купец П. И. Гадалов обращается к горожанам с воззванием подготовить выпуск сборника «В память Великой войны», посвятив его подвигам солдат-земляков².

Значительных усилий потребовала организация помощи родственникам призванных, прежде всего женам и детям. Социальная поддержка в деревне имела свою специфику. Поскольку многие хозяйства поддерживались трудом женщин, подростков и стариков, сельские общества старались им помочь, собирали деньги на наем рабочей силы, организовывали «помочи» в уборочную страду. Вместе с тем, родственники призванных оказывались в тяжелом материальном положении из-за бюрократической неразберихи и длительной процедуры назначения пособия (пайка). Данное обстоятельство порождало недовольство, перераставшее в открытые протестные акции в отдельных городах (Новониколаевск, Мариинск, Бийск, Томск, Красноярск и т. д.).

Следствием войны стало появление за Уралом беженцев, выселенцев, интернированных и военнопленных. Положение последних в силу комплекса причин отличалось полуголодным содержанием из-за разворовывания части продовольственного пайка, низкого качества приготавливаемой пищи, физических наказаний, перерастающих в истязания, издевательства охраны и лагерной администрации, разворовывания средств, выделяемых в качестве пособия, ужасных условий и низкого уровня медицинского обслуживания. Во всех концентрационных лагерях использовался труд их обитателей, они

---

¹ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 14.

² Киселев Л. В. Гадаловы. Новосибирск, 2012. С. 82.

задействовались на различных работах вне лагерей, прежде всего – работах сельскохозяйственных.

Существенную группу прибывших не по своей воле в Сибирь в рассматриваемое время в Сибирь составили беженцы. Из-за недостатка жилья в городах местные власти пытались направить их трудоспособную часть на сельскохозяйственные работы, но в деревне закреплялось незначительное количество. Беженцы дали мощный импульс к созданию и развитию национально-благотворительных и культурно-просветительных объединений во всех крупных городах Азиатской России.

Первая мировая война оказала существенное воздействие на положение и повседневную жизнь аборигенных и пришлых этносов, а также национальных диаспор. Прежде всего изменения затронули сибирских немцев. Политика властей по отношению к ним свелась к принятию и не всегда последовательной реализации комплекса мер, получивших название «борьба с немецким засильем» и направленных на ущемление и ликвидацию имущественных прав, а также этнокультурной самобытности выходцев из Германии, независимо от их подданства. Существенным фактором в нагнетании антинемецких настроений стало распространение слухов о появлении в регионе на пространстве от Кургана до Иркутска немецких аэропланов.

Имели место случаи публичного выражения верноподданнических чувств со стороны отдельных национальных общественных объединений и групп населения (татары, евреи, поляки, буряты). Большое воздействие на положение дел в этой сфере имело высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». Процедура принудительно-возмездного изъятия у населения во время войны лошадей, мяса, масла распространялась и на людей. Для исполнения повеления в Красноярске, Киренске, Иркутске, Верхнеудинске и Чите организовали специальные сборные пункты для аборигенов. Предпринятую акцию большая часть их восприняла негативно. Мобилизованные буряты, в частности, работали на реконструкции Архангельского порта, в тылу Северного и Западного фронтов. Привлеченные к работам внутри региона большей частью разбежались. В Степном крае реквизиция привела к массовому вооруженному выступлению, сопровождавшемуся разграблением хозяйств крестьян-переселенцев и массовым бегством кочевников в Китай.

Официальная трактовка Первой мировой войны как Второй Отечественной (после 1812 г.) в начальный период боевых действий была поддержана населением региона. Однако в длительной перспективе властям не удалось сформулировать «идеологической доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать общество на длительный период крайнего напряжения

сил»¹. Роль своеобразной пропагандистской матрицы выполняла формула «Самодержавие, православие, отечество». Уже в ходе войны в ее пропагандистском обеспечении ставка делается на формирование у обывателя имиджа немцев как тевтонских варваров, врагов культуры и славян. Проявлением патриотических настроений явилась благотворительная помощь армии со стороны многочисленных общественных организаций и частных лиц. Помимо предпринимателей основной вклад в фонд армии вносили небогатые горожане и крестьяне. Большой объем военной благотворительности осуществляли местные епархии Русской православной церкви, их приходы и духовенство. В регионе проводились целенаправленные акции по сбору подарков для фронтовиков, поддержанию связей с воинскими частями, ушедшими на фронт из тех или иных городов или в которых служили земляки. В 1916 г. поток благотворительных средств резко сокращается.

Начало военных действий вызвало широкий общественный резонанс. Большое значение в рассматриваемое время имели слухи, в том числе намеренно распространяемые властями. Неизмеримо возросла во время войны роль периодической печати. Важная роль в пропаганде отводилась кинематографу. Власти быстро осознали значение этого проявления массовой культуры и активно использовали его. Перелом в настроениях и социальных ожиданиях сибирских крестьян во многом обуславливался ухудшением их материального положения, особенно семей фронтовиков. Ситуация усугубилась ростом цен на продукты и товары первой необходимости. На этом фоне происходит девальвация патриархальных представлений крестьян в отношении императора Николая II. С началом войны скачкообразно возрастает число случаев публичного оскорбления монарха и всей правящей династии. Применительно к горожанам Азиатской России следует отметить формирование оппозиционных настроений и усиление популярности социалистических идей в марксистской и неонароднической парадигмах. Интеллигентские круги поддержали правительство в начавшейся войне, но они рассматривали ее как своеобразный рубеж в истории России.

Война способствовала ускорению процесса эмансипации российских женщин, трансформации их в самостоятельный субъект экономических и социальных отношений. В городах солдатки при минимальной помощи извне (паек) вовлекались в производственную деятельность. Дефицит мужчин способствовал выдвижению их на низшие делопроизводственные, технические и управленческие должности в органах государственного управления и общественного самоуправления. С другой стороны, они демонстрировали проявления девиантного поведения, провоцируя и принимая активное участие в разного рода протестных акциях. Лишь небольшая часть горожанок эволюционирует в новый социокультурный тип эмансипированной

---

¹ Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 59.

женщины из народа. В деревне крестьянки активно включаются в производственные процессы, ранее осуществлявшимися мужиками. Возрастает их общественная активность.

Вступление России в Первую мировую войну встретило массовую поддержку со стороны учащейся молодежи региона (студенты томских вузов, семинаристы, учащиеся старших классов гимназий и реальных училищ). Но уже в 1915 г. патриотические настроения заметно ослабли. Призыв студентов в армию с целью подготовки офицеров военного времени усилил протестные настроения. Что касается учащихся средней школы, то их движение приобрело преимущественно благотворительную направленность: изготовление подарков для фронтовиков, сбор теплых вещей, участие в работе трудовых дружин в деревне.

В политической сфере происходит обвальное снижение активности радикальных формирований (социал-демократы, эсеры, анархисты). Систематические репрессии, спад рабочего движения, теоретический разброд привели к полному разгрому социал-демократического движения в Сибири накануне Первой мировой войны. По мере ухудшения ситуации, формирования общеполитического кризиса с конца 1915 г. ситуация начинает меняться. Основной упор эсдеки делали на работу среди рабочих, проведение забастовок, создание профсоюзных и кооперативных объединений. Последовательно местные социал-демократы и политические ссыльные выступали против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. С 1915 г. возобновляется их работа в войсках.

У социалистов-революционеров с началом войны усилилось стремление к легальной деятельности и контактам с социал-демократами. Эсеры в 1916 г. Мариинске воссоздают «Сибирский союз социалистов-революционеров». Касаясь кадрового потенциала местных организаций РСДРП и ПСР, можно утверждать о достаточно сложной ее стратификации и преобладании молодежи с достаточно высоким уровнем образования. Вместе с тем представители партийной элиты (профессиональные революционеры) являлись выходцами практически из всех сословий и социальных групп.

Сибирские либералы выступили в поддержку правительства после начала войны. Местные кадеты приняли участие в создании и деятельности военно-промышленных комитетов, организации Сибиртета. Основные усилия либералы и сибирские областники в рассматриваемое время сосредоточили на вопросе о введении земства в регионе. Имели место прямые обращения к верховной власти по земскому вопросу. В связи с публикацией мемуаров Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь» (1913–1916 гг.) в периодике развернулась полемика между социал-демократами М. К. Ветошкиным, В. Н. Соколовым, Н. Ф. Чужаком, Н. А. Рожковым, В. Е. Воложаниным с областниками и их союзниками относительно перспектив сибирского областничества и его концептов. Марксисты квалифицировали его как реакционное течение, выражающее интересы местной буржуазии. В защиту движения выступили В. И. Анучин, Л. И. Шумиловский, Е. Е. Колосов,

М. Б. Шатилов и др. К полемике подключился и автор «Воспоминаний», пояснивший, что гарантией от использования областнических лозунгов буржуазией является создание организации, «посредством которой местное население могло бы собственными силами защищаться как против внешней эксплуатации, так и против внутренних эксплуататоров. Дать народным массам провинции политическое образование, сделать их способными к тому, чтобы они могли сами защищать свои интересы, это в данном случае лучшее средство, чем та опека из прекрасного далека, которую нам сулит г. Ветошкин. Когда мы будем надеяться на собственные силы, это будет вернее»¹.

Война обострила кризис черносотенного движения. Вместо традиционной ориентации на союз с консервативными монархиями Германии и Австро-Венгрии, правым пришлось призывать к победе над «тевтонской и мадьярской расами». Произошло обвальное сокращение правых объединений.

Активность представителей основных российских политических партий, политических ссыльных и сибирских областников во второй половине 1914 – начале 1917 гг. обуславливалась ходом боевых действий, неспособностью властей эффективно решать военные вопросы и консолидировать общество, позицией «общественных сил», воспитанных на концептах либеральной западноевропейской мысли, страстным желанием народников, неонародников и марксистов всех оттенков «взорвать» существующий строй. Применительно к Азиатской России региональными факторами в области общественно-политической жизни стали: массовое переселение, породившее масштабное противостояние новоселов, старожилов и аборигенов; формирование национальных элит, выдвигание ими программ защиты национально-культурной самобытности и противодействие переводу на оседлость; рост численности городского населения, размывание в его среде сословных устоев, его «окрестьянивание», в том числе за счет военнослужащих; ведущая роль интеллигенции и средних городских слоев в общественно-политической жизни, их слабая политическая дифференциация; значительное воздействие на общественные процессы политических ссыльных; активизации деятельности общественных формирований (муниципалитеты, экономические, благотворительные).

Участие России в Первой мировой войне привело к существенной коррекции в повседневной работе неполитических общественных организаций, которые переключились с культурно-просветительной деятельности на решение военно-организационных и хозяйственных вопросов. В сравнительно небольших населенных пунктах просветительские общественные объединения становятся центрами интеграции местной интеллигенции и политических ссыльных. Ахиллесовой пятой общественных объединений как элементов гражданского общества в 1914–1916 гг. являлся кадровый дефицит.

---

¹ Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 211.

Начавшаяся в августе 1914 г. война существенно повлияла на повседневную жизнь всех конфессий. Православные, католики, лютеране, старообрядцы, мусульмане, иудеи, буддисты в массе своей выступили в поддержку правительства и активно включились в организацию помощи фронтовикам, их семьям, беженцам. Принципиально новым моментом в деятельности православного духовенства стало религиозно-патриотическое воспитание военнослужащих запасных частей. Структуры и приходы РПЦ в Сибири занимались моральной поддержкой населения, оказывали помощь раненым воинам, участвовали в сборе средств на военные нужды, помогали беженцам.

Вместе с тем подспудно происходили процессы, усугубившие кризис РПЦ. Отдельные епархии сотрясали скандалы, связанные с их иерархами. В Тобольске притчей во языцах стал ставленник Г. Распутина епископ Варнава. Изнурительную войну последовательно с несколькими губернаторами Енисейской губернии вел епископ Никон. Практически прекратилась миссионерская деятельность по обращению в православие старообрядцев и язычников. Отчасти это было связано с обращением в православие подавляющего большинства «инородцев», хотя во многих случаях оно оставалось формальным. Например, «инородцы Тобольского севера официально считаются православными христианами, – свидетельствовал А. А. Дунин-Горкавич; – в действительности же они только числятся таковыми. Правда, многие из инородцев имеют на шее крест, вешают в своих юртах иконы, но этим и исчерпывается вся их связь с христианской религией. По крайней мере, крещеный инородец, не покидая своих богов, переносит на новую религию свои прежние языческие понятия и воззрения. Вот почему религиозные взгляды инородцев представляют из себя смесь плохо привитого христианства и язычества с преобладанием последнего»¹.

На факторы военного времени наложился религиозный абсентеизм старожилов, оказавший влияние и на часть переселенцев. Не произошло скачкообразного падения религиозности в 1917–1919 гг., поскольку и в предшествующее время местного мужика нельзя было считать набожным. Внешне же ничто не предвещало трагической развязки. Более того, во время войны практически прекратились крестьянские антицерковные выступления.

В рассматриваемый период властная «вертикаль» в Азиатской России существенно не изменилась. Об этом можно судить прежде всего по состоянию губернаторского корпуса. Генерал-губернаторы Степного края назначались из числа строевых генералов, участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., т. е. находившихся на излете военной карьеры. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев получил высшее юридическое образование и до назначения в Иркутск был начальником в четырех губерниях, в том числе в одной сибирской. На этом фоне его преемник 46-ти летний юрист А. И. Пильц

---

¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Т. 3. С. 35.

таким административным опытом не обладал, и его выдвижение можно считать случайной издержкой военного времени. Сибирские губернаторы, за отдельными исключениями, имели значительный опыт государственной службы и являлись высококвалифицированными специалистами. В рассматриваемое время не произошло выдвижения новой генерации управленцев, молодых и амбициозных. Те, кто был, действовали в пределах компетенций, определенных законом, и выйти за их рамки даже не пытались.

В повседневной управленческой практике губернаторы опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений, сохранявший достаточно высокий уровень профессионализма. Что касается уездного управленческого звена, то здесь прослеживалась тенденция ухудшения кадрового состава чиновников, появление генерации управленцев, перекочевавшей в советский управленческий аппарат. Существенно возросла нагрузка на полицейские органы на базе общего всплеска преступности и хулиганства.

С началом военных действий возросла роль органов городского общественного самоуправления. Они занимались, помимо основной деятельности, расквартированием войск, размещением беженцев и пленных, приемом и организацией лечения раненых, помощью семьям призванных в армию, ценовым регулированием, закупками продовольствия, введением и поддержанием нормированной торговли (карточки) и т. д. При этом, несмотря на существенное увеличение обязанностей, городские управы состояли из нескольких человек. Поэтому для организации текущей работы управы крупных городов региона имели многочисленный штат технического персонала. Отдельные функции муниципалитетов не были четко прописаны в нормативных актах, что создавало дополнительные трудности.

По социальному составу ведущие позиции в органах городского самоуправления рассматриваемого периода занимали купцы и мещане. По своим функциям они становятся проводниками государственной политики. В силу данного обстоятельства в муниципальных органах начинается формирование нового типа отечественной бюрократии, параллельно традиционной. Ее отличительными признаками становится: служение народу (обществу, а не императору); ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Одним из важных последствий войны стало повышение роли городских самоуправлений в социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири. Возможность чаще собираться на разного рода совещания привела к повышению политической активности муниципалитетов и проявлению оппозиционности. В Кургане, Тюмени, Новониколаевске городские думы высказались за кардинальную реформу городского самоуправления и введение земства в Сибири. Самодержавие рассматривало муниципальные образования как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. Во время войны, имея

четкое представление о необходимости мобилизации экономических усилий, государство не располагало соответствующим аппаратом управления для этого, и, поэтому, возложило их осуществление на органы городского общественного управления, хотя последние проявляли в этой области собственную инициативу. В сложившейся ситуации происходит усложнение функций и увеличение численности управленческих структур городских управ. Таким образом, в рассматриваемое время началось сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время.

На уровне функционеров крестьянского общественного самоуправления (сельские и волостные старосты, сборщики налогов, писари и т. д.) усиливается тенденция к замещению их путем выборов, но на постоянной основе. Разрастается структура сельской управленческой номенклатуры за счет появления новых должностей. Выполнение управленческих функций начинает осуществляться не на общественных началах одновременно с основной трудовой деятельностью (хлебопашество, извоз, промыслы и т. д.), а становится самостоятельным способом обеспечения индивида и его семьи материальными благами. Другими словами – происходит бюрократизация низового уровня крестьянского самоуправления и трансформация его в часть общей системы государственного управления. Раньше крестьяне в массе своей старались под разными предлогами уклониться от выполнения общественно-управленческих повинностей. В условиях развития товарно-денежных отношений в деревне стимулом для замещения управленческих должностей становится материальная заинтересованность, т. е. получение постоянного и более высокого денежного эквивалента дохода от крестьянского хозяйства. Питательной средой для формирования этой корпорации управленцев стал маргинальный слой фронтовиков и бывших красных партизан (как правило, тех же фронтовиков).

Хотя кооперация не относилась к органам управления, тем не менее в рассматриваемый период она начинает рассматриваться как важный инструмент для переустройства общества. В кооперацию старались привлечь как можно больше крестьян, используя ее как средство предотвращения их расслоения и для пропаганды земского самоуправления. Война поставила ее в принципиально новые условия взаимоотношения с властью. Последняя делегировала ей монопольные права в распределении продовольствия и товаров первой необходимости, а также в заготовке сельскохозяйственной продукции. Общества потребителей фактически осуществляли распределительные функции муниципальных продовольственных органов (комиссий, отделов). По мере роста дефицита распределительные функции потребительских кооперативов усиливались. Военная повседневность выявила очевидную потребность кардинального пересмотра нормативных актов, регулирующих деятельность кооперативов. Ее руководители, недовольные затягиванием решения проблемы, приблизительно с 1916 г. занимают оппозиционную по отношению к существующей власти позиции. Несмотря на относительную

немногочисленность, политические ссыльные во второй половине 1914 – 1916 гг. активно внедряются в кооперацию.

Не произошло существенных подвижек в образовательной сфере региона в изучаемый период. Прослеживалась устойчивая тенденция к сокращению событий в культурно-досуговой системе, обусловленная кардинальным перераспределением финансовых потоков, а также уменьшением численности активной части городского социума, оказавшегося в армии. Война заметно повысила интерес сибирского крестьянства к просвещению, культуре, печатному слову. При активном участии и поддержке кооперативов развертывается строительство народных домов, которые одновременно выполняли функции клуба, осуществляли просветительскую деятельность, проводили досуговые мероприятия. Определилась структура региональной киносети. Непременным атрибутом среды обитания городской интеллигенции Азиатской России в рассматриваемое время являлось ее активное участие в деятельности местных общественных собраний и их разновидностей – коммерческих, железнодорожных, офицерских клубов и собраний, народных домов. Происходил процесс размывания сословной принадлежности их постоянных членов, усиление досуговых функций. Не случайно к 1917 г. наибольшую активность проявляли не общественные собрания, а коммерческие клубы. Таким образом, во время войны в форме проведения досуга сибиряков происходят значительные изменения. Быстро развивалась культурно-досуговая среда в городах, и в основе этого процесса лежало распространение европеизированных форм развлечений, развитие массовой культуры, формирование городского образа жизни.

Таким образом, Первая мировая война усилила модернизационные процессы прежде всего не в экономике, как это было в предшествующие периоды, а в области социально-политических отношений. Происходила интенсивная вертикальная мобилизация, усиленная миграционной подвижностью населения, ее наиболее активной части – мужчин в возрасте 19–30 лет. Война на истощение поддерживалась за счет мобилизации ресурсов, прежде всего людских. Перелом в общественных настроениях наступил во второй половине 1916 г. Российское общество, в том числе на региональном уровне, надломилось после вступления в военные действия и разгрома Румынии, что потребовало создания еще одного фронта и переброски в образовавшуюся «дыру» значительных воинских контингентов. Локальные сообщества, в том числе Азиатская Россия, в ситуации системного кризиса были обречены на кардинальную трансформацию основополагающих структур и принципов функционирования, и они уже начались в рассматриваемое время.

Сложившуюся ситуацию правильно, на мой взгляд, оценил И. Г. Яковенко. «Избежать революции можно было, – заключает он, – лишь срочно заключив сепаратный мир с Германией. Однако из этого события (не говоря о внешних) вытекали веером неумолимые внутренние последствия: ссора с союзными державами, широкая земельная реформа, отказ от самодержавия, переход от унитарной модели к федеративному устройству страны. Все это было

абсолютно неприемлемо как для "общественности" (модернизированных городских слоев), так и для правящей элиты. Крестьяне, пришедшие с войны, неизбежно потребовали бы землю. Национальные окраины – федеративного устройства. Большое общество – упразднения сословий. Ко всему прочему, правитель, проигравший войну, в России автоматически лишается легитимности. Оставалось воевать и воевать, надеясь на чудо. Чуда не случилось»¹.

---

¹ Яковенко И. Кризис адекватности // Вестник Европы XXI век, 2012. Т. 33. С. 13.

Список сокращений

ГАКК	– Государственный архив Красноярского края
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАНИИО	– Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАЧО	– Государственный архив Читинской области
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства

Научное издание

Шиловский Михаил Викторович
Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь

Ответственный редактор:
д.и.н. Зиновьев Василий Павлович

Подбор иллюстраций,
оформление обложки, редактора,
корректора и верстка: А.К. Кириллов

Подписано в печати: 01.08.2015 г.
Формат бумаги: 70 x 100 1/16. Гарнитура: Times New Roman
Усл. печ. л.: 27,5. Уч.-изд.л.: 18,6. Тираж: 300 экз.

Издательство «Автограф»
Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
Тел. 8 (383) 330-26-98